

Том 46, № 3
Сентябрь 2019

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1995 г.

Журнал включен в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (07.00.00 – исторические науки и археология, 23.00.00 – политология). Журнал зарегистрирован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ)

Учредитель

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Издатель

НИУ «БелГУ»

Издательский дом «Белгород»

Адрес редакции, издателя, типографии:
308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-73515 от 31 августа 2018 г.

Выходит 4 раза в год.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ ЖУРНАЛА

Главный редактор серии

О.Н. Полухин, ректор НИУ «БелГУ»,
доктор политических наук, профессор

Ведущий редактор

В.А. Шаповалов, проректор по качеству и
дополнительному образованию НИУ «БелГУ»,
доктор исторических наук, профессор

Заместители главного редактора:

Н.Н. Болгов, заведующий кафедрой всеобщей
истории Педагогического института
НИУ «БелГУ», доктор исторических наук,
профессор

И.Т. Шатохин, заместитель директора по
научной работе и международной деятельности
Педагогического института НИУ «БелГУ»,
кандидат исторических наук, доцент

Л.С. Половнева, доцент кафедры
русской истории и документоведения
НИУ «БелГУ», кандидат политических наук

Ответственный секретарь

И.Г. Оноприенко, доцент кафедры русской
истории и документоведения Педагогического
института НИУ «БелГУ», кандидат
исторических наук, доцент

Члены редколлегии:

М.Г. Абрамзон, доктор исторических наук,
профессор (Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова)

А.Ж. Арутюнян, доктор исторических наук,
профессор (Ереванский государственный
университет, Армения)

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Белгородского государственного университета

История. Политология

Belgorod State University
Scientific Bulletin

History. Political Science

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Кочергин С.С. Феномен «святости»: от первобытных истоков к древним евреям	399
Болгов Н.Н., Болгова А.М. Город Пафос на Кипре в римское время	412
Усков Г.В. Экономические отношения между городами и берберскими племенами в римской Северной Африке эпохи Антонинов	420
Стржалковская А.Д. Происхождение, переводы, издания и значение сочинения Оригена «О началах»	426
Зайцева Е.С. «In omnibus Deo bene placentes»: экономические стратегии поведения сенаторов-христиан IV–V вв.	431
Вилкова С.М. Сцена казни бургомистра Ганса Вальдмана в иллюстрациях швейцарских хроник (кон. XV – XVI вв.): опыт сравнительного анализа	443
Могаричев К.Ю. Договор СССР с Агро-Джойнтом (1924 г.) в контексте мифологемы о «Крымской Калифорнии»	452
Морозов С.В. Польский вопрос – вчера, сегодня... завтра?	462

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Пенской В.В. Московский пожар 1547 г. и его политические последствия: опыт реинтерпретации	479
Копылова Е.А. «Правила Святых Апостол, Святых Соборов Вселенских и Поместных и Святых Отец с толкованиями»: история издания	490
Кнященко А.А. Клевета и оскорбление в отражении представлений о чести и достоинстве российского дворянства конца XVIII – начала XX вв.	499
Гудов Д.С. Трансформация социальных отношений представителей дворянства и купечества в пореформенный период в контексте социально- психологического ракурса	507
Меньшикова Е.Н. «Мне в жизни не на кого было надеяться, не перед кем “нежиться”»: женщины-железнодорожницы в условиях размывания традиционных гендерных ролей в деле материального обеспечения семьи в конце 1960-х – 1980-х гг.	516

С. Аглаич, доктор политических наук
(Белградский государственный университет,
Сербия)

А.В. Глухова, доктор политических наук,
профессор (Воронежский государственный
университет)

А.В. Головнев, доктор исторических наук,
член-корреспондент РАН, директор Музея
антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) Российской академии наук

М. Казански, доктор истории (Центр изучения
византийской цивилизации, Париж, Франция)

А.В. Коробков, доктор политологии
(Университет штата Теннесси, США)

К.Н. Лобанов, доктор политических наук
(Белгородский юридический институт
МВД России)

Е.А. Молев, доктор исторических наук,
профессор (Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского)

С.И. Посохов, доктор исторических наук,
профессор (Харьковский национальный
университет им. В.Н. Каразина, Украина)

И.М. Пушкарева, доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник (Институт
российской истории Российской академии наук)

И.М. Тодоров, доктор истории, доцент
(Велико-Тырновский университет
«Св. Кирилл и Мефодия», Болгария)

Х.Р. Туманс, доктор истории (Латвийский
национальный университет, Рига, Латвия)

Гагин В.В., Шендриков Е.А. Боевые действия военно-воздушных сил 40-й армии в период проведения операции «Волна» (22 ноября – 11 декабря 1985 г.)	525
Мухина З.З., Канныкин С.В., Пивоварова Л.Н. Тридцать лет из истории научного направления в отечественной историографии (к юбилею доктора исторических наук, профессора Натали Львовны Пушкиревой)	535
Валькова О.А. Гендерная история науки в России. Начало	544
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ	
Нелаева Г.А. Культурная политика Венгрии: между Европой и Азией	555
Фролов В.В. Литовский национализм и положение русских в Литовской республике в постсоветский период	564
Каминченко Д.И. Информационная повестка дня современных сетевых СМИ: политический аспект	576
Ливцов В.А., Жилин К.С. Государственная политика в сфере социальной защиты семьи: концептуальные основы и проблемы реализации	585
Сведения об авторах	593

Выпускающий редактор *Л.П. Котенко*
Корректура, компьютерная верстка *А.Н. Оберемок*

Редактор англоязычных текстов
Е.В. Литовченко
Оригинал-макет *И.Г. Оноприенко*
E-mail: опорienko@bsu.edu.ru

Подписано в печать 11.09.2019
Формат 60×84/8
Гарнитура Times New Roman, Impact
Усл. п. л. 25,0
Заказ 213
Цена свободная
Тираж 1000 экз.
Дата выхода 30.09.2019

Подписной индекс в Объединенном
каталоге «Пресса России» – 18078

Оригинал-макет подготовлен
и тиражирован в издательском доме
«Белгород»
Адрес издателя и издательства:
308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Founded in 1995

The journal is included into the List of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of dissertations for obtaining scientific degrees of a candidate and doctor of science should be published (07.00.00 - historical sciences and archeology, 23.00.00 - political science). The journal is introduced in Russian Science Citation Index (РИИЦ).

Founder

Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod State National Research University»

Publisher

Belgorod State National Research University
Belgorod Publishing House
Address of editorial office, publisher,
letterpress plant: 85 Pobeda St., Belgorod,
308015, Russia

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor)

Mass media registration certificate
ПН № ФС 77-73515 dd 31.08.2018

Publication frequency: 4 /year

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL SERIES

Editor-in-Chief of the Series

O.N. Poluhin, rector, doctor of political sciences, professor (Belgorod State National Research University)

Commissioning Editor

V.A. Shapovalov, vice-rector on quality and supplementary education, doctor of historical sciences, professor (Belgorod State National Research University)

Deputies of Editor-in-Chief:

N.N. Bolgov, world history department chair, doctor of historical sciences, professor (Belgorod National Research University)

I.T. Shatohin, professor of the russian history and records management department, candidate of historical sciences, professor (Belgorod National Research University)

L.S. Polovneva, associate professor of the russian history and records management department, candidate of political sciences (Belgorod National Research University)

Editorial Assistant

I.G. Onoprienko, associate professor of the russian history and records management department, candidate of historical sciences (Belgorod National Research University)

Members of Editorial Board:

M.G. Abramzon, doctor of historical sciences, professor (Nosov Magnitogorsk State Technical University)

A.Zh. Arutyunyan, doctor of historical sciences, professor (Yerevan State University, Armenia)

S. Atlagich, doctor of political sciences (Belgrade State University, Serbia)

CONTENTS

TOPICAL ISSUES OF WORLD HISTORY

Kochergin S.S.

The phenomenon of «holiness»: from primeval sources to ancient Jews 399

Bolgov N.N., Bolgova A.M.

The city of Paphos in Cyprus in Roman times 412

Uskov G.V.

Economic relations between the cities and Berber tribes in the roman North Africa of the era of the Antonines 420

Strzhalkovskaya A.D.

Origin, translates, editions, and value of Origen's work «On the principles» 426

Zaitseva E.S.

«In omnibus Deo bene placentes»: economic behavior strategies of Christian senators of the 4th – 5th centuries 431

Vilkova S.M.

Scene of the capital punishment of Hans Waldman in illustrations of Swiss chronicles (XV–XVI). Experience of comparative analysis 443

Mogarichev K.Yu. Agreement between the USSR and Agro-Joint (1924) in context of myth of «Crimean California» 452

Morozov S.V.

A polish question, yesterday, today... tomorrow? 462

TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

Penskoy V.V.

The moscow fire of 1547 and its political consequences: the experience of reinterpretation 479

Kopylova E.A.

«The Apostolic Canons, the Rules of the Ecumenical and Local Councils and Holy Fathers with interpretations»: publication experience 490

Kiyashchenko A.A.

Slander and insult in reflecting the representations of the honor and dignity of the Russian nobility at the end of the XVIII – the beginning of the XX centuries 499

Gudov D.C.

Transformation of nobles and merchants' relations during the post-reform period in socio-psychological context 507

Menshikova E.N.

«I won't back on anyone in my life, there was no one to "laze" myself to»: women-railways under conditions of washing out traditional gender roles in the material support of the family in the end of the 1960s – 1980s. 516

A.V. Glukhova, doctor of political sciences, professor (Voronezh State University)

A.V. Golovnev, doctor of historical sciences; corresponding member of Russian Academy of sciences; Director of the Museum of anthropology and Ethnography. Peter the Great (Kunstammer) Russian Academy of Sciences

M. Kazanski, PhD in history (Center for History and Civilization of Byzantium, Paris, France)

A.V. Korobkov, PhD in political science (Middle Tennessee State University, the USA)

K.N. Lobanov, doctor of political sciences, associate professor (Belgorod Juridical Institute of Ministry of Home Affairs of Russia)

E.A. Molev, doctor of historical sciences, professor (Nizhniy Novgorod State University after N.I. Lobachevskiy)

S.I. Posokhov, doctor of historical sciences, professor (Kharkov National University after V.N. Karazin, Ukraine)

I.M. Pushkareva, doctor of historical sciences, leading scientific worker (Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences)

I.M. Todorov, PhD in history, associate professor (Velikotyrnovo University «St. Cyril and Methodius», Bulgaria)

H.R. Tumans, PhD in history (Latvian National University, Riga, Latvia)

Gagin V.V., Shendrikov E.A. Military operations of the 40th army air force during the operation «Wave» (22 November – 11 December 1985)	525
Mukhina Z.Z., Kannykin S.V., Pivovarova L.N. Thirty years from the history of scientific direction in domestic historiography (to the anniversary of Doctor of Historical Sciences, Professor Natalia Lvovna Pushkareva)	535
Valkova O.A. Gender studies for the history of science in Russia. Beginning	544
TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE	
Nelaeva G.A. Hungarian cultural policy: between East and West	555
Frolov V.V. Lithuanian nationalism and the situation of the Russians in the Lithuanian Republic during the post-Soviet period	564
Kaminchenko D.I. Agenda of modern network Media: political aspect	576
Livcov V.A., Zhilin K.S. State policy in the field of social protection of the family: conceptual framework and problems of implementation	585
Information about Authors	593

Commissioning Editor *L.P. Kotenko*
Proofreading, computer imposition *A.N. Oberemok*

English text editor *E.V. Litovchenko*
Page layout: *I.G. Onoprienko*
e-mail: onoprienko@bsu.edu.ru

Passed for printing 11.09.2019
Format 60×84/8
Typeface Times New Roman, Impact
Printer's sheets 25,0
Order 213
Price free
Circulation 1000 copies
Date of publishing: 30.09.2019

Subscription reference in The Russian Press
common catalogue – 18078

Dummy layout is replicated at Publishing
House «Belgorod», Belgorod State National
Research University
Address: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015,
Russia

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ TOPICAL ISSUES OF WORLD HISTORY

УДК 94 (354, 394.5)

DOI 10.18413/2075-4458-2019-46-3-399-411

ФЕНОМЕН «СВЯТОСТИ»: ОТ ПЕРВОБЫТНЫХ ИСТОКОВ К ДРЕВНИМ ЕВРЕЯМ

THE PHENOMENON OF «HOLINESS»: FROM PRIMEVAL SOURCES TO ANCIENT JEWS

С.С. Кочергин
S.S. Kochergin

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого,
Россия, 300026, г. Тула, просп. Ленина, 125

Tula State Leo Tolstoy Pedagogical University,
125 Lenin Avenue, Tula, 300026, Russia

E-mail: sovaminervi@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена малоизученной проблеме истоков феномена «святости» в культуре и языке древних ближневосточных цивилизаций. По мнению автора, генезис явления надо связывать с развитием культов плодородия, начиная с археологических культур XI–X тыс. до н. э. Рассматривая шумеро-аккадскую терминологию ku₃/qdš/ellu, аналоги в угаритском и финикийском языках, обозначая связи с древнееврейским, автор выстраивает линию культурно-языковой преемственности с преимущественным вниманием к истории происхождения евреев и их религиозных верований. Также уделяется отдельное внимание анализу феномена сакрализации сексуальных отношений в сочетании с культурами плодородия, в ходе которого обнаруживается связь с исследуемым явлением.

Abstract

The article is devoted to the ancient origins of the concept of «Holiness» in the Middle East region. The author relates the genesis of this phenomenon with emergence and development of cults of fertility since XI–X Millennium BC from Natufian, Jericho, Yarmukian, Ghassulian and several other archeological cultures. In the sequel Sumerian «ku₃» terminology, which introduces into kingdom of divinity, is considered. Further the meaning of Akkadian words, is considered based on the root qdš/ellu, which is focused on «holiness-purity». After that, similar words from the Canaanite languages (Ugaritic and Phoenician) are listed, also Phoenician Pyrgi tablets are mentioned. The relation with the Hebrew language is only indicated. The author builds the idea of cultural and linguistic continuity, focusing on the history of the genesis of the Jewish nation and their religion, the pagan Canaanite cults of Baal, El, Astarte, Anat and further to Yahweh. Among other things, the overview of the phenomenon of sacred sexual rites in relation with fertility cults is given, which also discovers a connection with the concept of «holiness» under study.

Ключевые слова: святость, шумеры, аккадцы, ханаанеи, Угарит, евреи, язычество, сакральный секс.

Key words: holiness, Sumer, Akkad, Canaan, Ugarit, the Jews, paganism, sacred sex.

Исторический контекст исследуемого вопроса в первую очередь связан с историей различных групп населения восточносредиземноморского и прилегающих регионов, собственно семитских предков еврейского народа, самих евреев и, конечно, их религиозных верований.

В социальном, культурном и лингвистическом отношении сиро-палестинский регион, где и происходил генезис рассматриваемого феномена, длительное время сохранял носительную внутреннюю преемственность. С XI–X тысячелетий до н. э. здесь сменялись одна за другой различные культуры, начиная с натуфийской [Мерперт, 2000, с. 51–62], вероятно, созданной первыми носителями афразийских языков (куда входят и семитские), и, видимо, именно этот район был центром расселения семитов по Аравийскому полуострову (Южная Аравия и арабы), Восточному Средиземноморью (западные семиты) и Месопотамии (аккадцы) [История Востока, 2002, с. 129]. Здесь кажется возможным связать возникновение протопластов понятия «святость» с ритуальным взаимодействием неолитического человека с растительным миром. По А.Б. Зубову [1997, с. 100–101] и Н.Я. Мерперту [2000, с. 56–60], в натуфийской культуре диких злаков можно увидеть предпосылки начала их культивации, возрастание интереса человека к зерну и взаимодействия со злаками в религиозной сфере. Зерновые ямы в святилищах, зернотерки и песты в виде человеческих фигур, связь зерна и орудий для работы с ним с погребальными ритуалами указывают на то, что именно сакральный фактор ритуального взаимодействия с растительным миром определил принципиальные изменения в хозяйстве. Собирая злаки, растирая зерна (как символ смерти и возрождения) в муку, приготавливая из нее хлеба и вкушая их, древние люди соединяли себя с родом своих отцов через стихию все принимающей и возрождающей земли. В это же доземледельческое время, видимо, начинает складываться культ богини-матери как богини плодородия, явившийся основой более позднему поклонению Изиде, Кибеле, Деметре, Танит, Астарте и др. [Мень, 1991, с. 20]. Появляются антропоморфные (на смену зооморфным) женские статуэтки с подчеркнутыми признаками пола, свидетельствующие о зарождении культа, широко распространенного вплоть до возникновения мужского монотеизма Израиля.

За натуфийской последовали культура Иерихона, Ярмукская и другие культуры керамического неолита, а также гхассульский феномен [Мерперт, 2000, с. 63–114]. Развитие культа плодородия богини-матери в их рамках продолжилось. Заметим, что у древних народов культ плодородия являлся важнейшим и преобладающим как носящий экзистенциальный для человека и общества характер.

Ранний бронзовый век (конец IV–III тыс. до н. э.) ознаменовался развитием широких связей Палестины с Сирией, Восточной Анатолией, Египтом и Месопотамией. Эблаиты, шумеры, аккадцы, амореи были участниками миграционных и культурных процессов в это время. Ведущим в Месопотамии на протяжении III тыс. до н. э. было Шумерское, а позже Шумеро-аккадское государство [История Востока, 2002, с. 45–66, 129–132; Деопик, 2009, с. 122–145; Всемирная история, 2011, с. 63–67].

В лингвистическом отношении наиболее древним термином, соотносящимся с понятием «святость», был распространенный в языке шумерских текстов эпитет *ku₃* (*kug*, *kù*) («святой»), относящийся к вопросам, связанным со сферой божественного, священного, вызывающего благоговение [Naude, 1999, p. 173; Halloran, 2006, p. 25]. Святыми называют богов, и, что весьма интересно, преимущественно Инанну (*[k]u₃-^dInanna-ra*) [Hallo, Dijk, 1968, p. 24] (*Šulgi X 22*) [Klein, 1981, p. 136], богиню плодородия и любви. Из других богов: Лугальбанда (*Šulgi D 42*) [Klein, 1981, p. 74], Гатумдуг (*Gudea Cyl A XX 17*)¹. Либо называют святыми части тела божеств («святая рука» Нингирсу (*Gudea Cyl B VI 25*), «святое сердце» богини Бабы, дочери Ану (*Gudea Statue E I 18–20*) [Seux, 1967, p. 435]. Святыми могут являться (по сути связанные с божеством): храм (*Gudea Cyl A XXVII 8*, *Gudea Cyl B XVII 16*; *CT XXXVI, 28–30 line 11* [Cuneiform Texts, 1921]) и его части («адитум»,

¹ Здесь и далее ссылки на тексты цилиндров Гудеа даны по ETCSL [Black et al., 2016].

абзу, внутреннее пространство и интерьер) (UET VI/1 103, 105, 106)¹; храмовая утварь (Ershemma № 159 [Cohen, 1981, p. 103–105]; Gudea Cyl A XXV 15–16, Gudea Cyl A V 5–7, Gudea Cyl A XVIII 10, 23); культовый праздник²; священные песнопения (Gudea Cyl B IV 6), молитвы (Gudea Cyl A XXVIII 18); животное, символизирующее божество, например, олень (Gudea Cyl A XXIV 21), змей (Gudea Cyl A XXVII 1), вода (Sk 193, rev. 1–3 [Falkenstein, 1931, p. 60]; VAS XVII 28:27 [Van Dijk J.A. 1971]), освящение людей в церемонии *šu-luh* (UET VI/1 10), связанной с переходом от внешнего мира к святому миру «адитума» [Wilson, 1994, p. 36–38]. В одном из случаев состояние «святости» устанавливается в качестве прерогативы самих священников (*Šurpu*, tablet I, line 4)³, но никогда иных служащих в храмах. Оно означает возможность участия в делах, относящихся к сфере божественного [Wilson, 1994, p. 32]. В итоге можно предположить, что святым (священным) оказывалось то, что связано с отправлением культа плодородия. А поскольку это должно было носить повсеместный характер, то и использование самого термина, скорее всего, не было чем-то необычным или редким. По замечанию Э. Уилсона [Wilson, 1994, p. 91], шумерское «святое» в содержании сопоставляется с еврейским, но проследить какую-либо прямую генетическую связь невозможно. Кажется также, что терминология для аналогичных явлений (отсылающих к культу плодородия) у аккадцев, культура которых стала позже доминирующей, могла бы отсылать к шумерскому значению *ku3*, и сильное аккадо-шумерское взаимовлияние, с одной стороны, указывает на это, но, с другой стороны, вызывает дополнительные сложности в установлении какой-либо причинно-следственной связи.

После кризиса конца III тыс. до н. э. наступившие XX–XIX вв. характеризуются движением западносемитских племен вдоль региона «плодородного полумесяца», и в том числе началом распространения в Палестине крупной семитоязычной группы ханаанеев, занимавших земледельческие районы, строивших города и оставшихся проживать бок о бок с местными кочевниками амореями. Эта общность сохранялась до последней четверти II тыс. до н. э. [Мерперт, 2000, с. 162–163].

В XVIII–XVI вв. происходят события, связанные с наступлением гиксосов, хеттов, касситов, оказавших влияние на культуру региона [Деопик, 2009, с. 146–155; Всемирная история, 2011, с. 200–201]. В это же время здесь был распространен древнейший семитский язык – аккадский, являющийся единственным представителем восточной ветви семитской языковой семьи [Языки мира, 2009, с. 113]. С середины III тыс. до н. э. шумеры постоянно контактировали с семитоязычными аккадцами и, несомненно, многое передали им, прежде всего, клинопись как систему фиксации текстов на шумерском языке, генетические корни которого остаются невыясненными [Языки мира, 2010, с. 21–22]. Аккадский язык находился под сильным влиянием шумерского до рубежа III–II тыс. до н. э. Вероятно, существовал даже шумеро-аккадский языковой ареал [Языки мира, 2009, с. 122]. Дело еще осложняется тем, что шумерский язык исследуется на основе аккадского, почти полностью заменившего первый с начала II тыс. до н. э.

Итак, в аккадских текстах встречается термин, происходящий от семитского корня «кодеш» (*qdš, kdsh*) [Davidson, 1904, p. 144; The Dictionary, 2011, p. 196], встречающегося в основном в ветхозаветных текстах и традиционно ассоциируемого с понятием «святость». Это глагол *qadāšu (quddušu)*, имеющий значение «чистить», «очищать» [Toorn et al., 1999, p. 415; Botterweck et al., 2003, p. 523–524], «посвящать», «освящать» (CAD XIII, 46)⁴. На уровне, не связанном с отправлением религиозного культа, речь идет, например, о самоочищении (BBR No. 58:2, № 1–20:29 [Zimmern, 1901]), о свободе от примесей (в случае металлов) или о юридической свободе [Naude, 1999, p. 175]. На уровне ритуальной речь идет, например, об очищении изображений божеств («*qu-ud-duš*» Naboro-

¹ Здесь и далее UET соответствует [Gadd, Kramer, 1963].

² См. N.2289 - No. 20 on plate 18 по [Langdon, 1914, p. 44–45], перевод [Wilson, 1994, p. 33].

³ Здесь и далее *Šurpu* соответствует [Reiner, 1958].

⁴ Здесь и далее CAD XIII соответствует [The Assyrian Dictionary..., 1982], CAD IV [The Assyrian Dictionary..., 1958].

lassar Nr. 2 I15 [Langdon, Zehnpfund, 1912, 64]), о ритуальной очистке глины [Borger, 1973, p. 178], посвящении чего-либо божеству (Šurru, II, line 76), свободе от злых духов [Naude, 1999, p. 175]. Таким образом, здесь мы имеем несколько иной лингвистический диапазон, нежели для шумерского *ku3*. И со сферой божественного он связан либо через физическую чистоту культового назначения, либо через отсутствие сверхъестественных влияний [Bettentzoli, 1979, p. 26–27; Naude, 1999, p. 174–175].

Божественному, таким образом, сопутствует святое как очищенное, подготовленное к участию в общении с божеством. При более глубоком анализе мы можем обнаружить и еще один феномен, связанный непосредственно с культом плодородия. В аккадской терминологии, связанной с *qđš*, в ряде текстов, например, в 181-м параграфе законов Хаммурапи (1750-е гг. до н. э.)¹ встречается термин *qadištu* (*qadiltu*, *qadissu*, *qadištum*). Традиционное значение «кадиштум» – иеродула [Липин, 1957, с. 15] (жрица, для которой проституция – священная, культовая обязанность). Сакрализация секса как явление действительно имела определенное распространение в языческих культах древнего мира, где творению и плодородию сопутствовали половые отношения. У шумеров считалось, что плодородие земли зависит от природной силы, действующей на благо человечества – сексуального акта. Например, в ритуале «священного брака» между царем, олицетворявшим бога Думузи, и женщиной-жрицей, олицетворявшей богиню Инанну (семитская Иштар, Астарта) [Davidson, 2007, p. 85–90]. Вполне вероятно, что культовое повторение таких действий на различных социальных и политических уровнях общества могло быть важным, а может быть и необходимым условием дальнейшего его существования, воспроизведения и развития. Очерчивая границы «святости» и отделяя произвол в этой сфере от действительно необходимых и оправданных действий, можно упомянуть, что, по мнению М. Сильвера [2006], культовая проституция в значительной степени могла представлять собой бизнес под властью священства, его сакрализация была намеренно усилена путем мифотворческой составляющей, когда секс, по сути, пропагандировался через создание и распространение новых легендарных сюжетов. Несмотря на то, что иеродулия имела место на Ближнем Востоке, включая и Египет, воспринявший соответствующие азиатские культы, факт принадлежности «кадиштум» к этой профессии пока вызывает некоторые сомнения (тем более, что есть и другие названия, тоже не вполне ясные, отсылающие к сакрализованному сексу, например, *ḥarimtu* [Lau, 2016]). Правильным кажется утверждение, что *qadištu* – это тип жрицы неясного назначения [Хрестоматия, 1980, p. 177], о которой известно, что она могла владеть имуществом [Хрестоматия, 1980, p. 167], выйти замуж (YOS 8, 125) [Faust, 1941] и иметь детей (VAS 8, 92) [Vorderasiatische..., 1909], служить кормилицей, быть служителем Адада и Ануниту, упоминается вместе с акушеркой («^{sal}sa-ab-su-tu ù ^{sal}qa-di-il-tu» *Satzung 1 – Aššuruballit I*) [Weidner, 1956, p. 268], в целом как-то связана с рождаемостью и родами (CAD XIII, 50). Фигурирует в связи с этой областью и у шумеров («*qadištu*», «*a nugig*» [The Pennsylvania..., 2006]). Аналогичная позиция аргументирована и в монографии С. Будин [2008, p. 23–25]. Также, согласно ассирийскому чикагскому словарю, *qadšutu* (*qadšuttu*) означает «статус (класс) жреца», который может быть присвоен, например, человеку со статусом «колесничего» (CAD XIII, 50), *qašdatu* – «жрица» (CAD XIII, 146), *qaššatu* – «посвященная женщина» (CAD XIII, 147). Имеется перевод *qadištu* в качестве прилагательного «святая» (CAD XIII, 146, м. р. «*qašdu*»): «святые боги» (CT XLII 32:13) [Cuneiform Texts, 1959], «святые обряды» (...*qa-áš-du-u-te...*) [Borger, 1956, p. 24], «святая пища» (...*qa-áš-du-u-ti...*) [Scheil, 1913, p. 202], «святая река Евлей» («^{id}ú-la-a-a qa-diš-tu» *Gilg. VIII, i18*)².

В связи с последним значением кажется целесообразным упомянуть, что для обозначения понятия «святой» использовался также аккадский термин *ellu* (*elletu*). Например, И.М. Дьяконов в комментариях к переводу «Эпоса о Гильгамеше» для фрагмента «*el-le-tu*

¹ Русский перевод [Хрестоматия, 1980, с. 167].

² Здесь и далее ссылки на эпос по [The standart...].

[pu]-rat-tum» (Gilg. VIII, i19) дает перевод «светлый (священный) Евфрат» [Эпос о Гильгамеше, 2006, с. 183]. В целом же значение слова частично пересекается с qadāšu, указывая также на чистоту культовую и профанную для предметов и животных, на культовый статус конкретного лица, на сакральность богов, правителей, жрецов и их деятельности, на личную и правовую свободу, благородство (CAD IV, 102–104). В первую очередь, обозначается чистота, а во вторую – святость, при этом qadāšu более архаично и употребляется реже ellu [Toorn, 1985, p. 27–29].

Очевидные параллели для исследуемого явления обнаруживаются в культурах более поздних общностей. Группу близкородственных языков древних жителей Финикии, Палестины, Заиордания (т. н. язык амарнских писем, в т. ч. древнееврейский) принято называть ханаанейскими языками, а первые косвенные свидетельства о них восходят к середине II тыс. до н. э. В амарнских письмах из Ханаана используется специфический метод кодирования ханаанейской речи с помощью аккадских корневых [Языки мира, 2009, с. 239–244]. Чрезвычайно близкий к ивриту древнейшего корпуса Библии угаритский язык [Ahituv, 2008, p. 249–252] является условным названием для языка группы документов (начиная с XIV в. до н. э.) из города-государства Угарит (Рас-Шамра) и, видимо, диалектом ханаанейского [Языки мира, 2009, с. 205]. В угаритском корень qdš используется в словах qidšu («святое место», «храмовое строение», т. е. места в области божественного, священного пространства) [Naude, 1999, p. 175] и qad(i)šu («священный дар», «служитель культа») [Toorn et al., 1999, p. 415]. В некоторых угаритских текстах это эпитет божества, например, боги именуются «сыновьями святости» и «святыми» (bn qdš: KTU 1.2 i 20f, i 37f, 1.17i 2f, i 6–8. i 12f, i 21f)¹, а в «Легенде о Керети» главный герой назван «сыном Эла, потомком великодушного и святого» (qdš: KTU 1.16i 10f, i 20–22), причем упомянутые эпитеты почти всегда сопутствуют только Элу [Pope, 1955, p. 44]. «Святыми» называются также определенные атрибуты угаритских богов (но не сами боги), например, голос Баала [Bettanzoli, 1979, p. 34]. И Баал, и Эл символизируют плодородие [Шифман, 1987, с. 159]. По У. Олбрайту [Albright, 1968, p. 121–122], термин qidšu («святость») был ханаанейским названием богини Астарты. Также qdš использовался в качестве эпитета «божественный» как для Астраты, так и для угаритской Ашерат [Day, 1986, p. 389]. Голландский исследователь К. Ван дер Торн [Toorn et al., 1999, p. 415] указывает, что эпитет qdš угаритского пантеона лингвистически мужского рода, однако qdš, встречающийся среди египетских теонимов, имеет отношение к женскому божеству, хотя, возможно, «святость» – абстрактно безлична [Dahood, 1966, p. 176]. Здесь, на основе египетских источников, предполагается с большой долей вероятности, что название qdš/qdš(.t) было именем для входившей в том числе в египетский пантеон самостоятельной богини Кудшу/Кедеша/Кетеш (ханаанейского происхождения, египетское развитие неизвестной сирийской модели) [Helck, 1966; Keel, Uelinger, 1998, p. 68], связанной с плодородием и изображавшейся обнаженной [Stuckey, 2007]. Египетский стиль этого божества был распространен среди украшений, терракотовых статуэток и на бронзовых рельефах в Сирии и Палестине позднего бронзового века (1550–1200 гг. до н. э.)². Интерес также представляет мнение Стива Вигинса, согласно которому одна из египетских стел, имеющая надпись сразу с тремя именами, Кедеша, Астарта и Анат, выражает собой вариант поклонения сразу трем этим ханаанейским божествам [Wiggins, 1991, p. 384–386]. Также в одной египетской надписи на каменной чаше она упоминается в одном ряду с именами Птаха, Анат и Астарты [Redford, 1973], а на одном монументе именуется «блудницей» [Yamauchi, 1973, p. 217]. Немецкий египтолог В. Хельк [Helck, 1966, p. 7–10] ассоциирует qdš с «жертвенным, священным предметом, святыней», а точнее вотивными статуэтками, служившими амулетами Астарты как богини плодородия.

¹ Здесь и далее KTU соответствует [Dietrich et al., 1976].

² Fig. 38–43 [Winter, 1983, p. 113–114].

Возвратимся к проблеме древневосточной иеродулии и ее терминологии в угаритско-ханаанейском варианте, где плодородие земли основывается на сексуальном союзе бога Баала и его сестры Анат, в результате которого земля оплодотворяется дождем (семенной жидкостью) Баала. Если в культовых местах (часто это возвышенности, в т. ч. искусственные) подражать деятельности божества в сексуальной сфере, это усилит его возможности, будет стимулировать богов и богинь поступать аналогично, что обеспечит плодородие земли, скота и семьи у людей. Здесь у древних евреев истоки профессии «священного мужчины» (qādēš) и «священной женщины» (qēdēšâ), помимо прочего, выполнявших функции ритуальных наложников и наложниц [Davidson, 2007, p. 88–89]. В KTU 1.23 (так называемое «Рождение милостивых богов») описывается такое богослужение, совершаемое, видимо, этими жрицами и жрецами любви [Pope, 1955, 35–42].

Производные qdš обнаруживаются и в более поздних текстах на финикийском языке, принадлежащем к ханаанейской подгруппе северо-западной группы семитских языков [Языки мира, 2009, с. 278]. Здесь интересна пуническая (помимо этрусской) часть надписей на золотых пластинах Пирги (ок. 500 г. до н. э.), являющаяся свидетельством о посвящении этрусского храма богине Астарте [Немировский, 2007, с. 264]. Место расположения храма названо «святым» ('šg qdš 'z, 'š p'1, ...)¹.

В XV–XII вв. до н. э. сиро-палестинские земли контролировались с переменным успехом египтянами (в ряде случаев власть переходила к хеттам), пока власть фараонов не ослабла настолько, что поселившиеся там израильтяне смогли постепенно сформировать на их территориях свое государство. В ходе этого процесса с XIII в. до н. э. в Палестину начинается вторжение скотоводческих племен заиорданских степей, отождествляемых с племенами амореев-сутиев Верхней Месопотамии, вытесненных оттуда в XVI–XIV вв. митанийскими хурритами и касситами [Снегирев, 2007, с. 169–170]. По А.А. Немировскому [2001, с. 187–188] (с которым солидарны Ю.Б. Циркин [2003, с. 108–110] и Н.Я. Мерперт [2000, с. 177–184]), это вторжение описывается в исторических преданиях Ветхого Завета и может относиться к переселению Авраама на запад в обещанные Богом земли. Племена «ибри» («перешедших» через Евфрат) – потомки Авраама, предки израильских, арабских и арамейских племен. Часть этих племен по разным причинам могла откочевать в Египет, откуда и состоялся во второй половине XIII в. библейский Исход [Всемирная история, 2011, с. 203]. На небольшой промежуток времени между переселением Авраама и Исходом указывает и Мартин Нот [Нот, 2014, с. 134–135] в переизданной работе еще середины XX в. Однако мы не можем не отметить, что проблема генезиса древнееврейского государства в Палестине в связи с библейским повествованием остается открытой, поскольку целый ряд отечественных авторов (не забывая и о таких зарубежных классиках, как У. Олбрайт [Albright, 1961] и К. Кеньон [Kenyon, 1979, p. 177]) относят сюжеты о переселении Авраама и египетском плене к более ранним временам [Снегирев, 2007, с. 190; Деопик, 2009, с. 146–171; Липовский, 2010, с. 23–96; Тантлевский, 2013, с. 16–19, 30–36]. Древнейшая форма письма у «перешедших» племен, использовавшаяся для записей на древнееврейском языке, была близка по форме к алфавитам других ханаанейских языков, и, по всей видимости, израильские племена, имея собственный «прадревнееврейский субстрат», переняли какую-то часть языка завоеванных ханаанеев (арамейское влияние проявится много позже) [Языки мира, 2009, с. 301, 308]. Конечно же, израильтяне в ходе дальнейшего заселения Палестины, описанного в Книге Иисуса Навина, Книге Судей и в 1-й Книге Царств, в значительной степени восприняли ханаанейскую и в какой-то степени филистимскую («народов моря») оседлую культуру и восстановили захваченные ими (евреями) города [Мерперт, 2000, с. 228–230].

В процессе библейских странствий евреев по пустыне в районе горы Синай (Хорев) и оазиса Кадеш-Барнеа (вероятная этимология из слов «святое место» (qādēš), «пустыня», «скитаться» [Православная энциклопедия, 2012, с. 80–83]) оформился союз племен, полу-

¹ Fig. 189 [Haarmann, 1995].

чивший по имени легендарного предка название Израиль. Важной основой этого союза стал культ бога Яхве (YHWH), с которым был заключен (восстановлен) т. н. «завет» (договор) [Циркин, 2003, с. 112]. Евреи в египетском плену почитали «бога своих отцов», но не отождествляли его с Яхве, Моисей же возродил эту религию, сделав монотеизм универсальным и общенациональным культом. В эпоху египетского рабства и ранее они, видимо, поклонялись «золотому тельцу» – ханаанейским Баалу-Сутеху и Элу [Тантлевский, 2013, с. 56–57]. Возможно, Яхве поклонялись амореи-сутии до миграции в Ханаан, где они сменили веру [Липовский, 2010, с. 152–153]. Популярна версия о том, что родина яхвизма – гора Синай, локализация которой возможна и за пределами одноименного полуострова, в северной или северо-восточной Аравии [Day, 2002, p. 15; Нот, 2014, с. 156–157], вероятно даже, в земле мадианской, где священником был тесть Моисея – Иофор (Исх. 3:1) [Blenkinsopp, 2008]. На склонах Синая Моисей впервые имел общение с Богом в сюжете о «горящем терновом кусте» (Исх. 3), и оттуда он принес этот культ египетским евреям, связав его по указанию Яхве с божествами, которым они поклонялись. В третьей главе Исхода сам Бог («el-o-heem» (Исх. 3:4–5)¹) – Элохим (мн. ч. от Эл, имея ввиду ханаанейского Эла [Липовский, 2010, с. 135]) неоднократно указывает Моисею, что он и есть Яхве («yeh-ho-vaw» (Исх. 3:15,16,18)), в синодальном переводе – «Господь». В этом случае, скорее всего, они не вполне поняли и приняли его и неоднократно отвергали, результатом чего и явилось продолжавшееся впоследствии среди израильтян поклонение языческим божествам ханаанейского происхождения. Культ Эла в дальнейшем слился с поклонением Яхве в единую религию яхвизма [Toorn et al, 1999, p. 917; Day, 2002, p. 13–26; Smith, 2002, p. 34]. Это подтверждается и тем, что в лингвистическом отношении эпитет qdš в угаритских текстах сопоставляется с именем qādōš, применяемым к Яхве в библейских текстах, что, видимо, является результатом идентификации Яхве с Элом [Toorn et al, 1999, p. 418]. Также ханаанейские культы плодородия Ашерат, Анат и Астарты (Ашторет) долгое время были распространены среди евреев, в том числе с использованием соответствующей qdš терминологии [Patai, 1990, p. 34–66].

Взаимоотношение культа Яхве с ханаанейским язычеством среди евреев имело весьма длительную историю и последствия. По всей видимости, истоки феномена, описываемого понятием «святость», лежат в возникновении начавших повсеместно складываться еще с XI тыс. до н. э. культов плодородия, посредством которых древние люди, стремясь к последнему, в том числе соединяли себя с родом своих предков, находящихся по ту сторону человеческого материального мира. Рождение и плодородие в подавляющем большинстве случаев связывается с женщиной, и производные термина «святость» применялись в первую очередь к соответствующим культам ближневосточных богинь женского пола, таким как Инанна (Иштар, Астарта), Анат, Ашторет, Кедеша (Святая). Мужское начало также присутствовало, хотя играло, судя по применению понятия, первоначально меньшую роль (у богинь были мужья-партнеры, например, Эл и Баал). Все, что относилось к сфере божественного, к миру этих богов и богинь, обладало «святостью», было священным. При соприкосновении с этим миром человек должен был пройти ритуальное освящение и физическое очищение, что являлось также необходимым условием для преодоления разрыва между двумя мирами. Важным элементом в отправлении культов плодородия в связи с исследуемым понятием было подражание деятельности божества в сексуальной сфере, обрядовые субъекты которой также должны были быть «святыми» в указанном выше понимании. Рассматривая термины для обозначения всех этих явлений в различных языках, можно с заметной долей уверенности предполагать, что, начиная с шумеро-аккадского лексикона, слова, ассоциированные с корнем qdš, заимствовались в языках более поздних общностей, в ханаанейских (угаритский, финикийский) и затем в древнееврейском языке. Заимствование происходило вместе с языческими культами, хотя

¹ Транскрипция древнееврейского дана с использованием программы «Электронная Библия». Институт перевода Библии 2017. URL: <http://ibt.org.ru/ru/pc> (accessed: 19.03.2019)

сам феномен «святости» должен был существовать независимо и как-то обозначаться. Скорее всего, древние евреи, легко переняв ханаанейские язык и веру в Эла, его сына Баала и супруга Астарты и Анат, перенесли терминологию на ставший позднее преобладающим культ Яхве, определивший также основу их политического союза.

Список литературы

1. Всемирная история: В 6 т. Т. 1: Древний мир. 2011. Отв. ред. В.А. Головина, В.И. Уколова. М., Наука, 822.
2. Деопик Д.В. 2009. Библийская археология и древнейшая история Святой Земли. М., Изд-во ПСТГУ, 396.
3. Зубов А.Б. 1997. История религий. Книга первая: Доисторические и внеисторические религии. Курс лекций. М., Планета детей, 344.
4. История Востока. В 6 т. Т. 1. Восток в древности. Отв. ред. В.А. Якобсон. М., Вост. лит. РАН, 2002.
5. Липин Л.А. 1957. Аккадский (Вавилоно-Ассирийский) язык. Вып. I. Хрестоматия с таблицами знаков. Л., Издательство Ленинградского университета, 212.
6. Липовский И.П. 2010. Библийский Израиль: история двух народов. СПб., ИЦ «Гуманитарная академия», 576.
7. Мень А.В. 1991. История религии: В поисках Пути, Истины и Жизни. В 7 т. Т. 2: Магизм и Единобожие: Религиозный путь человечества до эпохи великих Учителей. М., СП «Слово», 462.
8. Мерперт Н.Я. 2000. Очерки археологии библийских стран. М., Библийско-богословский институт св. апостола Андрея, 355.
9. Немировский А.А. 2001. У истоков древнееврейского этногенеза. Ветхозаветное предание о патриархах и этнополитическая история Ближнего Востока. М., 268.
10. Немировский А.И. 2007. Нить Ариадны. В лабиринтах археологии. М., Вече, 432.
11. Нот М. 2014. История Древнего Израйля. Пер. с нем. СПб., Дмитрий Буланин, 496.
12. Православная энциклопедия. Том XXIX. К-Каменац. Под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. М., Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2012.
13. Снегирев Р., протоиерей. 2007. Библийская археология. М., Издательство Московского Подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 576.
14. Тантлевский И.Р. 2013. История Израйля и Иудеи до 70 г. н. э. СПб., Издательство РХГА, 432.
15. Хрестоматия по истории Древнего Востока. В 2-х ч. Ч. I. Под ред. М.А. Коростовцева и др. М., Высшая школа, 1980.
16. Циркин Ю.Б. 2003. История библийских стран. М., ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 574.
17. Шифман И.Ш. 1987. Балу. В кн.: Мифы народов мира: Энцикл. в 2 т. Т. 1: А-К. Гл. ред. С.А. Токарев. 2-е изд. М., Советская энциклопедия: 159.
18. Эпос о Гильгамеше («О все выдавшем»). Пер. с акк. И.М. Дьяконова. СПб, Наука, 2006.
19. Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки. Ред. колл.: А.Г. Белова, Л.Е. Коган, С.В. Лёзов, О.И. Романова. М., Academia, 2009.
20. Языки мира: Древние реликтовые языки Передней Азии. Под. ред. Н.Н. Казанского, А.А. Кибрика, Ю.Б. Корякова. М., Academia, 2010.
21. Ahituv S. 2008. Echoes from the Past: Hebrew and Cognate Inscriptions from the Biblical Period. Jerusalem, Carta, 512.
22. Albright W.F. 1961. Abram the Hebrew: A New Archaeological Interpretation. BASOR. No. 163: 36–54.
23. Albright W.F. 1968. Yahweh and the Gods of Canaan: A Historical Analysis of Two Contrasting Faiths. London, University of London, Arthlone Press, 250.
24. Bettensoli G. 1979. Geist der Heiligkeit. Traditionsgeschichtliche Untersuchung des QDŠ-Begriffes im Buch Ezeziel. Florence, University of Florence, 254.
25. Black J., Flückiger-Hawker E., Zolyomi G. 2016. The Electronic Text Corpus of Sumerian Literature. URL: <http://etcsl.orinst.ox.ac.uk> (accessed: 19.03.2019).
26. Blenkinsopp J. 2008. The Midianite-Kenite Hypothesis Revisited and the Origins of Judah. Journal for the Study of the Old Testament, 33(2): 131–153.
27. Borger R. 1956. Die Inschriften Asarhaddons, Konig von Assyrien (=AfO Beih. 9). Graz, 133.

28. Borger R. 1973. Tonmännchen und Puppen. *Bibliotheca Orientalis*, 30: 176–183.
29. Botterweck G.J., Ringgren H., Fabry H.-J. 2003. *Theological Dictionary of the Old Testament*. Vol. XII. Grand Rapids, Wm. B. Eerdmans Publishing, 612.
30. Budin S.L. 2008. *The Myth of Sacred Prostitution in Antiquity*. New York, Cambridge University Press, 2008, 366.
31. Cohen M.E. 1981. Sumerian Hymnology: The Eršemma (HUCA Suppl. 2). Cincinnati, 217.
32. *Cuneiform Texts from Babylonian Tablets in the British Museum*. Part XXXVI, London, 1921.
33. *Cuneiform Texts from Babylonian Tablets in the British Museum*. Part XLII, London, 1959.
34. Dahood M.J. 1966. *Psalms I, 1-50 (Anchor Bible Series, Vol. 16)*. Garden City, N.Y., Doubleday & Co, 378.
35. Davidson A.B. 1904. *The Theology of the Old Testament*. New York, Charles Scribner's Sons, 553.
36. Davidson R. 2007. *Flame of Yahweh: Sexuality in the Old Testament*. Peabody, Hendrickson Publishers, 844.
37. Day J. 1986. Asherah in the Hebrew Bible and Northwest Semitic literature. *Journal of Biblical Literature*, 105.3: 385–408.
38. Day J. 2002. *Yahweh and the Gods and Goddesses of Canaan (JSOT 265)*. Sheffield: Sheffield Academic Press, 282.
39. Dietrich M., Loretz O., Sanmartín J. 1976. *Die keilalphabetischen Texte aus Ugarit: Ein-schliesslich der keilalphabetischen Texte ausserhalb Ugarits. Teil 1 (AOAT 24/1)*. Neukirchen-Vluyn, Neukir-chener Verlag, 507.
40. Dijk J.A. van. 1971. *Nicht-kanonische Beschwörungen und sonstige literarische Texte (VAS XVII)*. Berlin, 27.
41. Falkenstein A. 1931. *Die Haupttypen der sumerischen Beschworung*. Leipzig, Hinrichs, 112.
42. Faust D.E. 1941. *Contracts from Larsa, Dated in the Reign of Rim-Sin (YOS 8)*. New Haven, Yale University Press, 127.
43. Gadd C.J., Kramer L. 1963. *Ur Excavations Texts. Vol. VI, Pt. 1: Literary and Religious Texts*, London, 151.
44. Haarmann H. 1995. *Early Civilization and Literacy in Europe. An Inquiry Into Cultural Con-tinuity in the Mediterranean World*. Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 217.
45. Hallo W.W., Dijk J.A. van. 1968. *The Exaltation of Inanna*. New Haven; London, Yale Uni-versity Press, 102.
46. Halloran J.A. 2006. *Sumerian Lexicon: A Dictionary Guide to the Ancient Sumerian Lan-guage*. Los Angeles, Logogram Pub, URL: <http://www.sumerian.org/sumerian.pdf> (accessed: 19.03.2019).
47. Helck W. 1966. Zum Auftreten fremder Götter in Ägypten. *Oriens antiquus*, 5: 1–14.
48. Keel O., Uelinger C. 1998. *Gods, Goddesses, and Images of God: in Ancient Israel*. Minne-apolis, Fortress, 466.
49. Kenyon K.M. 1979. *Archaeology in the Holy Land*. New-York, W. W. Norton & Co, 359.
50. Klein J. 1981. *Three Šulgi Hymns: Sumerian Royal Hymns Glorifying King Šulgi of Ur*. Ramat Gan, Bar Han University Press, 265.
51. Langdon S. 1914. *Historical and Religious Texts from the Temple Library at Nippur, Babylo-nian Expedition of the University of Pennsylvania, Series-A. Cuneiform Texts, Vol. XXXI*. München, 209.
52. Langdon S., Zehnpfund R. 1912. *Die neubabylonischen Koenigsinschriften (VAB 4)*. Leipzig, 376.
53. Lau D. 2016. *Prostitution in Mesopotamien*. In: *Prostitution: eine Begleiterin der Menschheit. A companion of mankind*. New York, Peter Lang: 501–517.
54. Naude J.A. 1999. *Holiness in the Dead Sea Scrolls*. In: *The Dead Sea Scrolls After Fifty Years. A Comprehensive Assessment*. vol. 2. Ed. by P.W. Flint, J.C. Vanderkam. Leiden; Boston; Köln, Brill: 171–199.
55. Patai R. 1990. *The Hebrew Goddess*. Detroit, Wayne State University Press, 368.
56. Pope M. 1955. *El in the Ugaritic Texts (SVT 2)*. Leiden, E.J. Brill, 116.
57. Redford D.B. 1973. New light on the Asiatic campaigning of Moremheb. *BASOR*, 211: 36–49.
58. Reiner E. 1958. *Surpu: A Collection of Sumerian and Akkadian Incantations (AfO Beiheft 11)*. Graz, Im Selbstverlage des Herausgebers, 67.
59. Scheil V. 1913. *Inscriptions des derniers rois d'Assyrie*. *Revue d'Assyriologie et d'archéologie orientale*. Vol. 10, No. 4: 197–205.

60. Seux M.J. 1967. *Epithetes royales akkadiennes et sumeriennes*. Paris, Letouzey et Ané, 487.
61. Silver M. 2006. Temple/Sacred Prostitution in Ancient Mesopotamia Revisited. *Ugarit-Forschungen*, 38: 631–663.
62. Smith M.S. 2002. *The Early History of God. Yahweh and the other deities in Ancient Israel*. Second edition. Grand Rapids, Wm. B. Eerdmans Publishing Co., 289.
63. Stuckey J. 2007. The «Holy One». *MatriFocus*. URL: <http://www.matrifocus.com/LAM07/spotlight.htm> (accessed: 19.03.2019).
64. *The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago*. Vol. IV / Openheim A.L., Reiner E., ed., Chicago, 1958.
65. *The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago*. Vol. XIII / Reiner E., Biggs R.D., ed., Chicago, 1982.
66. *The Dictionary of Classical Hebrew*. Vol. VII. Sheffield: Sheffield Phoenix Press, 2011.
67. *The Pennsylvania Sumerian Dictionary*, 2006. URL: <http://psd.museum.upenn.edu> (accessed: 19.03.2019).
68. *The Standard Babylonian Epic of Gilgamesh (SOAS)*. URL: <http://www.soas.ac.uk/gilgamesh/standard/file39596.pdf> (accessed: 19.03.2019).
69. Toorn K. van der. 1985. Sin and Sanction in Israel and Mesopotamia. A Comparative Study (SSN 22). Assen/Maastricht, Van Gorcum, 252.
70. Toorn K. van der, Horst P. W. van der, Becking B. 1999. *Dictionary of Deities and Demons in the Bible*. Leiden, Boston, Köln, Brill, 960.
71. *Vorderasiatische Schriftdenkmaler der Koniglichen Museen zu Berlin*. Heft VIII. Leipzig, J.C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1909.
72. Weidner E. 1956. Orientalistik Hof- und Harems-Erlasse assyrischer Könige aus dem 2. Jahrtausend v. Chr. *Archiv für Orientforschung*, Bd. 52: 257–293.
73. Wiggins S.A. 1991. The Myth of Asherah: Lion Lady and Serpent Goddess. *Ugarit-forschungen*, 23: 383–394.
74. Wilson E.J., 1994. «Holiness» and «purity» in Mesopotamia (AOAT 237). *Neukirchen-Vluyn*, 136.
75. Winter U. 1983. Frau und Göttin: Exegetische und ikonographische Studien zum weiblichen Gottesbild im Alten Israel und in dessen Umwelt (OBO 53). Fribourg, Göttingen, Universitätsverlag, Vandenhoeck & Ruprecht, 748.
76. Yamauchi E. M. 1973. Cultic Prostitution: a Case Study in Cultural Diffusion. In: *Orient and Occident: Essays Presented to Cyrus H. Gordon / edit. H. Hoffner (AOAT 22)*. Kevelaer, Butzon & Bercker: 213–222.
77. Zimmern H. 1901. Beiträge zur Kenntnis der babylonischen Religion. Die Beschwörungstafeln Surpu, Ritualtafeln für Wahrsager, Beschwörer und Sänger. Leipzig, 412.

References

1. *Vsemirnaya istoriya [The World History]: V 6 t. T. 1: Drevniy mir [Ancient world]*. 2011. Otv. red. V.A. Golovina, V.I. Ukolova. Moscow, Nauka, 822.
2. Deopik D.V. 2009. *Bibleyskaya arkheologiya i drevneyshaya istoriya Svyatoy Zemli [Biblical archeology and ancient history of the Holy Land]*. Moscow, Izd-vo PSTGU, 396.
3. Zubov A.B. 1997. *Istoriya religiy. Kniga pervaya: Doistoricheskie i vneistoricheskie religii. Kurs lektsiy [The history of religions. Book One: Prehistoric and extra-historical religions. Lecture course]*. Moscow, Planeta detey, 344.
4. *Istoriya Vostoka [History of the East]*. V 6 t. T.1. *Vostok v drevnosti [East in antiquity]*. Otv. red V.A. Yakobson. Moscow, Vost. lit. RAN, 2002.
5. Lipin L.A. 1957. *Akkadskiy (Vavilono-Assiriyskiy) yazyk. Vyp. I. Khrestomatiya s tablitsami znakov [Akkadian (Babylonian-Assyrian) language. Issue I. Reader with character tables]*. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 212.
6. Lipovskiy I.P. 2010. *Bibleyskiy Izrail': istoriya dvukh narodov [Biblical Israel: the history of two nations]*. Saint-Petersburg, ITs «Gumanitarnaya akademiya», 576.
7. Men' A.V. 1991. *Istoriya religii: V poiskakh Puti, Istiny i Zhizni [History of Religion: In Search of the Path, Truth and Life]*. V 7 t. T. 2: *Magizm i Edinobozhie: Religioznyy put' chelovechestva do epokhi velikikh Uchiteley [Magism and Monotheism: The Religious Path of Humanity to the Age of the Great Teachers]*. Moscow, SP «Slovo», 462.

8. Merpert N.Ya. 2000. Ocherki arkheologii bibleyskikh stran [Essays on the archeology of biblical countries]. Moscow, Bibleysko-bogoslovskiy institut sv. apostola Andreyana, 355.
9. Nemirovskiy A.A. 2001. U istokov drevneevreyskogo etnogeneza. Vetkhozavetnoe predanie o patriarkhakh i etnopoliticheskaya istoriya Blizhnego Vostoka [At the root of the Hebrew ethnogenesis. Old Testament Tradition of the Patriarchs and the Ethnopolitical History of the Middle East]. Moscow, 268.
10. Nemirovskiy A.I. 2007. Nit' Ariadny. V labirintakh arkheologii [Ariadne's thread. In the maze of archeology]. Moscow, Veche, 432.
11. Not M. 2014. Istoriya Drevnego Izrailya [History of Ancient Israel]. Per. s nem. Saint-Petersburg, Dmitriy Bulanin, 496.
12. Pravoslavnaya entsiklopediya [Orthodox encyclopedia]. Tom XXIX. K-Kamenats. Pod redaktsiyey Patriarkha Moskovskogo i vseya Rusi Kirilla. Moscow, Tserkovno-nauchnyy tsentr «Pravoslavnaya entsiklopediya», 2012.
13. Snegirev R., protoierey. 2007. Bibleyskaya arkheologiya [Biblical archeology]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo Podvor'ya Svyato-Troitskoy Sergievoy Lavry, 576.
14. Tantlevskiy I.R. 2013. Istoriya Izrailya i Iudei do 70 g. n. e. [The history of Israel and Judea before 70 AD]. Saint-Petersburg, Izdatel'stvo RKhGA, 432.
15. Khrestomatiya po istorii Drevnego Vostoka [Readings on the history of the Ancient East]. V 2-kh ch. Ch. I. Pod red. M.A. Korostovtseva i dr. Moscow, Vysshaya shkola, 1980.
16. Tsirkin Yu.B. 2003. Istoriya bibleyskikh stran [History of biblical countries]. Moscow, OOO «Izdatel'stvo Astrel»: OOO «Izdatel'stvo AST»: OOO «Tranzitkniga», 574.
17. Shifman I. Sh. 1987. Balu [Balu]. V kn.: Mify narodov mira: Entsikl [Myths of the world: the Encyclopedia]. v 2 t. T. 1: A–K. Gl. red. S.A. Tokarev. 2-e izd. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya: 159.
18. Epos o Gilgameshe («O vse vidavshem») [Epic of Gilgamesh («About all who saw»)]. Per. s akk. I.M. D'yakonova. Saint-Petersburg, Nauka, 2006.
19. Yazyki mira: Semitskie yazyki. Akkadskiy yazyk. Severozapadnosemitskie yazyki [Languages of the world: Semitic languages. Akkadian language. Northwest Semitic Languages]. Red. koll.: A.G. Belova, L.E. Kogan, S.V. Lezov, O.I. Romanova. Moscow, Academia, 2009.
20. Yazyki mira: Drevnie reliktovye yazyki Peredney Azii [World Languages: Ancient Relic Languages of Asia Minor]. Pod. red. N.N. Kazanskogo, A.A. Kibrika, Yu.B. Koryakova. Moscow, Academia, 2010.
21. Ahituv S. 2008. Echoes from the Past: Hebrew and Cognate Inscriptions from the Biblical Period. Jerusalem, Carta, 512.
22. Albright W.F. 1961. Abram the Hebrew: A New Archaeological Interpretation. BASOR. № 163: 36–54.
23. Albright W.F. 1968. Yahweh and the Gods of Canaan: A Historical Analysis of Two Contrasting Faiths. London, University of London, Arthlone Press, 250.
24. Bettenzoli G. 1979. Geist der Heiligkeit. Traditionsgeschichtliche Untersuchung des QDŠ-Begriffes im Buch Ezekiel. Florence, University of Florence, 254.
25. Black J., Flückiger-Hawker E., Zolyomi G. 2016. The Electronic Text Corpus of Sumerian Literature. URL: <http://etcsl.orinst.ox.ac.uk> (accessed: 19.03.2019).
26. Blenkinsopp J. 2008. The Midianite-Kenite Hypothesis Revisited and the Origins of Judah. Journal for the Study of the Old Testament, 33(2): 131–153.
27. Borger R. 1956. Die Inschriften Asarhaddons, Königs von Assyrien (=AfO Beih. 9). Graz, 133.
28. Borger R. 1973. Tonmännchen und Puppen. Bibliotheca Orientalis, 30: 176–183.
29. Botterweck G.J., Ringgren H., Fabry H.-J. 2003. Theological Dictionary of the Old Testament. Vol. XII. Grand Rapids, Wm. B. Eerdmans Publishing, 612.
30. Budin S.L. 2008. The Myth of Sacred Prostitution in Antiquity. New York, Cambridge University Press, 2008, 366.
31. Cohen M.E. 1981. Sumerian Hymnology: The Eršemma (HUCA Suppl. 2). Cincinnati, 217.
32. Cuneiform Texts from Babylonian Tablets in the British Museum. Part XXXVI, London, 1921.
33. Cuneiform Texts from Babylonian Tablets in the British Museum. Part XLII, London, 1959.
34. Dahood M.J. 1966. Psalms I, 1-50 (Anchor Bible Series, Vol. 16). Garden City, N.Y., Doubleday & Co, 378.
35. Davidson A.B. 1904. The Theology of the Old Testament. New York, Charles Scribner's Sons, 553.
36. Davidson R. 2007. Flame of Yahweh: Sexuality in the Old Testament. Peabody, Hendrickson Publishers, 844.

37. Day J. 1986. Asherah in the Hebrew Bible and Northwest Semitic literature. *Journal of Biblical Literature*, 105.3: 385–408.
38. Day J. 2002. *Yahweh and the Gods and Goddesses of Canaan (JSOT 265)*. Sheffield: Sheffield Academic Press, 282.
39. Dietrich M., Loretz O., Sanmartín J. 1976. Die keilalphabetischen Texte aus Ugarit: Einschliesslich der keilalphabetischen Texte ausserhalb Ugarits. Teil 1 (AOAT 24/1). Neukirchen-Vluyn, Neukirchener Verlag, 507.
40. Dijk J.A. van. 1971. Nicht-kanonische Beschwörungen und sonstige literarische Texte (VAS XVII). Berlin, 27.
41. Falkenstein A. 1931. Die Haupttypen der sumerischen Beschwörung. Leipzig, Hinrichs, 112.
42. Faust D.E. 1941. *Contracts from Larsa, Dated in the Reign of Rim-Sin (YOS 8)*. New Haven, Yale University Press, 127.
43. Gadd C.J., Kramer L. 1963. *Ur Excavations Texts. Vol. VI, Pt. 1: Literary and Religious Texts*, London, 151.
44. Haarmann H. 1995. *Early Civilization and Literacy in Europe. An Inquiry Into Cultural Continuity in the Mediterranean World*. Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 217.
45. Hallo W.W., Dijk J.A. van. 1968. *The Exaltation of Inanna*. New Haven; London, Yale University Press, 102.
46. Halloran J.A. 2006. *Sumerian Lexicon: A Dictionary Guide to the Ancient Sumerian Language*. Los Angeles, Logogram Pub, URL: <http://www.sumerian.org/sumerian.pdf> (accessed: 19.03.2019).
47. Helck W. 1966. Zum Auftreten fremder Götter in Ägypten. *Oriens antiquus*, 5: 1–14.
48. Keel O., Uelinger C. 1998. *Gods, Goddesses, and Images of God: in Ancient Israel*. Minneapolis, Fortress, 466.
49. Kenyon K.M. 1979. *Archaeology in the Holy Land*. New-York, W. W. Norton & Co, 359.
50. Klein J. 1981. *Three Šulgi Hymns: Sumerian Royal Hymns Glorifying King Šulgi of Ur*. Ramat Gan, Bar Han University Press, 265.
51. Langdon S. 1914. *Historical and Religious Texts from the Temple Library at Nippur, Babylonian Expedition of the University of Pennsylvania, Series-A. Cuneiform Texts, Vol. XXXI*. München, 209.
52. Langdon S., Zehnpfund R. 1912. *Die neubabylonischen Königsinschriften (VAB 4)*. Leipzig, 376.
53. Lau D. 2016. Prostitution in Mesopotamien. In: *Prostitution: eine Begleiterin der Menschheit. A companion of mankind*. New York, Peter Lang: 501–517.
54. Naude J.A. 1999. Holiness in the Dead Sea Scrolls. In: *The Dead Sea Scrolls After Fifty Years. A Comprehensive Assessment. vol. 2*. Ed. by P.W. Flint, J.C. Vanderkam. Leiden; Boston; Köln, Brill: 171–199.
55. Patai R. 1990. *The Hebrew Goddess*. Detroit, Wayne State University Press, 368.
56. Pope M. 1955. *El in the Ugaritic Texts (SVT 2)*. Leiden, E.J. Brill, 116.
57. Redford D.B. 1973. New light on the Asiatic campaigning of Moremheb. *BASOR*, 211: 36–49.
58. Reiner E. 1958. *Surpu: A Collection of Sumerian and Akkadian Incantations (AfO Beiheft 11)*. Graz, Im Selbstverlage des Herausgebers, 67.
59. Scheil V. 1913. *Inscriptions des derniers rois d'Assyrie. Revue d'Assyriologie et d'archéologie orientale. Vol. 10, No. 4: 197–205*.
60. Seux M.J. 1967. *Epithetes royales akkadiennes et sumeriennes*. Paris, Letouzey et Ané, 487.
61. Silver M. 2006. Temple/Sacred Prostitution in Ancient Mesopotamia Revisited. *Ugarit-Forschungen*, 38: 631–663.
62. Smith M.S. 2002. *The Early History of God. Yahweh and the other deities in Ancient Israel*. Second edition. Grand Rapids, Wm. B. Eerdmans Publishing Co., 289.
63. Stuckey J. 2007. The «Holy One». *MatriFocus*. URL: <http://www.matrifocus.com/LAM07/spotlight.htm> (accessed: 19.03.2019).
64. *The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago. Vol. IV / Openheim A.L., Reiner E., ed., Chicago, 1958*.
65. *The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago. Vol. XIII / Reiner E., Biggs R.D., ed., Chicago, 1982*.
66. *The Dictionary of Classical Hebrew. Vol. VII*. Sheffield: Sheffield Phoenix Press, 2011.
67. *The Pennsylvania Sumerian Dictionary, 2006*. URL: <http://psd.museum.upenn.edu> (accessed: 19.03.2019).

68. The Standard Babylonian Epic of Gilgamesh (SOAS). URL: <http://www.soas.ac.uk/gilgamesh/standard/file39596.pdf> (accessed: 19.03.2019).
69. Toorn K. van der. 1985. Sin and Sanction in Israel and Mesopotamia. A Comparative Study (SSN 22). Assen/Maastricht, Van Gorcum, 252.
70. Toorn K. van der, Horst P. W. van der, Becking B. 1999. Dictionary of Deities and Demons in the Bible. Leiden, Boston, Köln, Brill, 960.
71. Vorderasiatische Schriftdenkmaler der Koniglichen Museen zu Berlin. Heft VIII. Leipzig, J.C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1909.
72. Weidner E. 1956. Orientalistik Hof- und Harems-Erlasse assyrischer Könige aus dem 2. Jahrtausend v. Chr. Archiv für Orientforschung, Bd. 52: 257–293.
73. Wiggins S.A. 1991. The Myth of Asherah: Lion Lady and Serpent Goddess. Ugaritforschungen, 23: 383–394.
74. Wilson E.J., 1994. «Holiness» and «purity» in Mesopotamia (AOAT 237). Neukirchen-Vluyn, 136.
75. Winter U. 1983. Frau und Göttin: Exegetische und ikonographische Studien zum weiblichen Gottesbild im Alten Israel und in dessen Umwelt (OBO 53). Fribourg, Göttingen, Universitätsverlag, Vandenhoeck & Ruprecht, 748.
76. Yamauchi E. M. 1973. Cultic Prostitution: a Case Study in Cultural Diffusion. In: Orient and Occident: Essays Presented to Cyrus H. Gordon / edit. H. Hoffner (AOAT 22). Kevelaer, Butzon & Bercker: 213–222.
77. Zimmern H. 1901. Beiträge zur Kenntnis der babylonischen Religion. Die Beschwörungstafeln Surpu, Ritualtafeln für Wahrsager, Beschwörer und Sänger. Leipzig, 412.

Ссылка для цитирования статьи
Reference to article

Кочергин С.С. Феномен «святости»: от первобытных истоков к древним евреям. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2019. Т. 46. № 3. С. 399–411. doi: 10.18413/2075-4458-2019-46-3-399-411

Kochergin S.S. The phenomenon of «holiness»: from primeval sources to ancient Jews. Belgorod State University Scientific Bulletin. History. Political Science. 2019. V 46. № 3. P. 399–411. doi: 10.18413/2075-4458-2019-46-3-399-411

УДК 94 (393)

DOI 10.18413/2075-4458-2019-46-3-412-419

ГОРОД ПАФОС НА КИПРЕ В РИМСКОЕ ВРЕМЯ**THE CITY OF PAPHOS IN CYPRUS IN ROMAN TIMES****Н.Н. Болгов, А.М. Болгова****N.N. Bolgov, A.M. Bolgova**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

e-mail: Bolgov65@mail.ru

Аннотация

В работе предпринимается попытка дать общий очерк места и роли города Пафос на Кипре в истории острова в римский период. Отмечается, что в эллинистический и римский периоды Пафос был главным городом Кипра. В значительной степени это было связано с культом Афродиты Пафосской, распространенным по всему Средиземноморью. Существовало два города – Палео-Пафос и Неа Пафос, разделенные Священной дорогой в 60 стадий длиной. Старый Пафос был религиозным центром, Новый – центром гражданской администрации. В римский период были сооружены основные постройки Нового Пафоса – Агора, Одеон, Асклепион – в центральной части города, а также римский форум на юго-востоке. Характерная черта топографии города – наличие крупных городских усадеб с мозаичными полами – Дом Тесея (резиденция проконсула), Дом Диониса, Дом Орфея, Дом Эона. В IV–V вв. были возведены две крупные христианские базилики – Хрисополитисса и Лимениотисса. Город стал важным центром христианской церкви. Это был конечный пункт маршрута апостолов Павла и Варнавы. Епископ Пафоса был участником I Вселенского собора. Серия землетрясений середины IV в. значительно повредила город. Это привело к переносу столицы острова в Саламин. Но Пафос остался важным центром и второй по значимости епархией Кипрской церкви, которая в 431 г. стала автокефальной. История Пафоса римского времени совершенно не изучена в российской историографии. Стимулом к написанию этой статьи стало проведение I летней историко-археологической школы на Кипре преподавателей и студентов НИУ «БелГУ» в сентябре 2018 г. и включение кипрской тематики в исследования научного направления НИУ «БелГУ» «Классическая и византийская традиция».

Abstract

The paper attempts to give a general outline of the place and role of the city of Paphos in Cyprus in the history of the island in the Roman period. It is noted that in the Hellenistic and Roman periods, Paphos was the main city of Cyprus. To a large extent it was associated with the cult of Aphrodite of Pathos, spread throughout the Mediterranean. There were two cities - Paleo-Paphos and Nea Paphos, separated by a sacred road 60 stages long. Old Paphos was a religious center, New – the center of the civil administration. In the Roman period, the main buildings of New Paphos were built – Agora, Odeon, Asklepion - in the central part of the city, as well as the Roman Forum in the south-east. A characteristic feature of the topography of the city is the presence of large urban estates with mosaic floors - the House of Theseus (residence of the proconsul), the House of Dionysus, the House of Orpheus, the House of Aion. In the 4–5 centuries AD were built two major Christian basilicas – Chrysopolitissa and Limeniotissa. The city became an important center of the Christian church. It was the final destination of the apostles Paul and Barnabas. Bishop of Paphos was a member of the I Ecumenical Council. A series of earthquakes in the middle of IV. significantly damaged the city. This led to the transfer of the capital of the island to Salamis. But Paphos remained an important center and the second most important diocese of the Cyprus Church, which became autocephalous in 488. The history of Paphos in Roman times is not studied at all in Russian historiography. The impetus for writing this article was the holding of the I

Summer Historical and Archeological School in Cyprus for teachers and students of the BelSU National Research University in September 2018 and the inclusion of the Cyprus subject matter in the research of the scientific direction of Belgorod State University «Classical and Byzantine Tradition».

Ключевые слова: Кипр, римский период, Пафос, остров, история, город, археология.

Keywords: Cyprus, Roman period, Paphos, island, history, city, archeology.

В сентябре 2018 г. группа преподавателей, аспирантов и студентов Научного направления НИУ «БелГУ» «Классическая и византийская традиция» проходила стажировку в рамках I Летней историко-археологической школы на Кипре. Помимо ознакомления с античными и средневековыми памятниками, результатом школы стало рождение ряда идей и проектов, среди которых в первую очередь – осознанная необходимость изучения историографии истории античного и ранневизантийского Кипра¹, а также его основных памятников. Среди последних основное внимание на начальном этапе привлечено Пафос (Strab. XIV, VI, 2), который в течение многих столетий был главным городом острова и центром общепантичного культа Афродиты Пафосской [Renos Lavithis, 2008]. Его история в римский период совершенно не изучена в отечественной историографии, в отличие от зарубежной [Maier, Karageorghis, 1984, p. 250].

В 58 г. до н. э. Кипр стал римским владением, первоначально войдя в состав провинции Киликия. В последний период гражданских войн Антоний передал остров Клеопатре (до 31 г. до н. э.). В 22 г. до н. э. Кипр стал сенатской провинцией [Potter, 1995].

Собственно, городов под названием Пафос было два. Первый из них – Палео-Пафос, расположен на юго-западе острова, у легендарного места рождения Афродиты (скала Петра-ту-Ромиу), ныне поселение Куклия. Второй – Неа Пафос (Като Пафос) – расположен в 60 стадиях северо-западнее, там же находится и современный город Пафос.

На римском Кипре Палео-Пафос был известен прежде всего святилищем Афродиты. Палео-Пафос расположен на известняковом холме, в устье реки Диарризос, примерно в одной миле от побережья. Миф утверждает, что богиня Афродита родилась из морской пены и поднялась на скалу Петра-ту-Ромиу. Святилище расположено к востоку от современного поселка Куклия и окружено на западе и юго-западе эллинистическим и римским некрополями. Это святилище имеет одну из самых давних традиций культового поклонения на острове продолжительностью около 1600 лет.

Даже после основания Неа Пафоса в конце IV века до н. э. Палео-Пафос не потерял своего значения. Он оставался центральным местом поклонения Афродите в средиземноморском мире, и культовое поклонение продолжалось на этом месте, пока император Феодосий I не запретил все языческие богослужения в 391 г.

Современное строительство в поселке Куклия, к сожалению, значительно повредило памятники материальной культуры Палео-Пафоса. Тем не менее остается достаточно материалов, чтобы римские храмы можно было отделить от более ранних построек. Эти здания расположены в направлении восток/запад и находятся в северной части комплекса святилища.

Два здания, построенные приблизительно между концом I и началом II вв., соответствуют традиционному плану открытого двора для пафосского культа. Считается, что они были построены после землетрясения в 76/77 г., которое, возможно, вызвало некоторое разрушение комплекса святилища. Исследования римского святилища показывают, что здания окружают прямоугольный двор, возможно, оставленный открытым на запад-

¹ В отечественной историографии о римском и ранневизантийском Кипре, насколько нам удалось установить, на 2019 год нет ни одной специальной работы, а об античном доримском – не более 30, включая две диссертации [Савельев, 1966; Петрова, 1975]. Римский период частично затронут в искусствоведческом издании «Города Кипра» [Коровина, Сидорова, 1973]. Интерес к древнему Кипру и археологическим исследованиям на нем в последнее время в России несколько оживился [Евдокимов, 2018].

ной стороне, и окруженный южной стоей, восточным крылом и северным залом. Считается, что в северном и южном залах проходили культовые трапезы для богини.

Храм с аниконическим изображением богини Афродиты (не антропоморфной), скорее всего, был перенесен из Старого Храма в новый римский храм. Во время праздников этот камень конической формы, который был символом богини плодородия, мазали благовонными маслами. Другие религиозные мероприятия включали в себя шествие из Нового города в святилище и некоторые формы храмовой проституции.

Святилище Афродиты в целом было одним из основных религиозных центров на Кипре с древнейших времен. Это место было известно и привлекало посетителей со всего Средиземноморья. При римлянах святилище пользовалось покровительством со стороны императорской власти, а несколько императоров даже посещали храм, включая Траяна и Тита. Император Тит посетил храм Афродиты по пути в Сирию. Оказавшись там, Тит пришел в восторг от щедрости святилища и спросил жрецов о своих будущих начинаниях как императора. Первосвященник и сама богиня Афродита, предположительно, подтвердили благоприятное будущее правителя и его успешное путешествие в Сирию.

Храм в Палео-Пафосе был ведущим центром римского императорского культа на всем острове.

Важность святилища и его культов сохранила Палео-Пафос на карте и после основания Неа Пафоса. Неа Пафос официально был основан как город в 312 г. до н. э. при Никокле, последнем царе Пафосского царства. Во II веке до н. э. город приобрел особое значение и стал столицей всего Кипра, сохранив это положение и при римлянах. Неа Пафос был расположен на юго-западном побережье Кипра, где сейчас находится Като Пафос. Это был один из самых богатых, если не самый богатый город римского Кипра. Пафос был одним из любимых городов Цицерона, выдающегося римского оратора и политика, видимо, по контрасту с остальной Киликией, где он был губернатором. Пафос получил несколько титулов при различных императорах. После землетрясения в 15 г. до н. э. он получил финансовую помощь от Августа и титул «Августа».

В Палео-Пафосе в 1960 г. в стене одного из домов была обнаружена надпись – клятва верности кипрского народа Тиберию [Mitford, 1960, с. 75–79].

В 66 г. Пафос получил название «Клавдия». Дополнительное имя Флавия, которое Пафос носил позднее (Paphos Augusta Claudia Flavia), было, очевидно, добавлено в результате восстановления города при Флавиях после того, как он пострадал от другого землетрясения. Именно в это время монетный двор был перенесен из Сирийской Антиохии в Пафос. Эти серебряные монеты, однако, чеканились недолго [Parks, 2004].

Пафос создал собственный календарь, называемый либо Имперским, либо Кипрским, где-то между 21 и 12 гг. до н. э. Это было сделано для восхваления Августа и императорской семьи. Наиболее вероятно, что календарь был создан в 15 г. до н. э., когда император предоставил средства для восстановления города после сильного землетрясения. Хотя он возник в Пафосе, он быстро стал популярным и доминировал в западных и северных районах Кипра, а также, возможно, и на южном побережье. Тем не менее это был не единственный календарь, используемый на всем острове. Другим был египетский (птолемеевский) календарь, использовавшийся в Саламине, городе, который оставался верным своему птолемеевскому прошлому, а не империи.

Самое раннее описание Пафоса как столицы острова происходит из «Деяний апостолов» в Новом Завете, где Павел и Варнава остались в городе проповедовать новую веру римскому проконсулу Сергию Павлу, который затем обратился в христианство.

Римский Пафос достиг своего золотого века при династии Северов. В начале III в. в Неа Пафосе была освящена статуя императора Каракаллы. В течение года была воздвигнута и вторая статуя императора, в Палео-Пафосе. Надписи в старом городе говорят о том, что, кроме Афродиты, там поклонялись только римскому императору. Даже в новом городе сохранялось поклонение императору и лишь нескольким богам. Этими богами, скорее всего, были Афродита, Зевс Полий, Аполлон и Гера [Mitford, 1990]. Святилище Аполлона

находилось на юго-восток от города. Оно состояло из двух подземных камер – передней прямоугольной и задней круглой с куполом. Это святилище может быть одновременным с основанием Неа Пафоса.

Императорский култ в традиционном виде поддерживался в Пафосе как минимум до конца правления династии Северов. Надпись времен Каракаллы официально именуется город «Пафос Себаста Клавдия Флавия, священная метрополия всех городов Кипра» [Mitford, 1947].

Неа Пафос был окружен башнями, расположенными через равные промежутки, и имел гавань. Хотя порт был небольшого размера, он был защищен двумя волнорезами и до сих пор исправен.

Топографический центр города (акрополь) находился в районе современного маяка, несколько севернее географического центра городища, и раскопки на этом месте пока невозможны. Рядом был расположен ряд важнейших памятников римского времени – Одеон (I–IV вв.), Асклепион, Агора. Одеон, хотя и поврежденный в более поздние века, частично восстановлен (11 рядов сидений из 25). Это был полукруг, состоящий из зрительного зала и сцены. Он был построен полностью из камня и обращен к агоре на восток. Асклепион находился сразу к югу от Одеона.

Прямоугольная агора была историческим общественным центром города с момента его основания и в большой мере сохранила эту роль даже после постройки более позднего римского форума в юго-восточной части городища.

В северо-восточной части городища, на холме, был построен крупный театр в ходе дальнейшего развития урбанизации Пафоса. Он был возведен на южном склоне холма и располагался так, чтобы зрители могли смотреть на весь город и в направлении гавани. Он вмещал примерно 8000–8500 чел. и представлял собой один из немногих случаев, когда вся община граждан могла собраться вместе [Green, 2004]. Орхестра находилась на плоскости между рядами скамей полукругом и зданием сценэ. От сцены и здания сценэ осталось совсем немного. Использование театра по назначению закончилось в конце IV в., возможно, после землетрясения в 365 г. В 1987 г. Трирским университетом здесь была заложена серия разведочных траншей, а большей частью театр был раскопан экспедицией Университета Сиднея в 1995 г.

Отличительная особенность города состоит в наличии в нем ряда крупных городских усадеб первых веков н. э. с сохранившимися мозаичными комплексами – Дом Диониса, Дом Тесея, Дом Эона, Дом Орфея, существовавшими до сер. IV в. [Nicolau, 1963; Daszewski, Michaelides, 2009].

Дом Тесея и Дом Диониса представляют собой большие и роскошные дома – это еще один признак того, что Пафос был очень богатым городом не только по масштабам Кипра.

Первый из них, Дом Тесея, был общественным зданием, которое, вероятно, принадлежало римскому правителю Кипра [Daszewski, 1977]. Он был назван в честь мозаики Тесея, убивающего Минотавра, которая была найдена в доме и датируется IV в. Дом расположен недалеко от гавани. Главный вход находится на востоке, а главная комната – в южном крыле вместе с банями. Большинство мозаик в целом относятся к III–V вв. Они были сильно повреждены, и раскопки дома, начатые в 1966 г., продолжаются.

Дом Диониса, с другой стороны, был частным домом, вероятно принадлежавшим очень состоятельному гражданину [Eliades, 1984; Элиадис, 2016]. Он получил название из-за частого появления этого бога на мозаичных полах и датируется 2-й пол. II в. Поверх мозаики в основных комнатах стены также были украшены красивыми узорами. Спальня и ванная комнаты находятся в восточном крыле дома, а кухня и мастерские – на западе. С южной стороны спальни находится рыбный пруд, «оборудованный нишами вокруг дна, чтобы служить убежищем для рыб в жаркую погоду». Раскопки дома начались в 1962 г.

Напротив дома Тесея находятся развалины здания, названного по расположенной к западу от входа мозаике домом Эона. Раскопки здесь ещё не завершены. Большая часть комнат была украшена напольными мозаиками с простым геометрическим узором. Лишь в

центральной комнате дома, служившей столовой и гостиной, была размещена мозаика с мифологическими сюжетами, датированная 2-й пол. IV в. Стены дома были украшены фресками; отдельные фрески восстановлены и размещены в археологическом музее Пафоса. Восстановлена и одна из стен; предполагается, что в её нише находилась скульптура. Дом назван по центральному изображению Эона – бога вечности, олицетворявшему правосудие.

Дом Орфея – ещё одно здание, руины которого находятся ближе к морю (юго-запад городища), в плане напоминает дом Диониса: небольшой атриум окружён множеством комнат. Жилище, руины которого были найдены ещё в 1940-х гг., было построено в конце II в. Археологические раскопки этого объекта были начаты в 1982 г. В атриуме дома Орфея сохранились фрагменты колонн. Восточная часть здания, где находились небольшие помещения (предположительно, спальни), оказалась почти полностью разрушена. В лучшей сохранившейся северной части находились термы и гостиные. Полы большей части комнат были земляными, лишь три комнаты в северной части дома были украшены напольными мозаиками. На самой большой из мозаик, по которой жилище получило своё название, изображён играющий на лире Орфей; его окружают дикие животные, зачарованные музыкой. В верхней части мозаики греческими буквами выложено имя владельца дома, Тита Гая Реститута.

Римский форум на юго-востоке городища был возведен, видимо, уже в начале I в., судя по тому, что здесь подвергся бичеванию апостол Павел. Здесь стоял храм Афродиты и ряд общественных зданий, включая резиденцию наместника.

Между Неа Пафосом и Палео-Пафосом была построена асфальтированная дорога длиной в 60 стадий, по которой жители, как сообщает Страбон (XIV, VI, 2), отправлялись в торжественные процессии на праздники из Нового города в Старый – религиозный центр [Bekker-Nielsen, 2004].

В IV в. в Пафосе, как и в целом на острове, начинается христианское храмовое строительство [Church Building..., 2018]. Руины одной из наиболее больших и знаменитых раннехристианских базилик Кипра – Хрисополитиссы – располагаются в юго-восточной части городища Пафоса, на месте римского форума.

Археологический комплекс в ареале нынешней церкви был обнаружен во время строительного бума 1970-х гг. Считается, что на месте современной небольшой церкви, где первоначально находился древнеримский форум, в 45 г. апостол Павел был подвержен римлянами телесным наказаниям, а затем своей проповедью обратил в христианство первого в истории римского чиновника – проконсула Кипра Сергия Павла. В IV в. на фундаменте римского форума была возведена величайшая по размерам кипрская ранневизантийская базилика Панагия Хрисополитисса с живописными мозаичными полами [Parthog, 2006, p. 46–48]. В V–VI вв. здание базилики было модифицировано. Первоначально у базилики было семь приделов, однако, впоследствии их количество сократили до пяти. Внутреннее пространство базилики было разделено гранитными колоннами, которые поддерживали двойную арку над внутренним алтарём. Некоторые из этих колонн разной степени сохранности до сих пор находятся на своих первоначальных местах. У базилики было три обычные апсиды, а также центральная, уникальная для Кипра, двойная апсида. На западной стороне базилики находились притвор и обширный атриум с портиками и открытым двором вокруг. Элементы колоннады атриума также сохранились до нашего времени. В центре атриума находился восьмиугольной формы фонтан. Полы были украшены изящными мозаичными картинами, некоторые из которых сохранились до наших дней и в настоящее время раскопаны, очищены и восстановлены. Сейчас на этой территории проводятся масштабные археологические раскопки. Там уже были обнаружены остатки святилища Афродиты, а также еще одного христианского храма, который был уничтожен землетрясением.

Знаменитая церковь Паная Лимениотисса считается одним из наиболее древних христианских храмов острова. Она была возведена в V столетии в честь Божьей Матери Лимениотиссы, которая считается покровительницей гавани [Parthog, 2006, p. 43]. Церковь, а вернее, те руины, что от нее остались, располагается совсем рядом с городским

портом. За всю свою долгую историю церковь Панайя Лимениотисса дважды была разрушена практически до основания. Первый раз это произошло еще в VII веке, когда Кипр подвергся нападению арабского войска. Однако уже в конце этого же столетия она была полностью восстановлена. Хотя от церкви на сегодняшний день остались практически одни руины, там до сих пор достаточно хорошо сохранились части фундамента и одна колонна, а также практически не тронутые временем прекрасные мозаичные полы, которые выполнены в традиционном византийском стиле.

Упадок Пафоса связывается с серией землетрясений 332, 342 и 365 гг. Город сильно пострадал. Хотя основные общественные здания и частные дома граждан были восстановлены, со 2-й пол. IV в. (346 г.) столица острова переносится в Саламин. Но Пафос сохранил элементы столичного статуса, в частности, отдельную епархию. Развиваются культы местных святых, причем относительно Пафоса в агиографии используется местная система датировки.

Хотя на Кипре рубежом римского и ранневизантийского периода считается 330 год, эта дата весьма условна [Mitford, 1980]. Для Пафоса же середина IV в. действительно является рубежной датой, которая ознаменована христианизацией и сменой сакральной топографии, а также разрушениями и переносом столицы [Rowe, 1998; Zavagno, 2009].

С IV в. шло неуклонное развитие христианской церкви на Кипре. Епископ Пафоса Кирилл представлял город на I Вселенском соборе 325 г. В течение IV–V вв. и особенно после создания Кипрской автокефальной церкви (431 г.) здесь образовалось несколько епархий (до 12-ти), но Пафосская епархия твердо сохраняла второе место после Саламинской [Megaw, 1988; Rapp, 2014].

Помимо кипрских и западных археологов, с 1965 г. в раскопках городища (на юго-западе) принимает участие Польская археологическая миссия [Daszewski, 1985]. Основное ее достижение самых последних лет – установление того факта, что площадь агоры была значительно больше, чем считалось ранее.

Основная часть археологической зоны Неа Пафоса включена в список Всемирного наследия ЮНЕСКО [Nea Paphos, 2016].

Список литературы

1. Евдокимов П.А. 2018. Новости археологии древнего Кипра: Хроника раскопок и археологических открытий за 2015–2016 гг. Древний Восток и античный мир. Под ред. Б.Е. Александрова, Н.В. Бугаевой, И.А. Гвоздевой и др. Сборник научных трудов кафедры истории древнего мира Исторического ф-та МГУ. Т. 9. М., МГУ, 460–476.
2. Коровина А.К., Сидорова Н.А. 1973. Города Кипра. М., Искусство, 216.
3. Петрова Э.Б. 1975. Античный Кипр (основные черты социально-экономического и политического развития доримского времени). Автореферат дисс. к. и. н. Казань, 20.
4. Савельев Ю.А. 1966. Культура Кипра конца II – первой половины I тыс. до н. э. Автореф. дисс. к. и. н. М., 23.
5. Элиадис Г. 2016. Вилла Диониса. Вилла мозаик в Новом Пафосе. Пафос, Музей, 60.
6. Bekker-Nielsen, Tønnes. 2004. The Roads of Ancient Cyprus. Copenhagen: Museum Tusulanum Press, 122.
7. Church Building in Cyprus (Fourth to Seventh Centuries). 2018. A Mirror of Intercultural Contacts in the Eastern Mediterranean. Schriften des Instituts für Interdisziplinäre Zypern-Studien. Marietta Horster, Doria Nicolaou, Sabine Rogge (eds.). Munster – New York, Waxmann Verlag GmbH, 812.
8. Daszewski W.A. 1977. La mosaïque de Thesee. Nea Paphos. II. Varzovie, 55–89.
9. Daszewski W.A. 1985. Researches at Nea Paphos 1965–1984. Archaeology in Cyprus 1960–1985. Nicosia, 277–291.
10. Daszewski W.A., Michaelides D. 2009. Guide to the Pathos mosaics. Nicosia, Bank of Cyprus Cultural Foundation, 76.
11. Eliades G. 1984. The villa of Dionysus. Paphos, Archeopark, 120.
12. Green R., Barker C., Gabrieli S. 2004. Fabrika: an ancient theatre of Nea Paphos. Nicosia – London, Moufflon Publishing, 120.

13. Maier F.G., Karageorghis V. 1984. Paphos in the Roman Empire. Paphos, A History and Archaeology, 250.
14. Megaw A.H.S. 1988. Reflections on Byzantine Paphos. *Kathegetria: Essays Presented to Joan Hussey*. Ed. J. Chrysostomides. Camberley, Porphyrogenitus, 135–150.
15. Mitford T.B. 1980. Roman Cyprus. *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. 7 (2), 1332–1337.
16. Mitford T.B. 1947. Notes on Some Published Inscriptions from Roman Cyprus. *The Annual of the British School at Athens*. 42. Athens, 201–230.
17. Mitford T.B. 1960. A Cypriot Oath of Allegiance to Tiberius. *Journal of Roman Studies*. 50, 75–79.
18. Mitford T.B. 1990. The Cults of Roman Cyprus. *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. 18 (3), 2177–2209.
19. Nea Paphos. 2016. *Fondation et développement urbanistique d'une ville chypriote de l'antiquité à nos jours. Etudes archéologiques, historiques et patrimoniales, Actes du Ier colloque international sur Paphos, Avignon, 30, 31 octobre et 1er novembre 2012*. Ausonius Éditions, Mémoires 43. Bordeaux, 412.
20. Nicolau K. 1963. The Mosaics of Kato Paphos. Nicosia, DA, 106.
21. Parks D. 2004. The Roman Coinage of Cyprus. Nicosia, Cyprus Numismatic Society, 222.
22. Parthog G. der. 2006. *Byzantine and Medieval Cyprus. A Guide to the Monuments*. London, Moufflon Publications, 408.
23. Potter D.S. 1995. H Kypros eparchia tes Romaikes autokraorias [Cyprus as a province of the Roman Empire]. Nicosia, *Grapheion Kypriakes Historias*, 321.
24. Rapp C. 2014. *Christianity in Cyprus in the Fourth to Seventh Centuries: Chronological and Geographical Frameworks. Cyprus and the Balance of Empires: Art and Archaeology from Justinian I to the Coeur de Lion*. Boston, Brill, 29–38.
25. Renos Lavithis. 2008. Paphos. Land of Aphrodite. New Barnet, Topline publications, 224.
26. Rowe A. 1998. A Current Late Roman Site in Nea Paphos, Cyprus. *Near Eastern Archaeology*. 61 (3), 179–222.
27. Zavagno L. 2009. *Cities in Transition: Urbanism in Byzantium between Late Antiquity and the Early Middle Ages*. Oxford, British Archaeological Reports-Archeopress, 411.

References

1. Evdokimov P.A. 2018. *Novosti arheologii drevnego Kipra: Hronika raskopok i arheologicheskikh otkrytij za 2015–2016 gg.* [Archaeological News of Ancient Cyprus: Chronicles of excavations and archaeological discoveries for 2015–2016] *Drevnij Vostok i antichnyj mir* [Ancient East and the Antique World]. Pod red. B.E. Aleksandrov, N.V. Bugaeva, I.A. Gvozdeva i dr. *Sbornik nauchnyh trudov kafedry istorii drevnego mira Istoricheskogo f-ta MGU* [Collection of scientific works of the Department of Ancient History of the Historical Faculty of Moscow State University]. T. 9. Moscow, MGU, 460–476.
2. Korovina A.K., Sidorova N.A. 1973. *Goroda Kipra* [Cities of Cyprus]. Moscow, Iskusstvo, 216.
3. Petrova E.B. 1975. *Antichnyj Kipr (osnovnye cherty social'no-ehkonomicheskogo i politicheskogo razvitiya dorimskogo vremeni)* [Antique Cyprus (main features of the socio-economic and political development of the pre-Roman time)]. *Avtoreferat diss. k. i. n. Kazan'*, 20.
4. Savel'ev Yu.A. 1966. *Kul'tura Kipra konca II – pervoj poloviny I tys. do n. e.* [Cyprus culture of late II – first half of I millennium BC]. *Avtoref. diss. k. i. n. Moscow*, 23.
5. Eliadis G. 2016. *Villa Dionisa. Villa mozaik v Novom Pafose* [Villa Dionysus. Mosaic Villa in New Paphos]. Pafos, Muzey, 60.
6. Bekker-Nielsen, Tønnes. 2004. *The Roads of Ancient Cyprus*. Copenhagen: Museum Tusulanum Press, 122.
7. *Church Building in Cyprus (Fourth to Seventh Centuries)*. 2018. *A Mirror of Intercultural Contacts in the Eastern Mediterranean*. *Schriften des Instituts für Interdisziplinäre Zypern-Studien*. Marietta Horster, Doria Nicolaou, Sabine Rogge (eds.). Munster – New York, Waxmann Verlag GmbH, 812.
8. Daszewski W.A. 1977. *La mosaïque de Thesee. Nea Paphos. II. Varzovie*, 55–89.
9. Daszewski W.A. 1985. *Researches at Nea Paphos 1965–1984*. *Archaeology in Cyprus 1960–1985*. Nicosia, 277–291.
10. Daszewski W.A., Michaelides D. 2009. *Guide to the Pathos mosaics*. Nicosia, Bank of Cyprus Cultural Foundation, 76.

11. Eliades G. 1984. The villa of Dionysus. Paphos, Archeopark, 120.
12. Green R., Barker C., Gabrieli S. 2004. Fabrika: an ancient theatre of Nea Paphos. Nicosia – London, Moufflon Publishing, 120.
13. Maier F.G., Karageorghis V. 1984. Paphos in the Roman Empire. Paphos, A History and Archaeology, 250.
14. Megaw A.H.S. 1988. Reflections on Byzantine Paphos. *Kathegetria: Essays Presented to Joan Hussey*. Ed. J. Chrysostomides. Camberley, Porphyrogenitus, 135–150.
15. Mitford T.B. 1980. Roman Cyprus. *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. 7 (2), 1332–1337.
16. Mitford T.B. 1947. Notes on Some Published Inscriptions from Roman Cyprus. *The Annual of the British School at Athens*. 42. Athens, 201–230.
17. Mitford T.B. 1960. A Cypriot Oath of Allegiance to Tiberius. *Journal of Roman Studies*. 50, 75–79.
18. Mitford T.B. 1990. The Cults of Roman Cyprus. *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. 18 (3), 2177–2209.
19. Nea Paphos. 2016. *Fondation et développement urbanistique d'une ville chypriote de l'antiquité à nos jours. Etudes archéologiques, historiques et patrimoniales, Actes du Ier colloque international sur Paphos, Avignon, 30, 31 octobre et 1er novembre 2012*. Ausonius Éditions, Mémoires 43. Bordeaux, 412.
20. Nicolau K. 1963. The Mosaics of Kato Paphos. Nicosia, DA, 106.
21. Parks D. 2004. The Roman Coinage of Cyprus. Nicosia, Cyprus Numismatic Society, 222.
22. Parthog G. der. 2006. *Byzantine and Medieval Cyprus. A Guide to the Monuments*. London, Moufflon Publications, 408.
23. Potter D.S. 1995. *Η Κυπρος επαρχια της Ρωμαϊκής αυτοκρατορίας [Cyprus as a province of the Roman Empire]*. Nicosia, *Γραφείον Κυπριακής Ιστορίας*, 321.
24. Rapp C. 2014. *Christianity in Cyprus in the Fourth to Seventh Centuries: Chronological and Geographical Frameworks. Cyprus and the Balance of Empires: Art and Archaeology from Justinian I to the Coeur de Lion*. Boston, Brill, 29–38.
25. Renos Lavithis. 2008. Paphos. Land of Aphrodite. New Barnet, Topline publications, 224.
26. Rowe A. 1998. A Current Late Roman Site in Nea Paphos, Cyprus. *Near Eastern Archaeology*. 61 (3), 179–222.
27. Zavagno L. 2009. *Cities in Transition: Urbanism in Byzantium between Late Antiquity and the Early Middle Ages*. Oxford, British Archaeological Reports-Archeopress, 411.

Ссылка для цитирования статьи
Reference to article

Болгов Н.Н., Болгова А.М. Город Пафос на Кипре в римское время. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология*. 2019. Т. 46. № 3. С. 412–419. doi: 10.18413/2075-4458-2019-46-3-412-419

Bolgov N.N., Bolgova A.M. The city of Paphos in Cyprus in Roman times. *Belgorod State University Scientific Bulletin. History. Political Science*. 2019. V 46. № 3. P. 412–419. doi: 10.18413/2075-4458-2019-46-3-412-419

УДК 94(3)

DOI 10.18413/2075-4458-2019-46-3-420-425

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ГОРОДАМИ И БЕРБЕРСКИМИ ПЛЕМЕНАМИ В РИМСКОЙ СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ ЭПОХИ АНТОНИНОВ**ECONOMIC RELATIONS BETWEEN THE CITIES AND BERBER TRIBES IN THE ROMAN NORTH AFRICA OF THE ERA OF THE ANTONINES****Г.В. Усков****G.V. Uskov**Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,
Россия, 150003, Ярославль, ул. Советская, 14/2Yaroslavl State University P.G. Demidov,
14/2 Sovietskaya St, Yaroslavl, 150003, Russia,

E-mail: ggu-03@mail.ru

Аннотация

В статье анализируются экономические отношения между городами, которые являлись центрами римской цивилизации в Африке, и местным населением. Во II в. североафриканские провинции Римской империи административно состояли из городов, имевших статус муниципий или римских колоний, крупных поместий и берберских племен, различавшихся своим положением. В управлении Проконсульской Африкой и Мавретаниями Антонины опирались прежде всего на городское сословие декурионов. Отсюда вытекала политика строительства новых городов, предоставления им привилегий, регламентации городской жизни. В то же время по соседству с городами проживали берберские племена, которые могли рассматриваться как источник военной опасности. Проанализированные данные эпиграфики и нарративных источников позволяют утверждать, что во II в. между городами и племенами активно развивались торговые контакты. Город мог выступать в качестве пункта обмена, который обслуживал соседние племена. Вступая в экономические отношения с соседними племенами, города способствовали их романизации.

Abstract

The article analyzes the economic relations between the cities, which were the centers of the Roman civilization in Africa, and the local population. In the II century North African provinces of the Roman Empire administratively consisted of cities that had the status of a municipality or Roman colonies, large estates and Berber tribes, which differed in their position. In the administration of the provinces the Antonins relied primarily on the urban estate of the decurions. Hence the policy of building new cities, giving them privileges, regulating city life. At the same time, the Berber tribes lived in the neighborhood, which could be considered as a source of military danger. The analyzed data of epigraphy and narrative sources make it possible to assert that in the II century between cities and tribes actively developed trade contacts. The city could act as a point of exchange, which served the neighboring tribes. Entering into economic relations with neighboring tribes, cities promoted their romanization.

Ключевые слова: Римская империя, Антонины, провинции, Северная Африка, берберы.**Keywords:** Roman Empire, Nerva-Antonine dynasty, provinces, North Africa, Berbers.

Политика римской императорской власти по отношению к коренному населению североафриканских провинций всегда привлекала пристальное внимание исследователей. До середины XX века взгляды ученых основывались на концепции романизации. Подразумевалось, что стоявший на более высокой цивилизационной ступени римский мир распространял свою культуру, достижения и идеологию на находившиеся у него в

зависимости народы и племена [Бембай, 2017, с. 22]. В середине XX века появляются новые подходы к этой проблеме. Если ранее взаимодействие Рима и Африки рассматривали как привнесение на Черный континент более передовой римской культуры, то теперь такие исследователи как К. Куртуа и М. Бенабу стали писать об обратном влиянии Африки на римскую культуру и африканском противодействии романизации [Courtois, 1955, p. 66; Venabou, 1975, p. 587]. Стало акцентироваться внимание на экономических успехах африканских провинций [Charles-Picard, 1959, p. 45–72]. Вызывали интерес сюжеты, связанные с сопротивлением африканцев римской власти. К 60–70-м годам XX в. в историографии было распространено мнение об Африке как о территории, находившейся в эпоху римского владычества под влиянием множества культур. При этом римская культура рассматривалась как, безусловно, важная, но далеко не доминирующая в регионе [Никитин, 2007, с. 10]. На сегодняшний день остается открытым вопрос о целесообразности применения термина «романизация» применительно к североафриканскому региону (как и к любой части, входившей в состав Римской империи). Оценивая отношения римской власти с берберскими племенами, большинство исследователей высказывает точку зрения, утверждающую, что статус племени, его элиты и основной массы населения, таким образом, зависел от лояльности данного племени по отношению к Риму [Frezouls, 1957, p. 65–116; Sigman, 1977, p. 415–439; Troussset, 2001, p. 59–68, Heather, 2005, p. 183; Vanacker, 2013, p. 68].

М.И. Ростовцев отмечал, что Римская империя, начиная со времен Августа, была отчасти «федерацией городов». Права городского самоуправления почти ничем не ограничивались, а императорская власть занималась, как правило, лишь сбором налогов, надзором за порядком, судопроизводством [Ростовцев, 2000, с. 137]. Все это справедливо по отношению к городам и городскому населению Северной Африки. В I–II веках такие города как Карфаген, Утика, Тапс, Гиппон-Регий, Лептис Магна, Цирта, Кесария Мавретанская, Тингис становятся крупными центрами не только по африканским, но по общеимперским меркам. Римские колонии и муниципии имели свои муниципальные советы (*ordo decurionum*) и управлялись избранными магистратами. В то же время при Антонинах отчетливо видна тенденция все большего вмешательства императорской власти в дела местного самоуправления. Это хорошо показывает знаменитая переписка Плиния Младшего с Траяном, где наместник ставит императора в известность о каждом своем шаге, а некоторые мероприятия местных общин (создание коллегии пожарных) отменяются по решению императора (Plin. Ep. X. 33–34). Таким образом, императоры династии старались проводить компромиссную политику, сохраняя местное самоуправление в провинциях, при этом постепенно уменьшая его значение за счет увеличения полномочий имперской администрации на местах.

Основой экономики римской Африки являлось земледелие. До римского завоевания оно поддерживалось здесь карфагенянами и нумидийскими правителями. До римлян в Триполитании и на территории современного Туниса выращивали оливу и виноград, сеяли пшеницу и ячмень, в других местностях выращивались лишь зерновые. Античные авторы писали о необычайном плодородии Северной Африки. Страбон сообщает, что нумидийцы «превосходят других как в охоте, так и по части земледелия» (Strab. II. V. 33). Мавретанию (Маврусию) автор называет «плодородной страной», описывая виноградные лозы, которые «с трудом могут охватить двое людей» и которые «дают грозди величиной почти в локоть» (Strab. V. III. 4). Плиний Старший писал об урожае сам 150 на территории Бизация (*contra in Byzacio Africae illum centena quinquagena fruge fertilem campum nullis*. Plin. XVII. III. 41).

В I веке н. э. римляне усиленно внедряли на территории Африки культуру пшеницы. Проконсульская Африка и Мавретания выделялись императорам, наряду с Египтом, «житницей Рима», по сути, выполняя ту же роль, какую ранее играла Сицилия. Северная Африка должна была бесперебойно поставлять зерно в Рим, поскольку Италия уже не могла обеспечить растущую столицу зерном в должной мере. При Антонинах экономическое положение провинций изменилось. Связано это было с тем, что провинциям предоставлялись возможности более свободного экономического развития. Основной формой

использования земли стал сальтус – крупное императорское или частное хозяйство, использующее труд рабов или арендаторов-колонов [Бембай, 2017, с. 68]. Вместе с тем создаются условия для роста мелких и средних городских хозяйств.

Наряду с пшеницей начали культивировать оливковое дерево и виноградную лозу. Знаменитые «Манциев закон» и «закон Адриана» помимо пшеницы упоминают также ячмень, виноград, оливу, мед, плодовые деревья. Существенным для понимания аграрных отношений является тот факт, что со II в. в Африке все большее значение приобретает колонат [Семенов, 2003, с. 277]. Часто арендный договор с владельцем земли заключался на 5 лет, по истечении которых арендатор из-за долгов был вынужден продлевать соглашение, становясь все более привязанным к данному участку земли. Во II веке трудом колонов в империи начинает постепенно вытесняться рабский труд [Штаерман, Трофимова, 1971, с. 66]. Закон Адриана свидетельствует о том, что власти и частные лица были заинтересованы в привлечении арендаторов на территории своих имений. Колонами становились берберы, решавшие осесть на земле, представители городского плебса, разорившиеся крестьяне, вольноотпущенники.

Таким образом, во II в. Римская Африка переживала экономический подъем. Этому способствовала политика императоров династии Антонинов, отсутствие в течение их правления серьезных потрясений и конфликтов. Если до того времени римляне использовали Африку лишь как сырьевой придаток для Италии, то при Антонинах североафриканским провинциям предоставляется относительная экономическая свобода. В целом регион специализировался на сельском хозяйстве, ремесленные производства были развиты в меньшей степени и за редкими исключениями ориентировались на местный рынок. В Проконсульской Африке и Мавретаниях начали культивировать новые сельскохозяйственные культуры – виноград и олива. Кроме того, Африка во II в. включается в складывающиеся общеимперские экономические связи, что положительно сказывается на городах, которые превращаются в крупные экономические и культурные центры.

Ко времени установления в Северной Африке римского господства берберы и их вожди уже имели опыт выстраивания отношений с цивилизованным обществом, которое было господствовавшим в данном регионе. Так, долгое владычество карфагенян почти не затрагивало берберов, продолжавших вести привычную для них жизнь кочевников и скотоводов. Как отмечал Т. Моммзен, берберов, за исключением тех, кто проживал недалеко от пунийских городов, слабо затронула карфагенская цивилизация. Впрочем, им были знаком финикийский алфавит, а дети вождей кочевников зачастую воспитывались в Карфагене и вступали в браки с представителями карфагенской аристократии [Mommesen, 1856: 1, p. 529]. Нет оснований говорить о том, что берберы во времена расцвета карфагенской державы начали переход к оседлой жизни и земледелию, хотя и были знакомы с таким образом жизни. Попытку сделать кочевников-нумидийцев земледельцами предпринял во II в. до н. э. царь Массиниса, что было связано с ослаблением Карфагена после Второй Пунической войны и усилением Нумидийского царства, к которому отошла значительная часть плодородных земель побежденного соперника Рима. По мнению Страбона, Массинисе удалось его начинание по превращению пастухов и разбойников в «граждан» (Strab. XVII. 3. 15). По словам Диодора Сицилийского, каждому из своих сыновей нумидийский царь оставил 10 000 плетров земли, снабженных всем необходимым (Diod. Sic. XXXII. 16. 1). В то же время, несмотря на довольно внушительный срок правления Массинисы (60 лет), маловероятно, чтобы за такой период времени удалось кардинально поменять уклад жизни народа, который складывался не одно столетие. Поскольку процесс освоения земли требует времени, большая часть населения продолжала совмещать жизнь земледельцев с занятием скотоводством. Во II в. до н. э. начинается расцвет нумидийских городов в прибрежной полосе, но эти реформы Массинисы затронули лишь Средний Магриб. Значительная часть берберов, проживавших к югу от прибрежных районов, продолжала оставаться кочевниками. Это подтверждают и слова Страбона о том, что в рацион

нумидийцев преимущественно входила пища животного происхождения (мясо, молоко, сыры); при этом не называются пшеница или ячмень (Strab. XVII. 3. 15).

Организация общества берберов во II в. продолжала строиться по родовому принципу. Старший представитель рода пользовался абсолютной властью над всеми членами семьи, а после смерти главы семьи власть переходила не к его старшему сыну, а к самому старшему из родственников по мужской линии. Семьи объединялись в племена с целью более эффективного использования пастбищ для скота, либо, если это были оседлые племена, с целью защиты от набегов кочевников. Племена имели свою знать и управлялись вождями, которые могли принимать царский титул, но были, прежде всего, военными предводителями. Власть правителя основывалась, как правило, на его личном авторитете и умении привлечь на свою сторону знать племени. В помощь себе вождь привлекал собственных родственников или вождей племен, с которыми был связан родственными отношениями [Жюльен, 1961, с. 84]. Римским властям, контролировавшим Африку, следовало всегда учитывать этот фактор при выстраивании отношений с берберами.

Итак, основная масса берберского населения продолжала вести натуральное хозяйство. В то же время значительную роль в политической, экономической и культурной жизни провинций играли города. Они являлись центрами рынков, которые были крайне важны для населения прилегающих к городам территорий. Одним из самых примечательных источников, дающих информацию о торговле, является сенатусконсульт о торговых днях в Бегуэнском сальтусе. Сама надпись, найденная в Аншир эль-Бегар (вилает Кассерин), датируется 138 годом и сообщает о праве славнейшего мужа (*vir clarissimus*) Луцилия Африкана устраивать рыночные дни на территории, которая названа землей племени мусуламиев (CIL VIII. 00270 = CIL VIII. 11451 = CIL VIII. 23246 = AE 1907. 00017).

Первым исследователем, кто обратился к вопросу о мусуламиях на территории Бегуэнского сальтуса, стал французский антиковед Рене Канья. Ученый полагал, что этот район входил в территорию мусуламиев до восстания Такфарината при правлении Тиберия, а во время подавления мятежа здесь были поселены сложившие оружие кочевники [Cagnat, 1909, p. 21]. Более подробно о переселениях берберов писал Шарль-Андре Жюльен. Исследователь видел причиной подобной политики римских властей во II в. активную колонизацию Северной Африки, чему препятствовала общинная собственность у племен. По мнению Жюльена, суть данных мероприятий заключалась в разделении общинных земель на две части, при этом их худшая часть оставалась в собственности племени, лучшая закреплялась за императором, представителями знати или городами, которые населяли ветераны или та же берберская аристократия (Julien 1951: 206). Из современных исследователей к данной проблеме обращались М. Бретт и Э. Фентресс. Случай с мусуламиями рассматривался ими как желание имперских властей увеличить владения крупных землевладельцев рядом с племенными территориями [Brett, Fentress, 1996, p. 62].

Племя мусуламиев накануне восстания Такфарината описывается Тацитом как «значительное и сильное» и «совершенно не знающее городской жизни». При этом историк не локализует мусуламиев в каком-то конкретном месте, называя их обитающими близ африканских пустынь и соседями мавретанцев (*valida ea gens et solitudinibus Africae propinqua, nullo etiam tum urbium cultu, cepit arma Maurosque accolos in bellum traxit*) (Tac. Ann. I. 52). Таким образом, можно предположить, что на тот момент мусуламии были племенем, ведущим кочевой образ жизни. Местами их кочевий называют довольно значительный район от Аммедары (совр. Хайдра) до залива Габес [Поплинский, 2009, с. 309]. После подавления восстания племя оказалось локализовано в районе Каз, о чем сообщает надпись. Этому утверждению не противоречат данные Птолемея, который помещает мусуламиев рядом с горами Орес (Ptol. IV. 2). По всей видимости, на данной территории мусуламии постепенно переходили к оседлой жизни и подвергались романизации. Косвенно подтвердить это может служба мусуламиев в римской армии, во многих надписях упоминается I когорты вспомогательных войск *Flavia Musulamiorum*

(CIL XVI. 00056= AE 1892. 00017). Таким образом, их участие в экономических отношениях должно было способствовать дальнейшей романизации.

Другим интересующим нас источником является так называемый Зараитанский тариф (CIL VIII. 4508), датированный 202 годом. Город Зараи располагался к юго-западу от Цирты. В документе представлены пошлины, которыми облагались привозимые товары. Документ делится на четыре части. В *lex capitularis* указываются пошлины на рабов и скот, в *lex vestis* – на одежду, в *lex sociaria* говорится о различных сортах кож, в *lex portus maxima* перечисляются вина, гарум, орехи, фиги и другие товары [MacKendrick, 1980, p. 249]. Кроме этого, в надписи упоминается о том, что тариф был введен после отвода когорты легиона (*lex portus post discessum cohortis instituta*). Как отмечал Н.И. Машкин, город Зараи был расположен на перекрестке путей, которые вели из Сахары и Триполитании, соответственно, покупателями упомянутых выше товаров могли выступать и берберские племена [Машкин, 1951, с. 73]. Возможно, отвод когорты был связан со стремлением убедить местные племена в отсутствии угрозы и расположить их к торговле.

Таким образом, во II в. между городами и племенами Северной Африки активно развивались торговые контакты. Город мог выступать в качестве пункта обмена, который обслуживал соседние племена. Кроме этого, берберы могли являться покупателями товаров, производившихся в городах, или служить источником рабочей силы. Вступая в экономические отношения с соседними племенами, города способствовали их романизации.

Список литературы

1. Бембай К. 2017. Римская политика в Африке в I–III вв. н. э. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Белгород, 180.
2. Жюльен Ш.-А. 1961. История Северной Африки. Тунис, Алжир, Марокко. С древнейшего времени до арабского завоевания. Пер. с фр. М., Издательство иностранной литературы, 428. (Julien Ch.-A. 1951. Histoire du L’Afrique du Nord. Tunisie, Algerie, Maroc. Des origins a la conquete Arabe. Paris, 336)
3. Машкин Н.И. 1951. Из истории африканских городов. Вестник древней истории, 2: 70–83.
4. Никитин А.Н. 2007. Организация и эволюция римского лимеса в Нумидии, Мавритании и Триполитании в I–III вв. н.э. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Челябинск, 28.
5. Поплинский Ю.К. 2009. Античные источники по истории и этнографии Африки: монографическое исследование грекоязычных источников. СПб., Наука, 416.
6. Ростовцев М.И. 2000. Общество и хозяйство в Римской империи. Т. 1. СПб., Наука, 400.
7. Семенов В.В. 2003 Императорское землевладение и развитие колонатных отношений (по данным североафриканских надписей). Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира, 2: 257–278.
8. Штаерман Е.М., Трофимова М.К. 1971. Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи. М., Наука, 325.
9. Benabou M. 1975. La Resistance africaine a la romanisation. Paris, Librairie François Maspero, 123.
10. Brett M., Fentress E. 1996. The Berbers. Oxford, Blackwell, 282.
11. Cagnat R. 1909 L’armee romain d’Afrique et l’occupation militaire de l’Afrique sous les empereurs. Paris, Imprimerie nationale, 513.
12. Charles-Picard G. 1959. La civilisation d’Afrique romaine. Paris, Ed. Plon, 407.
13. Courtois C. 1955. Les Vandales et l’Afrique. Paris, Arts et métiers graphiques, 166.
14. Frezouls E. 1957. Les Baquates et la Province romaine de Maurétanie Tingitane. BAM (II): 65–116.
15. Heather P. 2006. The Fall of the Roman Empire. London, Pan Books, 572.
16. MacKendrick P. 1980. The North African Stones Speak. Chapel Hill, University of North Carolina Press, 430.
17. Mommsen T. 1856. Römische Geschichte. Vol. I. Berlin, Weidmannsche Buchhandlung, 928.
18. Sigman M.C. 1977. The Romans and the indigenous tribes of Mauritania Tingitana. Historia, 26.: 415–439.

19. Troussel P. 2001. Territoires de tribus et frontières au sud de l’Africa Proconsularis. Histoire des Hautes Steppes, Antiquité – Moyen – Age: Actes du Colloque de Sbeitla: 59–68.
20. Vanacker W. 2013. Aedemon, Lusius Quietus and the Baquates. Ties of Resistance and Co-operation. *Mnemosyne*. Vol. 66 (4–5): 708–733.

References

1. Bembay K, 2017. Rimskaya politika v Afrike v I–III vv. n. e. [Roman policy in Africa in the I–III centuries AD]. Belgorod, 180.
2. Julien Ch.-A. 1961. Istorija Severnoy Afriki. Tunis, Algir, Marocco. S drevneyshego vremeni do arabskogo zavoevanija. Moscow, Izdatelstvo inostrannoy literatury, 428. (Julien Ch.-A. 1951. Histoire du L’Afrique du Nord. Tunisie, Algerie, Maroc. Des origins a la conquete Arabe. Paris, 336).
3. Mashkin N.I. 1951. Iz istorii afrikanskikh gorodov [From the history of African cities]. *Journal of Ancient History*, 2: 70–83.
4. Nikitin A.N. 2007. Organizatsia I evolutsia rimskogo limesa v Numidii, Mavritanii I Tripolitanii v I–III vekah n. e. [The organization and evolution of the Roman Limes in Numidia, Mauritania and Tripolitania in the I–III centuries AD]. Abstract. dis. ... cand. hist. sciences. Chelyabinsk, 28.
5. Poplinsky J.K. 2009. Antichnie istochniki po istorii I etnografii Afriki: monograficheskoe issledovanie grekoyazichnih istochnikov [Ancient sources on the history and ethnography of Africa: a monographic study of Greek-speaking sources]. Saint Petersburg, Nauka, 416.
6. Rostovtsev M.I. 2000. Obshestvo I hozaistvo v Rimskoy imperii. T. 1. [Society and economy in the Roman Empire]. Saint Petersburg, Nauka, 400.
7. Semenov V.V. Imperatorskoe zemlevladienie i razvitie kolonatykh otnosheniy (po dannym severoafrikanskikh nadpisey) [Imperial land tenure and development of colonial relations (according to the North African inscriptions)]. *Mnemon. Research and publications on the history of the ancient world*, 2003 (2): 257–278.
8. Shtaerman E.M., Trofimova M.K. 1971. Rabovladelcheskie otnosheniya v rannei Rimskoy imperii. [Slaveholding Relations in the Early Roman Empire]. Moscow, 1971, 325.
9. Benabou M. 1975. La Resistance africaine a la romanisation. Paris, Librairie François Maspero, 123.
10. Brett M., Fentress E. 1996. The Berbers. Oxford, Blackwell, 282.
11. Cagnat R. 1909 L’armee romain d’Afrique et l’occupation militaire de l’Afrique sous les impereurs. Paris, Imprimerie nationale, 513.
12. Charles-Picard G. 1959. La civilisation d’Afrique romaine. Paris, Ed. Plon, 407.
13. Courtois C. 1955. Les Vandales et l’Afrique. Paris, Arts et métiers graphiques, 166.
14. Frezouls E. 1957. Les Baquates et la Province romaine de Maurétanie Tingitane. *BAM (II)*: 65–116.
15. Heather P. 2006. The Fall of the Roman Empire. London, Pan Books, 572.
16. MacKendrick P. 1980. The North African Stones Speak. Chapel Hill, University of North Carolina Press, 430.
17. Mommsen T. 1856. Römische Geschichte. Vol. I. Berlin, Weidmannsche Buchhandlung, 928.
18. Sigman M.C. 1977. The Romans and the indigenous tribes of Mauritania Tingitana. *Historia*, 26.: 415–439.
19. Troussel P. 2001. Territoires de tribus et frontières au sud de l’Africa Proconsularis. Histoire des Hautes Steppes, Antiquité – Moyen – Age: Actes du Colloque de Sbeitla: 59–68.
20. Vanacker W. 2013. Aedemon, Lusius Quietus and the Baquates. Ties of Resistance and Co-operation. *Mnemosyne*. Vol. 66 (4–5): 708–733.

Ссылка для цитирования статьи Reference to article

Усков Г.В. Экономические отношения между городами и берберскими племенами в римской северной Африке эпохи Антонинов. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2019. Т. 46. № 3. С. 420–425. doi: 10.18413/2075-4458-2019-46-3-420-425

Uskov G.V. Economic relations between the cities and Berber tribes in the roman North Africa of the era of the Antonines. *Belgorod State University Scientific Bulletin. History. Political Science*. 2019. V 46. № 3. P. 420–425. doi: 10.18413/2075-4458-2019-46-3-420-425

УДК 94(37)07,08

DOI 10.18413/2075-4458-2019-46-3-426-430

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ПЕРЕВОДЫ, ИЗДАНИЯ И ЗНАЧЕНИЕ
СОЧИНЕНИЯ ОРИГЕНА «О НАЧАЛАХ»****ORIGIN, TRANSLATES, EDITIONS, AND VALUE OF ORIGEN'S WORK
«ON THE PRINCIPLES»****А.Д. Стржалковская
A.D. Strzhalkovskaya**Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: Strzhalkovskaya@bsu.edu.ru

Аннотация

Благодаря многочисленным произведениям Ориген, с одной стороны, занял весомое место в рядах учителей христианской Церкви, но с другой – стал фигурой, осужденной на Пятом Вселенском соборе. В работе отмечается, по имеющимся сведениям, что такой неоднозначной репутацией Ориген обязан преимущественно трактату «О началах». «О началах» стало одним из самых интересных произведений ранней патристики и носило богословский характер. В нем Ориген предпринял попытку толкования основных догматов христианского учения с точки зрения ученого-философа, что и послужило своеобразным толкованием некоторых специфичных моментов. Эта работа вызвала огромное множество споров, заблуждений и осуждений. Существует два перевода «О началах» – Руфина и Иеронима. Руфин открыто внес изменения при переводе данного текста.

Abstract

Thanks to his numerous works, Origen took a weighty place in the ranks of the teachers of the Christian Church on one side. At the same time, he is a figure convicted at the Fifth Ecumenical Council. It is further noted, according to available information, that Origen is obliged to have such an ambiguous reputation the treatise «On the Principles». «On the Principles» was one of the most interesting works and it was of a theological specifications. In it, Origen attempted to interpret the basic tenets of Christian doctrine, from the point of view of the philosopher-scientist, which served as a certain peculiar way of interpreting some specific points. This work has caused a great many disputes, delusions and condemnations. It served as the beginning of original disputes and gave rise to original origenism. There are two translations of «On the Principles» by Rufin and Jerome. The texts of Jerome Stridonian are valuable in that, among other things, fragments from the lost works of Origen are preserved, but on the whole regarding Jerome his works are mostly philological explanations, which often turn into conversations of a mystic allegorical specifications. But Rufin openly made changes in the translation. The text-translation of Rufin is preserved in the full version, so most of the researchers are based on it.

Ключевые слова: Ориген, творения, оригенизм, произведения, заблуждения, перевод.**Keywords:** Origen, creations, origenism, works, delusions, translation.

Многочисленные сочинения Оригена по текстологии позволили Александрийскому учителю занять значимое место в истории христианской Церкви и оказали значительное влияние на дальнейшее христианское толкование Священного Писания. С одной стороны, Ориген был влиятельной фигурой в истории христианской мысли, с другой стороны, он

имел двусмысленный, полуеретический статус, подтвержденный при его осуждении на Пятом Вселенском соборе в 553 г.

Своей неоднозначной репутацией Ориген был обязан трактату «О началах». Ориген был систематиком и в 230 г. он издал первую вообще попытку систематического изложения христианской философии – знаменитые четыре книги «О началах» (*Περὶ ἀρχῶν, de Principiis*).

На сегодняшний день оригеновский трактат дошел до нашего времени только в латинском переводе, который был сделан в 398 г. Руфином Аквилейским. Примерно в этот же период был сделан другой латинский перевод Иеронимом Стридонским. При этом оба автора придерживались разных взглядов на рассматриваемый трактат. Руфин Аквилейский был сторонником взглядов Оригена, а Иероним Стридонский, наоборот, осуждал некоторые его суждения. В целом труды Иеронима по большей части являются филологическими объяснениями, которые нередко переходят в беседы мистико-аллегорического характера, но нам они ценны еще и в том отношении, что среди всего прочего сохранились отрывки из утраченных произведений Оригена. Из указанных двух переводов Иеронимов перевод, точно воспроизводивший все мысли подлинника и снабженный предисловием с самой нелестной рекомендацией оригенова сочинения, не мог получить широкого распространения. Поэтому Иеронимов перевод скоро вышел из употребления и затерялся. Сохранились только его отрывки (около 30) в письме Иеронима к Авиту. Это письмо Иероним приложил в качестве предисловия к экземпляру своего перевода, посланному им испанскому монаху Авиту (около 410 г.) [Творения..., 1899, с. 11–13].

Итак, второй перевод сохранился лишь фрагментами в некоторых цитатах. Другой же перевод Руфина сохранился в полной версии, и поэтому большинство исследователей опирается именно на него. Этот перевод сохранился с обоими предисловиями Руфина. Он существует во многих рукописях в разных библиотеках Европы и много раз был напечатан [Творения..., 1899, с. 14]. Фрагменты подлинника и точного Иеронимова перевода, а также полемика по поводу Руфинова перевода между Руфином и Иеронимом, дают возможность установить достаточно определенный взгляд на этот перевод.

Руфин в своем предисловии открыто заявляет, что он исправлял сочинение Оригена: «Мы это место как искаженное и подложное или пропускали, или же излагали совершенно с тем правилом, какое он сам утверждает в своих сочинениях...» [Творения..., 1899, с. 54]. Каким образом Руфин делал свои исправления в содержании трактата? В предисловии к книге «О началах» рассмотрено, как вносились изменения, о которых сам переводчик говорит, и что при исправлении использовались три приема: некоторые места он пропускал, в других делал вставки, добавления, иные же изменял в лучшую сторону. Что касается сокращения, то Руфин утверждает, что он пропускал только те места, которые противоречили учению самого Оригена, а не учению церкви; следовательно, по словам Руфина, сокращения должны были сделать сочинение «О началах» не чисто православным, а, так сказать, чисто оригеновским. Второй прием исправлений – это вставки, добавления. Руфин уверяет, что он вносил в сочинение «О началах» не свои слова, но слова самого же Оригена, только из других его произведений. Третий прием исправления – это изменение слов подлинника в хорошую сторону: не вставляя, не пропуская данного места в сочинении Оригена, Руфин перерабатывал его и придавал ему смысл более здравый и согласный с церковным учением [Творения..., 1899, с. 27–31]. Исправление мест, касающихся существенных истин веры, составляет отрицательную сторону Руфинова перевода.

При изучении данного трактата стоит обратить внимание на мнения исследователей личности писателя. Л.П. Карсавин в книге «Святые отцы и учителя Церкви», описывая личность Оригена, говорит, что в 230 г. он издал первую вообще попытку систематического изложения христианской философии. И далее отмечает: «При этом характерно, что синтез Оригена является не только своего рода самопроизвольным следствием органической связи между христианскими идеями, как у прочих учителей и отцов Церкви, но

и сознательно поставленной целью. И Ориген склонен его понимать так же, как понимали свои системы философы и гностики» [Карсавин, 1994].

К вопросу о выборе названия можно заметить, что его выбор можно понимать различно. Одни под началами у Оригена подразумевают главные предметы философского бытия, о которых говорится в сочинении Оригена: Бог, мир, человек. Другие понимают это как начала основных истин христианского вероучения. Наконец, некоторые в названии совмещают то и другое значение – по их мнению, это название указывает на главные предметы бытия, которые служат и главными предметами христианского вероучения, излагаемого в системе Оригена [Творения..., 1899, с. 35].

Происхождение переводов, его название, личность и многогранность автора делают «О началах» одним из самых интересных произведений своего времени. В этом сочинении в наиболее полной и последовательной форме сформулированы автором его специфические и не вполне ортодоксальные взгляды, а также те своеобразные воззрения, которые навлекли на этого учителя церковное осуждение. В нем Ориген рассуждает о таких предметах, относительно которых философы ничего не могли установить.

При изучении содержания текста становится понятно и не удивительно, что эта работа вызвала огромное множество споров, заблуждений и осуждений. Посвященное систематическому изложению христианского вероучения, «О началах» стало первым камнем в науке догматического богословия, и труды других древних догматистов-систематиков находятся под более или менее значительным влиянием системы Оригена, если не со стороны содержания, то со стороны самой идеи, состава и формы ее [Беляев, 1903].

Сочинение Оригена «О началах» в некоторых местах весьма трудно. Кроме того, полнота и ясность в изложении догматических воззрений Оригена в сочинении «О началах» объясняется характером этого сочинения как чисто догматического и притом систематического. Мысли Оригена в нем собраны воедино и изложены связно, без всяких отступлений недогматического характера [Творения..., 1899, с. 3].

Очевидно, что сам Ориген отличал Апостольское Предание от своих довольно вольных толкований и не выдавал свои догадки за догматическое общецерковное убеждение, говоря следующее: «впрочем, сам читатель пусть тщательно обсудит и исследует то, что сказали мы относительно обращения ума в душу и прочее, что, по-видимому, относится к этому вопросу; а мы, со своей стороны, высказали это не в качестве догматов, но в виде рассуждения и изысканий» [О началах II, 8, 4]. «Мы скорее предложили читателю мысли для обсуждения, нежели дали положительное и определенное учение» [О началах II, 8, 5]. «Мы говорим об этих предметах с большим страхом и осторожностью, и более исследуем и рассуждаем, чем утверждаем что-нибудь наврное и определенно. Выше мы указали уже, о чем нужно давать ясные определения, это, думаю, мы и выполнили, говоря о Троице. Теперь же, по мере возможности, мы будем упражняться скорее в рассуждении, чем в определении» [О началах I, 6, 1].

Необходимо упомянуть еще одно обстоятельство, которое затрудняет чтение и понимание текстов Оригена. Еще Евсевий Памфил обращал внимание на диалогичность книг Оригена: в них чередуется изложение мнений церковных и языческих (или еретических); противники же Оригена, не поняв, где он излагает собственную мысль, а где пересказывает чужую, приписывали Оригену мнения, которых он не разделял: «Обвинители Оригена не поняли ни того, как он трактовал этот вопрос (о переселении душ), ни того, что его метод рассуждения по сути своей таков, что не всегда речь идет от одного и того же лица, но что время от времени обсуждается то, что может быть сказано противоположным способом, и не замечая, что в этом и состоит искусство дискуссии, они обвиняют его в этом учении, уверяя, что он сказал от себя самого то, что он излагал от имени своего противника» [Кураев, 2001].

Общеизвестно, что сочинение «О началах» стоит у истоков оригенизма благодаря заблуждениям, и в этом произведении, по мнению некоторых исследователей, находятся черты еретического понимания «апокатастасиса» – учения о общем спасении грешников и даже демонов, которое было не принято Церковью как догмат, а также о предсуществовании душ и многом другом.

Ещё следует отметить, что некоторые древние и новые писатели считают раннее произведение «Принципы» юношеским, незрелым произведением Оригена. Хотя там уже имеют место некоторые оригеновские заблуждения, которые он сохранил и в зрелые годы, а затем изложил в трактате «О началах».

Первое полное издание сочинения «О началах» почти со всеми фрагментами, греческими и латинскими (Иеронимова перевода), относится к 1733 г.; оно появилось в Париже и принадлежит Делярю. При своей полноте это издание превосходит все прежние издания (парижские, венецианское) [Творения..., 1899, с. 15].

Дошедшее до нас и переведенное на русский язык сочинение «О началах» открывает «Историко-критический очерк», затем предисловие Руфина и предисловие самого Оригена. Здесь Ориген указывает источники христианского вероучения: Священное Писание Ветхого и Нового завета и церковное апостольское предание и другие [Творения..., 1899, с. 37].

Ныне к Оригену и оригенизму наблюдается резкий рост интереса в мировой науке [Crouzel, 1989; Clark, 1992; Malaty, 1995; Williams, 1999; Gasparro, 2003; Jacobsen, 2003; Runia, 2003; McGuckin, 2004; Potter, 2004; Perrone, 2011; Martens, 2012; Trigg, 2012; Vanev, 2015]. Однако отечественная историческая наука далеко отстала в данном направлении. До сих пор нет полного перевода сочинений Оригена на русский язык.

Стоит задача освоения исторического контекста наследия Оригена и оригенизма в истории Поздней античности и Ранней Византии.

Список литературы

1. Беляев Д.А. 1903. Православная богословская энциклопедия. Том 4. Петроград: Издание Петроград. URL: <http://www.biblioteka3.ru.html> (дата обращения: 13.06.2018)
2. Болотов В.В. 2006. Лекции по истории Древней Церкви Т. 1. С-Пб, Аксион Эстин, 234.
3. Бриллиантов А.И. 2014. Лекции по истории древней церкви. М., Директ-Медиа, 440.
4. Евсевий Памфил. 1848. Сочинения. Т. 1. СПб., Типография Е. Фишера, 596.
5. Кураев А.В. 2001. Раннее христианство и переселение душ. М., Троицкое слово; Паломник. URL: <https://azbyka.ru> (дата обращения: 10.01.2019)
6. Карсавин Л.П. 1994. Святые отцы и учителя Церкви (Раскрытие Православия в их творениях). М., МГУ, 334.
7. Творения Оригена, учителя александрийского. 1899. Казань, Изд-во Казанской духовной академии, 385.
8. Сагарда Н.И., Сагарда А.И. 2004. Полный корпус лекций по патрологии. СПб. URL: http://www.odinblago.ru/sagarda_patrologia (дата обращения: 10.02.2019)
9. Vanev, K. 2015. Theophilus of Alexandria and the First Origenist Controversy. Rhetoric and Power. Oxford, University Press, 244.
10. Clark, E.A. 1992. The Origenist Controversy: The Cultural Construction of an Early Christian Debate. Princeton, University Press, 300.
11. Crouzel H. 1989. Origen. Edinburgh, Kings, 322.
12. Gasparro G. 2003. Origene e la magia: teoria e prassi. Origeniana octava. Origen and Alexandrian tradition. Vol. I. Leuven, University Press, 733–756.
13. Jacobsen A.-Ch. 2003. Origen and the Human Body. Origeniana octava. Origen and Alexandrian tradition. Vol. I. Leuven, University Press, 649–656.
14. Malaty T.Y. 1995. Origen. Sidney, Byzantina Australiensia, 358.
15. Martens P. 2012. Origen and Scripture: The Contours of the Exegetical Life. Oxford, Oxford University Press, 318.
16. McGuckin J.A. (ed.). 2004. Westminster Handbook to Origen. Louisville, Univ., 544.
17. Perrone L. 2011. Origenism, Origenist Controversies. Religion Past and Present. Vol. 9. Brill, 376–379.
18. Potter D.S. 2004. The Roman Empire at Bay, AD 180–395. Routledge, 792.
19. Runia D. 2003. Origen and Hellenism. Origeniana octava. Origen and Alexandrian tradition. Vol. I. Leuven, University Press, 43–48.
20. Trigg J. 2012. Origen. London, Routledge, 312.
21. Williams R. 1999. Origen: Between Orthodoxy and Heresy. Origeniana Septima, 3–10.

References

1. Belyaev D.A. 1903. Pravoslavnyaya bogoslovskaya encyclopedia [Orthodox Theological Encyclopedia]. Tom 4. Petrograd, Petrograd. Available at: <http://www.biblioteka3.ru.html> (accessed: 13.06.2018)
2. Bolotov V.V. 2006. Lektsii po istorii drevney zerkvi [Lectures on the history of the Ancient Church]. T. 1. Saint-Petersburg, Aksion Estin, 234.
3. Brilliantov A.I. 2014. Lektsii po istorii drevney zerkvi [Lectures on the history of the Ancient Church]. Moscow, Direct-Media, 440.
4. Eusebius Pamfil. 1848. Sochineniya [Works]. T. 1. Saint-Petersburg, Printing house E. Fisher, 596.
5. Kuraev A.V. 2001. Rannee christianstvo I pereseleniye dush [Early Christianity and the transmigration of souls]. Moscow, Troitskoe word; Pilgrim. Available at: <https://azbyka.ru> (accessed: 10.01.2019)
6. Karsavin L.P. 1994. Svyatyie otzy I uchitelya zerkvi (Raskrytiye pravoslaviya v ih tvoreniyah) [Holy Fathers and Teachers of the Church (Disclosure of Orthodoxy in their creations)]. Moscow, Moscow State University, 334.
7. Tvoreniya Origena, uchitelya alexandriyskogo. 1899. [Creations of Origen, teacher of Alexandria]. Kazan, Publishing house of the Kazan Theological Academy, 385.
8. Sagarda N.I., Sagarda A.I. 2004. Polnyy korpus lektsiy po patrologii [Full body of lectures on patrology]. Saint Petersburg. Available at: http://www.odinblago.ru/sagarda_patrologia (accessed: 10.02.2019)
9. Banev, K. 2015. Theophilus of Alexandria and the First Origenist Controversy. Rhetoric and Power. Oxford, University Press, 244.
10. Clark, E.A. 1992. The Origenist Controversy: The Cultural Construction of an Early Christian Debate. Princeton, University Press, 300.
11. Crouzel H. 1989. Origen. Edinburgh, Kings, 322.
12. Gasparro G. 2003. Origene e la magia: teoria e prassi. Origeniana octava. Origen and Alexandrian tradition. Vol. I. Leuven, University Press, 733–756.
13. Jacobsen A.-Ch. 2003. Origen and the Human Body. Origeniana octava. Origen and Alexandrian tradition. Vol. I. Leuven, University Press, 649–656.
14. Malaty T.Y. 1995. Origen. Sidney, Byzantina Australiensia, 358.
15. Martens P. 2012. Origen and Scripture: The Contours of the Exegetical Life. Oxford, Oxford University Press, 318.
16. McGuckin J.A. (ed.). 2004. Westminster Handbook to Origen. Louisville, Univ., 544.
17. Perrone L. 2011. Origenism, Origenist Controversies. Religion Past and Present. Vol. 9. Brill, 376–379.
18. Potter D.S. 2004. The Roman Empire at Bay, AD 180–395. Routledge, 792.
19. Runia D. 2003. Origen and Hellenism. Origeniana octava. Origen and Alexandrian tradition. Vol. I. Leuven, University Press, 43–48.
20. Trigg J. 2012. Origen. London, Routledge, 312.
21. Williams R. 1999. Origen: Between Orthodoxy and Heresy. Origeniana Septima, 3–10.

Ссылка для цитирования статьи

Reference to article

Стржалковская А.Д. Происхождение, переводы, издания и значение сочинения Оригена «О началах» Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2019. Т. 46. № 3. С. 426–430. doi: 10.18413/2075-4458-2019-46-3-426-430

Strzhalkovskaya A.D. Origin, translates, editions, and value of Origen's work «On the principles» Belgorod State University Scientific Bulletin. History. Political Science. 2019. V 46. № 2. P. 426–430. doi: 10.18413/2075-4458-2019-46-3-426-430

УДК 94(37).08

DOI 10.18413/2075-4458-2019-46-3-431-442

**«IN OMNIBUS DEO BENE PLACENTES»: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ
ПОВЕДЕНИЯ СЕНАТОРОВ-ХРИСТИАН IV–V ВВ.****«IN OMNIBUS DEO BENE PLACENTES»: ECONOMIC BEHAVIOR STRATEGIES
OF CHRISTIAN SENATORS OF THE 4TH – 5TH CENTURIES****Е.С. Зайцева
E.S. Zaitseva**Уральский Федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Россия, 620000, г. Екатеринбург, просп. Ленина, 51Ural Federal University name 1st President of Russia B.N. Yeltsin,
51 Lenin avenu, Ekaterinburg, 620000, Russia

E-mail: zajceva-evgeniya@list.ru

Аннотация

В статье анализируется экономическое поведение римских сенаторов, принявших христианство на рубеже IV–V вв. Проводится сравнение имущественного благосостояния язычников и христиан. Автор приходит к выводу, что обращение в новую религию ускорило процесс «обеднения» позднеримских сенаторских *gentes*. Они, попадая под влияние христианских менторов (Иеронима Стридонского, Паулина Ноланского, Аврелия Августина), распродавали *domus*'ы в Риме и имения в провинциях, финансировали строительство *xenodochium* и титульных церквей, активно участвовали в благотворительной деятельности. Для части сенаторского сословия принадлежность к политической элите оказалась менее значимой, нежели включенность в религиозную и интеллектуальную жизнь, связанную с христианством.

Abstract

This paper discusses the economic behavior of the Roman senators who converted to Christianity at the turn of the 4th – 5th centuries AD. The author compares the property welfare of pagans and Christians. Certainly, a complex of reasons caused the «impoverishment» of the Roman senators: the loss of provincial estates as a result of barbaric invasions, the general impoverishment of state resources, increased taxation, funding of *circenses* for citizens, euergetism. However the adoption of a new religion accelerated the process of «impoverishment» of the late Roman senatorial *gentes*. Getting under the influence of Christian mentors (St. Jerome, Paulinus Nolanus, Aurelius Augustinus), they sold *domus* in Rome and estates in the provinces, financed the construction of *xenodochium* and titular churches, actively participated in charitable activities. It did not cause rejection of the aristocrats because it was a continuation of the practice of patronage. The institute of secular patronage was in crisis during this period. And the bishops did everything to get rich Roman patrons into one's folds. For a part of the senatorial class, belonging to the political elite turned out to be less significant than involvement in the religious and intellectual life associated with Christianity.

Ключевые слова: Поздняя античность, римские сенаторы, христианство, западная Римская империя, христианский эвергетизм и патронат, титульные церкви.

Key words: Late Antiquity, Roman Senators, Christianity, Western Roman Empire, Christian Euergetism and Patronage, Titular Churches.

В последние века существования в западной Римской империи важной исторической силой стало христианство, превратившееся в течение IV в. из гонимой религии

в государственную. Процесс христианизации римского общества¹ и, в частности, аристократии² подробно изучен в историографии, став особенно популярным после публикации работы П. Брауна [Brown, 1971] и ряда других приверженцев концепции поздней Античности, которые сделали в своих исследованиях акцент на культурных изменениях в обществе, связанных с принятием новой религии.

Христианство неизбежно отразилось на повседневной жизни его адептов. Аммиан Марцеллин в «Res Gestae»³, наиболее информативном историческом сочинении, посвященном жизни позднеантичного общества, проводил мысль о том, что «людям, стремящимся к сану епископа, есть за что бороться. Ведь по достижении этого сана им предстоит жить в благополучии, обогащаться *добровольными пожертвованиями со стороны матрон*⁴, расхаживать в великолепных одеяниях и разъезжать в прекрасных экипажах, задавать пиры столь роскошные, что яства их превосходят императорский стол...»⁵ (Аmm. XXVII.3.14–15). Со стороны христианских авторов о подобных же явлениях в своих письмах говорит Иероним Стридонский, особенно активно общавшийся с представителями римской аристократии и поощрявший такие дары в пользу церкви⁶. Действительно, аристократы-христиане, благодаря своему высокому положению и финансовой состоятельности, получили возможность общаться напрямую с высшим клиром, в том числе с Отцами Церкви и епископами. Поэтому в статье хотелось бы обратиться к вопросу о том, какое влияние принятие христианства оказало на имущественное благосостояние senatorского сословия; насколько замечание Марцеллина о расточительности сенаторов в пользу епископов оказалось соответствующим действительности.

Традиционно senatorское сословие являлось богатейшим слоем римского общества. Сенаторы владели лучшими землями, в их собственности находилось множество рабов, а дома размещались в историческом центре Рима. Для попадания в высшее сословие кандидату было необходимо преодолеть имущественный ценз, составлявший со времен Октавиана Августа 1 млн сестерциев (Dio LIV. 17; Suet. Aug. 41; Tac. Ann. I. 75, II. 37).

Следствием кризиса, охватившего империю в течение III в., стало обнищание основной части населения. Происходило повсеместное обесценивание денег и, как итог, стремительный рост цен. Не случайно одной из основных реформ Диоклетиана, предпринятых для стабилизации государственной жизни, стал «Эдикт о твердых ценах», изданный им в 301 г. Он являлся попыткой зафиксировать максимальные расценки на основные продукты питания, сырье, одежду и услуги, установить твердый размер оплаты труда для основных видов ремесленной деятельности. «Эдикт о твердых ценах» утверждал некую среднестатистическую «нормальную» стоимость товаров и услуг с точки зрения государственной власти [Уильямс, 2014, с. 156–195].

Во всем государстве происходил спад коммерческой деятельности, вызванный постоянной опасностью, которой подвергались наиболее богатые и развитые в экономическом

¹ Обзор зарубежной и отечественной историографии по данному вопросу см.: [Ведешкин, 2014, с. 34–75].

² Христианизации римской аристократии посвящен огромный пласт литературы. См., например, раздел, посвященный христианизации сенаторов, в недавно вышедшем сборнике: [Pagans and Christians in Late Antique Rome, 2016, p. 11–114]; см. также: [Novak, 1979, p. 271–310; Barnes, Westal, 1991, p. 50–61; Barnes, 1995, p. 135–147; Curran, 2000, p. 260–320; Salzman, 2002].

³ Аммиан часто навлекает на себя критику из-за «пристрастности» по отношению к senatorской аристократии Рима и чрезмерного изобличения пороков высшего сословия города. См., например: [Cameron, 1964, p. 5–28; Kohns, 1975, p. 485–491]. В противовес Л. Руджини предполагает, что критика Аммиана могла относиться не ко всем представителям senatorского сословия, а была направлена в адрес отдельных персонажей, в частности Меммия Витразия Орфита [Cracco Ruggini, 2003, p. 371–372].

⁴ По поводу благотворительной деятельности со стороны римских матрон, см.: [Consolino, 1989, p. 969–991; Elm, 1996, p. 25–60].

⁵ Здесь и далее Аммиан Марцеллин приводится в переводе Ю. Кулаковского, А. Сонни.

⁶ Говоря о воспитании Павлы, дочери Токсоция и Лэты, Иероним пишет: «Рожденная вследствие обета должна жить так, как жили те, которые были рождены по обету... Пусть она воспитывается в монастыре, вступит в лики дев... не имеет понятия о мире... Если пришьешь Павлу, даю торжественное обещание, что сам буду лично и учителем ее, и воспитателем» (Jer. Ep. 107).

отношении провинции Галлии, Малой Азии, Сирии, Причерноморья, Африки. Как свидетельствует Геродиан, «некто весьма круто управлял Карфагенской страной и вместе со всевозможными жестокостями завел штрафы и денежные поборы, желая быть на хорошем счету у Максимиана... Тогдашние управители казны, если они в редких случаях и оказывались честными, то все же, имея перед глазами опасность и зная о его сребролюбии, невольно подражали остальным»¹ (Herod. VII. 4.2). У населения отсутствовала хоть какая-то уверенность в завтрашнем дне, желание возделывать земли, разоренные в результате затянувшегося периода «солдатских императоров» (235–84 гг.) [Ростовцев, 2001, с. 184–186].

Таким образом, с одной стороны, длительная гражданская война, а с другой, постоянная угроза варварских набегов сделали свое дело: основная часть населения империи находилась в состоянии бедности. Однако нам представляется недопустимым полностью распространять этот вывод на самых состоятельных граждан Римской империи – сенаторов. Их положение к концу III в. тоже изменилось, но не так резко.

Обстоятельства разбросали членов сенаторских семейств по разным полюсам богатства и бедности. С одной стороны, значительная часть старых патрицианских родов выродилась к началу и в течение кризиса III в. Этому поспособствовало множество факторов, в том числе и политика принципсов, когда в результате проскрипций или по прихоти отдельных правителей, возбуждавших дела по обвинению в государственной измене или заговоре против императора, гибли целые семейства; множество свидетельств об этом сохранилось еще у Тацита (Tac. Ann. II.31, III.15, VI.26). В основном представители старых сенаторских семейств смогли сохраниться по женской линии, то есть их прямых потомков в период поздней империи практически не осталось.

С другой стороны, часть представителей сенаторского сословия все же смогла выжить, и в целом положение таких «старых» фамилий к началу IV в. оставалось финансово благополучным. Собственность этих сенаторов за время кризиса III в. не пострадала. Скорее, наоборот, воспользовавшись анархией в государственном управлении, они не только сохранили, но и смогли приумножить ее. Избавленные от бремени муниципальных сборов, представители римской знати увеличивали свои земельные владения, доставшиеся им от предков [Ростовцев, 2001, с. 185]. Таким образом, сенаторское сословие поляризовалось: на одном полюсе находились обнищавшие представители старых фамилий, сходявшие с политической арены, на другом – баснословно богатые сенаторские семейства, сумевшие приспособиться к ситуации и извлечь экономические выгоды из дестабилизации. Кризис III в. пополнил ряды сенаторской аристократии новыми членами, теми, кто смог выдвинуться в период смуты и передать свой высокий статус потомкам. Эти *homo novus* по своему финансовому положению стремились примкнуть как раз к членам старых сенаторских родов, при любой возможности увеличивая свое благосостояние. К «старой аристократии» мы отнесли фамилию Анициев (Anicii) вместе с ее «боковыми ответвлениями» – Петрониями (Petronii), Бассаами (Bassi) и Олибриями (Olybrii)²; Валериев – Арадиев (Valerii Aradii); Цезониев (Caesonii); Нуммиев (Nummii); Вириев (Virii); Веттиев (Vettii)³. К сенаторам, возвысившимся в течение кризиса III в. и позже, принадлежали Цецины Сабинны (Caecini Sabini), в начале IV в. плотно инкорпорировавшиеся в семью Цейониев Руфиев (Ceionii Rufii); Цейонии Юлианы (Ceionii Iuliani); союз Флавианов – Симмахов (Flaviani Symmachi), к которому в конце IV в. присоединились Никомахи (Nicomachi); Турции (Turcii); Деции (Decii). На чем же основывалось благополучие сенаторских семей?

Нормой для сенаторов было владение множеством поместий в традиционных сенаторских провинциях – Африке, Ахайе, Испании. Поскольку в этих регионах сенаторы занимали руководящие должности из поколения в поколение, вполне логично, что они

¹ Пер. М.В. Скржинской.

² По поводу объединения Анициев и Петрониев в один клан см.: [O'Donnell, 1981, p. 136–141; Cameron, 2012, p. 133–136].

³ Критерием отбора стало время занятия представителями семей высших сенаторских должностей – консульства и городской префектуры, см.: [Mennen, 2011, p. 74, 83–134].

успели обзавестись там виллами. Кроме того, сенаторы имели поместья в Италии¹. Во время принципата императоры неоднократно издавали специальные постановления, регламентирующие этот сегмент сенаторского землевладения. К примеру, при Траяне всех кандидатов на должность квестора и, следовательно, на место в сенате обязали инвестировать треть своей собственности в италийскую землю (Plin. Ep. VI.19).

Часть сенаторских семейств действительно обладала баснословными богатствами. Известный философ и общественный деятель второй половины IV в. Квинт Аврелий Симмах (Q. Aurelius Symmachus Eusebius 4)² «имел три больших дома в Риме, дом в Капуе, 15 вилл, из которых 3 были расположены недалеко от Рима, а 12 – на юге Италии. Кроме того, он имел приносящие доход имения в Семниуме, Апулии, Сицилии и Мавретании» [Шкаренков, 2004, с. 13]. При этом историк Олимпиодор, посетивший Рим после разграбления города вестготами в 410 г., отмечает, что Симмах был вовсе не самым богатым сенатором по меркам римских аристократов: «Симмах, логограф, сенатор со средним достатком...»³ (Olympiod. fr. 44).

Этот же автор дает нам возможность понять, что представляли собой сенаторские резиденции в Риме середины IV в.: «Каждый из больших домов ... включает в себя все, что может иметь средних размеров город» и далее – «дом – это город: в столице же тысячи городов» (Olympiod. fr. 43). В обычном городском поместье римского богача находился ипподром, форум, храмы, фонтаны и всевозможные бани⁴. Все это великолепие содержалось на средства, получаемые от имений в провинциях: «Многие римские дома получали от своих владений по сорок кентинариев золотом ежегодно, кроме хлеба, вина и прочих продуктов, стоимость которых, если бы их продать, равнялась трети вносимого золота. Доход же второстепенных домов в Риме равняется пятнадцати или десяти кентинариям»⁵ (Olympiod. fr. 43).

Приведенные сюжеты говорят о том, что в IV в. существование сенаторского сословия было довольно стабильным, варварскую угрозу все еще удавалось обуздать, и вроде бы ничего не предвещало беды. Однако примерно с середины IV в. в источниках, в том числе эпиграфических, мы все чаще встречаем свидетельства о том, что члены сенаторского сословия начали обращаться к христианству. И как оказалось, в перспективе эта новая религия подточила финансовое благополучие сенаторского сословия. Чтобы лучше понять этот процесс, рассмотрим вкратце религиозную аффилиацию каждой отдельной семьи.

Среди представителей Валериев – Арадиев мы находим двух христиан – Валерия Севера (Val. Severus 29), префекта Рима 382 г., и его сына Валерия Пиниана (Valerius Pini-anus 2)⁶. У Валерия Севера был еще один сын, Север (Severus 2), однако являлся ли он христианином, неизвестно. После смерти отца между братьями разгорелась усобица по поводу наследства. Валерий Пиниан в возрасте 17 лет женился на Мелании (Melania 2), два их ребенка умерли еще в младенчестве (V. Mel. Gr. 1, 5, 6; Pall. Hist. Laus. 61), и они решили посвятить дальнейшую жизнь религии, занимаясь благотворительностью и иными делами. Семья вращалась в кругах видных теологов, в частности, они вступили в кружок римских аристократов-христиан, основанный Паулином в Ноле. Кроме того, Мелания и Пиниан часто проводили время в благочестивых путешествиях и паломничествах. Известно, что незадолго до 410 г. они сопровождали Альбину (Albina 2), мать Мелании, в Африку, некоторое время проживали в Гиппоне, затем отплыли в Египет и, наконец, поселились в Иерусалиме (V. Mel. Gr. 20, 34, 35). На все эти предприятия требовалось немало

¹ Подробное описание сенаторского поместья IV в. в Бруттии (Bruttii) см.: [Bruni, 2009, p. 30–87].

² Здесь и далее в скобках приводятся имена сенаторов с соответствующим номером по «Просопографии поздней Римской империи» [Jones, Martindale, 1971; Jones, Martindale, 1980].

³ Здесь и далее Олимпиодор приводится в переводе Г.С. Дестуниса.

⁴ Описание сенаторских domus в Риме см., например: [Hillner, 2003, p. 129–145; Barbera, Palladino, Paterna, 2008, p. 75–98, 349–354]. Расположение некоторых сенаторских домов в Риме см.: [A New Topographical Dictionary of Ancient Rome, 1992].

⁵ Кентинариями называли золотые монеты весом сто ливров или римских футов. Он равнялся примерно 32,7 кг золота. Кентинарий золота, таким образом, представлял собой довольно значительную сумму.

⁶ Его приверженность к христианству основана на надписи ILCV 1592.

средств, и они у Пиниана имелись, ведь его богатство едва не стало причиной получения им поста священника в Гиппоне (Aug. Ep. 125-6)¹. Пиниан унаследовал часть средств своего отца. Другая часть отошла брату Северу. Видимо, Север был против того, чтобы имущество уходило из семьи и растрачивалось на благотворительность, поскольку выступал против продажи собственности Пинианом и Меланией, что и стало причиной конфликта между братьями (V. Mel. Gr. 10, 12).

Аниции достигли высот могущества при Константине, когда благодаря усилиям Аниция Юлиана (Amnius Anicius Iulianus), Аниция Паулина (Sextus Anicius Paulinus), Юлиана Аниция Паулина младшего (Amnius Manius Caesonius Nicomachus Anicius Paulinus iunior) префектура Рима почти на целое десятилетие оставалась «закрепленной» за семьей, кроме того, все они были консулами. Однако к середине IV в. их дела явно пришли в расстройство – вплоть до 370-х гг. ни один Аниций не занимал высоких должностей в Риме. Именно в момент упадка появился Секст Клавдий Петроний Проб, ставший консулом в 371 г. и объявивший себя в одной из надписей «Sexto Petronio Probo Aniciae domus culmini...» (C.I.L. VI. 1753). Петроний не был Аницием по прямой линии, а женившись на представительнице рода, переживающего не лучшие дни, предпочел назначить себя «покровителем» дома Анициев, взяв на себя роль главного наследника семьи [Cameron, 2012, p. 133–136]. Борьба за лидерство внутри рода, вероятно, и обусловила принятие Аницием Авхением Бассом (Anicius Auchenius Bassus 11) христианства. Он объявил себя в противовес Петронию Пробу «restitutore generis Aniciorum» («реставратором рода Анициев») и стал христианином уже в конце IV в. (Coll. Avell. 2.84–85), предпочтя религию, которой покровительствовали императоры, вере предков. Аниция Фальтония Проба (Anicia Faltonia Proba 3), проживавшая в конце IV – начале V вв. в Риме, также была уже истовой христианкой. Вскоре после разграбления Рима в 410 г. она переехала в Африку (Jer. Ep. 130.7). Унаследовав довольно обширные поместья в Азии, Аниция завещала доходы от них для поддержки духовенства, бедняков и монастырей.

Женщины из рода Цейониев Руфиев уже в середине IV в. принимали христианство с охотой. Они вели активную переписку с ведущими теологами IV в. и чувствовали себя в среде христиан «на своем месте».

К середине V в. начался переход в христианство и мужчин. Руфий Антоний Агриппний Волузиан (Rufius Antonius Agrypnius Volusianus 6) с рождения был язычником, однако отторжения у него христианское учение, по-видимому, не вызывало. Он состоял в переписке с Августином, обсуждая религиозные вопросы (Aug. Ep. 16), однако сам не торопился принимать новую религию. В 436 г. Волузиан в связи с женитьбой императора Валентиниана III отправился в составе посольства в Константинополь. Во время путешествия он заболел и под влиянием племянницы Мелании, христианки, сменил веру. Руфий Антоний Агриппний Волузиан умер в начале 437 г. под именем Епифаний (V. Mel. Gr. 50–55; V. Mel. Lat. II. 19–24). Трудно сказать, насколько он сам желал перейти в новую религию, однако в этом случае можно допустить искренность принятого им решения. Следующие поколения мужчин в роду были уже христианами.

Цецины Сабини, посредством матримониальных отношений вошедшие в семью Цейониев Руфиев, также принадлежали к христианским кругам.

Цейонии – Юлианы оставались язычниками приблизительно до последней четверти IV в. Два последних известных представителя фамилии – Цейоний Камений (Caesonius Camenius 2) и Цейония Фусциана (Caesionia Fusciana), брат с сестрой, предположительно, дети Алфения Цейония Юлиана Камения (Alfenius Ceionius Iulianus Kamenius 25), стали христианами (C.I.L VI 21787 = D 08533 = ILCV 00096 = AE 1994, 00111). Нельзя сказать точно, связано это или нет, но они не вступили в брак и не оставили потомков. Причины назвать сложно,

¹ Христианские общины испытывали нужду в богатых покровителях и иногда, чтобы заполучить такого человека, прибегали к не совсем обычным методам. Дж. Харрис приводит случай из письма Иеронима, согласно которому некий богатый сенатор Паулин был без его согласия возведен в сан епископа в Барселоне в 394 г. Затем этому аристократу пришлось бежать в Нолу [Harrises, 2003, p. 126].

однако семья угасла. Возможно, на этот процесс повлияло обвинение в колдовстве и занятиях магией нескольких членов семьи в период между 368 и 371 гг. (Amm. XXVIII.1.27)¹.

Род Турциев был сторонником традиционных верований еще во второй половине 70-х гг. IV в., поскольку Луций Турций Секунд Астерий (Lucius Turcius Secundus Asterius 6) в 376 г. занимал должность квиндецемвира священнодействий (C.I.L. VI. 31118). Однако вскоре ситуация в семье изменилась, и она довольно показательна. Их фамильное поместье *Domus Turciorum* («Дом Турциев») располагалось на Эсквилине, рядом с базиликой Св. Сильвестра и Мартина. На территории виллы был обнаружен в 1793 г. «Эсквилинский клад». Он очень хорошо исследован и еще в начале XX в. включен в каталог Британского музея, составленный О. Дальтоном [Dalton, 1901, p. 61–77]. Частично позолоченные шкатулки Проекты², богато украшенные изображениями, выполненными еще в языческом стиле, но с христианскими надписями, украшения, серебряные кувшины, сосуды, кухонная утварь – все эти сокровища принадлежали Проекте (Proiecta) и ее мужу Турцию Секунду (Turcius Secundus 4). Опасность варварских вторжений и разграбления Рима вынудили их закопать свое имущество в землю, что и позволило ему так хорошо сохраниться.

Секунд и Проекта стали первыми христианами в семье Турциев. Их обращение в новую веру произошло примерно в конце IV в. [Dalton, 1901, p. 64]. Показательно, что в этот момент, стараясь спасти свое имущество от разграбления готами, они не продали свои сокровища, чтобы пустить деньги на благотворительность, а закопали, надеясь впоследствии вернуть. Христианские принципы «раздать все бедным» еще не укоренились в семье. Видимо, отдавали на благотворительность те, на кого наибольшее влияние оказывали проповедники. Эта же семья на тот момент близко с ними не общалась. А вот брат с сестрой Астерий (Asterius 3) и Эвномия (Eunomia), потомки Проекты и Секунда, более ревностные христиане, рожденные в семье, обращенной уже в течение нескольких поколений, «...во всем угождавшие Богу. Они легко и скоро обратились от жизни рассеянной и роскошной к жизни добродетельной и воздержанной, за что удостоились христианской кончины»³ (Pall. Hist. Laus. CXXXIV). Они, общавшиеся близко с Паулином Ноланским, продали дом в Риме и переехали в Нолу, где вошли в «кружок» христиан знатного происхождения, организованный Паулином (Paul. Nol. Carm. XXI. 313–325). Таким образом, из типично языческой семьи в начале IV в. Турции превратились в искренних христиан, утратив при этом довольно видное положение в Риме.

Остальные сенаторские семьи – Цезонии⁴, Нуммии⁵, Вирии⁶, Веттии¹, клан Флавианов – Симмахов – Никомахов² – к концу IV в. христианства еще не приняли³, оставаясь до последней возможности сторонниками языческих верований.

¹ По поводу подобных обвинений как способе смещения политических конкурентов см.: [Barnes, 1975, p. 40–49].

² Изображение и описание шкатулки см.: [Dalton, 1901, p. 61].

³ Перевод приводится по изданию: Палладий, епископ Еленопольский. Лавсаик, или повествование о жизни святых и блаженных отцов. М., Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2003.

⁴ Пик активности рода Цезониев пришелся на III в., и упоминания представителей этой фамилии в источниках IV в. почти не встречаются. Луций Цезоний Овиний Манлий Руфиниан Басс (L. Caesonius Ovinus Manlius Rufinianus Bassus 18), префект Рима 285 г., еще, безусловно, был язычником, данных о религиозной принадлежности его сына Цезония Басса (Caesonius Bassus 12) не сохранилось. Дочь префекта вышла замуж за представителя семьи Анициев, таким образом, Цезонии вошли в более сильный клан, и их история продолжилась в рамках другой семьи.

⁵ Упоминаний о религиозной принадлежности семьи Нуммиев не так много. До нас дошла только спорная надпись о сенаторах, сделавших неизвестные платежи, предположительно, на финансирование установки статуи Геркулеса [Gatti, 1907, p. 115–121]. Среди них встречается имя Нуммия Туска (Nummius Tuscus 1) (C.I.L. VI. 37118), поэтому, вероятно, он был язычником. Никто из известных представителей семьи Нуммиев не принял христианство.

⁶ В IV в. фамилия Вириев все еще встречается в источниках. К примеру, Вирий Луп (Virius Lupus 6) был проконсулом Африки между 337 и 361 гг., однако все же расцвет семьи пришелся на III столетие. Также известно о нескольких консулярах Вириях (Вирий Галл (Virius Gallus) – корректор Кампании, консул 298 г.; Вирий Луп Викторин (Virius Lupus Victorinus 7) – консуляр Кампании в середине / конце IV в.; Вирий Турбон (Virius Turbo) – консуляр Кампании 361/363 гг.; Вирий Вибин (Virius Vibinus) – консуляр Кампании

Таким образом, «первая волна» принятия сенаторами христианства пришлось на середину – конец IV в. В этот момент обращение в новую веру происходило скорее добровольно. Остальные аристократы тоже пришли к христианству в течение V в. под все увеличивавшимся давлением со стороны императорских постановлений. Среди «старой аристократии» адептами религии Христа стали Аниции, Петронии, Валерии и Арадии, из «новой» – Цейонии Руфии вместе с Цецинами Сабинами и Турции. Именно эти семьи и стали «лидерами» среди сенаторских фамилий в V и VI вв. В их ряды позже влились Деции, также исповедовавшие христианство. Остальные аристократы, так жадно боровшиеся за языческое наследие, постепенно сошли с исторической сцены, за исключением Флавианов – Симмахов, которые смогли в итоге адаптироваться к новым реалиям. Те же, кто придерживались веры предков, но в социальном и политическом отношении не были так сильны, как Флавианы – Симмахи, в дальнейшем все больше утрачивали свое положение.

Большинство сенаторов из «старой аристократии» остались язычниками, большинство *homines novi* приняли христианство. Вероятно, причина этого кроется в их различных модусах поведения. Новые сенаторы быстрее адаптировались к меняющейся религиозной ситуации, поскольку личные способности и политическая проницательность в недавнем прошлом позволили их предкам закрепиться у власти и заложить основу для возвышения своих потомков и вхождения их в круг высшей аристократии Рима. Они увидели в христианстве силу, которая дает возможность оставаться у власти и получать должности. Возможно, неосознанно эти аристократы-христиане дали такое преимущество своим потомкам, первоначально принимая христианство не по этой причине, а попав под увещевания менторов. Они близко общались со многими почитаемыми христианскими лидерами – Иеронимом Стридонским, Паулином Ноланским, Августином Блаженным. Во многом поэтому они так легко расставались со своим имуществом, следуя призывам популяризаторов отдать все Церкви или на благотворительность.

Приходится констатировать, что члены сенаторских родов немало поспособствовали своему «обеднению». Принявшие христианство в середине – конце IV в. часто завещали недвижимое имущество церкви, отдавали все имеющиеся в их распоряжении средства на благотворительность, в частности, строительство и реставрацию храмов, странноприимных домов, благотворительность. Вероятно, с нашей точки зрения, это могло выглядеть как понижение социального статуса, однако сами сенаторы-христиане так ситуацию вовсе не воспринимали, поскольку она соответствовала общим тенденциям времени и была продолжением практики римского светского патрона.

Так поступил Паммахий, истратив свое состояние, оставшееся в его единоличном распоряжении после смерти жены Паулины, на благотворительность⁴. Он построил дом для странников в римском порту (Paul. Nol. Ep. 13)⁵. Марцелла вела аскетический образ

IV/V вв. О их религиозной принадлежности в надписях не сообщается). Однако семья до конца IV в. явно была языческой, поскольку ее представитель, Вирий Никомах Флавиан (Virius Nicomachus Flavianus 15) известен своей борьбой за сохранение статуи Победы в здании сената и считается одним из лидеров «языческой оппозиции», до последнего отстаивавшей веру предков [O'Donnell, 1978, p. 129–143].

¹ Веттии почти наверняка оставались язычниками вплоть до конца IV в., поскольку Веттий Агорий Претекстат (Vettius Agorius Praetextatus 1), занимавший многочисленные жреческие должности, являлся предшественником Никомаха Флавиана на «посту» главного хранителя религии отцов [Ведешкин, 2011, с. 26–34].

² Флавианы – Симмахи известны как истовые язычники, боровшиеся за сохранение статуи алтаря Победы [Казаков, 1995, с. 163–164].

³ Деции к моменту своего возвышения были уже христианами.

⁴ Часть жизни Паммахия была связана со светской властью: до 396 г. он либо номинально, либо действительно занимал должность проконсула Африки. После смерти своей жены Паулины Паммахий, вероятно, под влиянием Иеронима Стридонского, отошел от занятия государственных постов и сосредоточился на участии в церковной жизни (Jer. Ep. 66; Paul. Nol. Ep. 13; Pall. Hist. Laus. 62).

⁵ Помимо постройки странноприимного дома (*Xenodochium*) в Римском порту (*Portus Romae*) (Pall. Hist. Laus. 62) он также спонсировал строительство нартекса для базилики Св. Петра (Paul. Nol. 13) и в 398 г. титульной церкви (*tituli Pammachii*), располагавшейся на холме Целий (Rossi II. 150. n. 20), совр. базилика Santi Giovanni e Paolo al Celio. По поводу титульных церквей см.: [Hillner, 2007, 225–261].

жизни, основав монастырь у себя в доме на Авентине, в который, вкладывала все средства (Jer. Ep. 47.3; 127.5). Мелания, внучка Цейония Руфия Альбина, была яркой сторонницей христианского учения, часто отправлялась в паломничества по святым местам. Она владела собственностью в Испании, которую продала, отправившись на постоянное жительство в Палестину. Полученные от продажи деньги Мелания потратила на благотворительность и основание монастырей (Paul. Hist. Laus. 54). Заметим, что годовой ее доход до этого оценивался в 120 тыс. солидов (V. Mel. Gr. 15).

Нельзя сделать однозначный вывод о влиянии на процесс обеднения сенаторов исключительно принятия христианства. Безусловно, здесь стоит говорить о комплексе причин: утрата провинциальных имений в результате варварских вторжений, общее истощение ресурсов государства, повышение налогообложения, финансирование зрелищ для горожан, эвергетизм. Однако в целом тенденция вполне заметна, и она состоит в ухудшении имущественного благосостояния сенаторского сословия. Особенно четко она прослеживается среди семей, принявших христианство в «первой волне». Беда этих фамилий заключалась в одном – они слишком сблизилась с Отцами Церкви, горящими идеей отдать, раздать «все во славу Божию». Аристократия, принявшая эту идеологию, пренебрегала государственными должностями, самовольно оставляя свои посты; продавала свои имения. Подобные тенденции являлись продолжением традиций римского патроната, поэтому не вызывали отторжения. Однако в условиях кризиса императорской власти на Западе, институт светского патроната также оказался в кризисе, в то время как епископы делали все, чтобы пополнить в свои ряды богатых римских меценатов [Kalas, 2013, p. 300].

Более того, среди таких меценатов действительно довольно часто встречаются римские матроны, так что утверждение Марцеллина выглядит вполне правдоподобным. В качестве организаторов богаделен и покровительниц бедняков, больных и чужеземцев зажиточные женщины в средиземноморских городах получали высокий общественный статус, что чрезвычайно редко встречалось в любых иных сферах общественной жизни во времена поздней империи. Женщины быстро осознали, что новая религия позволяет им занять более весомое положение в обществе. Она сулила определенные перспективы. Об этом свидетельствует многочисленная переписка представительниц аристократических родов с Иеронимом Стридонским. Женщины смогли получить даже в некотором смысле богословское образование, занимались чтением книг (Jer. Ep. 87), обсуждали теологические вопросы, принимали просителей-христиан, основывали монастыри, вели миссионерскую работу (Paul. Hist. Laus. De Melania). Такая самостоятельность устраивала их гораздо больше, нежели место, которое им отводилось в религии языческой. Ведь, по большому счету, язычество – религия мужская, ориентированная на представителей сильного пола. Женщины принимали незначительное участие в отправлении культов, кроме некоторых специальных, вроде культа Весты, где жрицами-весталками были девушки. Но ведь их количество было очень незначительно среди общей массы женщин населения империи. В христианстве же женщины увидели некий социальный лифт, возможность занять более весомое общественное положение, чем они и воспользовались.

Женщины-христианки действительно поддерживали довольно тесные отношения с епископами. Покровитель бедных и защитник влиятельных женщин, которые всю свою энергию и все свое богатство отдавали служению Церкви, духовный наставник многочисленной группы вдов и дев, епископ приобрел значительный вес в античном городе IV века. По выражению В.И. Уколовой, «здесь [в Риме. – Е.З.] все благосклонней внимают христианским проповедникам вроде красноречивого блаженного Иеронима, у ног которого возлежат аристократические дамы, пожелавшие обрести вечную жизнь и спасение» [Уколова, 1992, с. 15].

Кроме того, в письмах Иеронима содержится прямой призыв к тому, что следует ограничить свои расходы, тратить на себя лишь минимальные средства, а оставшееся

должно пойти «во славу Божию», которым может распоряжаться епископ¹. Кроме того, епископ обращал свои взоры уже на всю семью, привлекая в лоно церкви супругов и детей своих адресатов, надеясь заполучить значительную часть их состояния. Иероним писал: «Ты скажешь: каким образом успею я присмотреть за всем этим – я, женщина светская, в таком многолюдстве, какое в Риме? В таком случае не бери на себя бремени, превышающего твои силы... отошли к бабке и тетке. Пусть она воспитывается в монастыре... Если пришлешь Павлу, даю торжественное обещание, что сам буду лично и учителем ее, и воспитателем»² (Jer. Ep. 127).

Таким образом, ухудшение материального благосостояния особенно заметно в семьях, принявших христианство в конце IV – начале V вв. Снижался социальный статус этих фамилий, изменялся их образ жизни и характер социального поведения, что в определенной степени было связано с их приобщением к новой религии. Попадая под влияние христианских идеологов, призывающих раздать имущество, аристократия частично отказывалась от карьерных устремлений, уходила с государственных должностей, продавала свои имения, сознательно упрощала условия повседневной жизни. Таким образом, для части сенаторского сословия принадлежность к политической элите оказывалась менее значимой, нежели включенность в религиозную и интеллектуальную жизнь, связанную с христианством. Принятие сенаторами новой веры в конце IV – начале V вв. способствовало их отказу от благ, получаемых от земной власти, в пользу общественного уважения к их морально-нравственному образу жизни и спасения собственной души.

Список литературы

1. Ващева И.Ю. 2012. Кризис римской идентичности в IV–VII вв. Вопросы истории, 10: 110–117.
2. Ващева И.Ю. 2012. «Церковные истории» IV–VII веков: динамика развития жанра. Проблемы истории, филологии и культуры, 2: 129–154.
3. Ведешкин М.А. 2011. Ветгий Агорий Претекстат и языческая оппозиция в римском сенате. Научные ведомости Белгородского государственного университета, 13: 26–34.
4. Ведешкин М.А. 2013. Языческая аристократия Рима и христианство (312–380 гг.). Классическая и византийская традиция. Белгород: 92–98.
5. Ведешкин М.А. 2018. Языческая оппозиция христианизации Римской империи: IV–VI вв. СПб., Алетей, 358.
6. Казаков М.М. 1995. Рим на пути от язычества к христианству. Алтарь Победы. ВДИ. 4: 161–174.
7. Казаков М.М. 1999. Христианская церковь и Римская империя в IV в. В кн.: Очерки истории христианской церкви в Европе (Античность, средние века, реформация). Смоленск, Смоленский гос. пед. ун-т: 24–44.
8. Ростовцев М.И. 2001. Общество и хозяйство Римской империи. Т. 2. Пер. с англ. М., Наука, 411. (Rostovtseff M. 1926. The Social and Economic History of the Roman Empire. Oxford, Oxford University Press, 695).

¹ Однако некоторые христиане сохраняли благоразумие в финансовых вопросах. Альбина, дочь Цейония Руфия Альбина, получив право на имущество от своего отца, передала его детям своего брата Гая Цейония Руфия Волузиана Лампадия (Jer. Ep. 32.2). Не ясно, какой характер носило наследство, можно предположить, что это было имение. Благодаря этому поступку Альбины собственность осталась внутри рода. Она же изначально даже попыталась поправить благосостояние семьи, выдав замуж дочь Марцеллу за Нерация Цереала (Neratius Cerealis 2). Однако дочь ослушалась и не захотела следовать воле матери. Вот как об этом говорит Иероним Стридонский: «Осиротевши после смерти отца, она через семь месяцев после брака лишилась и мужа. Когда Цереал (имя которого знаменито между консулами), по ее молодости, древности рода, чрезвычайной красоте тела (что обыкновенно особенно нравится мужчинам), а также по прекрасному характеру, усиленно домогался ее, когда он, уже старик, обещал ей свои богатства, желая как бы перевести на нее свое имение не как на жену, а как на дочь, и когда ее мать Альбина сильно желала такой сильной поддержки для своего вдовьего дома; то она отвечала: «Если б я желала выйти замуж и не захотела обречь себя на вечный позор, то я, конечно, искала бы мужа, а не наследства...» (Jer. Ep. 127.2.4).

² Письма Иеронима Стридонского цитируются по изданию: Иероним Стридонский. Творения. В 17 ч. Киев, 1879–1903.

9. Уильямс С. 2014. Диоклетиан: реставратор Римской империи. Пер. с англ. М., Евразия, 368. (Williams S. 1997. *Diocletian and the Roman Recovery*. New York; London, Routledge, 424).
10. Уколова В.И. 1992. Поздний Рим. Пять портретов. М., Наука, 130.
11. Шкаренков П.П. 2004. Римская империя в «эпоху упадка»: между мифом и реальностью. *Новый исторический вестник*. 2: 5–35.
12. *A New Topographical Dictionary of Ancient Rome*. Ed. by L. Richardson, Jr. Baltimore. London, Johns Hopkins University Press, 1992.
13. Arnheim M.T.W. 1972. *The Senatorial Aristocracy in the Later Roman Empire*. Oxford, the Clarendon Press, 246.
14. Barbera M., Palladino S., Paterna C. 2008. *La domus dei Valerii sul Celio alla luce delle recenti scoperte*. *Papers of the British School at Rome*, 76: 75–98.
15. Barnes T.D. 1995. *Statistics and the Conversion of the Roman Aristocracy*. *The Journal of Roman Studies*. 85: 135–147.
16. Barnes T.D. 1975. *Two Senators under Constantine*. *The Journal of Roman Studies*. 65: 40–49.
17. Barnes T. D., Westal R. W. 1991. *The Conversion of the Roman Aristocracy in Prudentius' «Contra Symmachum»*. *Phoenix*, 45 (1): 50–61.
18. Brown P. 1961. *Aspects Christianization of the Roman Aristocracy*. *The Journal of Roman studies*, 51 (1, 2): 1–11.
19. Brown P. 1971. *The World of Late Antiquity: from Marcus Aurelius to Muchammad*. London, Thames & Hudson, 216.
20. Bruni M.G. 2009. *The Monumental Villa at Palazzi di Casignana and the Roman Elite in Calabria (Italy) during the Fourth Century AD*. Ph.D. USA, UC Berkeley, 315.
21. Cameron Al. 2012. *Anician Myths*. *Journal of the Roman Studies*, 102: 133–136.
22. Cameron Al. 1964. *The Roman Friends of Ammianus*. *The Journal of Roman Studies*, 54: 5–28.
23. Chenault R.R. 2008. *Rome without Emperors. The Revival of a Senatorial City in the Fourth Century CE*. PhD thesis, University of Michigan, 290.
24. Consolino F.E. 1989. *Sante o patrone? Le aristocratiche tardoantiche e il potere della carita*, *Studi storici* 4: 969–991.
25. Cracco Ruggini L. 2003. *Rome in Late Antiquity: Clientship, Urban Topography, and Prosopography*. *Classical Philology*, 98 (4): 366–382.
26. Curran J.R. 2000. *Pagan City and Christian Capital. Rome in the Fourth Century*. Oxford, the Clarendon Press, 389.
27. Dalton O.M. 1901. *Catalogue of Early Christian Antiquities and Objects from the Christian East in the Department of British and Mediaeval Antiquities and Ethnography of the British Museum*. London, Printed by order of the Trustees, 292.
28. Elm S. 1994. *«Virgins of God»: The Making of Ascetism in Late Antiquity*. Oxford, Clarendon Press, 443.
29. Gatti G. 1907. *Frammento d'iscrizione: Spettante ad Una Grande Opera Publica*. *Bulletino della Commissione Archeologica Comunale di Roma*, 35: 115–121.
30. Harries J. 2003. *Favor Populi: pagans, Christians and Public Entertainment in Late Antique Italy*. In: *Bread and Circuses: Euergetism and Municipal Patronage in Roman Italy*. London; NY, Routledge, 125–141.
31. Hillner J. 2003. *Domus, Family, and Inheritance: The Senatorial Family House in Late Antique Rome*. *The Journal of Roman Studies*, 93: 129–145.
32. Hillner J. 2007. *Families, Patronage, and the Titular Churches of Rome, c. 300 – c. 600*. In: *Religion, Dynasty, and Patronage in Early Christian Rome, 300 – 900*. Cambridge, Cambridge University Press, 225–261.
33. Jones A., Martindale J.R. 1971. *The Prosopography of the Later Roman Empire: Volume I A.D. 260–395*. Cambridge, The University of Cambridge Press, 1152.
34. Jones A., Martindale J.R. 1980. *The Prosopography of the Later Roman Empire: Volume II A.D. 395–527*. Cambridge, The University of Cambridge Press, 1342.
35. Kalas G. 2013. *Architecture and Élite Identity in Late Antique Rome: Appropriating the Past at Sant'Andrea Catabarbara*. *Papers of the British School at Rome*, 81: 279–302.
36. Kohns H. P. 1975. *Die Zeitkritik in den Romexkursen des Ammianus Marcellinus (Zu Amm. Marc. 14.6.3–26; 28.4.6–35)*. *Chiron*, 5: 485–491.
37. Mennen I. 2011. *Power and Status in the Roman Empire, AD 193–284*. Leiden; Boston, Brill, 321.

38. Novak D.M. 1979. Constantine and the Senate: an Early Phase of the Christianization of the Roman Aristocracy. *Ancient Society*, 10: 271–310.
39. O'Donnell J. 1978. The Career of Virius Nicomachus Flavianus. *Phoenix*, 32: 129–143.
40. O'Donnell J. 1981. Liberius the Patrician. *Traditio*, 37: 136–141.
41. Pagans and Christians in Late Antique Rome: Conflict, Competition and Coexistence in the Fourth Century. Ed. by M.R. Salzman, M. Sághy, R.L. Testa. Cambridge, Cambridge University Press, 2016.
42. Salzman M. 2002. Making of Christian Aristocracy: Social and Religious Changes in the Western Roman Empire. Cambridge; Mass., Harvard University Press, 369.

References

1. Vashcheva I.Yu. 2012. Krizis rimskoy identichnosti v IV–VII vv. [The Crisis of Roman Identity in the IV – VII Centuries A. D.]. *Voprosy istorii*, 10: 110–117.
2. Vashcheva I.Yu. 2012. «Tserkovnye istorii» IV–VII vekov: dinamika razvitiya zhanra [«Church Stories» IV–VII Centuries A. D.: the Dynamics of the Genre]. *Problemy istorii, filologii i kul'tury*, 2: 129–154.
3. Vedeshkin M.A. 2011. Vettiyy Agoriy Pretekstat i yazycheskaya oppozitsiya v rimskom senate [Vettius Agorius Praetextatus and Pagan Opposition in the Roman Senate]. *Belgorod State University Scientific Bulletin. History. Political Science*, 13: 26–34.
4. Vedeshkin M.A. 2013. Yazycheskaya aristokratiya Rima i khristianstvo (312–380 gg.) [The Pagan Aristocracy of Rome and Christianity (312–380)]. *Klassicheskaya i vizantiyskaya traditsiya. Belgorod*: 92–98.
5. Vedeshkin M.A. 2018. Yazycheskaya oppozitsiya khristianizatsii Rimskoy imperii: IV–VI vv. [Pagan Opposition to Christianization of the Roman Empire (IV–VI centuries A.D.)]. *Saint-Petersburg, Aleteyya*, 358.
6. Kazakov M.M. 1995. Rim na puti ot yazychestva k khristianstvu. Altar' Pobedy [Rome on the Way from Paganism to Christianity. Altar of Victory]. *VDI*. 4: 161–174.
7. Kazakov M.M. 1999. Khristianskaya tserkov' i Rimskaya imperiya v IV v. [Christian Church and Roman Empire in the 4th Century A. D.]. In: *Ocherki istorii khristianskoy tserkvi v Evrope (Antichnost', srednie veka, reformatsiya)* [Essays on the history of the Christian church in Europe (Antiquity, the Middle Ages, the Reformation)]. Smolensk, Smolenskiy gos. ped. un-t: 24–44.
8. Rostovtsev M.I. 2001. Obshchestvo i khozyaystvo Rimskoy imperii [Social and Economic History of the Roman Empire]. T. 2. Moscow, Nauka, 411. (Rostovtseff M. 1926. *The Social and Economic History of the Roman Empire*. Oxford, Oxford University Press, 695).
9. Uil'yams S. 2014. Diokletian: restavrator Rimskoy imperii [Diocletian and the Roman Recovery]. Moscow, Evraziya, 368. (Williams S. 1997. *Diocletian and the Roman Recovery*. New York; London, Routledge, 424).
10. Ukolova V.I. 1992. Pozdnyy Rim. Pyat' portretov [Late Rome. Five portraits]. Moscow, Nauka, 130.
11. Shkarenkov P.P. 2004. Rimskaya imperiya v «epokhu upadka»: mezhdumifom i real'nost'yu [The Roman Empire in the «Era of Decline»: between Myth and Reality]. *Novyy istoricheskiy vestnik*. 2: 5–35.
12. *A New Topographical Dictionary of Ancient Rome*. Ed. by L. Richardson, Jr. Baltimore. London, Johns Hopkins University Press, 1992.
13. Arnheim M.T.W. 1972. *The Senatorial Aristocracy in the Later Roman Empire*. Oxford, the Clarendon Press, 246.
14. Barbera M., Palladino S., Paterna C. 2008. La domus dei Valerii sul Celio alla luce delle recenti scoperte. *Papers of the British School at Rome*, 76: 75–98.
15. Barnes T.D. 1995. Statistics and the Conversion of the Roman Aristocracy. *The Journal of Roman Studies*. 85: 135–147.
16. Barnes T.D. 1975. Two Senators under Constantine. *The Journal of Roman Studies*. 65: 40–49.
17. Barnes T. D., Westal R. W. 1991. The Conversion of the Roman Aristocracy in Prudentius' «Contra Symmachum». *Phoenix*, 45 (1): 50–61.
18. Brown P. 1961. Aspects Christianization of the Roman Aristocracy. *The Journal of Roman studies*, 51 (1, 2): 1–11.
19. Brown P. 1971. *The World of Late Antiquity: from Marcus Aurelius to Muchammad*. London, Thames & Hudson, 216.

20. Bruni M.G. 2009. The Monumental Villa at Palazzi di Casignana and the Roman Elite in Calabria (Italy) during the Fourth Century AD. Ph.D. USA, UC Berkeley, 315.
21. Cameron A.I. 2012. Anician Myths. *Journal of the Roman Studies*, 102: 133–136.
22. Cameron A.I. 1964. The Roman Friends of Ammianus. *The Journal of Roman Studies*, 54: 5–28.
23. Chenault R.R. 2008. Rome without Emperors. The Revival of a Senatorial City in the Fourth Century CE. PhD thesis, University of Michigan, 290.
24. Consolino F.E. 1989. Sante o patrone? Le aristocratiche tardoantiche e il potere della carita, *Studi storici* 4: 969–991.
25. Cracco Ruggini L. 2003. Rome in Late Antiquity: Clientship, Urban Topography, and Prosopography. *Classical Philology*, 98 (4): 366–382.
26. Curran J.R. 2000. Pagan City and Christian Capital. Rome in the Fourth Century. Oxford, the Clarendon Press, 389.
27. Dalton O.M. 1901. Catalogue of Early Christian Antiquities and Objects from the Christian East in the Department of British and Mediaeval Antiquities and Ethnography of the British Museum. London, Printed by order of the Trustees, 292.
28. Elm S. 1994. «Virgins of God»: The Making of Ascetism in Late Antiquity. Oxford, Clarendon Press, 443.
29. Gatti G. 1907. Frammento d'iscrizione: Spettante ad Una Grande Opera Publica. *Bulletino della Commissione Archeologica Comunale di Roma*, 35: 115–121.
30. Harries J. 2003. Favor Populi: pagans, Christians and Public Entertainment in Late Antique Italy. In: *Bread and Circuses: Euergetism and Municipal Patronage in Roman Italy*. London; NY, Routledge, 125–141.
31. Hillner J. 2003. Domus, Family, and Inheritance: The Senatorial Family House in Late Antique Rome. *The Journal of Roman Studies*, 93: 129–145.
32. Hillner J. 2007. Families, Patronage, and the Titular Churches of Rome, c. 300 – c. 600. In: *Religion, Dynasty, and Patronage in Early Christian Rome, 300 – 900*. Cambridge, Cambridge University Press, 225–261.
33. Jones A., Martindale J.R. 1971. *The Prosopography of the Later Roman Empire: Volume I A.D. 260–395*. Cambridge, The University of Cambridge Press, 1152.
34. Jones A., Martindale J.R. 1980. *The Prosopography of the Later Roman Empire: Volume II A.D. 395–527*. Cambridge, The University of Cambridge Press, 1342.
35. Kalas G. 2013. Architecture and Élite Identity in Late Antique Rome: Appropriating the Past at Sant'Andrea Catabarbara. *Papers of the British School at Rome*, 81: 279–302.
36. Kohns H. P. 1975. Die Zeitkritik in den Romexkursen des Ammianus Marcellinus (Zu Amm. Marc. 14.6.3–26; 28.4.6–35). *Chiron*, 5: 485–491.
37. Mennen I. 2011. *Power and Status in the Roman Empire, AD 193–284*. Leiden; Boston, Brill, 321.
38. Novak D.M. 1979. Constantine and the Senate: an Early Phase of the Christianization of the Roman Aristocracy. *Ancient Society*, 10: 271–310.
39. O'Donnell J. 1978. The Career of Virius Nicomachus Flavianus. *Phoenix*, 32: 129–143.
40. O'Donnell J. 1981. Liberius the Patrician. *Traditio*, 37: 136–141.
41. *Pagans and Christians in Late Antique Rome: Conflict, Competition and Coexistence in the Fourth Century*. Ed. by M.R. Salzman, M. Sághy, R.L. Testa. Cambridge, Cambridge University Press, 2016.
42. Salzman M. 2002. *Making of Christian Aristocracy: Social and Religious Changes in the Western Roman Empire*. Cambridge; Mass., Harvard University Press, 369.

Ссылка для цитирования статьи

Reference to article

Зайцева Е.С. «In omnibus Deo bene placentes»: экономические стратегии поведения сенаторов-христиан IV–V вв. *Научные ведомости Белгородского государственного университета*. Серия: История. Политология. 2019. Т. 46. № 3. С. 431–442. doi: 10.18413/2075-4458-2019-46-3-431-442

Zaitseva E.S. «In omnibus Deo bene placentes»: economic behavior strategies of Christian senators of the 4th–5th centuries *Belgorod State University Scientific Bulletin. History. Political Science*. 2019. V 46. № 3. P. 431–442. doi: 10.18413/2075-4458-2019-46-3-431-442

УДК 94(494).02

DOI 10.18413/2075-4458-2019-46-3-443-451

СЦЕНА КАЗНИ БУРГОМИСТРА ГАНСА ВАЛЬДМАНА В ИЛЛЮСТРАЦИЯХ ШВЕЙЦАРСКИХ ХРОНИК (КОН. XV–XVI ВВ.): ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА**SCENE OF THE CAPITAL PUNISHMENT OF HANS WALDMAN IN ILLUSTRATIONS OF SWISS CHRONICLES (XV–XVI). EXPERIENCE OF COMPARATIVE ANALYSIS****С.М. Вилкова
S.M. Vilkova**

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23

Nizhny Novgorod State University,
23 Gagarin avenue, Nizhny Novgorod, 603950, Russia

E-mail: vilkovasw@yandex.ru

Аннотация

В статье на основе анализа визуальных источников определяется значение такой социальной практики, как средневековая смертная казнь. Иллюстрации, изображающие публичные мероприятия, могут выступать своеобразным отражением социума и позволяют определить взгляд иллюстратора на позднесредневековое общество и личность преступника. Выясняется, что для авторов иллюстраций, несмотря на происходившие изменения в позднее Средневековье в религиозном сознании, значимым является религиозный аспект процедуры наказания преступника. На примере изображений, рассказывающих о казни Ганса Вальдмана (1435–1489 гг.), бургомистра города Цюриха, определяется взгляд иллюстраторов хроник на процесс позднесредневековой смертной казни.

Abstract

In the article the author analyzes the visual sources and determines the value of such social practice as the death penalty. These illustrations depicting public events are a projection of society. They allow us to define the illustrator's view of the late medieval society and the identity of the criminal. For the authors of the illustrations, despite the changes that took place in the later middle Ages in religious consciousness, the religious aspect of the punishment of a criminal is significant. In this article, using the example of images depicting the execution of Hans Waldman (1435–1489), the burgomaster of the city of Zurich, the illustrators of the chronicles describe the process of the late medieval death penalty. To achieve this goal, the application of elements of formal-stylistic, iconographic and iconological analysis will be the most productive. Analysis of visual sources is quite new, but, nevertheless, an informative and productive method of studying not only the daily life of a person of any era. With the appropriate approach, illustrations can be a source of information about complex cultural, ideological attitudes and values.

Ключевые слова: Швейцария, хроники, иллюстрации, смертная казнь, городское сообщество, позднее Средневековье.

Keywords: Switzerland, chronicles, illustrations, the death penalty, urban community, the later middle Ages.

Анализ визуальных источников является достаточно новым, но тем не менее информативным и продуктивным методом изучения не только повседневной жизни человека любой эпохи. При соответствующем подходе иллюстрации могут стать источником информации о сложных культурных, мировоззренческих установках и ценностях [Панофски, 2009]. То, о чем «рассказывает» рисунок, можно отнести к самостоятельному повествованию, которое необходимо изучать в тесной связи с текстом рукописи и с общим культурно-историческим фоном.

В данной статье на примере изображений, рассказывающих о казни Ганса Вальдмана (1435–1489 гг.), бургомистра города Цюрих, определяется взгляд иллюстраторов хроник на процесс позднесредневековой смертной казни.

Рассматриваемые хроники, которые мало известны отечественным специалистам, сами по себе являются уникальным явлением. Они представляют собой бумажные и пергаментные рукописи, отдельные экземпляры которых могут содержать до нескольких сотен иллюстраций. Их появление в достаточно ограниченные сроки в конце XV – начале XVI веков на территории Швейцарии может свидетельствовать о достаточно высоком уровне развития самосознания городского сообщества, так как они обозначили потребность города в построении модели презентации своей истории. Подобное конструирование исторической памяти в целом характерно для христианской традиции, где письменные тексты, по аналогии со Священным писанием, создавали каноническую форму трактовки событий, и, в отличие от устных рассказов, приобретали тем самым элементы сакральности.

Чаще всего эти хроники создавались по инициативе городского Совета и не предназначались для широкой публики, так как хранились в городской казне, и доступ к ним имели только высшие должностные лица [Eggenberger, 2000, S. 53]. Поэтому можно сказать, что они создавались не столько с целью пропаганды могущества города, сколько оформляли в письменном виде ставший очевидным к этому времени факт возросшего авторитета и фактической независимости крупных швейцарских городов и в целом – швейцарских земель. Отсюда вытекает одна из особенностей этих хроник, заключающаяся в том, что они отражают, прежде всего, менталитет высших слоев городского сообщества. Тем не менее авторы хроник не сосредотачивались исключительно на истории своего города, но описывали и другие важные события жизни Конфедерации. Обстоятельства казни Вальдмана сопровождалась значительными народными волнениями, затронувшими другие кантоны¹. Поэтому эти события нашли отражение не только в хрониках Цюриха.

Жизнь Ганса Вальдмана является примером нестандартной биографии человека XV века. Будучи по происхождению незнатным, он смог стать одним из влиятельнейших и богатых людей своего времени не только в Цюрихе, но и во всей Швейцарии. Поначалу мирные занятия ремеслом сменились его участием в Бургундских войнах, в которых он настолько отличился, что был посвящен в рыцари. Этот успех предопределил включение Вальдмана в число послов к французскому королю и герцогу Миланскому. Они назначили ему личные пенсии за отличия в войнах с Бургундией и денежные выплаты за услуги по вербовке швейцарских наемников. Для Цюриха, который на протяжении предшествующих десятилетий стремительно терял свои политические и экономические позиции, такой успех в международных делах означал восстановление прежнего могущества. Поэтому не удивительно, что Вальдман стал одним из популярных и влиятельных людей в своем городе. И несмотря на то, что городской патрициат Цюриха относился к Вальдману как к выскочке, он, благодаря поддержке цехов, сумел занять в 1483 г. должность бургомистра.

Вальдману приходилось решать на этом посту достаточно сложные вопросы по развитию экономики города и приведению к единству управления разными территория-

¹ Более подробно биография Вальдмана была рассмотрена автором в статье [Вилкова, 2018].

ми, принадлежащими городу. При попытке расширить полномочия ремесленных цехов в управлении городом он столкнулся уже с открытым противодействием своей политике со стороны патрициата. Используя недовольство части населения политикой Вальдмана, патрициат сумел спровоцировать серьезное волнение среди жителей кантона, и на этой волне всеобщего недовольства свергнуть Вальдмана. 1 апреля 1489 г. его арестовали и несколько дней пытали. Несмотря на то, что он не признал предъявленных ему обвинений в целом ряде преступлений, суд вынес смертный приговор. 6 апреля того же года Вальдмана казнили [Gagliardi, 1911]. Это было отражено в ряде городских хроник Швейцарии.

Одной из таких хроник, в которых приводится описание и изображение казни Вальдмана, стала «Люцернская хроника» Дибольда Шиллинга мл., представленная автором городскому Совету в 1513 г. [Illustrated Chronicle by Diebold Schilling of Luzerne, S. 299]. Шиллинг служил в канцелярии Люцерна, и, скорее всего, был хорошо информирован о событиях, происходивших в Цюрихе. Можно сказать, что хроника отражает «официальный» взгляд на события. Дибольд Шиллинг стоял на прогерманской позиции, что во многом определялось его личными контактами с Максимилианом I, императором Священной Римской империи. Основными задачами автора при составлении рукописи было восстановление политического влияния центральной Швейцарии и Люцерна, а также повторная интеграция Конфедерации в сферу влияния Габсбургов [Pfaff, 1982; Baldassarre, 2016]. При этом стремление укрепить политическую роль Люцерна вызвало интерес к двум другим крупным городским кантонам – Цюриху и Берну.

Авторство рисунков точно установить не удалось, но, судя по стилистическим отличиям, иллюстраторов было двое. Одним из них, скорее всего, является сам Шиллинг, ему принадлежат две трети иллюстраций. Рисунки выполнены в традиции поздней готики и отличаются насыщенностью цвета и достоверной передачей множества деталей. Вторым иллюстратором, в стиле которого просматриваются ренессансные черты, в большей степени стремился передать атмосферу события [Zemp, 1897, S. 99–126]. Иллюстрации располагаются по ходу повествования, но не всегда ему соответствуют, описывая скорее события, а не текст. Некоторые исследователи считают, что рисунки призваны были подкрепить достоверность сообщений [Domanski, 2012] и помочь читателю правильно идентифицировать и интерпретировать передаваемое текстом сообщение [Schmid, 2012]. В целом для иллюстраций хроники Шиллинга, как и для подавляющего большинства подобных работ, характерны темы военного и правового характера [Hesse, 1988]. Даже если не описывается война, все равно присутствуют те или иные элементы вооружения или признаки военных действий. В то время как в текстах преобладают темы политического характера. Кроме того, в хронике имеется много изображений, касающихся мест осуществления религиозной и политической власти (ратуша, тюрьма, церкви), и рисунков, отсылающих к реализации практики правосудия (казни, пытки и т. д.). Таким образом, история города представлена в хронике, прежде всего, как результат военных завоеваний и политических побед.

В иллюстрации казни Вальдмана из хроники Шиллинга рисунок композиционно поделен на две части: верхнюю часть занимает эшафот со стоящими на нем Вальдманом, палачом и должностными лицами (рис. 1). В нижней части рисунка иллюстратор изобразил вооруженный мечами, пиками, алебардами, арбалетами и аркебузами конвой. Подобный акцент на разнообразном вооружении соответствует общей тенденции восприятия истории города, прежде всего, как результата ряда успешных войн.

Текст хроники, как и другие свидетельства, сообщают, что отряд числом в 200 человек, сопровождавший Вальдмана к месту казни, был набран из представителей ремесленных цехов, которые должны были охранять его и защищать от толпы [Stadztürcherischer Bericht, S. 443]. Участие горожан в охране города и несение караульной службы на городских стенах было распространенной практикой в рассматриваемое время, но в данном случае получается, что на казнь Вальдмана вели его же товарищи, те, кто помог ему получить должность бургомистра.

Рис. 1. Изображение казни Ганса Вальдмана из «Люцернской хроники» Дибольда Шиллинга Младшего (Hinrichtung von Hans Waldmann aus der Eidgenössische Chronik des Diebold Schilling (Luzerner Schilling))
 Fig. 1. Image of the execution of Hans Waldman from the Lucerne Chronicle by Dibold Schilling the Younger

Несмотря на то, что по документам, сохранившимся в архивах Цюриха и других городов, известно, что знатные зрители располагались непосредственно около эшафота [Berner Bericht, S. 356], на рисунке толпа выглядит однородно, без каких-то явных деталей во внешнем виде, позволяющих отнести наблюдающих за казнью к разным сословиям. У некоторых из зрителей изображено перо на головном уборе, что, однако, не является однозначным признаком принадлежности к аристократии [Давыдов и др., 2012, с. 104–105].

При этом четко отделены от всей массы людей представители высшей городской светской и религиозной власти. Последние изображены на эшафоте рядом с Вальдманом в верхней части рисунка, что соотносится с их верховенством в городе. В двух из них по одежде и тонзуре можно определить священника и монаха, который держит перед Вальдманом распятие. За палачом, судя по одежде, располагаются два представителя верховной светской власти. Если рассматривать рисунок как проекцию городского общества, отражающую социальную иерархию, то получается своеобразное «равновесие сил» между религиозной и светской властью. В то же время на таком расположении действующих лиц могла сказаться служба Шиллинга в городской канцелярии, а присутствие высших должностных лиц призвано было служить подтверждением соблюдения формальных деталей казни и обозначить легитимность происходящего.

Вальдман изображен на коленях молящимся. У него сложены для молитвы руки и открыт рот. Из всех эпизодов процесса казни как предшествующих обезглавливанию, так и непосредственно после него, автор выбрал для рисунка момент молитвы перед казнью. Таким образом, для него, видимо, наиболее значимым был этот элемент – молитва и связанное с ней покаяние. О том, что самое важное действие происходит в этой части иллюстрации, говорит и то, что наибольшая жестикация изображена у Вальдмана и священников, остальные фигуры более статичны. Палач, несмотря на то, что он уже положил руку на плечо Вальдмана, обозначив свою власть над ним, также остается неподвижным.

Казнь происходила за пределами городских стен, на просторном лугу, к которому заключенного доставили на лодках по озеру. На иллюстрации на переднем плане видна вода, а само пространство насыщено изображениями людей и природы. При этом элементы природы «вписаны» в толпу и неотделимы от нее, между ними нет никакой дистанции, они как бы сосуществуют совместно.

Другая иллюстрация сцены казни Вальдмана (рис. 2) находится в третьей части «Гельветской хроники» Кристофа Зильберайзена, которая датируется 1572 годом [Silberei-

sen Chronicon Helvetiae, Teil III, S. 11r]. Так как автор был аббатом монастыря Веттинген в кантоне Ааргау, то рукопись предоставляет хорошую возможность увидеть казнь Вальдмана глазами церковнослужителя. Подробности жизни Зильберайзена и обстоятельства написания хроники неизвестны, еще меньше сведений сохранилось об иллюстраторе. Уверенно можно говорить только о том, что рисунки выполнял не сам Зильберайзен, а другой человек с инициалами «I.K.» [Zemp, 1897, S. 158–164], который, скорее всего, относился к духовному сословию.

Рис. 2. Изображение казни Ганса Вальдмана из рукописи «Гельветской хроники» Кристофа Зильберайзена (Hinrichtung von Hans Waldmann aus der «Chronicon Helvetiae» von Christoph Silbereisen)
Fig. 2. Image of the execution of Hans Waldman from the manuscript of Helvet's Chronicle by Christoph Zilberaisen

Композиционным центром рисунка является эшафот со стоящим на коленях Вальдманом и палачом, который занес руку для удара. Наблюдающие за казнью люди расположены по периметру, тем самым дополнительно фокусируется внимание на центре иллюстрации. В отличие от иллюстрации из хроники Шиллинга, здесь больше пространства, элементы природы не «сосуществуют» вместе с людьми, а отделены от них, они находятся на заднем плане и выступают своеобразным фоном для изображенного на переднем плане общества.

Окружающая эшафот толпа разнородна. В ней видна охрана с алебардами, но это уже не вооруженные ремесленники, как на иллюстрации Шиллинга, а воины в доспехах. Среди зрителей по более богатой одежде можно идентифицировать людей с высоким социальным статусом. Их также выделяет наличие бороды. Одежда отличается от предыдущего изображения и относится к концу XVI века – ко времени создания хроники.

Зрители, наблюдающие за казнью, изображены молящимися: у них не только сложены руки в молитвенном жесте, но и закрыты глаза. Эта деталь может служить подтверждением того, что с периода позднего Средневековья постепенно повышается уровень «индивидуализации» сознания средневекового человека, в том числе и в религиозной жизни. В это время все больше утверждалось мнение о личной ответственности каждого человека за свои поступки перед Богом и необходимости личного контакта с ним [Воскобойников, 2014, с. 277]. Хроника и, соответственно, иллюстрация, были созданы после Реформации, утвердившей эти взгляды как постулаты. И подобная религиозность проявляется в рисунке в полной мере: зрители, несмотря на то, что они присутствуют на публичном процессе, погружены в себя и сосредоточены на молитве.

На этом рисунке, по сравнению с другими, Вальдман изображен в наиболее униженном виде. У него связаны за спиной руки, одежда разорвана. На его некогда высокое положение и авторитет в обществе указывает только наличие бороды. Здесь Вальдман представлен именно в таком виде, как это описано у М. Фуко, согласно которому средне-

вековая казнь служит не только для наказания преступника. В ходе публичной казни посредством уничтожения тела преступника достигается восстановление авторитета верховной власти, который оказался подорванным в результате совершенного преступления [Фуко, 1999]. Осужденный на казнь здесь уже не столько личность, сколько физическое тело, являющееся объектом приложения силы и проявления власти.

Еще одна иллюстрация казни Вальдмана находится в так называемом «Höngger Bericht» (рис. 3). Эта рукопись не относится к иллюстрированным хроникам, но является важным источником, так как позволяет увидеть события глазами очевидца. Сложно утверждать однозначно, что автор, о котором не сохранилось никаких сведений, не писал по заказу городских кругов, однако характер изложения материала и построение фраз позволяют сделать вывод о достаточно скромном уровне его образования. Считается, что он делал свои записи по частной инициативе, тем более что проживал в Цюрихе и смог непосредственно наблюдать за беспорядками и казнью Вальдмана [Dokumente zur Geschichte des Bürgermeisters Hans Waldmann, 1913, S. 464–466; Schmid, 2016, S. 277]. «Höngger Bericht» отражает точку зрения представителя низших слоев общества и содержит фактический материал, неизвестный по другим источникам, а также важные сведения о настроениях восставших селян и намерениях противников Вальдмана. Рисунки (их в хронике всего три) выполнены самим автором¹, они отличаются более скудной цветовой гаммой: есть несколько цветов – черный, красный и зеленый; контур прорисован, но закрашены только отдельные предметы одежды, деревья и трава.

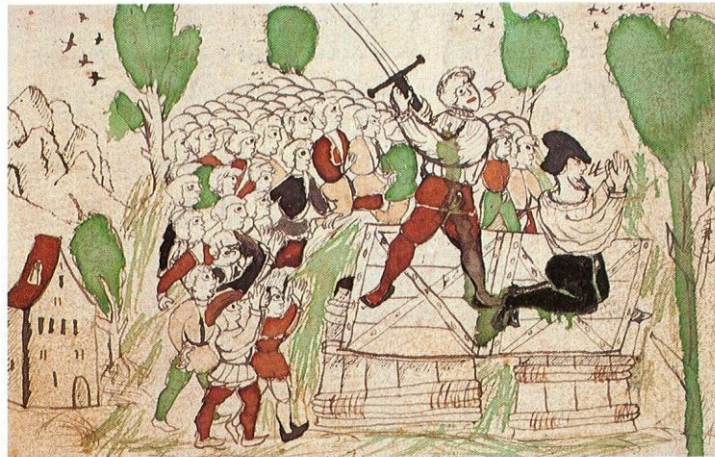

Рис. 3. Казнь Ганса Вальдмана на рисунке из «Höngger Bericht»
(Die Hinrichtung von Hans Waldmann aus dem «Höngger Bericht»)

Fig. 3. Execution of Hans Waldman in the figure from «Höngger Bericht»

При этом на иллюстрации отмечены городские здания, что верно, так как казнь происходила рядом с городом, но за пределами городских стен [Berner Bericht, S. 356]. Город и его окрестности на рисунках из «Höngger Bericht» топографически отражены достаточно точно [Stercken, 2013, S. 610]. Изображение ландшафта отражает взгляд на него сельского жителя, в частности, в рассматриваемой иллюстрации деревья нарисованы со спиленными нижними ветками, потому что крестьяне использовали их в качестве корма для домашних животных.

На изображении казни Вальдмана из «Höngger Bericht» обнаруживаются два смысловых центра, но деление производится не по вертикали, как на иллюстрации из рукописи Шиллинга, а по горизонтали. Такое расположение может отражать не столько иерархичность, сколько демократичность сообщества и равнозначность для автора всех участников процесса казни. Здесь нет никакого противостояния или деления, отсутствуют указания на представителей религиозной или светской власти. Эшафот с Вальдманом и палачом сме-

¹ Так как рукопись находится в частной коллекции, то иллюстрация в данной статье воспроизводится по изданию [Sigg, 1989, S. 2].

щен вправо. С левой стороны изображены окрестные жители, собравшиеся посмотреть на казнь. Судя по другим рисункам автора, для него характерно изображение однородной толпы без прорисовки деталей, по которым можно было бы определить сословную принадлежность персонажа, хотя при этом видны индивидуальные отличия в одежде. Жители для него в целом однородны, будь это население города или вооруженный отряд. Исключение составляет только один из зрителей, расположенный на переднем плане, на голове которого нарисована шляпа. Можно предположить, что он занимал какую-то важную должность, так как, судя по другим хроникам этого периода, чаще всего в головном уборе изображались дворяне или представители высшего чиновничества. Вальдман также в шляпе, и у него одного из всех присутствующих есть борода, которая (если сравнивать с другими иллюстрациями) в большинстве случаев свидетельствовала не только и не столько о высоком статусе человека, сколько о его авторитете в обществе. Таким образом, несмотря на положение Вальдмана как преступника, автором сохраняется признание за ним высокого социального статуса.

В отличие от иллюстраций из хроник Шиллинга и Зильберайзена, здесь не видно вооруженных людей, а сами зрители изображены с поднятыми руками. Этот момент проясняет текст рукописи, где говорится, что Вальдман с эшафота попросил людей помолиться за него и поднять руки в знак согласия с его просьбой [Höngger Bericht, S. 508–510]. Вальдман также изображен со сложенными для молитвы руками. То есть на этой иллюстрации, также как и на рассмотренных выше, автор посчитал нужным сделать акцент именно на моменте религиозном, а не только светском, связанным с правосудием. Но автор, в отличие от описаний документов, на рисунке изобразил часть зрителей коленопреклоненными, чем усилил религиозный элемент. Зрители, расположенные на дальнем плане, повторяют позу и жесты Вальдмана – они тоже молятся, стоя на коленях. И даже одинаковое направление взгляда у всех присутствующих эмоционально воспринимается как единый порыв.

Таким образом, несмотря на то, что иллюстрации казни Вальдмана, как и тексты хроник, были созданы представителями разных социальных групп, все они делают акцент на религиозной составляющей казни. Некоторые аспекты рисунка, например, молящиеся зрители у эшафота, были продиктованы обстоятельствами казни, которые зафиксированы в текстах хроник и подтверждаются документальными свидетельствами очевидцев. Но выбор изображаемого конкретного эпизода всей процедуры остается за самим автором. И здесь можно сделать вывод, что авторы рисунков воспринимают категорию преступления не столько как светский проступок и вопрос ответственности перед гражданским обществом, сколько как вопрос ответственности преступника перед Богом.

Список литературы

1. Вилкова С.М. 2018. Казнь цюрихского бургомистра Ганса Вальдмана в контексте социально-политической жизни позднего Средневековья. Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 6: 16–22.
2. Воскобойников О.С. 2014. Тысячелетнее царство (300–1300). Очерк христианской культуры Запада. М., НЛЮ, 568.
3. Давыдов А.Г., Карабед И.К., Маслов А.Н. 2012. Воинские традиции швейцарского Средневековья: очерки исторического развития, вопросы реконструкции материальной. Нижний Новгород, Поволжье, 312.
4. Панофски Э. 2009. Этюды по иконологии. Гуманистические темы в искусстве Возрождения. СПб., Азбука-классика, 432.
5. Фуко М. 1999. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., Ad Marginem, 479.
6. Baldassarre A. 2016. Envisioned History or «His Story»: Warfare, Musical Culture, and Imagination in the Lucerne Chronicle (1509–13) by Diebold Schilling the Younger. Music in art. 1–2: 9–63.
7. Berner Bericht. In: Ernst Gagliardi Hrsg. Dokumente zur Geschichte des Bürgermeisters Hans Waldmann. Band 2: Aktenstücke und Berichte über den Anlauf von 1489. Basel, Basler Buch- und Antiquariatshandlung, 1913. 329–388.

8. Dokumente zur Geschichte des Bürgermeisters Hans Waldmann. Band 2: Aktenstücke und Berichte über den Anlauf von 1489. Hr. E. Gagliardi. Basel, Basler Buch- und Antiquariatshandlung, 1913.
9. Domanski K. 2012. Mit Bildern Geschichte schreiben. Available at: https://www.badw.de/fileadmin/pub/akademie_Aktuell/2012/43/0412_07_domanski.pdf (accessed 24 февраля 2019).
10. Eggenberger C. 2000. Funktion und Anspruch der Schweizer Bilderchroniken. *Kunst+Architektur in der Schweiz*. Band 51: 53–59.
11. Gagliardi E. 1911. Hans Waldmann und die Eidgenossenschaft des 15. Jahrhunderts. In: Gagliardi E. *Dokumente zur Geschichte des Bürgermeisters Hans Waldmann. Band 1: Akten, bis zum Anlauf von 1489*. Basel, Basler Buch- und Antiquariatshandlung: I–CCII.
12. Hesse J. 1988. Auftrag und Widmung der Schweizer Bilderchroniken: ihre Entstehung im Zeitbewusstsein. *Unsere Kunstdenkmäler: Mitteilungsblatt für die Mitglieder der Gesellschaft für Schweizerische Kunstgeschichte*. Band 39: 274–286.
13. Höniger Bericht. In: Ernst Gagliardi Hrsg. *Dokumente zur Geschichte des Bürgermeisters Hans Waldmann. Band 2: Aktenstücke und Berichte über den Anlauf von 1489*. Basel., Basler Buch- und Antiquariatshandlung, 1913. 461–539.
14. Eidgenössische Chronik des Luzerners Diebold Shilling (Luzerner Shilling). Luzern, Korporation Luzern (Depositum in der Zentral- und Hochschulbibliothek Luzern). Available at: <https://www.e-codices.ch/en/kol/S0023-2/299/0/Sequence-129> (accessed 10 февраля 2019).
15. Pfaff C. 1982. Staat und Gesellschaft im Spiegel der Chronikillustration des Berner und des Luzerner Schilling. *Der Geschichtsfreund: Mitteilungen des Historischen Vereins Zentralschweiz*, Band 135: 89–116.
16. Schmid R. 2016. Schweizer Chroniken. In: Wolf G, Ott. H. N. *Handbuch Chroniken des Mittelalters*. Berlin, De Gruyter GmbH: 267–300.
17. Schmid R. 2012. Symmetrie und Gleichgewicht: Gestik und Symbolsprache der Friedensdiplomatie in den Bilderchroniken Berns und Luzerns. *Berner Zeitschrift für Geschichte*, 74(2): 105–133.
18. Silbereisen: *Chronicon Helvetiae*, Teil III. Aarau, Aargauer Kantonsbibliothek. Available at: <https://www.e-codices.ch/en/kba/0016-3/11r> (accessed 10 февраля 2019).
19. Stercken M. 2013. Zürich. In: Roeck B. *Schweizer Städtebilder. Urbane Ikonografien (15–20. Jahrhundert)*. Zürich, Chronos Verlag: 609–617.
20. Sigg O. 1989. Hans Waldmann, der 1489 hingerichtete Zürcher Bürgermeister. Person, Macht, Herrschaft und sozio-agrarische Aspekte am Ausgang des Spätmittelalters. Zürich. Available at: https://www.zuerich-geschichte.info/pdfs/Hans_Waldmann.pdf (accessed 3 марта 2019).
21. Stadtzürcherischer Bericht. In: Ernst Gagliardi Hrsg. *Dokumente zur Geschichte des Bürgermeisters Hans Waldmann. Band 2: Aktenstücke und Berichte über den Anlauf von 1489*. Basel., Basler Buch- und Antiquariatshandlung, 1913. 389–456.
22. Zemp J. 1897. *Die Schweizerischen Bilderchroniken und ihre Architektur-Darstellungen*. Zürich., Druck und kommissionsverlag von F. Schulthess, 410.

References

1. Vilkova S.M. 2018. Kazn' cjurihskogo burgomistra Gansa Val'dmana v kontekste social'no-politicheskoj zhizni pozdnego Srednevekov'ja [The execution of the Zurich burgomaster Hans Waldman in the context of the socio-political life of the late Middle Ages]. *Vestnik NNGU im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of UNN them. N.I. Lobachevsky], 6: 16–22.
2. Voskoboynikov O.S. 2014. *Tysjacheletnee carstvo (300–1300). Oчерk hristianskoj kul'tury Zapada* [The millennial kingdom (300–1300). Essay on the Christian culture of the West]. Moscow, NLO, 568.
3. Davydov A.G., Karabed I.K., Maslov A.N. 2012. *Voinskie tradicii shvejcarskogo Srednevekov'ja: oчерki istoricheskogo razvitija, voprosy rekonstrukcii material'noj kul'tury* [Military traditions of the Swiss Middle Ages: essays on historical development, issues of reconstruction of material culture]. Nizhnij Novgorod, Povolzh'e, 312.
4. Panofski E. 2009. *Jetjudy po ikonologii. Gumanisticheskie temy v iskusstve Vozrozhdenija* [Studies in Iconology: Humanistic Themes in the Art of the Renaissance]. Saint-Petersburg, «Azbuka-klassika», 432.
5. Fuko M. 1999. *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tjur'my* [Surveiller et punir. Naissance de la prison]. Moscow, Ad Marginem, 479.

6. Baldassarre A. 2016. Envisioned History or «His Story»: Warfare, Musical Culture, and Imagination in the Lucerne Chronicle (1509–13) by Diebold Schilling the Younger. *Music in art*. 1–2: 9–63.
7. Berner Bericht. In: Ernst Gagliardi Hrsg. *Dokumente zur Geschichte des Bürgermeisters Hans Waldmann*. Band 2: Aktenstücke und Berichte über den Anlauf von 1489. Basel., Basler Buch- und Antiquariatshandlung, 1913. 329–388.
8. *Dokumente zur Geschichte des Bürgermeisters Hans Waldmann*. Band 2: Aktenstücke und Berichte über den Anlauf von 1489. Hrsg. Ernst Gagliardi. Basel., Basler Buch- und Antiquariatshandlung, 1913.
9. Domanski K. 2012. *Mit Bildern Geschichte schreiben*. Available at: https://www.badw.de/fileadmin/pub/akademie_Aktuell/2012/43/0412_07_domanski.pdf (accessed 24 февраля 2019).
10. Eggenberger C. 2000. Funktion und Anspruch der Schweizer Bilderchroniken. *Kunst+Architektur in der Schweiz*. Band 51: 53–59.
11. Gagliardi E. 1911. Hans Waldmann und die Eidgenossenschaft des 15. Jahrhunderts. In: Gagliardi E. *Dokumente zur Geschichte des Bürgermeisters Hans Waldmann*. Band 1: Akten, bis zum Anlauf von 1489. Basel, Basler Buch- und Antiquariatshandlung: I–CCII.
12. Hesse J. 1988. Auftrag und Widmung der Schweizer Bilderchroniken: ihre Entstehung im Zeitbewusstsein. *Unsere Kunstdenkmäler: Mitteilungsblatt für die Mitglieder der Gesellschaft für Schweizerische Kunstgeschichte*. Band 39: 274–286.
13. Högger Bericht. In: Ernst Gagliardi Hrsg. *Dokumente zur Geschichte des Bürgermeisters Hans Waldmann*. Band 2: Aktenstücke und Berichte über den Anlauf von 1489. Basel., Basler Buch- und Antiquariatshandlung, 1913. 461–539.
14. *Eidgenössische Chronik des Luzerners Diebold Shilling (Luzerner Shilling)*. Luzern, Korporation Luzern (Depositum in der Zentral- und Hochschulbibliothek Luzern). Available at: <https://www.e-codices.ch/en/kol/S0023-2/299/0/Sequence-129> (accessed 10 февраля 2019).
15. Pfaff C. 1982. Staat und Gesellschaft im Spiegel der Chronikillustration des Berner und des Luzerner Schilling. *Der Geschichtsfreund: Mitteilungen des Historischen Vereins Zentralschweiz*, Band 135: 89–116.
16. Schmid R. 2016. Schweizer Chroniken. In: Wolf G, Ott. H. N. *Handbuch Chroniken des Mittelalters*. Berlin, De Gruyter GmbH: 267–300.
17. Schmid R. 2012. Symmetrie und Gleichgewicht: Gestik und Symbolsprache der Friedensdiplomatie in den Bilderchroniken Berns und Luzerns. *Berner Zeitschrift für Geschichte*, 74(2): 105–133.
18. *Silbereisen: Chronicon Helvetiae, Teil III*. Aarau, Aargauer Kantonsbibliothek. Available at: <https://www.e-codices.ch/en/kba/0016-3/11r> (accessed 10 февраля 2019).
19. Stercken M. 2013. Zürich. In: Roeck B. *Schweizer Städtebilder. Urbane Ikonographien (15–20. Jahrhundert)*. Zürich, Chronos Verlag: 609–617.
20. Sigg O. 1989. Hans Waldmann, der 1489 hingerichtete Zürcher Bürgermeister. Person, Macht, Herrschaft und sozio-agrarische Aspekte am Ausgang des Spätmittelalters. Zürich. Available at: https://www.zuerich-geschichte.info/pdfs/Hans_Waldmann.pdf (accessed 3 марта 2019).
21. *Stadtzürcherischer Bericht*. In: Ernst Gagliardi Hrsg. *Dokumente zur Geschichte des Bürgermeisters Hans Waldmann*. Band 2: Aktenstücke und Berichte über den Anlauf von 1489. Basel., Basler Buch- und Antiquariatshandlung, 1913. 389–456.
22. Zemp J. 1897. *Die Schweizerischen Bilderchroniken und ihre Architektur-Darstellungen*. Zürich., Druck und kommissionsverlag von F. Schulthess, 410.

Ссылка для цитирования статьи Reference to article

Вилкова С.М. Сцена казни бургомистра Ганса Вальдмана в иллюстрациях швейцарских хроник (кон. XV–XVI вв.): опыт сравнительного анализа. *Научные ведомости Белгородского государственного университета*. Серия: История. Политология. 2019. Т. 46. № 3. С. 443–451. doi: 10.18413/2075-4458-2019-46-3-443-451

Vilkova S.M. Scene of the capital punishment of Hans Waldman in illustrations of Swiss chronicles (XV–XVI). Experience of comparative analysis. *Belgorod State University Scientific Bulletin. History. Political Science*. 2019. V 46. № 3. P. 443–451. doi: 10.18413/2075-4458-2019-46-3-443-451

УДК 94(48)082.94(47)084.5

DOI 10.18413/2075-4458-2019-46-3-452-461

**ДОГОВОР СССР С АГРО-ДЖОЙНТОМ (1924 Г.) В КОНТЕКСТЕ МИФОЛОГЕМЫ
О «КРЫМСКОЙ КАЛИФОРНИИ»****AGREEMENT BETWEEN THE USSR AND AGRO-JOINT IN CONTEXT OF MYTH
OF «CRIMEAN CALIFORNIA»****К.Ю. Могаричев****K.Yu. Mogarichev**

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского,
Россия, Республика Крым, 295007, г. Симферополь, просп. Вернадского, 4
МБУК «Музей истории города Симферополя»,
Россия, 295000, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Пушкина, 17

Crimea Federal V.I. Vernadsky University,
4 Vernadsky avenue, Simferopol, 295007, Republic of Crimea, Russia
Museum of Simferopol history,
17 Pushkina St, Republic of Crimea, Simferopol, 295000, Russia

E-mail: kostiamohar@outlook.com

Аннотация

В отношении проекта создания в СССР еврейской автономии в 20-х гг. XX в., в том числе участия «Агро-Джойнта» в финансировании еврейской колонизации на Юге Украины и в Крыму, в историографии имеется много противоречивых точек зрения. Деятельность Агро-Джойнта в СССР осуществлялась на основании договора между этой организацией и Правительством СССР (1924 г.). Автор впервые вводит в научный оборот указанный документ. Выясняется: ни создание особой еврейской национально-территориальной единицы в СССР, ни тем более передача каких-либо земель под залог или в виде выкупа предметом соглашения не были. Все статьи касались исключительно содействия со стороны Агро-Джойнта еврейской аграрной колонизации в СССР, а также юридического статуса Агро-Джойнта и характера его деятельности на территории СССР. Предложения о создании на территории Степной Украины и Крыма потенциальной еврейской автономии исходили от советских представителей, в основном работников Комитета по землеустройству евреев-трудящихся (КомЗЕТ) и Общества землеустройства евреев-трудящихся (ОЗЕТ).

Abstract

There are number of leads concerning the issue of projects of the creation of Jewish autonomy in the USSR. In particular, this applies to role of the «Agro-Joint» in financial assistance of Jewish colonization. The Agro-Joint activities in the USSR defined by agreement between them and Soviet Government (1924). The author published the document for the first time. According to the document, Agro-Joint undertakes to support Jewish colonization in the Soviet Union. This support is consist of financial assistance, support with equipment and Agrarian training. «Agro-Joint» granted legal status within the border of the USSR. The status was close to governmental organization. However, several points restricted activities of Agro-Joint. Further agreements (1927, 1929, 1933) didn't change core of agreement. Creation of Jewish national territorial unit much less transfer or bounding of some land as it claim supporters of conspiracy theory was not subjects of agreement. All articles exclusively related to conduction purporting Jewish settlement in the USSR and legal status of Agro-Joint. It could be consider proven that proposals of creation Jewish autonomy in steppe Ukraine and Crimea come from Soviet representatives, mainly members of Komzet (Committee for the Settlement of Toiling Jews on the Land) and Ozet (Society for Settling Toiling Jews on the Land).

Ключевые слова: СССР, Крымская АССР, Агро-Джойнт, еврейская сельскохозяйственная колонизация, КомЗЕТ, ОЗЕТ.

Key words: USSR, Crimean ASSR, Agro-Joint, Jewish agricultural colonization, KomZET, OZET.

«Крымским проектом» в историографии традиционно принято называть составную часть еврейской сельскохозяйственной колонизации 20-х – 30-х гг. XX в., которая сопровождалась проектами создания особой еврейской национально-территориальной единицы на территории юга УССР и севера Крымской АССР [Могаричев, 2018а]. Еврейская сельскохозяйственной колонизация осуществлялась на свободных землях Юга Украины, Крыма и частично на территории Белорусской ССР. Планировалось, что основную массу колонистов должны были составить «деклассированные»¹ и лишённые большинства прав (так называемые лишенцы) евреи бывшей черты оседлости [Бережанская, 1997]. Кроме того, в местах колонизации в ряде случаев предполагалась и политическая составляющая или, по определению израильского исследователя Й. Декель-Хена, «республиканизм» [Dekel-Chen, 2005, p. 45–46], то есть образование отдельных еврейских административно-территориальных единиц (автономных республик). Там планировалось компактно сконцентрировать большую часть еврейского населения СССР. Это помогло бы, по словам тогдашнего Председателя Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) М.И. Калинина, «влиться евреям в семью советских народов» [Агапов, 2011, с. 125].

В отношении создания в СССР еврейской автономии в литературе (в том числе и ряде научных публикаций) имеется много различных противоречивых версий, часто не имеющих источниковедческой базы, основанных на однобокой трактовке источников или на исключительно произведениях мемуарного характера. Это в полной мере относится к вопросу участия Агро-Джойнта² и других зарубежных еврейских филантропических организаций в финансировании еврейской колонизации.

Например, в ряде публикаций можно прочесть, что между Агро-Джойнтом и Советским Союзом в промежутке между 1927 и 1929 годами был подписан договор под условным названием «Крымская Калифорния»³, по которому Агро-Джойнт выделял деньги для создания еврейского государства в СССР, а залогом с советской стороны являлись земли в Крыму. Некоторые «исследователи» идут дальше и пишут, что данный договор был одной из причин депортации крымских татар (1944 г.) и того, что в 1954 г. Крымскую область передали из состава РСФСР в УССР. Таким образом руководство СССР в лице Н.С. Хрущева якобы пыталось не допустить перехода Крыма под юрисдикцию США [«Крымская Калифорния», 2012; Проект Крымская Калифорния, 2017; «Крымская Калифорния», 2017; и др.].

Наличие подобных «исторических открытий» (которые имеют место даже в ряде наукообразных публикаций (см. напр.: [Возгрин, 2013, с. 319]) объясняется не только политизированностью и традиционной «болезненностью» «еврейского вопроса», но и в значительной степени слабой изученностью рассматриваемой проблемы. Историография «Крымского проекта» была рассмотрена нами в отдельной работе [Могаричев, 2018б]. Отметим, что несмотря на то, что о различных аспектах «Крымского проекта» писали такие авторы, как Й. Декель-Хен [Dekel-Chen, 2005; 2007], Г. Костырченко [Костырченко, 2003; 2010], Э. Биньямини [Benjimini, 1990], А. Кагедан [Kagedan, 1981; 1985], Г. Кондратюк [Кондратюк, 2012] и др. (см. напр.: [История еврейского народа в России, 2017, с. 145–164]), на данный момент эта научная проблема остается практически не разработанной. При этом начало активного изуче-

¹ Государственный архив Республики Крым (далее ГАРК). Ф. 1, Оп. 1, К. 70, Д. 701, Л. 22.

² Агро-Джойнт – дочерняя корпорация Американского объединённого распределительного комитета (Джойнта), созданная в 1924 г. и занимавшаяся финансированием и организацией переселения евреев на землю в различных странах и привлечению их к сельскому хозяйству.

³ Данный термин впервые зафиксирован в мемуарах советского разведчика П.И. Судоплатова и обозначал, по его мнению, «идею создания еврейской республики в Крыму» [Судоплатов, 1997]. В дальнейшем, он стал активно использоваться в литературе.

ния темы приходится только на конец 90-х – начало 2000-х гг. Исследований, которые были посвящены непосредственно «Крымскому проекту» – единицы. В основном вопрос рассматривается в контексте еврейской аграрной колонизации в Причерноморье, межнациональных отношений в Крыму либо истории евреев в СССР [Могаричев, 2018б, с. 95].

Как известно, в Российской империи евреи не имели права владеть землей и, соответственно, заниматься ее обработкой. Однако с начала XIX в., в период правления Александра I, на территории южной Украины уже функционировали отдельные еврейские сельскохозяйственные поселения. Кроме того, во время Гражданской войны, а также в начале 20-х гг. XX в., на территории степного Крыма по инициативе И. Трумпельдора¹ был основан ряд сионистских сельскохозяйственных коммун, которые должны были стать «лагерями подготовки» для последующего переселения и будущей жизни евреев в Палестине [Бережанская, 1997, с. 74].

После окончания Гражданской войны значительная часть еврейского населения бывшей черты оседлости оказалась в социальном плане в сложном положении. Сначала, в период войны, они находились в эпицентре боевых действий и нередко становились жертвами организованных или стихийных погромов. После же окончательного установления Советской власти как нетрудовые элементы (торговцы, перекупщики и т. д.) многие из них были лишены гражданских прав («лишенцы»).

Руководители Агро-Джойнта полагали, что переход евреев к сельскому хозяйству в странах проживания был некоей панацеей, которая должна была урегулировать многие социальные проблемы еврейского народа, в том числе и антисемитизма [Kagedan, 1981, p. 163; Dekel-Chen, 2005, p. 43]. Поэтому они инициировали переговоры по данному вопросу с руководством Советского Союза. Данные переговоры между Йосифом Розеном² и советским правительством проходили в 1922–1924 гг., и в итоге стороны пришли к заключению договора, который заложил основы и дал старт организованному переселению евреев СССР на территорию юга Украины и северного Крыма с целью перевода их на «сельскохозяйственные рельсы».

Отметим, что сам договор в историографии был известен, и ряд авторов, в основном зарубежных, на него ссылаются (см. напр.: [Dekel-Chen, 2005, p. 36]). Однако эти ссылки фрагментарны, а сам текст договора ни отечественными, ни зарубежными исследователями опубликован не был. Мы решили восполнить данный пробел и ввести в научный оборот указанный источник.

Заметим, что между Агро-Джойнтом и Правительством СССР в лице Комитета по земельному устройству трудящихся евреев (КомЗЕТ) (сначала его возглавлял П.Г. Смидович, а после смерти последнего в 1935 г. – З.М. Беленький) было подписано несколько соглашений 1924³, 1927⁴, 1929⁵, 1933⁶ и 1938⁷ гг. Сотрудничество СССР и Агро-Джойнта прекратилось в 1938 г. и было оформлено соответствующим соглашением⁸ [Мицель, 2012].

Рассматриваемый источник находится в архиве Джойнта (Нью-Йорк). Он, как и другие документы, оцифрован и находится в открытом доступе.

Публикуемый договор (рис. 1) – первый и основополагающий. Он был заключен 29 ноября 1924 г. В архиве документ представлен русскоязычной копией, заверенной печатью Совета Народных комиссаров (СНК) СССР, подписью его секретаря – Лидии Фотиевой, а также с отметкой управделами СНК Николая Горбунова о том, что договор был утвержден 16 декабря 1924 г. на заседании СНК.

¹ Йосиф Трумпельдор – известный еврейский политический деятель начала XX в., сионист, один из основателей движения Хехалуц (га-Халуц), целью которого была подготовка еврейской молодежи к жизни на Земле Обетованной.

² Йосиф Розен – американский агроном, выходец из Российской империи, с 1924 по 1938 гг. – директор Агро-Джойнта, один из главных идеологов еврейской сельскохозяйственной колонизации в СССР.

³ Joint Distribution Committee (JDC) Archive NY AR192132 / 4 / 30 / 5 / 533/ 359818.

⁴ JDC Archive NY AR192132 / 4 / 30 / 5 / 533/ 359823.

⁵ JDC Archive NY AR192132 / 4 / 30 / 5 / 533/ 359851.

⁶ JDC Archive NY AR192132 / 4 / 30 / 5 / 533/ 359832.

⁷ JDC Archive NY AR192132 / 4 / 30 / 5 / 533 / 359839.

⁸ JDC Archive NY AR192132 / 4 / 30 / 5 / 533/ 359839.

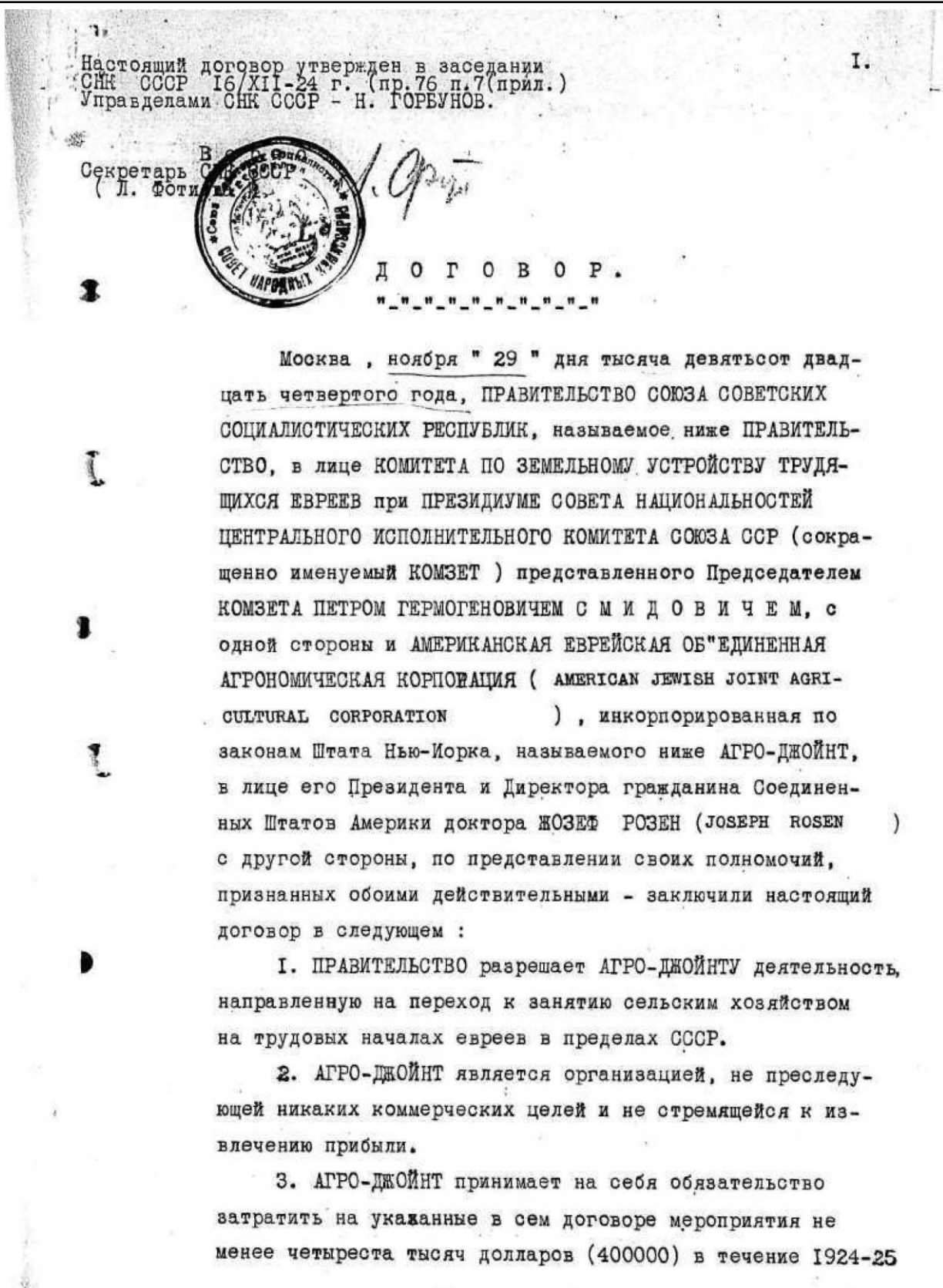

Рис.1. Договор между Правительством СССР и Агро-Джойнтом от 29 ноября 1924 г.
Титульная страница

При публикации нами были сохранены оригинальный синтаксис и правописание. Отметим, что в современной русскоязычной историографии принято написание имени Розена как Иосиф. В договоре же имя директора Агро-Джойнта указано как Жозеф.

ДОГОВОР¹

Москва, ноября « 29 » дня тысяча девятьсот двадцать четвертого года,

ПРАВИТЕЛЬСТВО СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК, называемое, ниже ПРАВИТЕЛЬСТВО, в лице КОМИТЕТА ПО ЗЕМЕЛЬНОМУ УСТРОЙСТВУ ТРУДЯЩИХСЯ ЕВРЕЕВ при ПРЕЗИДИУМЕ СОВЕТА НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СОЮЗА ССР (сокращенно именуемый КОМЗЕТ) представленного Председателем КОМЗЕТА ПЕТРОМ ГЕРМОГЕНОВИЧЕМ СМИДОВИЧЕМ, с одной стороны и АМЕРИКАНСКАЯ ЕВРЕЙСКАЯ ОБЪЕДИНЕННАЯ АГРОНОМИЧЕСКАЯ КОРПОРАЦИЯ (American Jewish Joint Agricultural Corporation), инкорпорированная по законам Штата Нью-Йорк, называемого ниже АГРО-ДЖОЙНТ, в лице его Президента и Директора гражданина Соединенных Штатов Америки доктора ЖОЗЕФ РОЗЕН (Joseph Rosen) с другой стороны, по представлении своих полномочий, признанных обоими действительными – заключили настоящий договор в следующем:

1. ПРАВИТЕЛЬСТВО разрешает АГРО-ДЖОЙНТУ деятельность, направленную на переход к занятию сельским хозяйством на трудовых началах евреев в пределах СССР.

2. АГРО-ДЖОЙНТ является организацией, не преследующей никаких коммерческих целей и не стремящейся к извлечению прибыли.

3. АГРО-ДЖОЙНТ принимает на себя обязательство затратить на указанные в сем договоре мероприятия не менее четырехста тысяч долларов (400000) в течение 1924–25 хозяйственного года.

ПРИМЕЧАНИЕ: Работы, которые АГРО-ДЖОЙНТ ведет или будет вести по поддержке уже существующих еврейских земледельческих поселений в СССР должны производиться не за счет указанных сумм².

4. АГРО-ДЖОЙНТ пользуется в пределах СССР всеми правами юридического лица, как-то: имеет право, с соблюдением существующих и имеющих быть изданными узаконений и в соответствии с целями, в сем договоре изложенными, приобретать всякого рода имущество в собственность и пользование, выдавать, получать и передавать всякого рода долговые обязательства, не исключая векселей, открывать во всех кредитных учреждениях СССР текущие и специальные счета, вступать с согласия КОМИТЕТА ПО ЗЕМЕЛЬНОМУ УСТРОЙСТВУ ТРУДЯЩИХСЯ ЕВРЕЕВ при ПРЕЗИДИУМЕ СОВЕТА НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ ЦИК СОЮЗА ССР учредителем или участником во всякого рода Общества и предприятия, имеющие связь с его деятельностью, отчуждать и закладывать собственное имущество, передавать его в пользование и сдавать его в аренду на возмездных и безвозмездных началах, снимать в аренду разного рода помещения, строения, участки и проч., приобретать имущество на праве застройки, отчуждать таковое и сдавать его в аренду, открывать (с согласия КОМЗЕТА) отделения, агентства, конторы, мастерские, склады и магазины, вообще совершать все невоспрещенные законами СССР сделки и действия, необходимые и желательные для осуществления целей, в сем договоре указанных, искать и отвечать на суде.

5. АГРО-ДЖОЙНТ проводит свою работу в СССР через Главного Уполномоченного, которому предоставляется организовать аппарат с необходимым ему штатом доверенных служащих и рабочих в тех местах, где это потребуется по ходу работы.

¹ JDC Archive NY AR192132 / 4 / 30 / 5 / 533/ 359818.

² Речь идет об уже упоминаемых населённых пунктах, основанных в XIX на территории Степной Украины (например, Сде Менуха или Калининдорф), а также о поселениях сионистов (Тель-Хай, Мишмар и др.) начала 20-х гг. XX в. на территории северного Крыма, которые также были включены в систему еврейских сельскохозяйственных поселений в 20–30 гг. XX в.

6. Главно-Уполномоченный АГРО-ДЖОЙНТА для СССР имеет свое местопребывание в Москве, АГРО-ДЖОЙНТУ присваивается печать прилагаемого образца.

7. АГРО-ДЖОЙНТ освобождается от существующих и могущих быть введенными в пределах СССР центральных и местных налогов и налоговых сборов.

8. АГРО-ДЖОЙНТ вправе распространять свою деятельность и на нееврейское население, живущее вперемежку или по соседству с еврейским населением, среди которого оно работает.

9. Деятельность АГРО-ДЖОЙНТА заключается:

1) В устройстве еврейских переселенческих групп и их хозяйств на новых местах и их объединении в коллективы и кооперативы.

2) В оказании материальной помощи коллективным и индивидуальным еврейским переселенческим земледельческим хозяйствам и их кооперативным, производственным, кредитным и ссудо-сберегательным товариществам и союзам.

3) В инструктировании евреев-земледельцев-переселенцев по всем вопросам организационно-хозяйственного и кооперативного характера.

10. АГРО-ДЖОЙНТ вправе оказывать помощь: а) отпуском денежных средств, в частности, на образование основного и специального капиталов различных сельско-хозяйственных переселенческих товариществ и их объединений; б) путем снабжения разными материалами и предметами, как-то: посевным и посадочным материалом, сельско-хозяйственным инвентарем, строительными материалами и проч.; в) содействуя подготовительным для переселенцев работам, оплатой землеустройства и производством мелиорационных, строительных и т.п. работ; г) путем субсидирования как еврейских, так и не-еврейских агрономических и педагогических техникумов, сельско-хозяйственных школ и кратко-срочных курсов по отдельным специальностям с.-х. промышленности, при условии направления части учащихся по окончании курса на работу во вновь создаваемые еврейские земледельческие поселения; д) путем субсидирования общественных организаций целиком или частично работающих в области привлечения еврейских трудовых масс к земледельческому труду.

11. Помощь оказывается АГРО-ДЖОЙНТОМ на началах возвратных и безвозвратных пособий, АГРО-ДЖОЙНТ вправе отсрочивать и рассрочивать оплату выдаваемых им ссуд, а равно перечислять их частично или полностью в разряд безвозвратных пособий.

12. Ссуды могут быть выдаваемы в форме коллективного, кооперативного или индивидуального кредитования, краткосрочные или долгосрочные, беспроцентные или процентные, причем в последнем случае размер процентов не должен превышать 3-х годовых, и полученные от процентных начислений суммы могут быть использованы АГРО-ДЖОЙНТОМ только для той же работы, как и основной капитал.

13. Ссуды выдаются под долговые обязательства, векселя залог имущества, не исключая строений и права застройки, с. (х) - продуктов, будущего урожая и проч.; в случае отпуска каких-либо предметов в натуре АГРО-ДЖОЙНТ, если найдет это целесообразным, может сохранить за собой право собственности на них, оговорив условия, при которых эти предметы изъеются из владений должников и возвращаются АГРО-ДЖОЙНТУ.

14. На поселенцев, устраиваемых и обслуживаемых АГРО-ДЖОЙНТОМ, согласно плана КОМЗЕТ, распространяются все льготы и преимущества, которые предоставляются или будут предоставлена в пределах СССР законами или распоряжениями СОЮЗНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА и соответствующих СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК, переселенцам, устраиваемым в порядке государственного переселения, в частности, пониженный тариф по проезду и провозу багажа и прочего имущества, льготы по землеустройству, единому с.-х. налогу и др. налогам и проч.

15. АГРО-ДЖОЙНТУ предоставляется в обслуживаемых им переселенческих районах устраивать прокатные, случные, зерноочистительные пункты, племенные и семенные рассадники, плодово-виноградные питомники, показательные поля и участки, а равно содержать агрономов, инструкторов и ветеринаров и вообще оказывать все виды агротехнической помощи, действуя с утверждения органов КОМЗЕТА и соответствующих земельных органов.

16. Персональный подбор сотрудников производится АГРО-ДЖОЙНТОМ, причем количество иностранных граждан не должно превышать 10%. Во всем остальном АГРО-ДЖОЙНТ подчиняется всем правилам об условиях и вознаграждении труда установленным Кодексом о труде.

ПРИМЕЧАНИЕ: КОМЗЕТ имеет право отвода отдельных сотрудников АГРО-ДЖОЙНТА.

17. Рабочие и служащие АГРО-ДЖОЙНТА пользуются в отношении платежа налогов, квартирной платы и жилой площади и оплаты коммунальных услуг и вообще в пр. отношениях правами рабочих и служащих государственных учреждений.

18. АГРО-ДЖОЙНТУ предоставляется ввозить в СССР необходимые для его деятельности предметы по особой, имеющей быть выработанной НАРКОМВНЕШТОРГОМ и КОМЗЕТОМ, номенклатуре без платежа пошлин, канцелярского, таможенного, лицензионного и иных сборов акциза. КОМЗЕТ оказывает содействие в получении от соответствующих правительственных органов лицензий на ввоз предметов, указанных в упомянутой номенклатуре.

19. Грузы направляемые в адрес АГРО-ДЖОЙНТА, для целей в сем договоре наложенных, перевозятся по путям сообщения СССР по тарифам, установленным для грузов переселенцев.

20. Настоящий договор заключается на срок в один год, считая с момента утверждения его ПРАВИТЕЛЬСТВОМ, по желанию АГРО-ДЖОЙНТА, заявленному в письменной форме за три месяца до истечения срока, договор, при отсутствии возражений со стороны ПРАВИТЕЛЬСТВА, автоматически продолжается на новый срок. Каждой из сторон предоставляется право во время действия договора заявить в письменной форме о своем желании прекратить его действие. В таком случае АГРО-ДЖОЙНТУ предоставляется шести месячный срок для ликвидации своих дел.

21. При ликвидации деятельности АГРО-ДЖОЙНТ передает по соглашению с КОМЗЕТОМ свое имущество, включая долговые обязательства кооперативным и др. организациям, действующим в пределах СССР и преследующим одинаковые с АГРО-ДЖОЙНТОМ цели. Во всяком случае АГРО-ДЖОЙНТ обязуется не вывозить обратно за границу сумм и средств, ввезенных им в СССР, для работы по сему договору.

22. Вся работа АГРО-ДЖОЙНТА протекает в полной согласованности с ПРАВИТЕЛЬСТВОМ в лице КОМИТЕТА ПО ЗЕМЕЛЬНОМУ УСТРОЙСТВУ ТРУДЯЩИХСЯ ЕВРЕЕВ при ПРЕЗИДИУМЕ СОВЕТА НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ ЦИК СОЮЗА ССР (сокращенно именуемый КОМЗЕТ), который: а) оказывает всемерное содействие отводу земель переходящим к занятию сельским хозяйством евреям и облегчению работы АГРО-ДЖОЙНТА; б) утверждает операционные планы работы и сметные предположения АГРО-ДЖОЙНТА, а также условия хозяйственной и кредитной помощи переселяющимся евреям и инструкции для агрономов, инструкторов, инспекторов и (прочих) сотрудников АГРО-ДЖОЙНТА и их штаты; в) обследует предприятия АГРО-ДЖОЙНТА и работы, производимые ими, а равно знакомится с делопроизводством учреждений АГРО-ДЖОЙНТА, расположенных в пределах СССР; г) рассматривает отчеты о ходе работ АГРО-ДЖОЙНТА каждые три месяца, а равно не периодически.

ПРИМЕЧАНИЕ: КОМЗЕТ имеет право назначить своих представителей для Союза ССР и отдельных Союзных и автономных Республик с целью

оказания содействия АГРО-ДЖОИНТУ в его работе в соответствии с настоящей статьей.

23. В случае предоставления ПРАВИТЕЛЬСТВОМ какой-либо иностранной организации, преследующей аналогичные с АГРО-ДЖОИНТОМ цели, не предусмотренных сим договором льгот, – таковые автоматически распространяются на АГРО-ДЖОИНТ.

24. Настоящий договор вступает в силу по утверждению его СОВЕТОМ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР при условии утверждения его не позже 1-го января 1925 года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА ПО ЗЕМЕЛЬНОМУ
УСТРОЙСТВУ ТРУДЯЩИХСЯ ЕВРЕЕВ
ПРИ ПРЕЗИДИУМЕ СОВЕТА НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ ЦИК СОЮЗА ССР –
П. СМИДОВИЧ

ПРЕЗИДЕНТ и ДИРЕКТОР АМЕРИКАНСКОЙ
ЕВРЕЙСКОЙ ОБЪЕДИНЕННОЙ АГРОНОМИЧЕСКОЙ КОРПОРАЦИИ –
Ж. РОЗЕН

Как видим, согласно договору, Агро-Джойнт при согласии руководства СССР обязуется помогать еврейской колонизации в Советском Союзе. В частности, предоставлять переселенцам финансовую помощь (в виде кредитов или других займов), инвентарь, заниматься подготовкой сельскохозяйственных кадров и др. По договору организация «Агро-Джойнт» получала в СССР легальный статус, близкий к государственной организации. Также ей предоставлялись привилегии в налогообложении, а также при ввозе инвентаря для сельскохозяйственной колонизации. При этом деятельность Агро-Джойнта была ограничена рядом пунктов, в частности, 90% его сотрудников должны были быть гражданами СССР, а вся его деятельность подотчетна КомЗЕТу как представителю правительства СССР. Как отмечалось, данный Договор был основополагающим. Последующие соглашения корректировали или расширяли некоторые пункты, добавляли новые. Однако все новые добавления не меняли сущность договоренностей.

Анализ текста договора позволяет сделать вывод. Ни создание некоей еврейской национально-территориальной единицы в СССР, ни тем более передача каких-либо земель под залог или в виде выкупа предметом соглашения не были. Все статьи касаются исключительно содействия со стороны Агро-Джойнта еврейской аграрной колонизации в СССР, а также о юридическом статусе Агро-Джойнта и характере его деятельности на территории СССР. Заметим, что о Крыме как отдельной территории вопрос вообще не стоял. Можно считать доказанным, что предложения о создании на территории Степной Украины и Крыма потенциальной еврейской автономии исходили от советских представителей, в основном работников КомЗЕТА и Общества землеустройства евреев-трудящихся (ОЗЕТ) (А. Мережин, Ю. Ларин, А. Брагин и другие) [Мережин, 1927, с. 23; Агапов, 2013, с. 109; Могаричев 2019].

Несомненно, договор представляет собой образец сотрудничества СССР 20-х гг. с заграничными негосударственными «буржуазными», «классово-чуждыми» организациями. В этом контексте он представляет несомненный интерес для анализа и понимания внешней и внутренней политики Советского Союза рассматриваемого периода.

Список литературы

1. Агапов М. Г. 2013. А. Г. Брагин и проекты еврейского национального строительства в СССР. Вопросы истории, 2: 91–101.
2. Агапов М.Г. 2011. Истоки советско-израильских отношений: «еврейский национальный очаг» в политике СССР в 1920-е – 1930-е гг. Тюмень, Вектор Бук, 324.
3. Бережанская Б.Б. 1997. Еврейские колхозы в Крыму. В кн.: Евреи Крыма: очерки истории. Симферополь; Иерусалим: 71–84.

4. Возгрин В. Е. 2013. История крымских татар: очерки этнической истории коренного народа Крыма в 4-х т. Т. 3. 3-е издание: стереотипное. Симферополь, Тезис, 880.
5. Ефимов А. Еврейская советская социалистическая республика в Крыму: к истории одного проекта. Фонд «Москва-Крым». URL: <http://web.archive.org/web/20090212214919/http://www.moscow-crimea.ru/history/20vek/republic.html> (дата обращения: 13.01.2018).
6. История еврейского народа в России. 2017. Под ред. Михаэля Бейзера. М., Мосты культуры/Гешарим, 480.
7. Кондратюк Г. 2012. Переселение евреев в Крым в условиях политики коренизации (20-е годы XX века). Украинознавчий альманах, 7. 94–97.
8. Костырченко Г. 2003. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М., Международные отношения, 784.
9. Костырченко Г. 2010. «Еврейский Крым». Наш современник, 6: 176–193.
10. Крымская Калифорния: что Сталин планировал сделать в Крыму. URL: <https://russian7.ru/post/pochemu-stalin-khotel-pereselit-sovet/> (дата обращения: 21.03.2019).
11. Мережин А. 1927. Вопросы земельного устройства трудящихся евреев. М., Издание Комзета, 49.
12. Мицель М. 2012. «Последняя глава»: Агро-Джойнт в годы Большого террора. Киев, Дух і Літера, 461.
13. Могаричев К.Ю. 2018а. Два этапа «Крымского проекта»: к постановке проблемы. Крымский гуманитарный вестник: Сборник научных статей. Симферополь: 123–127.
14. Могаричев К.Ю. 2018б. К вопросу о проектах еврейской автономии в Крыму в 1920–1940 гг: историографический аспект. Учёные записки Крымского Федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки, 4 (70), 2: 85–98.
15. Могаричев К.Ю. 2019. «Крымский проект» еврейской автономии в восприятии либеральной общественности США (по материалам «The New York Times»). Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. Т. 24, № 3. С. 170–180.
16. Проект Крымская Калифорния и хитрость Сталина. Русский Дом. URL: <http://russiahousenews.info/other-story-news/krymskaya-kaliforniya> (дата обращения: 21.03.2019).
17. Советское руководство отдавало Крым в руки евреев. Русское агентство новостей. URL: <http://ru-an.info> (дата обращения: 21.03.2019).
18. Судоплатов П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. М., ОЛМА-ПРЕСС, 1997. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/sudoplatov_pa/index.html (дата обращения: 25.03.2019).
19. Benjamini E. 1990. States for the Jews: Uganda, Birobidzan and 34 other Projects. Tel Aviv: Ha-kibbutz ha-meuhad, 384. (in Hebrew).
20. Dekel-Chen J. 2005. Farming the Red Land. New Haven. New York: Yale University Press, 366.
21. Dekel-Chen J. 2007. JCA-ORT-JAS-JDC: One Big Agrarianizing Family. Jewish History, 21: 263–278.
22. Kagedan A.L. 1981. America Jews and the Soviet Experiment: Agro-Joint project, 1924–1937. Jewish Social Studies, 2, 43: 153–164.
23. Kagedan A.L. 1985. Soviet Jewish Territorial Units and Ukrainian-Jewish Relations. Harvard Ukrainian Studies, 9, 1/2: 118–132.

References

1. Agapov M.G. 2013. A. G. Bragin i proekty evreyskogo natsional'nogo stroitel'stva v SSSR [A.G. Bragin and project of Jewish national construction in the USSR]. Voprosy istorii, 2: 91–101.
2. Agapov M.G. 2011. Istoki sovetsko-izrail'skikh otnosheniy: «evreyskiy natsional'nyy ochag» v politike SSSR v 1920-e – 1930-e gg. [The origins of Soviet-Israeli relationship: Jewish national home in Soviet policy in 1920–1930] Tyumen', Vektor Buk, 324.
3. Berezhanskaya B.B. 1997. Evreyskie kolkhozy v Krymu [Jewish collective farms in Crimea]. Evrei Kryma: ocherki istorii. Nauchno-issledovatel'skiy tsentr krymovedeniya [Scientific center of Crimea studies]. Simferopol'; Ierusalim: 71–84.
4. Vozgrin V.E. 2013. Istoriya krymskikh tatar: ocherki etnicheskoy istorii korennoy naroda Kryma v 4-kh t. T. 3. [History of Crimean Tatar: essays of ethnic history of indigenous people of Crimea]. 3-e izdanie: stereotipnoe. Simferopol': Tezis, 880.
5. Efimov A. Evreyskaya sovetskaya sotsialisticheskaya respublika v Krymu: k istorii odnogo proekta [Jewish soviet socialistic republic: revising history of the project]. Fond «Москва-Крым». Available

at: <http://web.archive.org/web/20090212214919/http://www.moscow-crimea.ru/history/20vek/republic.html> (accessed; 13.01.2018).

6. Istoriya evreyskogo naroda v Rossii 2017. [History of the Jews in Russia]. Pod red. Mikhaelya Beyzera. Moscow, Mosty kul'tury/Gesharim, 480.
7. Kondratyuk G. 2012. Pereselenie evreev v Krym v usloviyakh politiki korenizatsii (20-e gody XX veka) [Jewish settlement in Crimea in context of Korenizatsia policy]. Ukrayinoznavchiy al'manakh, 7: 94–97.
8. Kostyrchenko G. 2003. Taynaya politika Stalina. Vlast' i antisemitizm [The secret policy of Stalin. The power and anti-Semitism]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 784.
9. Kostyrchenko G. 2010. «Evreyskiy Krym» [«Jewish Crimea»]. Nash sovremennik, 6: 176–193.
10. Krymskaya Kaliforniya: chto Stalin planiroval sdelat' v Krymu [«Crimean California»: what Stalin wanted to do in Crimea]. Available at: <https://russian7.ru/post/pochemu-stalin-khotel-pereselit-sovet/> (accessed 21.03.2019).
11. Merezhin A. 1927. Voprosy zemel'nogo ustroystva trudyashchikhsya evreev [Issues of Settlement of Toiling Jews]. Moscow, Izdanie Komzeta, 49. (in Russian).
12. Mitsel' M. 2012. «Poslednyaya glava»: Agro-Dzhojnt v gody Bol'shogo terror [The last chapter: Agro-Joint in years of Great Terror]. Kyiv, Dukh i Litera, 461.
13. Mogarichev K.Yu. 2018a. Dva etapa «Krymskogo proekta»: k postanovke problemy [Two stages of Crimea Project: on definition of problem]. Krymskiy gumanitarnyy vestnik: Sbornik nauchnykh statey. Simferopol': 123–127.
14. Mogarichev K.Yu. 2018b. K voprosu o proektakh evreyskoy avtonomii v Krymu v 1920–1940 gg: istoriograficheskiy aspekt [On Projects of the Jewish Autonomy in Crimea 1920–1940: Historiographical Approach]. Uchenye zapiski Krymskogo Federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernad'skogo. Istoricheskie nauki, 4 (70), 2: 85–98.
15. Mogarichev K.Yu. 2019. «Krymskiy proekt» evreyskoy avtonomii v vospriyatii liberal'noy obshchestvennosti SShA (po materialam «The New York Times») [«Crimea project» of Jewish autonomy in perception on liberal American public (on «the New York times» materials)]. Vestnik Volgogradskogo State universiteta. Seria 4. T. 24, № 3. S. 170–180.
16. Proekt Krymskaya Kaliforniya i khitrost' Stalina. Russkiy Dom. [Project Crimean California and Stalin's cunning. Russian house]. Available at: <http://russiahousenews.info/other-story-news/krymskaya-kaliforniya> (accessed 21.03.2019).
17. Sovetskoe rukovodstvo otdavalo Krym v ruki evreev [The Soviet leadership gave the Crimea to the hands of the Jews. Russian News Agency]. Russkoe agentstvo novostey. Available at: <http://ru-an.info>. (accessed 21.03.2019).
18. Sudoplatov P.A. Spetsoperatsii. Lubyanka i Kreml' 1930–1950 gody. [Special operations. Lubyanka i Kreml' in 1930–1950]. Moscow, OLMA-PRESS, 1997. Available at: http://militera.lib.ru/memo/russian/sudoplatov_pa/index.html (accessed 25.03.2019).
19. Benjamini E. 1990. States for the Jews: Uganda, Birobidzan and 34 other Projects. Tel Aviv: Ha-kibbutz ha-meuhad, 384. (in Hebrew).
20. Dekel-Chen J. 2005. Farming the Red Land. New Haven. New York: Yale University Press, 366.
21. Dekel-Chen J. 2007. JCA-ORT-JAS-JDC: One Big Agrarianizing Family. Jewish History, 21: 263–278.
22. Kagedan A.L. 1981. America Jews and the Soviet Experiment: Agro-Joint project, 1924–1937. Jewish Social Studies, 2, 43: 153–164.
23. Kagedan A.L. 1985. Soviet Jewish Territorial Units and Ukrainian-Jewish Relations. Harvard Ukrainian Studies, 9, 1/2: 118–132.

Ссылка для цитирования статьи

Reference to article

Могаричев К.Ю. Договор СССР с Агро-Джойнтом (1924 г.) в контексте мифологемы о «Крымской Калифорнии». Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2019. Т. 46. № 3. С. 452–461. doi: 10.18413/2075-4458-2019-46-3-452-461

Mogarichev K.Yu. Agreement between the USSR and Agro-Joint in context of myth of «Crimean California». Belgorod State University Scientific Bulletin. History. Political Science. 2019. V 46. № 3. P. 452–461. doi: 10.18413/2075-4458-2019-46-3-452-461

УДК 94(438).02,071,081,083

DOI 10.18413/2075-4458-2019-46-3-462-478

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС – ВЧЕРА, СЕГОДНЯ... ЗАВТРА?**A POLISH QUESTION, YESTERDAY, TODAY... TOMORROW?****С.В. Морозов****S.V. Morozov**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015 Russia

E-mail: morozov_s@bsu.edu.ru

Аннотация

Рассматривается так называемый польский вопрос с использованием проблемно-хронологического подхода. В результате принятия католичества и добровольного вхождения в состав западной цивилизации у польского народа исторические начала стали преобладать над славянской самобытностью. Когда Польша утратила собственную государственность в последней четверти XVIII в., данное преобладание стало проявляться в еще большей степени, что нашло свое отражение в восстаниях 1830 и 1863 гг. В частности, это выразилось в требованиях повстанцев восстановления границ Польши в пределах 1772 г., а также в религиозно-мистическом мессианизме А. Мицкевича. В межвоенный период данное преобладание проявлялось в планах Ю. Пилсудского воссоздать «Великую Польшу» за счет раздела Советского Союза путем польско-германо-японской интервенции. После распада социалистического блока польские политические элиты пытаются вновь возродить былое величие Польши за счет тесного сотрудничества с США, однако оно проходит не совсем гладко. Поскольку польский вопрос принципиально важен для российской истории и политики, по нашему мнению, ныне было бы целесообразно создание специальной научной структуры в рамках одного из ведущих российских вузов для изучения и прогнозирования дальнейшего развития польского вопроса.

Abstract

The so-called Polish question is examined with the using of the problem-chronological approach. As a result of the adoption of Catholicism and the voluntary entry into the Western civilization of the Polish people, historical origins began to predominate over the Slavic identity of Poles. When Poland was deprived of its own statehood at a last quarter of 18th century, this predominance began to manifest itself even more: it was manifested in the uprisings of 1830 and 1863. In particular, this was reflected in the demands of the rebels to restore the borders of Poland within the limits of 1772, as well as in the religious-mystical messianism of A. Mickiewicz. In the interwar period, this predominance was manifested in J. Piłsudski's plans to recreate «Great Poland» by partitioning the Soviet Union through Polish-German-Japanese intervention. After the collapse of the socialist bloc, Polish political elites are trying again to revive Poland's former greatness through close cooperation with the United States, but it is not going smoothly. It is necessary to create a scientific structure for studying and forecasting the Polish question within the framework of the Russian university.

Ключевые слова: польский вопрос, мессианизм Мицкевича и Пилсудского, «холодок» между Польшей и США.

Keywords: the Polish question, the messianism of Mickiewicz and Piłsudski, the chill between Poland and the United States.

Польский вопрос многогранен, имеет значительную историю и, хотя нынешние времена краха так и не состоявшейся модели глобализма и перехода к новой многополярной модели характеризуются изменчивостью, он продолжает во многом сохранять свою актуальность прежде всего для одного из самых значимых игроков мировой политики – России. Причем он не только актуален, но весьма важен среди прочего с точки зрения поиска адекватной оценки внешнеполитических целей и политических амбиций нынешней польской правящей элиты. Следует также учитывать роль и место Польши в современной Европе, в частности, в ЕС и как ключевого игрока, на которого намерена делать ставку администрация США в своих антироссийских пасьянсах. Данная статья имеет цель проследить эволюцию различных граней польского вопроса из обозримого прошлого по настоящее время, отметить его особенности в нынешний период, по возможности наметить путь для воздействия на него с целью формирования адекватного взаимного восприятия России и Польши.

Согласно мнению видного российского ученого, общественного и государственно-го деятеля середины – второй половины XIX в. Александра Федоровича Гильфердинга, истоки борьбы между Россией и Польшей теряются в глубине веков. «Едва эти народы вступали в круг деятельности исторической, перед ними становился вопрос: войдут ли они органически, всею своею духовною, общественною и политическою жизнью в состав старшего, более образованного римско-германского мира или устоят на началах самостоятельного развития? Вопрос этот предлагался славянскому племени самою силою истории, иначе быть не могло: ибо, с одной стороны, славянское племя было так молодо, так неразвито сравнительно с крепко организованным миром романского и немецкого Запада, что этот мир мог казаться славянам высшим идеалом человеческого общества, и сам должен был стремиться захватить в свой круг слабые организмы славянских народов. Но, с другой стороны, славянское племя было так велико, так свежо, что в нем естественно должна была жить потребность не только внешней, но и внутренней самобытности, инстинкт самостоятельного исторического призвания» [Гильфердинг, 2009, с. 172]. Это наблюдение, на наш взгляд, представляется необычайно важным и послужит своеобразным фундаментом для дальнейшего хода исследования.

В ходе тяжелой борьбы с Германской империей западнославянские племена, в том числе сформировавшие впоследствии польский народ, утратили значительную часть своих земель – Балтийское Поморье, восточная сторона р. Одер, Силезия и т. д. были шаг за шагом отняты и онемечены. В то время как западные земли польских племен делались добычей германского натиска, на восточных формировалось независимое государство, которое, пытаясь уберечь в какой-то мере свою славянскую народность, в то же время проникалось совокупностью начал западной жизни [Szajnocha, 1859, s. 4–19].

Часть западнославянских племен постепенно формировалась в польский народ в процессе вхождения всем своим организмом в состав западноевропейского мира. Нравственные устои Польши складывались под влиянием религиозных начал католицизма и общественных идеалов рыцарства; городская жизнь целиком была перенесена из Германии, а в основу просвещения были положены предания римского классицизма – словом, все было принято и органически усвоено ею с Запада. «Польша, оставаясь славянской, сделалась вполне членом латино-германской семьи народов, единственной славянской страной, вступившей в эту семью всецело и свободно, не в силу материального завоевания, а добровольным принятием западноевропейских стихий в основу своей собственной, славянской жизни. Этот органический процесс внутреннего совоплощения Польши с латино-германским или западноевропейским миром составляет сущность первой эпохи польской истории; в XIV в. Польша принадлежала уже, всеми стихиями своими, к семье западноевропейских народов» [Гильфердинг, 2009, с. 173].

В отличие от Польши, путь развития русской земли был более «медленным и тяжелым». В начальные времена исторического существования обоих государственных организмов, пока на землях древнепольского государства еще имела место внутренняя органическая борьба проникавших в него западных идей с собственными славянскими преда-

ниями, оно само заслоняло русскую землю от непосредственного влияния латино-германской Европы и способствовало тому, что на землях Киевской Руси могли окрепнуть зародыши самобытной славянской жизни. «То великая, хотя бессознательная, историческая для нас заслуга древней Польши, заслуга, которой мы не должны забывать «Религия, принятая русскою землею, связала ее с миром древнего просвещения, но с таким миром, который стоял вне западноевропейской семьи народов; и в то же время эта религия, по самому своему характеру невмешательства в мирское устройство, не предопределяла развития славянской жизни чужими началами и формами; под ее покровом мог устоять и окрепнуть народ на своих славянских основах; под ее покровом эта часть славянского племени могла сложиться в народный и государственный организм, вполне самобытный во всех стихиях своей общественной и духовной жизни» [Гильфердинг, 2009, с. 174].

Таким образом, согласно мнению А.Ф. Гильфердинга, православие сыграло для периода становления древнерусской государственности ту особую роль, которая позволила впоследствии России сохранить собственную славянскую самобытность, в то время как Польша была обречена быть втиснутой в прокрустово ложе латино-германской цивилизации, в значительной степени упорядочившей организационную и бытовую стороны жизни, но исказившей славянскую душу польского народа.

Следует также обратить внимание еще на один фактор, оставшийся вне поля зрения Александра Федоровича. Имеется в виду монголо-татарское иго, в значительной степени повлиявшее на формирование особого психологического облика русского народа. Не только в худшую сторону, придав черты скрытности и т. п. Ведь, в отличие от западноевропейской традиции, где большая часть информации передается посредством вербального аппарата, азиат постигает собеседника не столько путем речевого общения, сколько душой и сердцем. И монгольский завоеватель, перенеся русским князьям среди прочего формы и методы государственного управления, заимствованные в покоренном Китае, относительно русского народа в течение 240 лет выступал в роли так называемого «черного учителя», наделив его, правда, помимо желания последнего, тонким азиатским чутьем и психологизмом. Важнейшую роль опять же сыграло православие, являвшееся, скорее всего, чуть ли не единственной возможностью с верой и достоинством пройти это весьма и весьма нелегкое испытание, сохранив в неприкосновенности от германского латинизма славянскую душу. Чего напрочь были лишены поляки, негативно воспринимавшие внешнюю сторону психологического облика русского человека, видя лишь византийское лукавство и азиатское коварство «москалей».

Однако данный фактор, в значительной мере повлияв на «христианизацию» души и рост психологизма русского народа, в то же время отяжелил и замедлил ход исторического развития восточно-славянских княжеств, а Польша уже в XIV в. представляла общество вполне развитое, созревшее под влиянием Запада, проникнутое всеми началами его жизни. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, воспринимая внешнюю сторону отсталости русских княжеств в качестве проявления «москальского» азиатства, деятельность Польши должна была обратиться на восток, на русскую землю. Чем представлялась полякам Русь в XIV–XV вв.? Страной глубокого невежества с едва начинающимися зачатками государственной организации, в одной половине своей подчиненную диким литовским язычникам, в другой – раболепствующую перед ханом татарской орды.

Следует также учитывать еще одно немаловажное обстоятельство касательно мотивов обращения взоров польских правителей на восток – это их религиозная солидарность с римско-германскими императорами, рассматривавшими славянские племена в качестве целей для дальнейшего завоевания и распространения латинства. Несмотря на тот факт, что восточнославянские племена были родственными по крови, политические интересы Польши требовали «поддерживать императоров в этих войнах против братских Польше племен» [Szajnocha, 1859, s. 33].

Первая попытка этой самой поддержки, которая была сделана еще в домонгольский период, носила среди прочего явно выраженный прозелитский характер и помещена в

матримониальную обертку. Речь идет об отправке в Киевскую Русь дочери короля Болеслава Храброго как невесты для сына великого князя Владимира Святополка¹ в сопровождении ее духовника – бывшего колобжегского епископа Рейнберна. Согласно сведениям немецкого хрониста Титмара Мерзебургского, старания зятя Болеслава, его супруги и вышеупомянутой духовной особы свергнуть Туровский край в католичество обрели такой размах, что трое новоявленных катехизаторов оказались благодаря великому князю Владимиру в темнице, где душа Рейнберна покинула телесное пристанище и отлетела к Господу ориентировочно в 1013 г.²

Комментируя этот эпизод, польский историк XIX в. Шайноха упоминает о возрожденной Польше и Руси духовной противоположности и цивилизирующем влиянии не востока на запад, а запада на восток и заявляет: «С этого началась первая в этой стороне борьба между восточным и западным фактором» [Szajnocha, 1859, s. 166–167]. Упрекнув Восточную церковь в слиянии со светской властью, именитый львовянин далее развивает мысль о преобладании Западной церкви, которая, развернув борьбу против светской власти германских императоров, вызвала ее последствиями европейское просвещение, у которого «весь восточно-христианский мир не смеет еще оспаривать превосходства» [Гильфердинг, 2009, с. 177].

Полемизуя с Шайнохой, Гильфердинг задает провидческий вопрос: «А что, если он когда-нибудь станет его оспаривать? Что, если славянское племя должно и действительно имеет силу стремиться не к подчинению стихиям латино-германской Европы, а, напротив, к внутренней самобытности? Что, если темная масса русского народа оказалась убежищем и хранильницей возможной, духовной и общественной, самобытности славянского племени? Как представилось бы в таком случае историческое дело Польши?» После этого Александр Федорович дает не менее пророческий ответ: «В таком случае мы (не обвиняя, разумеется, в частности, ни прежних поколений польских, ни поляков, современников наших, ибо это невольный плод исторической судьбы) сказали бы, что Польша совершила историческую измену славянскому делу, что в прошедшем казавшееся столь близким торжество польского владычества в русской земле убило бы всю будущность славянского племени...» [Гильфердинг, 2009, с. 177–178].

Представляется целесообразным по возможности кратко оценить движение Польши в отношении восточнославянских земель в период XIV–XVIII вв. Закончив ориентировочно в XIV в. первую фазу своего внутреннего органического слияния с латино-германской Европой, она обращает свой взор на Восток, и на том этапе ее первые шаги сопровождаются невероятными успехами. Обаяние Запада было столь притягательным, что при короле Казимире Великом вся Галицкая земля присоединилась к Польше, и польские магнаты в предвкушении великой будущности почти насильственно навязали наследнице польского престола Ядвиге брак с великим князем литовским Ягелло, властелином всей западной половины русских земель [Szajnocha, 1861]. Польское влияние неожиданно распространилось до Киева, Брянска, Смоленска и Новгород-Северского. Этот союз, еще сомнительный при Ягелле, скреплялся все теснее и теснее с каждым поколением, и при его внуке Казимире IV Великому Новгороду пришлось горько пожалеть³ за попытку присоединиться к этим мирным завоеваниям, которые доставляло Польше превосходство ее образованности, ее аристократической организации над невежеством и бессознательностью русской земли.

¹ Впоследствии прозванного Окаянным.

² [Szajnocha, 1859, s. 84; Титмар из Мерзебурга. Хроника. Кн. VII. 72(52)]. Эта польская интрига имела продолжение. Когда отряды Болеслава в 1013 г. опустошили западные области, Владимир освободил узников, а после смерти последнего в 1015 г. Святополк обосновался в Киеве. После того, как войско Ярослава нанесло поражение отрядам Святополка на Днепре в 1016 г., последний сбежал к тестю, который в свою очередь в 1018 г. нанес на Буге поражение Ярославу и захватил Киев, водворив туда своего зятя. Но спустя год Ярослав вновь нанес поражение Святополку, который «пробъже пустыню меж Чяхи и Ляхы, и ту испровѣрже животь свой злѣ» [Повесть временных лет, с. 37–38].

³ После московско-новгородских войн 1471–1478 гг. Новгородская республика была упразднена, а вечевого колокол увезен в Москву.

Но внутренние, живые, хотя бессознательные славянские начала не желали соответствовать началам польской жизни. Восточные славяне, особенно в делах веры, стали поднимать голову против польской стихии, и в XVI в. Польше приходится уже полунасилом упрочивать свое господство над ними: она почти заставляет литовско-русские области окончательно соединиться с нею в одно государство в рамках Люблинской унии 1569 г. И также полунасилом она навязывает Брестскую унию 1595 г., то есть церковный союз с Римом, и насильственно его вводит. Наконец, в начале XVII в. польское знамя водружено в Кремле, и все Московское царство должно подчиниться пропаганде польской цивилизации – полное торжество Польши над русско-славянским миром казалось достигнутым.

Однако в русской земле уже настолько развилось сознание ее внутренней самобытности, что народ восточной Руси не признал превосходства польской цивилизации и захотел остаться при своих началах жизни. Таким образом, совершился великий исторический перелом, решивший судьбу славянского мира.

Выдворение поляков из пределов Третьего Рима было первым действием в этой новой исторической драме: русская земля определила для себя предел распространению польских начал. Польско-казацкие войны середины XVII в. в Малороссии были вторым действием: русская земля заявляла потребность освободиться от них и там, где они уже почти обосновались. Третьим действием стала реформа Петра Великого, которая имела в русско-польском вопросе то огромное значение, что она отняла у польской пропаганды на Руси разумную цель, что она упразднила, если можно так выразиться, историческую задачу Польши в отношении русской земли. В самом деле, два первых великих действия – освобождение Москвы и польско-казацкие войны в Малороссии – доказали только, что русская земля предпочитает свою религиозную и общественную самостоятельность латино-германским стихиям католической и шляхетской Польши; но на ее стороне оставалось еще одно значительное преимущество, один мощный инструмент преобладания – образованность и наука, принятые ею из Западной Европы вместе с ее религиозными и общественными началами.

Пока Россия была невежественна, а Польша образована, вопрос еще был сомнителен, какой стороне принадлежит будущность в славянском мире: образованному ли славянскому организму, но отказавшемуся от внутренней самобытности, или организму с задатками самобытного развития, но коснеющему в невежестве?

Русская земля при Петре I окрепла уже до такой степени, что для нее сделалось возможным принять западную науку и образованность, не отказываясь не только от своей внешней независимости, но и от внутренней самобытности своей жизни. Русская земля воспользовалась плодами западной цивилизации и с этим не вошла, подобно Польше, в состав латино-германского мира, не потеряла начал своего самобытного славянского развития. Дело Польши в русском мире, как сказано, устранялось реформой Петра, и об этом ясно засвидетельствовала сама история. Петр был первый из русских царей, который ни разу не воевал с Польшей, и первый, который хозяйничал в ней, как у себя дома: так бесстрашна стала Польша перед Россией, как скоро Россия овладела сама последним оружием ее прежнего обаяния – западной образованностью.

Весь XVIII в. был периодом разложения государственного здания старой Польши. Обширные русские области, которые она в XIV–XV вв. притянула к себе своим тогдашним нравственным и общественным преимуществом над Русью, все эти области (за исключением лишь Галиции) возвратились в состав Российского государства почти без насилия¹. Польская земля, то есть земля, населенная поляками, старая земля Казимира Великого, очутилась каким-то жалким обрубок среди сложившихся вокруг ее государств, похожая на человека, которого весь жизненный подвиг оказался несостоятельным и кото-

¹ Если и было сопротивление, то лишь в разных местах со стороны польской шляхты, а не со стороны туземного населения.

рый, потерявши все, остается бесприютным и сырým среди новых лиц, новых потребностей [Гильфердинг, 2009, с. 178–181].

Таким образом, в период XI–XVIII вв. предмет нашего исследования стоило бы назвать, пожалуй, польско-русским вопросом, для которого было характерно жесткое цивилизационное противостояние носительницы латино-германской стихии Польши, оперировавшей католичеством, идеалами рыцарства, городским немецким правом и образованностью и Русью, народ которой душой и сердцем предпочел древнеславянские общинные ценности и православие. В течение процесса данного противостояния начала создаваться славяно-православная цивилизация, а польско-русский вопрос к концу XVIII в. сублимировался в польский вопрос.

Его возникновение принято связывать с периодом потери польской правящей элитой собственной государственности в конце XVIII в., когда после трех разделов Польша перестала существовать в качестве субъекта международных отношений, став частями соответственно России, Пруссии и Австрии, и, как одно из следствий, представлять непрестанную головную боль российской внешней политике. Эта самая головная боль из внешнеполитической сферы переместилась в российскую внутривнутриполитическую проблему и сублимировалась в пресловутый польский вопрос. С польской аристократии и шляхты никто не потребовал вассальной присяги на верность православному сюзеру, и помещики-католики продолжали эксплуатировать в имениях крестьян малороссов и белорусов, являвшихся преимущественно православными, раскачивая и раздувая польский вопрос¹.

Сказать, что российское самодержавие стремилось подавить ростки польского политического самовыражения, было бы неверно. В частности, император Александр I склонен был всячески содействовать различному проявлению польского политического самовыражения. Известно, что его русские подданные даже сетовали на него за предпочтение, которое он оказывал полякам. Он сочувствовал аристократическому духу поляков, восхищался их рыцарским характером и склонен был не находить данных черт в русском народе. Заняв после поражения французов в 1812 г. правом завоевателя Варшавское герцогство, то есть Польшу в собственном смысле, землю польского народа, русский государь решил восстановить польское королевство с полной гражданской и даже военной автономией, и он исполнил это вопреки сильнейшему противодействию главных европейских держав. Не только континентальные державы всеми силами старались на Венском конгрессе отклонить российского императора от этого намерения, даже Англия убеждала его «обратить Польшу в простые русские губернии». Кто сколько-нибудь знаком с историей европейской дипломатии 1814–1815 гг., тому известны все эти кажущиеся для нас теперь столь странными факты. Известно также, что Александр Павлович, выведенный из терпения препятствиями, какие воздвигались Европой против его мысли о восстановлении Польши, был готов объявить за это войну своим союзникам, что манифест и воззвание к польскому народу были уже написаны, и что только полученное в то время известие о высадке Наполеона устранило эту войну. Известно, что в речи при открытии в Варшаве сейма поляки были выставлены перед Россией как образец, к которому ей следовало стремиться [История дипломатии, 1941, с. 379–380; Гильфердинг, 2009, с. 182–183].

В политической сфере польский вопрос непрестанно давал о себе знать и нередко находил пути для проявления – среди прочего это и восстание Т. Костюшко, и участие польских военных формирований в наполеоновской кампании 1812–1813 гг., а также польско-русская война 1830–1831 гг. и восстание 1863 г.² Примечательны были политиче-

¹ В польской исторической традиции западное влияние оказало значительное воздействие и стало частью исторического бытия страны. В частности, шляхта не существовала в Польше искони, а образовалась под воздействием немецких учреждений позднего средневековья, и даже сам термин «шляхта», взят из немецкого языка. А гонор и воинственность польской шляхты были, скорее всего, заимствованы у немецкого рыцарства; соответственно, к понятию о благородном сословии присоединилось старинное славянское вечевое устройство, и «из нее вышло нечто бестолковое и вредное для славянства».

² В польской историографии, соответственно, «ноябрьское» и «январское» восстания.

ские требования повстанцев. Когда в 1831 г. русские войска находились под Варшавой и готовились взять штурмом их последнее убежище, Вольское укрепление, фельдмаршал Иван Федорович Паскевич пригласил командовавшего поляками генерала Яна Круковецкого на переговоры. Дальнейшая защита представлялась невозможной, и фельдмаршал считал нужным спросить Круковецкого об условиях, на которых тот согласился бы прекратить бесполезное кровопролитие. Однако польский генерал объявил, что единственное условие капитуляции, это восстановление польского государства в границах 1772 г. с Белоруссией, Литвой и Украиной!

Внутреннее противоречие польских исторических начал со славянской основой польского народа продолжало углубляться и облеклось ко второй половине XIX в. в действительные факты. Польские исторические начала настолько стали превалировать над славянской основой польского народа ко 2-й пол. XIX в., что многие его представители выступали не только против России, но и в роли гонителей других славянских народов.

Не последнюю роль в этом процессе сыграла польская эмиграция, которую составили многие бывшие участники «ноябрьского» восстания 1830 г., обосновавшиеся в основном в Париже. Она была весьма и весьма многочисленна, состояла из десятков тысяч людей, как правило, более или менее образованных, и включала политических знаменитостей, как князь Адам Чарторыйский, поэтов, как гениальный Адам Мицкевич, ученых, как Иоахим Лелевель, и многих других. Неудивительно, что она имела громадное влияние на страну, но какой это влияние носило характер? На наш взгляд, для ответа на данный вопрос необходимо учитывать среди прочего следующие два обстоятельства – недюжинный морально-интеллектуальный потенциал эмиграции и ее оторванность от народа и родной почвы, то есть от жизненной действительности. Это постепенно стало придавать произведениям многих ее авторов поистине фантастический колорит, поскольку это были плоды общества, поставленного вне всякой жизненной действительности.

Например, когда в период 1830–1848 гг. стала все более и более развиваться идея славянской народности и славянского братства, литература польской эмиграции тут же исключила русских из семьи славянских народов: «москали» были признаны монголами, татарами, финнами, смесью каких угодно племен, но только не славянами. Но что поделаешь, если эти «москали» заняли в славянском мире весьма заметное место, которого отрицать было невозможно. В результате в среде польской эмиграции создалась особая историко-мистическая теория – славянский мир был разделен на две враждующие противоположности: на мир добра и свободы, представительницей которого служила Польша, и на мир рабства и зла, воплощенный в России¹.

Мистическая же составляющая уходит корнями к 1830 г. Когда после поражения «ноябрьского» восстания полякам пришлось расстаться со значительной долей самостоятельности², то в среде все той же польской эмиграции сложился антирусский панславизм, представленный трудами Ф. Духиньского, франкоязычными польскими журналами и особенно – в труде великого поэта А. Мицкевича «Книга польского народа и польского паломничества» [Duchiński, 1861; Mickiewicz, 1832]. Последняя своей структурой и содержанием представляет ни больше ни меньше как своеобразное Евангелие от Мицкевича, взгляды которого постепенно под влиянием «шарлатана и мистика дурного толка» Анджее Тoviaньского сублимировались в разновидность некоей новой религии³.

¹ В качестве примера среди прочего можно привести курс А. Мицкевича о славянской литературе, который он читал в Collège de France в Париже на протяжении 1840–1844 гг. [Mickiewicz, 1849], а также книгу Л. Мерославского «О польской национальности в европейском равновесии» [Mieroslawski, 1856].

² До 1831 г. Царство Польское (то есть польские земли, присоединенные к России в 1815 г. после победы над Наполеоном) было фактически самостоятельным государством. Оно имело свой сейм (парламент), правительство, армию, денежную единицу и прочие признаки суверенитета. Единственное, что его связывало с Российской империей, была династическая уния – самодержавный Император Всероссийский одновременно был конституционным царем польским, которого в Варшаве представлял наместник.

³ [Ларионова, 2010, с. 201]. Идеи мессианизма, которые Мицкевич воспринял у Товяньского, последний, вероятнее всего, позаимствовал у крупного польского математика и философа Юзефа Гёне-Вроньского, кото-

Сущность данной религии состояла в том, что поляки – это новый народ-мессия, посланный для искупления всего рода человеческого. Он, как Спаситель, страдал, был распят и погребен, но ему суждено воскреснуть, одолеть дух мрака, воплощенному преимущественно в России, и принести с собой всему человечеству царство свободы и блаженства. Мессианизм Товьянского – Мицкевича, развивавшийся в 1842–1844 гг., возбудил против себя протесты самого католического духовенства и не мог долго удержаться даже в среде польской эмиграции: но он важен как самый яркий признак того умственного состояния, до которого могли дойти эти люди.

Что касается великого поэта А. Мицкевича, то хотелось помимо его литературно-творческого наследия и университетского курса о славянской литературе обратить внимание на него как на мыслителя сквозь призму пресловутого польского вопроса. Для этого небезынтересно было бы обратиться к его статье «О конституции повстанцев», написанной в апреле 1833 г. к годовщине «ноябрьского» восстания. В ней он опровергает мысль, появляющуюся в польской эмиграции, определить заранее ту форму правления и конституцию, которую должна получить Польша после освобождения от русской власти. По мнению великого польского поэта, конституции следовало быть составленной всего из шести (6) статей: «Ст. 1. Москаля, служащего Николаю, убивать, ловить, преследовать как можно дальше. Ст. 2. Между повстанцами и Николаем нет никаких условий, договоров, конвенций, перемирий, сношений и т. п. Ст. 3. Каждого шпега (шпиона), каждого русского чиновника, угнетавшего поляков, каждого поляка, уличенного в том, что он сторонник России, ловить, судить, казнить. Ст. 4. Революционная власть принадлежит тому, кто ее возьмет. Она более или менее обширна, смотря по многочисленности отдела, ей подчиненного, талантам и счастью вождя. Власть эта остается до тех пор, пока ей повинуются. Ст. 5. Власть, водворившись в городе или местечке, становится законодательною; схватив преступника, превращается в судебную; а если состоит из малого числа повстанцев, сама выполняет свои приговоры. Ст. 6. Подати собираются из добровольных приношений. Кроме того, власть забирает все, что нужно во время войны» [Гильфердинг, 2009, с. 464–465].

Выходит, что процесс проникновения польских исторических начал в славянскую душу народа к первой трети XIX в. не обошел стороной даже великого польского поэта А. Мицкевича – ведь кто как не поэт является своеобразным зеркалом души народа? Всего лишь через год после создания Евангелия от Мицкевича последовала и Конституция от Мицкевича, согласно которой лучшим и надежнейшим эликсиром для обеспечения польской свободы является убийство москаля, а попутно и поляка – сторонника России. Другими словами, после распятия, погребения и воскресения Польши великим польским поэтом на случай отказа признать границы 1772 г. для России под личиной конституции была фактически уготована Варфоломеевская ночь.

Касательно проникновения польских исторических начал в славянскую душу народа следует, пожалуй, отметить еще один чувствительный момент польского вопроса, который ощутимо дал о себе знать и стал одной из подлинных причин, лежавших у истоков так называемого «январского» восстания. Речь идет об акте 1857 г. дворян Ковенской, Виленской и Гродненской губерний, который был направлен высшим властям Российской империи в преддверии подготовки манифеста 19 февраля 1861 г. об освобождении крестьян. Основной мыслью данного документа, авторство которого принадлежало преимущественно польским дворянам, было освобождение крестьян без земли, дабы превратить

рый свою первую философскую работу «Критика философии, основанная на первом принципе человеческого знания» опубликовал еще в нач. XIX в. [Hoëné-Wroński, 1803]. В 1831 г. в Париже увидело свет одно из его основных философских произведений «Мессианство. Окончательный союз философии и религии, составляющий абсолютную философию», первый том которого назывался «Пролог мессианства. Откровение судьбы человечества» [Hoëné-Wroński, 1831]. Однако в «мессианизме» Вроньского большое место уделялось идее единства славянских народов, ведущая роль среди которых была уготована, по его мнению, России. Парадокс ситуации заключался в том, что, будучи ревностным католиком, он умудрялся писать многочисленные послания русскому царю, Наполеону III и римскому папе [Петрова, Романовска, 1979, с. 161].

русское и литовское простонародье в пролетариат, безусловно зависимый от землевладельцев в своем существовании, и тем самым под эгидой свободы упрочить навсегда свое господство. Другими словами, пока приготавлилась крестьянская реформа, поляки западных губерний добивались того, чтобы удержать крестьянское население (т. е. русских и литвинов) в полной административной и политической зависимости от дворянства.

Когда же заявления польского дворянства западных губерний против крестьянского самоуправления не были услышаны, то после обнародования 19 февраля 1861 г. манифеста, снимающего цепи с русского народа, уже 25 февраля в Варшаве состоялась первая демонстрация со знаменами старых провинций, принадлежавших Польше по праву господства шляхты над этим самым русским народом. Поскольку власти не предприняли жестких мер, то постепенно эти выступления и переросли в так называемое «январское» восстание 1863 г. А.Ф. Гильфердинг, комментируя данный сюжет, весьма уместно проводит параллель с войной Севера и Юга, которая имела место в это же время в США. Он отмечает, что южане, защищая институт рабства, «провозглашают, что они идут на смерть за «священное дело свободы» против «невыносимого деспотизма» грубых янки, – как поляки, защищая свою «домашнюю институцию» (владычество их шляхетской народности над русской), уверяют мир, что подняли меч за свободу против невыносимого деспотизма варварских москалей. И те, и другие действительно сражаются за свободу, но только для себя, с тем, чтобы другие были их слуги и рабы» [Гильфердинг, 2009, с. 201–210].

Таким образом, в течение конца XVIII – начала XX вв., то есть в период отсутствия у Польши государственности, польский вопрос наиболее выразительно проявлял себя на территории Российской империи. Ко второй половине XIX в. польские исторические начала стали превалировать над славянской основой польского народа, и многие его представители выступали не только против России, но и в роли гонителей других славянских народов, лишь бы добиться возвращения Польше границ 1772 г., что нашло свое проявление в период «ноябрьского» восстания. А во второй половине XIX в. их преобладание над славянской основой носило реакционный характер и приобрело среди прочего изощренно иезуитский оттенок, когда для прикрытия своего стремления сохранить белорусских и литовских крестьян в положении рабов было развязано «январское» восстание 1863 г.

Относительно предмета исследования нашей темы в межвоенный период уместно было бы использовать термин «польско-советский вопрос». Во время Первой мировой войны, то есть накануне обретения Польшей государственности, некоторым отечественным мыслителям было свойственно задумываться над будущим русско-польских отношений. В частности, крупный русский философ Н.А. Бердяев отмечал: «Русская политика относительно Польши давно уже стала историческим пережитком, она связана с далеким прошлым и не дает возможности творить будущее. В этой неумной политике виновный не мог простить тому, перед кем виноват... Россия выросла в колосса как государственного, так и духовного, и давно уже раздувание польской опасности, как и опасности католической, постыдно и обидно для достоинства русского народа» [Бердяев, 1990, с. 162; Морозов, 2017b, с. 80].

Великий русский философ Бердяев был православным человеком и, вероятнее всего, не был знаком с Евангелием от Мицкевича, часть предсказаний из которого, похоже, имели тенденцию сбыться в течение 1917–1918 гг. Империи государств-разделителей: Австро-Венгрии, Германии, России – пали. Польша, словно птица Феникс, возродилась из небытия, причастность к каковому событию в широких польских кругах принято было связывать с именем Юзефа Пилсудского, весьма подходившего, кстати, на роль мессии. Весьма многим в Польше казалось, что ненавистные москали наконец получили по заслугам, и час расплаты с ними за все нанесенные, по мнению поляков, обиды уже у порога. В течение 1918–1921 гг. молодое польское государство развернуло борьбу за восстановление польского фактора на вновь обретенных территориях, чтобы возродиться в границах 1772 г.: в Галиции велась польско-украинская война, в Верхней Силезии шли столкнове-

ния с немцами, на юге – с чехами в Тешинской Силезии, в Литве был захвачен Вильно, а на востоке отгремела советско-польская война, завершившаяся Рижским миром 1921 г.

Однако мессианский результат так и не был достигнут. Формально отойдя от власти в 1922 г., маршал Пилсудский продолжал внимательно следить за событиями на международной арене касательно возможных перспектив реализации его сокровенной мечты. В историографии её принято называть федералистскими планами, целью которых было, во-первых, возрождение «Великой Польши», то есть в границах 1772 г. Во-вторых, они предполагали появление на границах этого потенциального крупного государства федерации в составе Грузии, Армении, Румынии, Венгрии, Латвии, Эстонии и Финляндии. Они были бы объединены в военно-политический союз, проект которого в исторической литературе принято было называть «интермариумом», или «междуморьем». Одним из его инструментов создания была особая политика, носившая название «прометеизм»¹. Ее результатом должно было стать отделение от Советской России Украины, Белоруссии, Грузии, Армении и Азербайджана, а России предстояло «откатиться» за Урал [Maciejewski, 2009, s. 139–158; Морозов, 2016а, с. 70].

Когда в 1925 г. на основе документов Локарнской конференции и 19 ст. Устава Лиги наций был создан правовой механизм подталкивания Германии на Восток, а Польшу не включили в Рейнский пакт, предложив подписать с Берлином арбитражный договор о регулировании границ, Пилсудский понял, что вместо мессианской миссии на Востоке ему, возможно, предложат расстаться с «польским коридором»². Не желая видеть Польшу марионеткой в руках западных держав, он в мае 1926 г. произвел государственный переворот и расставил на ключевые должности в государстве верных ему людей. Как и прежде, он не занимал ответственных государственных постов, однако получил возможность выстраивать внешнеполитический курс Польши единолично [Морозов, 2016б, с. 84–89].

Маршал был настолько уверен в своей миссии свыше, что не побоялся путем жесткого шантажа, прикрытого блефом «превентивной войны», в течение зимы-весны 1933 г. заставить германского канцлера А. Гитлера отказаться от использования открывшейся возможности в связи с «пактом четырех» ревизии польских границ. А вместо этого серьезно отнестись к перспективе польско-германского сотрудничества в рамках его планов воссоздания «Великой Польши» [Морозов, 2015, с. 7–28].

За подписанной 26 января 1934 г. декларацией «Липский – Нейрат» через месяц последовал секретный договор от 25 февраля 1934 г.³, где среди прочего 5-я статья предусматривала возможность прохождения германских войск через польскую территорию в северо-восточном и восточном направлении. После того как генерал С. Араки прислал в июле письмо Пилсудскому о готовности японской армии напасть в любой момент на советский Дальний Восток при условии, что Германия с Польшей нападут на западные границы СССР на следующий день, дуэт не замедлил преобразоваться в трио. Когда же в конце декабря 1934 г. на одной из тайных встреч в Копенгагене главе польского МИД Ю. Беку директор Банка Англии М. Норман пообещал на польско-германскую интервенцию выделить 500 млн золотых долларов при обязательном участии в займе Франции, то исполнение мессианского пророчества из Евангелия от Мицкевича в полной мере казалось уже не за горами [Морозов, 2017а, с. 124–226].

Лишь адекватные меры, предпринятые Политбюро во главе с И.В. Сталиным, проинформированным советской разведкой, имевшей «источник» в ближнем окружении

¹ «Прометеизм» среди прочего предполагал всяческую поддержку II отделом Главного штаба Войска Польского (разведка и контрразведка) российских эмигрантов – выходцев из Грузии, Азербайджана, Северного Кавказа, которые через агентуру в СССР должны были поднять мятеж с целью отпадения от Москвы.

² Участок польской территории вдоль р. Висла, обеспечивавший в соответствии с одним из 14 пунктов президента США Вильсона и Версальским договором выход Польши к морю, который был создан за счет бывшей германской территории.

³ О нем см.: [Морозов, 2005, с. 35–53].

польского вождя, позволили в течение 2–17 мая 1935 г. создать «систему малой коллективной безопасности», предотвратившую, казалось, неизбежную польско-германо-японскую интервенцию против СССР [Морозов, 2017а, с. 50]. Старый маршал 12 мая он скончался от тяжелой болезни. Достойных продолжателей его дела не нашлось, а сентябрь 1939 г. превратил польско-советский вопрос в польский вопрос и перевел его в другую плоскость. Касательно же мессианской роли, то Вторая мировая война весьма наглядно показала, во-первых, что западная цивилизация – это «цивилизация, носящая смерть в самом своем корне» [Бродский, 2015, с. 204], во-вторых, что польский народ, которому III Рейх готовил альтернативу «печь крематория или онемеченный раб», был спасен от этой участи ценой жизни более 600 000 советских солдат¹. Ответ на вопрос, кто же из двух народов более подходит на роль мессии, пусть останется на совести польского народа.

В период 1945–1990 гг. польский вопрос не имел прежней остроты, так как Польша была союзником СССР и ей была отведена роль одного из центральных звеньев, обеспечивавших военно-стратегическую безопасность социалистического блока, о чем свидетельствует само его название – страны Варшавского договора². Однако после распада социалистического лагеря с начала 1990-х гг. он постепенно начал набирать свою силу, что было связано в том числе и со стремлением польских политических элит играть более значимую роль и обрести свое место в новом, тогда еще однополярном мире³. Например, Польша стала одним из участников так называемой Вишеградской группы, созданной 15 февраля 1991 г., куда помимо нее в настоящее время входят Венгрия, Чехия и Словакия. В 1999 г. Польша вступила в НАТО, а в 2004 г. – в Европейский союз.

Серьезное внимание уделяется развитию ее вооруженных сил, к чему приложили руку США, подарившие в начале 2000-х гг. два списанных ракетных фрегата⁴, которые вошли в состав ее военно-морского флота под названиями «Генерал Казимеж Пуласки» и «Генерал Тадеуш Костюшко»⁵. Польские ВМС, помимо этих двух, насчитывают корвет проекта 620 «Кашуб», 3 ракетных катера типа «Оркан», 5 подводных лодок, 5 средних десантных кораблей типа «Люблин», почти два десятка базовых тральщиков, плюс множество вспомогательных судов⁶. На побережье, примыкающему к Калининградской области, несколько лет назад были развернуты береговые ракетные комплексы NSM⁷ с дальностью полета 185 км. А в феврале 2017 г. Бюро национальной безопасности Польши представило стратегическую концепцию морской безопасности страны, в которой присутствует только одна константа – угроза, исходящая якобы от России. Ее составители – сторонники создания в Польше военно-морских сил «средней численности», например, близких по составу к норвежским ВМС (23 боевые единицы). Этот «средний» флот должен иметь возможность действовать не только в Балтийском море, но и вдали от территориальных вод в со-

¹ На территории Польши также были убиты около 700 000 советских военнопленных [В Польше... 2017].

² Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи (Варшавский договор) был заключен 14 мая 1955 г. Он оформил создание военного-политического союза европейских государств социалистической ориентации при ведущей роли СССР, который получил название – Организация Варшавского договора (ОВД).

³ В качестве одного из формально-символических жестов, призванных продемонстрировать возрождение военно-политической наполненности внешней политики Польши касательно ее мессианской роли (восстановление границ 1772 г.?), можно рассматривать так называемую «коронацию» орла на государственном гербе Польши в декабре 1989 – феврале 1990 гг. и его «вооружение» (окраска клюва, когтей и короны золотом) в феврале 2001 г. [Спаткай, 2015].

⁴ Класа «Оливер Хазард Перри» (FFG-7) [Правительство США... 2002].

⁵ Оба ракетных фрегата предполагается отремонтировать в течение 2018 г. и продлить срок их эксплуатации до 2024 г. [ВМС Польши..., 2018].

⁶ В 2018 г. планировалось передать флоту, строившийся на польской судовой верфи с начала 2000-х гг., корвет проекта «Гаврон» – «Щльонзак».

⁷ Naval Strike Missile – «Морская ударная ракета» производства норвежской компании Kongsberg Defence & Aerospace.

трудничестве с «большими флотами». Под «большими флотами», очевидно, подразумеваются ВМС США [Ванин, 2018].

Уделяется значительное внимание развитию польских сухопутных и военно-воздушных сил. На программу их модернизации планировалось до 2022 г. затратить рекордную для стран Центральной и Восточной Европы сумму – около 45 млрд долларов¹. Принята новая военно-политическая доктрина страны – «Польские клыки», в рамках которой решено переориентировать расходы с поддержки международных военных операций, например, в Афганистане, на развитие мобильности и огневой мощи вооруженных сил, приоритет отдан сухопутным войскам и развитию национальной системы ПВО-ПРО. Одновременно Польша является одной из ключевых стран Восточной Европы для размещения компонентов системы ПРО НАТО. Вашингтон планировал к 2018 г. разместить на базе ВВС Польши в Редзиково ракеты-перехватчики SM-3 Block IIА. По мнению некоторых экспертов, польские вооруженные силы не склонны следовать общеевропейской тенденции сокращения численности войск и тяжелых вооружений. Наоборот, Польша наращивает мощь своих вооруженных сил, а польские эксперты практически в открытую говорят о том, что главный враг Польши – Россия [Самсонов, 2013].

Летом 2017 г. в польше был принят и в конце октября вступил в силу «Закон о запрете пропаганды коммунизма или иного тоталитарного строя в названиях зданий, объектов и помещений для публичного пользования», согласно которому более чем 450 памятников по всей стране, 230 из которых – это памятники солдатам Советской армии, должны быть убраны из общественных мест в течение 12 месяцев. Государство выделило на это около пяти миллионов злотых (около 1,4 миллиона долларов). Ведущим инструментом этой политики и отчасти контролирующим органом, согласно данному закону, является Институт национальной памяти Польши [В Польше..., 2017].

В то же время место старых памятников занимают монументы новым героям – так называемым «проклятым солдатам» – бойцам антикоммунистического Сопротивления 1940-х – 1950-х гг. – и экс-президенту Л. Качиньскому, погибшему при катастрофе правительственного Ту-154 10 апреля 2010 г. под Смоленском. Ещё одна фигура, заслужившая увековечивания от польских властей, – агент ЦРУ Рышард Куклинский, с 1972 по 1981 гг. передавший США тысячи секретных документов, память которому увековечена в нескольких городах, в том числе в Кракове. Современный польский политолог, вице-президент Европейского центра геополитического анализа Конрад Рекаш авторитетно заявляет: «Послушный инструмент американской политики «Право и Справедливость»² стремится создать полностью новую польскую идентичность, полностью прозападную, оторванную от реальной истории, забывшую собственных героев. Нацией без корней легче управлять. Когда мы забудем, на какой стороне воевали и победили во Второй мировой наши деды, их внуков будет легче отправить на другую войну просто как пушечное мясо» [К чему могут привести..., 2018].

В связи с этим директор фонда «Российско-польский центр диалога и согласия» Юрий Бондаренко отмечает, что задача подобной политики – переписать историю страны под новую концепцию, согласно которой Польша плавно перешла из германской оккупации в советскую. То есть была несвободной ровно полвека, с 1939 по 1989 гг. Соответственно, сама государственная политика Польши, пронизанная русофобией, подразумевает, что все, кто боролся за освобождение страны от полувековой оккупации с оружием в руках, – герои, а истинная цель зачистки – переформатировать сознание миллионов поляков [Памятники и беспамятство..., 2017].

В январе 2018 г. министерство обороны Польши подготовило документ под названием «Предложение о постоянном американском присутствии в Польше». При прежнем

¹ Например, танковый парк, насчитывавший в начале 2010-х гг. 900 единиц и состоявший из германских танков «Леопард» и советских Т-72, планируется удвоить за счет приобретения танков у Германии и собственной разработки «Андерс».

² Правящая партия Польши.

министре национальной обороны Антони Мачеревиче военное ведомство пыталось добиться от США согласия на постоянное размещение в Польше американской бронетанковой бригады в обмен на создание за польский счет полной инфраструктуры для размещения этого соединения стоимостью 1,5–2 млрд долларов [Минобороны Польши..., 2018]. Согласно этому документу, присутствие американских сил укрепит безопасность в регионе так называемого «коридора» Сувалки, то есть на отрезке польско-литовской границы длиной около 100 км (участок примыкает на юге к Белоруссии, а на севере – к Калининградскому анклаву России). И хотя ответом Вашингтона стал отказ, нынешний глава польского оборонного ведомства Мариуш Блащак заявил, что хочет видеть в своей стране постоянную военную базу США. Он подчеркнул, что Польша делает для этого все, что от нее зависит, поскольку данный вопрос очень важен для ее национальной безопасности [Польша продаст..., 2018; Польша хочет..., 2018].

Холодок со стороны Вашингтона в отношении Варшавы, возможно, связан с польскими поправками в закон об Институте национальной памяти, в соответствии с которыми введен запрет на обвинения поляков в преступлениях нацистов на их территории в годы войны. Во всяком случае во время визита на Ассамблею ООН польский президент Анджей Дуда стал жертвой дипломатического унижения – во встрече ему отказал не только Трамп, но и высокопоставленные чиновники Вашингтона [Польша продаст..., 2018].

Более того, президент США подписал в мае 2018 г. закон 447 о возвращении жертвам холокоста утраченного имущества, в соответствии с которым американские власти обещают оказывать им всяческое содействие в этом вопросе. Госсекретарю США поручено отчитаться перед Конгрессом через 18 месяцев о наличии такого имущества в 46 странах, в том числе в Польше. Подписание Трампом данного закона наслылось на непрекращающиеся обвинения Израиля в адрес Польши касательно попыток скрыть правду о соучастии поляков в истреблении евреев. Указывается, что во многих случаях причиной, по которой поляки передавали евреев в руки нацистов, было желание завладеть их недвижимым имуществом. Израильские активисты утверждают, что два из каждых трёх погибших польских евреев были убиты либо самими поляками, либо при их содействии. Следует также иметь в виду, что до Второй мировой в Польше проживала крупнейшая еврейская община, и доля еврейского имущества здесь всегда была высока. Согласно оценке лидера партии «Союз реальной политики» Станислава Михалкевича: «Поляки должны теперь заплатить евреям 300 млрд долларов» [Американцы заставят..., 2018].

В связи с этим польский вопрос на данный момент носит сложный и многоаспектный характер, в котором нашли свое проявление как антироссийские и русофобские проявления, так и новые, ранее не имевшие место обстоятельства внешнеполитической позиции Польши, в частности, в отношении США. В данной ситуации, а скорее всего, в перспективе, особую роль может сыграть Россия, для которой польский вопрос всегда имел особое значение. В связи с этим уместно было бы процитировать российского философа и публициста середины – второй половины XIX в. Н.Н. Страхова: «Польский вопрос, вероятно, еще долго будет глубоким русским вопросом; чем он труднее и важнее, тем нужнее для нас сознать в отношении к нему свой долг» [Страхов, 1863]. В этом смысле иногда имеет смысл обратить внимание на пример коллег из других стран, в частности, на Германию, где в Берлине существует институт изучения Китая. Учитывая данный опыт, представляется целесообразным создать в каком-либо из российских вузов центр изучения Польши (с перспективой превращения в институт), который бы учитывал в своей деятельности разнообразные возможности для построения продуктивного диалога.

Список литературы

1. Американцы заставят поляков вернуть имущество жертв холокоста. 11.05.2018. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2018/05/11/amerikancy-zastavjat-poljakov-vernute-imuschestvo-zhertv-holokosta-46116.html> (дата обращения: 15 августа 2018).
2. Бердяев Н.А. 1990. Судьба России. М., Философское общество СССР, 255.

3. Бродский А.И. 2015. Кто взойдет на гору Господню. Польша, Россия и Украина в свете мессианской идеи. Вече: альманах русской философии и культуры. 27: 183–206.
4. В Польше вступает в силу закон, позволяющий сносить советские памятники. РИА Новости. 21.10.2017. URL: <https://ria.ru/world/20171021/1507290431.html> (дата обращения: 15 августа 2018).
5. Ванин А. 2018. Военно-морские амбиции Польши. URL: <http://www.oborona.ru/includes/periodics/navy/2017/0321/221321026/detail.shtml> (дата обращения: 15 августа 2018).
6. ВМС Польши продлят срок эксплуатации фрегатов класса «Оливер Хазард Перри». 20.03.2018. URL: https://vpk.name/news/209483_vms_polshi_prodyat_srok_ekspluatacii_fregatov_klassa_oliver_hazard_perri.html (дата обращения: 15 августа 2018).
7. Гильфердинг А.Ф. 2009. Россия и славянство. Сост. С.В. Лебедев. Отв. ред. О.А. Платонов. М., Институт русской цивилизации, 566.
8. История дипломатии. 1941. Под ред. В.П. Потемкина. Т.1. М., ОГИЗ, 922.
9. К чему могут привести попытки властей Польши избавиться от советских памятников. RT на русском. 31.03.2018. URL: <https://news.rambler.ru/other/39496975-k-chemu-mogut-privesti-popytki-vlastey-polshi-izbavitsya-ot-sovetskih-pamyatnikov/> (дата обращения: 15 августа 2018).
10. Ларионова Е.О. 2010. Курс лекций Адама Мицкевича в Collège de France: «Русская идея» в зеркале польского мессианизма. К истории идей на Западе: «Русская идея». СПб., Издательство Пушкинского Дома; Издательский дом «Петрополис», 521.
11. Минобороны Польши предлагало США \$2 млрд за размещение танковой бригады. 2018. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5241159> (дата обращения: 15 августа 2018).
12. Морозов С.В. 2005. К вопросу о секретном польско-германском договоре 1934 г. Славяноведение. 5: 35–53.
13. Морозов С.В. 2015. Игры теней в европейской международной политике в 1930-е гг. Великая Победа. Интернет-проект. Под общ. ред. С.Е. Нарышкина, А.В. Торкунова. Т. II. Канун трагедии. МГИМО (Университет) МИД России; РВИО: 7–28. URL: <http://histrf.ru/ru/biblioteka/great-victory/great-victory-book/ii-kanun-traghiidii> (дата обращения: 15 августа 2018).
14. Морозов С.В. 2016а. К вопросу о военно-политическом сотрудничестве Польши и Германии против СССР (1933–1935). Вестник Томского государственного университета. История. 6 (44): 70–79.
15. Морозов С.В. 2016б. К вопросу о создании в 1925 г. правового механизма «подталкивания» Германии на Восток. Вестник Томского государственного университета. Ноябрь. 412: 84–89.
16. Морозов С.В. 2017а. «Варшавская мелодия» для Москвы и Праги. Документы из личного архива И.В. Сталина, Службы внешней разведки Российской Федерации, II Отдела Главного штаба Войска Польского и др. (1933–1939). М., Международные отношения, 438.
17. Морозов С.В. 2017б. Польша и Восточный пакт. Вестник Кемеровского государственного университета. 4: 80–84.
18. Новый завет. С методическими указаниями. 1990. М., Христианское издательство, 416.
19. Памятники и беспамятство. Почему Польша сносит монументы советским воинам. 2017. URL: <http://slyxi.com/pamyatniki-i-bespanyatstvo-pochemu-polsha-snosit-monumenty-sovetskim-voinam/> (дата обращения: 15 августа 2018).
20. Петрова С.С., Романовска Д.А. 1979. Об универсальном ряде Гёне-Вронского. Историко-математические исследования. XXIV. М., Наука, 158–175.
21. Повесть временных лет. 1997. Т. 1: XI–XII века. Подгот. текста, пер. и комм. О.В. Творогова. Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. СПб., Наука, 511.
22. Польша продаст душу за военную базу США? 13.06.2018. URL: <https://www.pravda.ru/news/world/13-06-2018/1386269-usa-0/> (дата обращения: 15 августа 2018).
23. Польша хочет купить у США военную базу. Из-за России, конечно. 28.05.2018. URL: <https://www.pravda.ru/news/world/28-05-2018/1384910-polska-0/> (дата обращения: 15 августа 2018).
24. Правительство США подарило Польше ракетный фрегат. 25.09.2002. URL: <http://shipbuilding.ru/rus/news/foreign/2002/09/25/ship/> (дата обращения: 15 августа 2018).
25. Самсонов А. 2013. Польский сценарий российского блицкрига. Доктрина «Польские клыки». 19.12.2013. URL: <https://topwar.ru/37509-polskiy-scenariy-rossiyskogo-blickriga-doktrina-polskie-klyki.html> (дата обращения: 15 августа 2018).

26. Спаткай Л. 2015. Под сенью белого орла. URL: <http://www.istpravda.ru/bel/research/6794/> (дата обращения: 15 августа 2018).
27. Страхов Н.Н. 1863. Роковой вопрос. URL: http://dugward.ru/library/strahov/strahov_rokovoy_vopros.html (дата обращения: 15 августа 2018).
28. Титмар из Мерзебурга. 2005. Хроника. Пер. с лат. И.В. Дьяконова. М., SPSSL–Русская панорама, 654.
29. Duchński F. 1861. Les origins slaves. Pologne et Ruthénie. Paris: Typographie de firmin Didot Frères, 211.
30. Hoëne-Wroński J.M. 1831. Messianisme. Union finale de la philosophie et de la religion, constituant la philosophie absolue. T.1: Prodrôme du messianism. Revelation de destinees de l'humanité. Paris, 189.
31. Hoëné-Wroński J. 1803. Philosophie critique, fondée sur le premier principe du savoir humain. Marseille, 265.
32. Maciejewski M. 2009. Federacyjne koncepcje piłsudczyków u zarania Drugiej Rzeczypospolitej. Na szlakach niepodległej: Polska myśl polityczna i prawna w latach 1918–1939 / pod red. Marszałka M., Sadowskiego M. Wrocław, 622.
33. Mickiewicz A. 1832. Księgi narodu polskiego i pielgrzymstwa polskiego. Paryż, w drukarni A. Pinard, przy Quai Voltaire, 287.
34. Mickiewicz A. 1849. Les Slaves. Cours professé au Collège de France / par Adam Mickiewicz et publié d'après les notes sténographiées. T. I–V. Paris, Au comptoir des Imprimeurs-Unis, 488.
35. Mieroslawski L. 1856. De la nationalite polonaise dans l'equilibre europeen / par Louis Mieroslawski. Paris, Librairie de F. Chamerot, 376.
36. Szajnocha K. 1859. Bolesław Chrobry i odrodzenie się Polski za Władysława Łokietka. Dwa opowiadania historyczne przez Karola Szajnochę. Wydanie drugie, poprawne. Lwów, nakładem Karola Wilda, 554.
37. Szajnocha K. 1861. Jadwiga i Jagiełło. 1374–1413. Opowiadanie historyczne przez Karola Szajnochę. Wydanie drugie, poprawne. T. I–IV. Lwów, nakładem autora, 488.

References

1. Amerikancy zastavyat polyakov vernut' imushchestvo zhertv holokosta [Americans will force the Poles to return the property of victims of the Holocaust]. 11.05.2018. Available at: <https://www.fondsk.ru/news/2018/05/11/amerikancy-zastavjat-poljakov-vernut-imuschestvo-zhertv-holokosta-46116.html> (accessed: 15 August 2018)
2. Berdyaev N.A. 1990. Sud'ba Rossii [The fate of Russia]. Moscow, Filosofskoe obshchestvo SSSR, 255.
3. Brodskij A.I. 2015. Kto vzojdet na goru Gospodnyu. Pol'sha, Rossiya i Ukraina v svete messianskoj idei [Who will ascend the mountain of the Lord. Poland, Russia and Ukraine in the light of the Messianic idea]. Veche: al'manah russkoj filosofii i kul'tury. 27: 183–206.
4. V Pol'she vstupayet v silu zakon, pozvol'yayushchij snosit' sovetskie pamyatniki [In Poland, the law enters into force allowing the demolition of Soviet monuments]. RIA Novosti. 21.10.2017. Available at: <https://ria.ru/world/20171021/1507290431.html> (accessed: 15 August 2018) (in Russian).
5. Vanin A. 2018. Voenno-morskie ambicii Pol'shi [Polish naval ambitions]. Available at: <http://www.oborona.ru/includes/periodics/navy/2017/0321/221321026/detail.shtml> (accessed: 15 August 2018) (in Russian).
6. VMS Pol'shi prodlyat srok ehkspluatacii fregatov klassa «Oliver Hazard Perri» [The Polish Navy will extend the life of frigates of the class «Oliver Hazard Perry»]. 20.03.2018. Available at: https://vpk.name/news/209483_vms_polshi_prodlyat_srok_ekspluatacii_fregatov_klassa_oliver_hazard_perri.html (accessed 15 August 2018) (in Russian).
7. Gil'ferding A.F. 2009. Rossiya i slavyanstvo [Russia and Slavs]. Sost. S.V. Lebedev. Otv. red. O.A. Platonov. Moscow, Institut russkoj civilizacii, 566.
8. Istoriya diplomatii [History of diplomacy]. 1941. Pod red. V.P. Potemkina. T. 1. Moscow, OGIZ, 922.
9. K chemu mogut privesti popytki vlastej Pol'shi izbavit'sya ot sovetskih pamyatnikov. RT na russkom [What can lead the attempts of the Polish authorities to get rid of Soviet monuments]. 31.03.2018. Available at: <https://news.rambler.ru/other/39496975-k-chemu-mogut-privesti-popytki-vlastey-polshi-izbavit'sya-ot-sovetskih-pamyatnikov/> (accessed: 15 August 2018) (in Russian)

10. Larionova E.O. 2010. Kurs lekcij Adama Mickevicha v Collège de France: «Russkaja ideja» v zerkale pol'skogo messianizma. K istorii idej na Zapade: «Russkaja ideja» [A course of lectures by Adam Mickiewicz in Collège de France: “The Russian Idea” in the mirror of Polish messianism. To the history of ideas in the West: «Russian idea»]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma; Izdatel'skij Dom «Petropolis», 521.
11. Minoborony Pol'shi predlagalo SSHA \$2 mlrd za razmeshchenie tankovoj brigady [Polish Defense Ministry offered US \$ 2 billion for the deployment of a tank brigade]. 2018. Available at: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5241159> (accessed: 15 August 2018) (in Russian).
12. Morozov S.V. 2005. K voprosu o sekretnom pol'sko-germanskom dogovore 1934 g. [On the issue of the secret Polish-German treaty of 1934]. Slavyanovedenie. 5: 35–53 (in Russian).
13. Morozov S.V. 2015. Iгры tenej v evropejskoj mezhdunarodnoj politike v 1930-e gg. Velikaya Pobeda [Shadow Games in European International Politics in the 1930s A great victory.]. Internet-proekt. Pod obshch. red. S.E. Naryshkina, A.V. Torkunova. T. II. Kanun tragedii. MGIMO (Universitet) MID Rossii; RVIО: 7–28. Available at: <http://histrf.ru/ru/biblioteka/great-victory/great-victory-book/ii-kanun-traghdii> (accessed: 15 August 2018) (in Russian).
14. Morozov S.V. 2016a. K voprosu o voenno-politicheskom sotrudnichestve Pol'shi i Germanii protiv SSSR (1933–1935) [On the issue of military-political cooperation between Poland and Germany against the USSR (1933–1935)]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija. 6 (44): 70–79.
15. Morozov S.V. 2016b. K voprosu o sozdaniiv 1925 g. pravovogo mekhanizma «podtalkivaniya» Germanii na Vostok [On the question of the creation in 1925 of the legal mechanism of «pushing» Germany to the East]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Noyabr'. 412: 84–89.
16. Morozov S.V. 2017a. «Varshavskaya melodiya» dlya Moskvy i Pragi. Dokumenty iz lichnogo arhiva I.V. Stalina, Sluzhby vneshnej razvedki Rossijskoj Federacii, II Otdela Glavnogo shtaba Vojska Pol'skogo i dr. (1933–1939) [Warsaw Melody for Moscow and Prague. Documents from the personal archive of I.V. Stalin, Foreign Intelligence Service of the Russian Federation, II Division of the General Staff of the Polish Army, etc. (1933–1939)]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 438.
17. Morozov S.V. 2017b. Pol'sha i Vostochnyj pakt [Poland and the Eastern Pact]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 4: 80–84 (in Russian).
18. Novyj Zavet. S metodicheskimi ukazaniyami [New Testament. With guidelines]. 1990. Moscow, Khristianskoe izdatel'stvo, 416.
19. Pamyatniki i bespamyatstvo. Pochemu Pol'sha snosit monumenty sovetskim voenam [Monuments and unconsciousness. Why Poland demolishes monuments to Soviet soldiers]. 2017. Available at: <http://slyxi.com/pamyatniki-i-bespamyatstvo-pochemu-polsha-snosit-monumenty-sovetskim-voenam/> (accessed: 15 August 2018) (in Russian).
20. Petrova S.S., Romanovska D.A. 1979. Ob universal'nom ryade Gyone-Vronskogo [On the universal Göne-Vronsky series]. Istoriko-matematicheskie issledovaniya. XXIV. Moscow, Nauka, 158–175.
21. Povest' vremennyh let [Tale of Bygone Years]. 1997. T.1: XI–XII veka. Podgot. teksta, per. i komm. O.V. Tvorogova. Pod red. D.S. Likhachyova, L.A. Dmitrieva, A.A. Alekseeva, N.V. Ponyrko. St. Petersburg, Nauka, 511.
22. Pol'sha prodast dushu za voennuyu bazu SSHA? [Poland will sell the soul for the US military base?]. 13.06.2018. Available at: <https://www.pravda.ru/news/world/13-06-2018/1386269-usa-0/> (accessed: 15 August 2018) (in Russian).
23. Pol'sha hochet kupit' u SSHA voennuyu bazu. Iz-za Rossii, konechno [Poland wants to buy a military base from the USA. Because of Russia, of course]. 28.05.2018. Available at: <https://www.pravda.ru/news/world/28-05-2018/1384910-polska-0/> (accessed: 15 August 2018) (in Russian).
24. Pravitel'stvo SSHA podarilo Pol'she raketnyj fregat [The US government gave Poland a missile frigate]. 25.09.2002. Available at: <http://shipbuilding.ru/rus/news/foreign/2002/09/25/ship/> (accessed: 15 August 2018) (in Russian).
25. Samsonov A. Pol'skij scenarij rossijskogo blickriga. Doktrina «Pol'skie klyki» [Polish script Russian blitzkrieg. Doctrine «Polish fangs»]. 19.12.2013. Available at: <https://topwar.ru/37509-polskiy-scenariy-rossiyskogo-blickriga-doktrina-polskie-klyki.html> (accessed: 15 August 2018) (in Russian).
26. Spatkaj L. 2015. Pod sen'yu belogo oral [Under the shadow of a white eagle]. Available at: <http://www.istpravda.ru/bel/research/6794/> (accessed: 15 August 2018) (in Russian).
27. Strahov N.N. 1863. Rokovoj vopros [Fatal question]. Available at: http://dugward.ru/library/strahov/strahov_rokovoy_vopros.html (accessed: 15 August 2018) (in Russian).
28. Titmar iz Merzeburga. 2005. Hronika [Chronicle]. Per. s lat. I.V. D'yakonova. Moscow, SPSL–Russkaya panorama, 654 (in Russian).

29. Duchński F. 1861. Les origins slaves. Pologne et Ruthénie. Paris: Typographie de firmin Didot Frères, 211 (in French).

[Duchński F. 1861. Slavic origins. Poland and Ruthenia. Paris: Typography of firmin Didot Frères, 211]

30. Hoëne-Wroński J.M. 1831. Messianisme. Union finale de la philosophie et de la religion, constituant la philosophie absolue. T.1: Prodrome du messianism. Revelation de destinees de l'humanite. Paris, 189 (in French).

[Hoëne-Wroński J.M. 1831. Messianism. Final union of philosophy and religion, constituting the absolute philosophy. T.1: Prodrome of messianism. Revelation of the destinies of humanity. Paris, 189]

31. Hoëné-Wroński J. 1803. Philosophie critique, fondée sur le premier principe du savoir humain. Marseille, 265 (in French).

[Hoëné-Wroński J. 1803. Critical philosophy, based on the first principle of human knowledge. Marseille, 265]

32. Maciejewski M. 2009. Federacyjne koncepcje piłsudczyków u zarania Drugiej Rzeczypospolitej. Na szlakach niepodległej: Polska myśl polityczna i prawna w latach 1918–1939 / pod red. Marszałka M., Sadowskiego M. Wrocław, 622 (in Polish).

[Maciejewski M. 2009. Federated concepts of Piłsudski at the dawn of the Second Polish Republic. On independent routes: Polish political and legal thought in 1918–1939 / edited by Marszałka M., Sadowski M. Wrocław, 622]

33. Mickiewicz A. 1832. Księgi narodu polskiego i pielgrzymstwa polskiego. Paryż, w drukarni A. Pinard, przy Quai Voltaire, 287 (in Polish).

[Mickiewicz A. 1832. Books of the Polish nation and Polish pilgrimage. Paris, in the A. Pinard printing house, at Quai Voltaire, 287]

34. Mickiewicz A. 1849. Les Slaves. Cours professé au Collège de France / par Adam Mickiewicz et publié d'après les notes sténographiées. T. I–V. Paris, Au comptoir des Imprimeurs-Unis, 488 (in French).

[Mickiewicz A. 1849. The Slavs. Course taught at the College de France / by Adam Mickiewicz and published according to stenographic notes. T. I-V. Paris, At the Counter of the United Inpreaters, 488]

35. Mieroslawski L. 1856. De la nationalite polonaise dans l'equilibre europeen / par Louis Mieroslawski. Paris, Librairie de F. Chamerot, 376 (in French).

[Mieroslawski L. 1856. Polish nationality in European equilibrium / by Louis Mieroslawski. Paris, F. Chamerot's Bookstore, 376]

36. Szajnocha K. 1859. Bolesław Chrobry i odrodzenie się Polski za Władysława Łokietka. Dwa opowiadania historyczne przez Karola Szajnochę. Wydanie drugie, poprawne. Lwów, nakładem Karola Wilda, 554 (in Polish).

[Szajnocha K. 1859. Bolesław Chrobry and the rebirth of Poland during Władysław Łokietek. Two historical stories by Karol Szajnocha. Second edition, correct. Lviv, by Karol Wild, 554]

37. Szajnocha K. 1861. Jadwiga i Jagiełło. 1374–1413. Opowiadanie historyczne przez Karola Szajnochę. Wydanie drugie, poprawne. T. I–IV. Lwów, nakładem autora, 488 (in Polish).

[Szajnocha K. 1861. Jadwiga and Jagiełło. 1374-1413. Historical story by Karol Szajnocha. Second edition, correct. T. I-IV. Lviv, by the author, 488]

Ссылка для цитирования статьи

Reference to article

Морозов С.В. Польский вопрос – вчера, сегодня... завтра? Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2019. Т. 46. № 3. С. 462–478. doi: 10.18413/2075-4458-2019-46-3-462-478

Morozov S.V. A polish question, yesterday, today... tomorrow?. Belgorod State University Scientific Bulletin. History. Political Science. 2019. V 46. № 3. P. 462–478. doi: 10.18413/2075-4458-2019-46-3-462-478

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

УДК 94(47).043

DOI 10.18413/2075-4458-2019-46-3-479-489

МОСКОВСКИЙ ПОЖАР 1547 г. И ЕГО ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ: ОПЫТ РЕИНТЕРПРЕТАЦИИ

THE MOSCOW FIRE OF 1547 AND ITS POLITICAL CONSEQUENCES: THE EXPERIENCE OF REINTERPRETATION

В.В. Пенской**V.V. Penskoj**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: penskoj@bsu.edu.ru

Аннотация

В своей статье автор возвращается к событиям июня 1547 г. в столице Русского государства Москве. Грандиозный пожар 21 июня 1547 г., уничтоживший большую часть столицы, стал поводом для восстания 26–29 июня. Это народное выступление стало крупнейшим и единственным в XVI в. Это обстоятельство обусловило и большой интерес к нему со стороны российских историков. Однако, как показывает автор, их интерпретация тех событий, продиктованная господствовавшей в советской историографии научной парадигмой, наложила определенный отпечаток на трактовку июньских событий 1547 г. в Москве. Автор предлагает реинтерпретировать эти события, отказавшись от прежней предвзятости и заново взглянув на источники и содержащиеся в них сведения.

Abstract

The author considers the events of June 1547 in Moscow, the capital of the Russian state. The great fire of June 21, 1547 destroyed a large part of the city and became the reason for the uprising of June 26–29. The uprising was accompanied by riots in the capital and the killings of those whom Moscow *posad* people considered guilty of their misfortunes. This uprising was part of the general political crisis in the Russian state in the 30s and 40s of XVI century and became the largest and only of comparable magnitude in the XVI century. It had serious political consequences for the further development of the Russian state and this circumstance also caused great interest on the part of Russian and foreign historians. The author argues that their interpretation of those events because of the scientific paradigm that dominated Soviet historiography left a definite imprint on the interpretation of the June 1547 events in Moscow. The author proposes to reinterpret these events by rejecting the previous bias and a new look at the sources and the information contained in them.

Ключевые слова: Раннее Новое время, Россия, Иван Грозный, «боярское правление», политический кризис, московские пожары, городские восстания.

Key words: Early Modern period, Russia, Ivan the Terrible, «boyar' rule», political crisis, Moscow fires, urban uprisings.

Великий московский пожар 21 июня 1547 г. и последовавший за ним бунт московских посадских людей отнюдь не были обделены вниманием отечественных историков. Тон в их изучении этой страницы истории эпохи Ивана Грозного задал еще «Колумб российских древностей» Н.М. Карамзин, когда написал, что «для исправления Иоаннова надлежало сгореть Москве» [Карамзин, 1842, стб. 60]. Связь между завершением бурного «боярского правления, наступившего после смерти Василия III, великим пожаром и волнениями в Москве и эпохой пресловутых «реформ Избранной Рады» представлялась несомненной, проблема заключалась лишь в том, какую оценку дать событиям июня 1547 г. и под каким углом зрения их рассматривать.

В советской историографии с ее особым, пристальным интересом ко всякого рода социальным движениям, которые могли быть трактованы как проявления классовой борьбы, такое событие, и к тому же единственное за весь XVI в., как московский пожар 1547 г. и вызванный им бунт городского населения, неоднократно становилось объектом пристального (хотя, быть может, и не столь тщательного, как в случае с городскими восстаниями следующего, XVII столетия) внимания. И рассматривалось это событие прежде всего через призму классовой и антифеодальной борьбы народных масс и, во вторую очередь, в контексте борьбы за власть при дворе юного (а тогда Ивану IV не исполнилось еще и 17 лет) великого князя, недавно торжественно венчанного на царство [См., например: Зимин, 1960, с. 292–306; Шмидт, 1973, с. 13–119; Альшиц, 1988, с. 37–39; Скрынников, 2009, с. 92–93 и др.].

При такой постановке вопроса немудрено, что в соответствии с господствующей научной парадигмой события июня 1547 г. в Москве истолковывались как проявление острого социального противостояния между «черными людьми» и «силными во Израиле» [См., например: Зимин, 1960, с. 296–298]. Лишь Р.Г. Скрынников в 1992 г. заметил, что, поскольку «посадские люди не выдвинули никаких социальных или политических требований, которые отражали бы их классовые интересы», то в таком случае и сам тезис о взрыве классовой борьбы в 1547 г. выглядит сомнительно [Скрынников, 1992, с. 93]. М.М. Кром в 2010 г. и вовсе увязал события июня 1547 г. прежде всего с общим политическим кризисом в Русском государстве в 40-х гг. XVI в. [Кром, 2010, с. 333–339].

В том, что классовый подход в оценке событий июня 1547 г. долгое время доминировал в новейшей отечественной историографии, нет ничего удивительного: с одной стороны, свою роль сыграл упомянутый выше характерный для нее подход к оценке событий политической и социальной истории, а с другой стороны – соответствующая интерпретация сохранившихся источников. Стоит заметить, что московский пожар и волнения, охватившие город после него, оставили глубокий след в памяти современников тех событий и нашли свое отражение в целом ряде нарративных источников. Пожалуй, наиболее глубокий и основательный их анализ (хотя, на наш взгляд, и несколько предвзятый – «сохранившиеся источники очень неполно и крайне односторонне, враждебно отражают данные о московских волнениях июня 1547 г.» [Шмидт, 1973, с. 74]) был дан в свое время С.О. Шмидтом [Шмидт, 1973, с. 14–75]. Это, в общем, избавляет нас от необходимости еще раз возвращаться специально к этой проблеме (и к тому же сам объем статьи не позволяет углубиться в источниковедческий анализ вопроса).

Заметим, однако, что отмеченная историком «враждебность» и «односторонность» в оценке событий июня 1547 г. в Москве, содержащаяся в источниках, на наш взгляд, обусловлена не только и не столько позицией авторов-составителей летописных повестей и иных источников о пожаре и бунте 1547 г., сколько тем «вопросником» (термин А.Я. Гуревича), с которым С.О. Шмидт и другие советские историки подходили к изучению этой проблемы. Так, к примеру, А.А. Зимин поместил раздел о московском пожаре и волнениях в главу об обострении классовой борьбы и городских восстаниях (именно так, во множественном числе!) накануне начала периода реформ [Зимин, 1960, с. 279–315]. На недостатки и однобокость такого подхода к оценке этих и других подобных событий того времени уже было обращено внимание некоторыми отечественными исследователями [См.,

например: Пашкова, 2000, с. 112–113], и, пожалуй, стоит согласиться (осторожно!) с мнением А.Л. Юрганова. Он отмечал, что в исторической науке «любое концептуальное построение должно быть основано на анализе смысловых структур средневекового сознания» [Юрганов, 2018, с. 283].

М.М. Кром, правда, не совсем согласен с такой трактовкой подхода к анализу исторических явлений эпохи позднего Средневековья – раннего Нового времени [Кром, 2005, с. 286–287], однако тем не менее определенные точки соприкосновения в их построениях найти можно. И когда А.Л. Юрганов пишет о том, что для русского книжника «государство в этом контексте (контексте Страшного суда – **В.П.**) – контрапункт эсхатологической идеи, **главное средство коллективного спасения** (выделено нами – **В.П.**)...», почему «верой и правдой надо служить тому, кто «прирожден» быть государем, потому что государь исполняет волю Бога на земле и отвечает пред Судьей за неисполнение его «подвластными» заповедей Божьих» [Юрганов, 2018, с. 354], то как это расходится с высказанным М.М. Кромом тезисом о доминировании в московском политическом «дискурсе» XVI в. идеи стремления к высшему благу и общей пользе и осмыслении московскими книжниками конфликтов внутри целостного «политического тела» Русского государства как дьявольских козней? [Кром, 2005, с. 291, 292–293]. На наш взгляд, никак, тем более что нам приходится так или иначе работать с текстами, которые рождались в интеллектуальной, книжной среде «говорящего меньшинства», и именно оно, это меньшинство, и создавало те смыслы и «дискурсы», изучая которые мы и пытаемся понять духовный мир человека той эпохи. Руководствуясь этими идеями и составив в соответствии с ними свой «вопросник», с которым мы подойдем к анализу содержания сохранившихся источников, содержащих сведения о событиях июня 1547 г., попробуем иначе взглянуть на «восемь дней, которые потрясли Россию» и сформулировать ответ на вопрос – что же тогда произошло в столице: была ли это вспышка классовая борьба, как полагал А.А. Зимин [Зимин, 1960, с. 307–308], или же «примитивный бунт», как полагал С.О. Шмидт? [Шмидт, 1973, с. 114]. Или же нечто иное – некое «ритуальное действие» (Н. Коллманн) с участием народа и царя, в ходе которого проверялась на прочность верховная власть и утверждалась ее легитимность в глазах народа? [Kollmann, 2012, р. 386].

Для ответа на этот вопрос обратимся прежде к хронологии событий. Здесь необходимо отметить, что в нарративных источниках, описывающих события 21–29 июня 1547 г., есть две версии этих событий – условно «ранняя», составленная вскоре после пожара и волнений и отраженная в официальном летописании и новгородской летописной традиции [См.: Новгородская 4-я летопись, 1929, с. 620–621; Постниковский летописец, 1978, с. 29–30; Львовская летопись, 2005, с. 471–472; Летописец начала царства, 2009, с. 51–52, 54. См. также: О великом и сугубом пожаре, 1958, с. 197–203; Жарков, 1962, с. 224–226], и «поздняя» [См.: Первое послание Курбскому, 2005, с. 35–36; Летописец начала царства, 2009, с. 454–457], которая основывается на свидетельствах самого Ивана Грозного и т. н. «Царственной книге». Эта версия появилась на свет существенно позднее. Определенные противоречия между двумя этими версиями были замечены давно, и, выражая общее мнение отечественных историков, М.М. Кром отмечал, что «исследователи справедливо подчеркивают тенденциозность приписок к Царственной книге и отдают предпочтение версии, отразившейся в более ранних летописных памятниках» [Кром, 2010, с. 337].

Осмелимся отметить, однако, что, на наш взгляд, тенденциозны и субъективны (в силу особенностей формы и содержания самих источников) и та, и другая версии, но каждая по-своему. Да, конечно, во второй версии на первый план выступает роль враждебного Глинским старого московского боярства, однако, с одной стороны, почему они не могли использовать озлобленность москвичей против «силных во Израиле» и перенаправить их разрушительную энергию на «чужаков» Глинских? С другой стороны, тот же М.М. Кром несколько дальше пишет о шагах Ивана IV, направленных на стабилизацию отношений с боярством и «соборе примирения» в феврале 1549 г. [Кром, 2010,

с. 335–355]. Закономерен вопрос – если юный государь попытался наладить отношения с аристократией и положить конец перманентному политическому кризису, не прекращавшемуся полтора десятка лет с момента смерти его отца, то зачем тогда, в таком случае, в **официальной** (выделено нами – **В.П.**) версии событий, зафиксированной в том же «Летописце начала царства», выпячивать роль боярства в убийстве царского дяди? А вот в конце 60-х – начале 70-х гг. необходимости в сокрытии неудобных фактов придворной борьбы за власть не было, и можно было смело указать на виновников случившегося. Сам Иван свидетельствовал в первом послании Курбскому, что тогда, после московской трагедии, он «пред отцем своим и богомольцем, пред Макарием, митрополитом всеа Руси, во всем в том простихомся; вас же, бояр своих, и всех людей своих в преступлениях пожаловал и впредь того не воспомяти, и тако убо мы всех вас яко благи начахом держати», но, увы, бояре «перваго своего лукаваго обычея не оставите, но паки на первое возвратистесь» [Первое послание Курбскому, 2005, с. 37]. Заметим, кстати, что составитель «Царственной книги» и приписок к ней не щадит и самих Глинских, показывая их как одних из виновников случившегося бунта. Одним словом, мы не видим веской причины оказывать предпочтение той или иной версии перед другой и уверенно полагаем, что обе версии отнюдь не противоречат друг другу, а прекрасно дополняют одна другую, и вторая версия расставляет все точки над «i» в описании событий 26 июня 1547 г. Сопоставление их позволяет нарисовать «стереоскопическую» картину июньских волнений в Москве, что мы и сделаем.

Весна 1547 г. запомнилась москвичам чередой больших пожаров. Сперва, 12 апреля, огонь выжег торговые ряды «со многими тавары от Никольского крестца и до речной стены градные, и гостины дворы великого князя, и дворы людцкие и животы многие погореша от Ильинские улицы и до городской стены». Затем, спустя неделю, 20 апреля, «загореша за Яузою на Болвановье и погореша Гончяры и Кожевники вниз подле реку Москву» [Летописец начала царства, 2009, с. 50]. В накаленной атмосфере опустошенной пожарами Москвы посадские люди занялись розыском подозреваемых в поджогах и их наказанием. «А говорили про оба пожара, – записал летописец, рассказывая об этих пожарах, – что зажигали зажигальники. И зажигальников многих имали и пытали их. И на пытке они сами на себя говорили, что они зажигали. И тех зажигальников казнили смертною казнью, глав им секли и на колье их сажали и в огонь их в те же пожары метали» [Постниковский летописец, 1978, с. 29].

Беспорядки в городе, начавшиеся было после пожара 20 апреля, скоро как будто приутихли, однако в воздухе по-прежнему стояло напряжение, готовое в любой момент взорваться новой волной насилия и кровопролития. Масла в огонь подливала засуха, установившая в конце весны, хлебная дороговизна и повышение налогов (в преддверии похода на Казань и готовящейся свадьбы Ивана – «тое же зимы царь и великий князь велел дань имати с сохи по 12 рублей, и оттого крестьяном тегота была великая) [Русский Хронограф, 2005, с. 526–527]. Среди горожан поползли зловещие слухи, что де «явились на Москве по улицам и по иным городом, и по селом, и по деревням многие сердечники, выимали из людей сердца», а тут еще 1 июня случилось небесное знамение: «Во Пскове бысть знамение: на небеси кроуг надо всем Псковом бел, а от Москве на тои кроуг на белои инья круги яко доуги видно на край настоупили, страшни велми, и на болшом кругоу перепояски» [Псковская 3-я летопись, 2000, с. 232].

3 июня 1547 г. неожиданно рухнул колокол-благовестник Благовещенского собора во Кремле – еще один явно недобрый знак, только усиливший напряженное ожидание новых бед [Летописец начала царства, 2009, с. 51; Постниковский летописец, 1978, с. 29]. В первых числах июня в Москве случился очередной пожар, и в довершение всех несчастий 21 июня во второй половине дня («во 12 час дня») «загореша храм Воздвижение честнаго креста за Неглинною на Арбацкой улице на Острове».

Новый пожар (якобы предсказанный накануне, 20 июня, Василием Блаженным [Степенная книга, 2008, с. 353–354]) «на третьем часу ноци преста». Однако этих не-

скольких часов хватило, чтобы огненная буря («и бысть буря велика, и потече огонь якоже молния, и пожар силен») сожгла практически всю Москву. «Прежде убо сих времен памятные книзи временныи пишут, таков пожар не бывал на Москве, как и Москва стала именоватися», – устрешенный увиденным, записал русский книжник [Летописец начала царства, 2009, с. 52, 54]. И было от чего содрогнуться – новгородский летописец сообщал, что в столице сгорело дворов «белых и черных» 25 тысяч, а еще 250 церквей и погибло в пламени и в дыму 2700 москвичей (разброс данных о числе погибших в пожаре – от 1700 в «летописце начала царства» до 3700 в «Хронографе» редакции 1512 г.) [См.: Летописец начала царства, 2009, с. 54; Новгородская 4-я летопись, 1929, с. 620; Русский Хронограф, 2005, с. 527]. Москва обратилась в пепел. «Не видети иного ничего же, но токмо дым и земля и трупия мертвых многолежаще», – подытожил впечатления от случившегося неизвестный русский книжник [Жарков, 1962, с. 225].

На следующее утро на пепелище приехал из подмосковного села Остров, где он пребывал всю весну и начало лета с молодой женой, Иван IV. Его сопровождал брат Юрий и многочисленная свита. Юный царь, писал книжник, «видеше граду погоревшу от огня и святыя церькви и людей погорело много, лежаще трупья мертвых», расплакался и, «зряше беду, створяшуюся на граде его и на святых церьквах, и бывшую печаль князем и бояром, и мужем москвичом прослезився тешаиши и рек: «Не скорьбите князи и бояре мой и народи. Господь бог дал, господь взял. Буди имя господне благословенно отныне и до века. Киждо люде мой ставите хоромы по своих местех. А яз вас жаловати ради лготу дати» [Жарков, 1962, с. 225]. Отметим, что, на наш взгляд, ничего невероятного в описанной сцене нет, равно как и общий смысл слов, которые произнес Иван, книжник передал достаточно точно – именно так и должен был вести себя православный государь и именно этого ожидали от него москвичи.

Обещание царского «жалования» погорельцам, очевидно, должно было ускорить преодоление последствий катастрофы и снять напряжение в московском обществе. И, надо полагать, стремясь закрепить эффект от объявленных мер, на следующий день, 23 июня, Иван с боярами снова приехал в Москву. На этот раз он направился к митрополиту Макарию, сильно пострадавшему во время пожара и приходившему в себя в Новинском монастыре [Жарков, 1962, с. 225–226]. Об этом визите царя «со всеми бояры» к митрополиту упоминает и составитель Постниковского летописца, современник и, видимо, очевидец тех событий [Постниковский летописец, 1978, с. 30].

На этом совете, судя по всему, произошел неприятный инцидент, имевший далеко идущие последствия, и о котором на первых порах, при составлении официальной версии случившегося, было решено умолчать. После того как Макарий «много и словесы духовными митрополит тешашо царя государя и великого князя, **поучая его на всякую добродетель, елико подобает царем православным быти** (выделено нами – В.П.)...» [Жарков, 1962, с. 226], слово взял царский духовник протопоп Федор Бармин, которого поддержали бояре И.П. Федоров и князь Ф.И. Скопин-Шуйский. «Вражиим наветом начаша глаголати», – писал составитель «Царственной книги», – что де пожар на Москве случился по той причине, что некие злодеи «вълхвъванием сердца человеческие вымаша и в воде мочиша и тою водою кропиша и оттого вся Москва погоре». Царь, потрясенный увиденным в Москве и находившийся под влиянием речей Макария, продолжал книжник, «велел того бояром сыскати» [Царственная книга, 2000, с. 455–456 (правый столбец)]. Выходит, что на совете в Новинском монастыре было решено создать специальную «комиссию» для расследования причин случившегося и наказания виновных.

24-е и 25-е июня в Москве прошли относительно спокойно – во всяком случае ни один источник не сообщает о каких-либо происшествиях, которые случились в эти два дня в столице. Однако нет сомнений в том, что атмосфера в сгоревшей Москве оставалась чрезвычайно напряженной, слухи о причинах пожара и его виновниках продолжали множиться, причем в этих слухах начал фигурировать и сам юный царь. Во всяком случае именно так можно трактовать якобы предсказанные четырьмя вселенскими патриархами

последствия для государства и «мира» рождения во втором браке Василия III наследника престола, который «будет грабитель чужаго имения, моль же поядает ризы, а чужого имения граблением и свое все истребит, и наполнится ... царство страсти и печали, и будут в та лета убивания многа и муки Сарападасийских родов, и юнош нещадение, и ово на кола, а иным усечение главы, и затоцы без милости, и мнози гради огнем попраии будут» [Выпись из государевой грамоты..., 1847, с. 5].

Старая московская знать решила воспользоваться этой накаленной до предела обстановкой и обратить гнев москвичей на «чужаков» – семейство Глинских. Мотив этот, кстати, хотя и был отмечен в отечественной исторической литературе, однако же походя, мимоходом. Более того, М.М. Кром отмечал, что «акцент на придворных интригах и происках врагов Глинских, характерный для приписок к Царственной книге (а ранее – для рассказа Ивана Грозного о тех же событиях), **серьезно искажает картину восстания** (выделено нами – **В.П.**)...» [Кром, 2010, с. 338]. Правда, еще С.О. Шмидт осторожно указывал на то, что «сомнения в том, что именно бояре «наущали» народ на Глинских, вовсе не означает отрицания того факта, что придворные группировки – по тем или иным соображениям – были заинтересованы в падении Глинских и, возможно, даже рассчитывали на то, что расправа с Глинскими и отречение боярства от ответственности за все дурное, что было в годы правления Глинских, утолит ярость восставших, отвратит гнев народа и от царя и от боярства в целом» [Шмидт, 1973, с. 98], а И.И. Смирнов писал о хитроумном политическом маневре московской правящей элиты, который позволял посредством жертвы того или иного ее представителя сохранить незыблемым и существующий порядок вещей, и свои господствующие позиции [Смирнов, 1958, с. 134]. Отметим также, что П.П. Смирнов и С.О. Шмидт намекали на возможность того, что московские пожары 1547 г. носили отнюдь не случайный характер и были связаны с острой борьбой за власть при дворе Ивана IV [См.: Смирнов, 1947, с. 108; Шмидт, 1973, с. 80]. Учитывая все эти обстоятельства, а также «классовую» направленность советской историографии, мы полагаем более чем вероятным именно тот сценарий событий 26–29 июня 1547 г., что был изложен Иваном Грозным и составителем «Царственной книги».

Согласно «поздней» версии событий, во 2-й половине дня воскресенья 26 июня члены боярской «комиссии» по расследованию причин пожара 1547 г. собрались на площади перед Успенским собором Кремле – одним из немногих московских храмов и церквей, уцелевших в пожаре. Здесь уже собралась немалая толпа московских посадских людей. Боярам вовсе не нужно было собирать их здесь, что считал маловероятным И.И. Смирнов и вслед за ним М.М. Кром [Кром, 2010, с. 388], подчеркнем еще раз – события, о которых пойдет речь дальше, происходят в воскресенье, во время обедни в одном из немногих уцелевших соборов. Где и когда, как не здесь и не в это время, собраться погорельцам в поисках утешения? И появление боярской «комиссии» здесь в это время вряд ли было случайным, если не сказать больше – учитывая дальнейшее развитие событий, предположим, что некоторые члены «комиссии» в ходе расследования имели 24–25 июня предварительные контакты с московской посадской верхушкой и договорились о своем выступлении 26-го на площади перед Успенским собором.

Предугадать то, что случилось затем, нетрудно. Упомянувшийся прежде протопоп Федор Бармин, бояре князя Ф.И. Скопин-Шуйский и Ю.И. Темкин-Ростовский, И.П. Федоров, Г.Ю. Захарьин, окольный Ф.М. Нагой (очевидно, что перед нами «следственная комиссия», во всяком случае, ее главные члены – **В.П.**) и «инии мнози» «начаша выпрашивать: кто зажигал Москву» у собравшейся перед собором толпы. Толпа же отвечала, что во всем виновата Анна Глинская, бабка Ивана IV, которая «з своими детми и с людьми вълхвовала: вымала сердца человеческия да клала в воду да тою водою ездячи по Москве да кропила, и оттого Москва выгорела». И дальше составитель «Царственной книги» указывал (на что, кстати, не особенно принято обращать внимание), что «сие глаголаху черни людие того ради, что **в те поры Глинские у государя в приближении и жалование, а от людей их черным людям насилство и грабеж, они же их от того не унимаху** (выделено

нами – **В.П.** Автор этого пассажа отнюдь не покрывает царского родственника, но прямо обвиняет его и его людей в лихоимстве и насилиях на «меншими людми»)...

Князь Ю.И. Глинский, по словам книжника, присутствовавший при этом на площади, попытался было укрыться в церкви, однако бояре (выходит, это те самые «болшие люди», о которых говорил в описании событий этого дня новгородский книжник – **В.П.**) «по своей к Глинским недружбе наустиша черни», которая и убила князя прямо в соборе, после чего, «извлекоша передними дверми на площадь и за город и положиша перед Торгом, идеже казнят» [Царственная книга, 2000, с. 456 (правый столбец)]. Иван Грозный в письме Андрею Курбскому также отмечал, что его дядя был убит толпой прямо в церкви, «против митрополичья места» [Первое послание Курбскому, 2005, с. 35]. Продолжатель Хронографа редакции 1512 г. добавил к этому описанию интересную деталь – по его словам, посадские люди собрались «вечьем» и указывает на примерное время убийства Глинского – «на обедне на Иже-херувимской песни». [Русский Хронограф, 2006, с. 527]. Еще одну деталь сообщает новгородский книжник. По его словам, князя Юрия убили на Москве **«болшие и черные люди (выделено нами – В.П.)...»**, которые «извлекли из церкви едва жива и скончаша злою смертию (миниатюра из «Лицевого свода» показывает, как москвичи побивают Глинского камнями – **В.П.**), извлекоша из града привязана ужем», т. е. труп убитого, обвязав за ноги веревкой, выволокли на торжище, подвергнув тем самым посмертному поруганию [Новгородская 4-я летопись, 1929, с. 621].

Распаленная убийством Юрия Глинского толпа ринулась в город в поисках объявленных виновниками пожара Анны и Михаила Глинских. Князь Михаил в то время, судя по всему, отсутствовал в городе, находясь на службе во Ржеве, а княгиня Анна, похоже, успела бежать из столицы, затопленной волной насилия, к сыну. Не найдя их в городе, толпа обратила свой гнев на людей Глинских. Погромы растянулись на два дня, 27-го и 28-го июня, и в эти два дня московские посадские люди «детей боярских многих побиша, а людеи княжь Юрьевых безчислено побиша и живот княжой розбиша». Свои действия «черне людие града Москвы» мотивировали тем, что де «вашим (т. е. Глинских – **В.П.**) зажиганием дворы наши и животы погореша» [Летописец начала царства, 2009, с. 54]. В ходе погромов просматривается и отчетливый ксенофобский мотив – под горячую руку москвичей попали и северские служилые люди, к своему несчастью оказавшиеся в те дни в столице и поименованные столичными посадскими «Глинского людми» [Царственная книга, 2000, с. 456 (правый столбец)]. Невольно напрашивается параллель с событиями 1157 г. в Киеве, когда после внезапной смерти князя Юрия Владимировича киевляне взволновались и учинили погромы в городе. «И много зла створися в ть день: розграбиша дворе его (Юрия – **В.П.**) красный, и другый двор его за Днепром разграбиша, его же звашет сам раем, и Василков двор сына его разграбиша в городе; **избивахуть Суждалци по городом и по селом, а товарь их грабяче** (выделено нами – **В.П.**)...» [Ипатьевская летопись, 2001, с. 336].

Однако не убийство Юрия Глинского и погромы, прокатившиеся после этого по Москве, стали высшей точкой московских волнений. Своего апогея они достигли 29 июня, когда ситуация в столице, похоже, явно вышла из-под контроля властей (или тех, кто ее пытался подменить в эти дни – верхушки московского посада?). «А после того убийства (Юрия Глинского – **В.П.**) на третей день приходиша многия люди чернь скопом ко государю в Воробьево», – писал составитель «Царственной книги», – с требованием выдать им на расправу княгиню Анну Глинскую и князя Михаила Глинского, брата убитого Юрия [Царственная книга, 2000, с. 456–457 (правый столбец)]. Новгородский книжник сообщал еще одну любопытную деталь этого похода. «По кличю палачя», писал он, московские посадские люди «поидоша» в Воробьево, где в это время находился царь, «с щиты и з сулицы, яко же к боеви обычаи имяху» [Новгородская 4-я летопись, 1929, с. 621]. Связано ли это было с тем, что Глинских обвиняли не только в умышленных поджогах, но и в том, что они «норовили иноплеменным» и навели на Русскую землю татар («бе же тогда пришил со мною силою царь Крымской и стоял в полях») [Новгородская 4-я летопись,

1929, с. 621], или же это была форма давления на верховную власть – сегодня трудно сказать что-либо определенное. Но вот что представляется несомненным – так это то, что этот поход явно состоялся в рамках продолжавшегося «обыска» виновников пожара (о чем косвенно свидетельствует, в частности, указание летописи на то, что поход состоялся «по кличу палачая»).

Для Ивана IV явление в его загородном селе огромной толпы народа, да еще и вооруженной, было пренеприятнейшим сюрпризом. Страшный пожар и картины оставленных им опустошений и без того потрясли до глубины души его впечатлительную натуру («и от сего бо вниде страх в душу мою и трепет в кости моя, и смирися дух мой, уи умилихся, и познах своя согрешения, и прибегах ко святей соборней и апостольстей церкви» [Стоглав, 1863, с. 31]), а здесь, оказавшись фактически один на один с бушующей толпой, требовавшей от него правосудия, не имея за спиной силы, способной в случае чего поддержать его, он растерялся («князь же великий, того не ведая, оузрев множество людеи, оудивися и оужасеся» [Новгородская 4-я летопись, 1929, с. 621]). Позднее, в послании князю Курбскому, он вспоминал, что изменники бояре наущали народ, что де он знал о том, что его бабка занималась ведовством и подговаривали рядовых москвичей убить его, государя, за то, что он де прячет Анну Глинскую и ее сына Михаила у себя в Воробьево [Первое послание Курбскому, с. 35].

Так это было или не так, но состояние Ивана можно легко представить, если провести аналогию с поведением Алексея Михайловича, точно так же представшего перед возмущенным «черным людом» московским в дни Соляного бунта и вынужденным пойти на серьезные уступки восставшим. Судя по всему, Иван позволил произвести обыск в Воробьево с тем, чтобы московский черный люд смог убедиться воочию, что он не прячет в своей загородной резиденции Анну и Михаила Глинских (князь Михаил в то время находился во Ржеве на службе и, видимо, к нему бежала из Москвы с началом всех этих событий Анна Глинская). Не найдя Глинских, москвичи удалились из Воробьева – очевидно, исходя из контекста последующих событий, и потому еще, что юный царь обещал им исправиться, лично заняться наказанием «лихих людей» и выполнять как должно возложенные на него Господом обязанности православного государя.

В этой истории одно остается неясным – в силах боярства было не допустить похода москвичей на Воробьево. Уж кто-кто, а они-то уж точно знали, что ни Михаила, ни Анны Глинских там не было. Однако же они этого не сделали. Почему? Насколько прав был Иван Грозный, обвиняя впоследствии их в том, что некоторые из них умышляли на убийство его или же это те самые «детские страшилы», отпечатавшиеся в его сознании во время переговоров с бушующей толпой? На эти вопросы однозначного ответа нет.

Вооруженный поход московских посадских людей на Воробьево 29 июня 1547 г. стал жирной точкой в истории московского бунта 1547 г. Летописи больше ничего не сообщают о том, что происходило в городе, однако само это молчание красноречиво свидетельствует в пользу того, что в Москве наступила тишина и спокойствие. Этому способствовал целый ряд обстоятельств. Здесь, очевидно, и меры, предпринятые «правительством» по преодолению последствий пожара (о которых объявил Иван еще 22 июня 1547 г.), и удаление от дел наиболее одиозных личностей вроде того же псковского наместника князя И.И. Пронского Турунтая или Михаила Глинского (оба они вместе с женами, а Михаил – еще и с матерью, в ноябре 1547 г. попытались даже бежать в Литву, предварительно списавшись с Сигизмундом II, но были перехвачены по пути и принуждены вернуться в Москву [Кром, 2010, с. 341–345]). Нельзя не упомянуть и о начавшемся преследовании особенно «отличившихся» на стезе мздоимства должностных лиц. Так, в псковской 3-й летописи сохранилось любопытное свидетельство о целой военной операции под началом новгородского дворецкого С.А. Упина, предпринятой в целях ареста «пошлинника» Салтана Сукина, а новгородская летопись подтверждает факт мобилизации новгородцев для этого похода и многочисленных арестов «разбойников» в Опочке и отправки их в Москву [См.: Новгородская 4-я летопись 1929, с. 621; Псковская 3-я летопись.

2000, с. 232]. Свою роль, несомненно, сыграл также и отказ Ивана от преследования рядовых москвичей-участников июньских волнений (за исключением зачинщиков бунта и, возможно, непосредственных виновников убийства Юрия Глинского [Новгородская 4-я летопись 1929, с. 621]).

Подводя общий итог проведенного расследования, отметим, что, на наш взгляд, случившееся в Москве 26–29 июня 1547 г. нельзя трактовать однозначно, поскольку произошедшее стало результатом наложения и переплетения целого ряда факторов и тенденций. Продолжающийся политический кризис при дворе, рост злоупотреблений и лихоимства со стороны власть имущих и их людей, притеснения ими простонародья, умножение преступности, усиливающийся налоговый пресс и дороговизна – все это и многое другое, обусловленное специфическими условиями развития ситуации во «вдовствующем царстве» не могло не привести к накоплению определенной критической массы. Пожар 21 июня лишь ускорил трагическую развязку, в ходе которой имели место и попытка сведения политических счетов, и «русский бунт, бессмысленный и беспощадный», и попытка низов посредством прямого общения с верховной властью (и давления на нее) добиться удовлетворения своих требований.

Список литературы

1. Альшиц Д.Н. 1988. Начало самодержавия в России. Государство Ивана Грозного. М. Наука, 244.
2. Выпись из государевой грамоты к в. к. Василию Ивановичу о сочтании второго брака и о разлучении первого брака чадородия ради, творение Паисьино, старца Ферапонтова монастыря. Послание четырех патриарх. 1847. Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. № 8. IV. Смесью: 1–8.
3. Жарков И.А. 1962. К истории московских пожаров 1547 г. Исторический архив. 3: 226–223.
4. Зимин А.А. 1960. Реформы Ивана Грозного. М., Соцэкгиз, 511.
5. Иван Грозный. 2005. Первое послание Курбскому (1564). Послания Ивана Грозного. СПб., Наука: 9–71.
6. Карамзин Н.М. 1842. История государства Российского. Кн. II. Т. VIII. СПб., тип. Э. Праца. 630.
7. Ипатьевская летопись. 2001. Русские летописи. Т. XI. Рязань, Александрия, 672.
8. Кром М.М. 2010. «Вдовствующее царство»: политический кризис в России 30 – 40-х годов XVI века. М., Новое литературное обозрение, 888.
9. Кром М.М. 2006. К пониманию московской «политики» XVI в.: дискурс и практика российской позднесредневековой монархии. Одиссей. Человек в истории. Время и пространство праздника. 2005. М., Наука: 283–303.
10. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича 2009. ПСРЛ. Т. XXIX. М., Знак: 9–116.
11. Львовская летопись. 2005. ПСРЛ. Т. XX. М., Языки славянских культур, 704.
12. Новгородская 4-я летопись. Список Н.К. Дубровского. 1929. ПСРЛ. Т. IV. Часть 1. Вып. 3. Л., АН СССР: 1–632.
13. О великом и сугубом пожаре и о милостивом защищении, иже на воздухе заступлением Пречистые Богородицы. 1958. Зимин А.А. Повести XVI века в сборнике Рогожского собрания. Записки отдела рукописей Государственной библиотеки им. В.И. Ленина. Вып. 20. М., библиотека им. В.И. Ленина: 198–203.
14. Пашкова Т.И. 2000. Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века: наместники и волостели. М., Древлехранилище, 215.
15. Постниковский летописец. 1978. ПСРЛ. Т. 34. М., Наука: 8–30.
16. Псковская 3-я летопись. 2000. ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. М., Языки русской культуры, 368.
17. Русский Хронограф. Часть первая. 2005. ПСРЛ. Т. XXII. М., Языки славянских культур: 1–538.
18. Скрынников Р.Г. 1992. Царство террора. СПб., Наука, 574.
19. Смирнов И.И. 1958. Очерки политической истории Русского государства 30 – 50-х годов XVI века. М.-Л., АН СССР, 515.

20. Смирнов П.П. 1947. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т. I. М.-Л., АН СССР, 490.
21. Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. 2008. Т. II. Степень XVII. М., Языки славянских культур, 568.
22. Стоглав. 1863. СПб., тип. Императорской Академии наук, 344.
23. Царственная книга. 2000. ПСРЛ. Т. XIII. М., Языки русской культуры: 439–532.
24. Шмидт С.О. 1973. Становление российского самодержавства. Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., Мысль, 359.
25. Юрганов А.Л. 2018. Категории русской средневековой культуры. СПб., Центр гуманитарных инициатив, 368.

References

1. Al'shicz D.N. 1988. Nachalo samoderzhaviya v Rossii. Gosudarstvo Ivana Groznogo [The beginning of autocracy in Russia. State of Ivan the Terrible]. М., Nauka, 244.
2. Vy`pis` iz gosudarevoj gramoty` k v. k. Vasiliyu Ivanovichu o sochtanii vtorogo braka i o razluchenii pervogo braka chadorodiya radi, tvorenie Pais`ino, starcza Ferapontova monasty`rya. Poslanie chety`rex patriarx [An inscription from the sovereign's letter to V.K. Vasily Ivanovich about the second marriage and the dissolution of the first marriage for the sake of childbearing for the creation of Paisyino, the old man Ferapontov monastery. Message of the Four Patriarchs]. 1847. Chteniya v Imperatorskom Obshhestve istorii i drevnostej Rossijskix pri Moskovskom universitete. № 8. IV. Smes` : 1–8.
3. Zharkov I.A. 1962. K istorii moskovskix pozharov 1547 g. [On the history of Moscow fires in 1547]. Istoricheskij arxiv. 3: 226–223.
4. Zimin A.A. 1960. Reformy` Ivana Groznogo [Reforms of Ivan the Terrible]. М., Socze`kgiz, 511.
5. Ivan Grozny`j. 2005. Pervoe poslanie Kurbskomu (1564) [The first epistle to Kurbsky (1564)]. Poslaniya Ivana Groznogo. SPb., Nauka: 9–71.
6. Karamzin N.M. 1842. Istoriya gosudarstva Rossijskogo [History of Russian State]. Kn. II. T. VIII. SPb., tip. E`. Pracza, 630.
7. Ipat`evskaya letopis` [Ipatiev Chronicle]. 2001. Russkie letopisi. T. XI. Ryazan`, Aleksandriya, 672.
8. Krom M.M. 2010. «Vdovstvuyushhee czarstvo»: politicheskij krizis v Rossii 30 – 40-x godov XVI veka [«The Dowager Kingdom: The Political Crisis in Russia of the 30s – 40s of the 16th Century]. М., Novoe literaturnoe obozrenie, 888.
9. Krom M.M. 2006. K ponimaniyu moskovskoj «politiki» XVI v.: diskurs i praktika rossijskoj pozdnesrednevekovoj monarxii [To the Understanding Moscow «Politics» of the 16th Century: Discourse and Practice of the Russian Late Medieval Monarchy]. Odissey. Chelovek v istorii. Vremya i prostranstvo prazdnika. 2005. М., Nauka: 283–303.
10. Letopisecz nachala czarstva czarya i velikogo knyazya Ivana Vasil`evicha [Chronicle of the beginning of the kingdom of the Tsar and Grand Duke Ivan Vasilievich] 2009. PSRL. T. XXIX. М., Znak: 9–116.
11. L'vovskaya letopis'. 2005. PSRL. T. KhKh. М., Yazyki slavyanskikh kul'tur, 704.
12. Novgorodskaya 4-ya letopis`. Spisok N.K. Dubrovskogo [Novgorod 4th Chronicle List of N.K. Dubrovsky]. 1929. PSRL. T. IV. Chast` 1. Vy`p. 3. L., AN SSSR: 1–632.
13. O velikom i sugubom pozhare i o milostivom zashhishhenii, izhe na vozduse zastupleniem Prechisty`e Bogorodicy [About the great and pure fire and gracious protection, like those on the air by the intercession of the Most Holy Theotokos]. 1958. Zimin A.A. Povesti XVI veka v sbornike Rogozhskogo sobraniya. Zapiski otdela rukopisej Gosudarstvennoj biblioteki im. V.I. Lenina. Vy`p. 20. М., biblioteka im. V.I. Lenina: 198–203.
14. Pashkova T.I. 2000. Mestnoe upravlenie v Russkom gosudarstve pervoj poloviny` XVI veka: namestniki i volosteli [Local government in the Russian state of the first half of the XVI century: governors and sheriffs]. М., Drevlexranilishhe, 215.
15. Postnikovskij letopisecz [Postnikov's chronicle]. 1978. PSRL. T. 34. М., Nauka: 8–30.
16. Pskovskaya 3-ya letopis` [Pskov 3rd Chronicle]. 2000. PSRL. T. V. Vy`p. 2. М., Yazy`ki russkoj kul`tury`, 368.
17. Russkij Xronograf. Chast` pervaya [Russian Chronograph. Part one]. 2005. PSRL. T. XXII. М., Yazy`ki slavyanskix kul`tur: 1–538.

18. Skry`nnikov R.G. 1992. Czarstvo terrora [Kingdom of terror]. SPb., Nauka, 574.
19. Smirnov I.I. 1958. Ocherki politicheskoy istorii Russkogo gosudarstva 30 – 50-x godov XVI veka [Essays on the political history of the Russian state of the 30s – 50s of the 16th century]. M.-L., AN SSSR, 515.
20. Smirnov P.P. 1947. Posadskie lyudi i ix klassovaya bor`ba do serediny` XVII veka [The Posad people and their class struggle until the middle of the 17th century]. T. I. M.-L., AN SSSR., 490.
21. Steppennaya kniga czarskogo rodosloviya po drevnejshim spiskam [The Range Book of the Tzar's Family Genealogy according to ancient lists]. 2008. T. II. Stepen` XVII. M., Yazy`ki slavyanskix kul`tur, 568.
22. Stoglav [The One Hundred Chapters]. 1863. SPb., tip. Imperatorskoj Akademii nauk, 344.
23. Czarstvennaya kniga [The Regal Book]. 2000. PSRL. T. XIII. M., Yazy`ki russkoj kul`tury` : 439–532.
24. Shmidt S.O. 1973. Stanovlenie rossijskogo samodержавstva. Issledovanie social`no-politicheskoy istorii vremeni Ivana Groznogo [The formation of the Russian autocracy. A study of the socio-political history of the time of Ivan the Terrible]. M., My`s'l`, 359.
25. Yurganov A.L. 2018. Kategorii russkoj srednevekovoj kul`tury` [Categories of Russian medieval culture]. SPb., Centr gumanitarny`x iniciativ, 368.
26. Kollmann N.S. 2012. Crime and Punishment in Early Modern Russia. Cambridge, Cambridge University Press, 504.

Ссылка для цитирования статьи
Reference to article

Пенской В.В. Московский пожар 1547 г. и его политические последствия: опыт реинтерпретации. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2019. Т. 46. № 3. С. 479–489. doi: 10.18413/2075-4458-2019-46-3-479-489

Penskoj V.V. The moscow fire of 1547 and its political consequences: the experience of reinterpretation. Belgorod State University Scientific Bulletin. History. Political Science. 2019. V. 46. № 3. P. 479–489. doi: 10.18413/2075-4458-2019-46-3-479-489

УДК 94 (47) "1875/1910"

DOI 10.18413/2075-4458-2019-46-3-490-498

**«ПРАВИЛА СВЯТЫХ АПОСТОЛ, СВЯТЫХ СОБОРОВ ВСЕЛЕНСКИХ
И ПОМЕСТНЫХ И СВЯТЫХ ОТЕЦ С ТОЛКОВАНИЯМИ»: ИСТОРИЯ ИЗДАНИЯ****«THE APOSTOLIC CANONS, THE RULES OF THE ECUMENICAL
AND LOCAL COUNCILS AND HOLY FATHERS WITH INTERPRETATIONS»:
PUBLICATION EXPERIENCE****Е.А. Копылова****Е.А. Kopylova**

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
Россия, 115184, г. Москва, ул. Новокузнецкая, д. 23б

Saint Tikhon's Orthodox University for the Humanities,
23b Novokuznetskaya St, Moscow, 115184, Russia

e-mail: nauka-pstgu@mail.ru

Аннотация

Научное исследование канонического права в России получило развитие в XIX в. Свой вклад в научно-исследовательскую и издательскую работу внесли члены Общества любителей духовного просвещения переводом и публикацией «Правил Святых Апостол, Святых Соборов Вселенских и Поместных и Святых Отец с толкованиями». Подготовительные работы, выполнение переводов, издание текстов объединили многих специалистов и выполнялись более сорока лет. Была осуществлена важная и необходимая в научном, практическом и учебном отношении деятельность многих ученых, в том числе представителей профессорско-преподавательской корпорации различных учебных заведений. Обращено внимание на помощь московских митрополитов и на материальную составляющую столь масштабного труда.

Abstract

Scientific research on canon law in Russia was developed in the 19th century, almost simultaneously with its study in educational institutions. Scientific papers and textbooks were written. The article is devoted to the publication of «The Apostolic Canons, the Rules of the Ecumenical and Local Councils and Holy Fathers with interpretations», carried out with the efforts of members of Society of Spiritual Enlightenment. The idea of publication was closely connected with the project development of a reform of the church court and the incipient dialogue of the Russian Orthodox Church with non-Orthodox Christians. In subsequent years, the relevance of publication of the «Rules» increased due to the establishment of the Pre-Conciliar Presence in 1905–1906. The selection and translations, publication of texts, clarification of terminology brought together many specialists and took over forty years to complete. An important and essential scientific, practical and academic activity was carried out. The article draws attention to the moral and material assistance of Moscow Metropolitans, and also reflects the financial and organizational difficulties of the publication.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Общество любителей духовного просвещения, «Правила Святых Апостол, Святых Соборов Вселенских и Поместных и Святых Отец с толкованиями», каноническое право, московские митрополиты.

Keywords: Russian Orthodox Church, the Society of Spiritual Enlightenment, «the Apostolic Canons, the Rules of the Ecumenical and Local Councils and Holy Fathers with interpretations», canon law, Metropolitans of Moscow.

Каноническое право составляют нормы и правила, регулирующие внутреннюю жизнь Церкви и ее отношения с другими религиозными и государственными объединениями. С древности на Руси церковное право изучалось только с практической целью. Так, еще в XIII в. Киевский и всея России митрополит Кирилл II, получив из Болгарии Кормчую с кратким толкованием Аристина, засвидетельствовал, что ныне церковные правила стали понятны и ясны.

А в XVI в. стали появляться отдельные толкования Зонары и Вальсамона, по всей вероятности, перевода Максима Грека. В XVII в. по желанию Патриарха Никона Епифанием Славинецким были переведены и приготовлены к изданию толкования Зонары и Вальсамона, но они так и остались в рукописи. В этих кратких толкованиях отсутствовали пояснения исторические, географические, церковно- и юридически-бытовые, также не всегда ясно и верно излагался смысл правил [Чтения ..., 1888, с. 542–543].

Лишь в конце XVIII в. было введено преподавание церковного права в Московской Славяно-греко-латинской академии, позднее – и в других академиях, а в 1776 г. митрополит Платон (Левшин) ввел чтение и толкование Кормчей книги с сопоставлением перевода с подлинными текстами. Реформа духовных школ 1814 г. существенно повлияла на преподавание курса канонического права в академиях. Тогда же ректор Санкт-Петербургской духовной академии архимандрит Филарет (Дроздов) составил конспект по богословским наукам, в том числе по церковному праву. А с 1835 г. каноническое право стало читаться в университетах и на юридических факультетах.

Однако к научному исследованию канонического права приступили только в начале XIX в. Были написаны учебники по курсу церковного права и опубликованы научные труды [Евгений (Болховитинов), 1826; Иоанн (Соколов), 1851; Соколов Н.К. 1874, 1875; Бердников И.С., 1888; Суворов Н.С. 1889, 1890]. Отметим, что в рамках подготовки духовно-учебной реформы 1860-х гг. святитель Филарет (Дроздов) определил место и характер предмета канонического права в учебном процессе [Сухова Н.Ю., 2010, с. 78; Сухова Н.Ю., 2017, с. 132].

Важный вклад в исследование церковного права внесли члены Общества любителей духовного просвещения (далее: ОЛДП, Общество) изданием «Правила Святых Апостол, Святых Соборов Вселенских и Поместных и Святых Отец с толкованиями». В статье предпринята попытка выявить взаимодействие ученых в подготовке и издании «Правил»; их совместный вклад в развитие богословской и исторической науки; значимость издания от его практического применения в изменяющейся исторической ситуации, а также выявить содержательные, организационные и финансовые трудности, которые сопутствовали изданию.

Обратим внимание, что такая масштабная работа была предпринята впервые. Для понимания необходимости перевода, составления и издания Правил именно в рассматриваемый период времени нужно учитывать, во-первых, проведение судебной реформы Александра II и обсуждение реформы церковного суда. Прежде всего следует отметить, что запросы к епископам особого Комитета по разработке проекта реформы церковного суда, учрежденного в 1870 г. обер-прокурором Св. Синода графом Д.А. Толстым, выявили, с одной стороны, неприятие епископами реформы, а с другой стороны, дискуссия, развернувшаяся на страницах церковных журналов в 1871–1873 гг., показала, что духовенство заинтересовано в судебной реформе. В спорах о судебной власти с особенной ясностью было выявлена острая необходимость знания и понимания канонов церковной жизни.

Дискуссия развернулась между сторонниками и противниками церковной реформы. Так, в журнале «Православный собеседник» было опубликовано исследование профессора П.В. Знаменского, рассматривавшего правовое положение духовенства. Автор указывал на непростые отношения между духовенством и архиереями. Профессор Н.К. Соколов рассмотрел в журнале «Православное обозрение» вопрос о судебной реформе с канонической точки зрения. При этом было отмечено, что в спорах о судебной власти епархиального архиерея появились умствования, грозившие извратить строй православной жизни [Правила ..., 1876, с. 3]. Таким образом, дискуссия о церковной реформе, кото-

рая предполагалась в Русской Церкви, выявила необходимость обращения к каноническому своду, включающему в себя Правила Святых Апостолов, каноны Вселенских и Поместных Соборов, Правила Святых Отцов.

Следующим важным обстоятельством стало обращение представителей старокатолического движения в 1872 г. к православным поместным Церквям по вопросу о воссоединении, что положило начало диалога Русской Православной Церкви со старокатоликами. Именно члены Санкт-Петербургского отдела ОЛДП активно вели переговоры, участвовали в старокатолических конференциях и конгрессах, рассматривали догматические и обрядовые различия православного Востока и католического Запада (Первый старокатолический конгресс состоялся в Мюнхене в 1871 г.; затем в 1872 г. – Кельнский конгресс; в 1873 г. – Констанцкий конгресс; в 1874 г. – конгресс в Фрейбурге и конференция в Бонне; в 1875 г. – Боннская конференция; в 1876 г. – конгресс в Бреславле).

Русские богословы сразу определили необходимый принцип для соединения – это совершенное тождество в догматах, без однообразия в обрядах и местных обычаях, которые не противоречат учению Вселенской Церкви. Один из вождей старокатоличества, профессор Мюнхенского университета Иоганн Йозеф Игнац фон Дёллингер также заявил целью Боннской конференции 1875 г. достижение признания главных пунктов христианского учения, догматов, установленных неразделенною Церковью. Поэтому именно в рассматриваемый период времени стало чрезвычайно важно обращение к вероучению неразделенной Церкви.

Диалог со старокатоликами заставил православных дать самим себе отчет в том, что именно должно быть признано неизменным и общеобязательным достоянием Вселенской Церкви, а что имеет местное и временное значение как принадлежность поместной Церкви. Разграничение это важно, т. к. им определяются не только условия единения с другими церковными обществами, но и пределы возможных в Русской Православной Церкви в будущем церковных реформ.

Таким образом, осуществление диалога с инославными христианами стало дополнительным стимулом для проведения полномасштабного исследования канонического права и издания его результатов.

Отметим, что инициатива издания принадлежала председателю ОЛДП прот. И.Н. Рождественскому (магистр МДА 1826 г.), входившему в состав Комитета по разработке проекта реформы церковного суда, и нашла поддержку членов Общества – общественной организации, которая аккумулировала в себе силы, знания, опыт многих образованных священнослужителей и мирян. Однако для выполнения конкретных работ привлекались и специалисты, не состоящие членами ОЛДП.

Важно обозначить круг лиц, непосредственно участвовавших в этом монументальном труде; выбор текстов, с которых были выполнены переводы; а также принцип публикаций текстов Правил и толкований. Итак, переводы были изданы под редакцией профессора МДА А.Ф. Лаврова-Платонова, возглавлявшего кафедру церковного законоведения МДА и профессора Московского университета А.С. Павлова.

Под редакцией А.Ф. Лаврова-Платонова был издан перевод с греческого на русский язык первой половины толкований на церковные правила, начиная с толкования на Правила Апостолов до толкования на 51-е правило Карфагенского собора, а также написаны предисловие и введение. Но после его посвящения в епископы продолжил редактирование издания проф. Алексей Степанович Павлов, возглавлявший кафедру церковного законоведения Юридического факультета Московского университета.

Изданию посвятили свои труды прот. М.И. Богословский, свящ. М.С. Боголюбский, свящ. А.М. Знаменский, Н.А. Копьев, А.А. Тяжелов и И.И. Никольский. Отметим и других специалистов, которые не остались в стороне, но словом и делом оказывали помощь. Так, указания и замечания об улучшении работы предложил архиепископ Костромской и Галичский Платон (Фивейский).

Ректор МДА прот. Александр Васильевич Горский еще перед началом работы предложил редакции свое содействие во всех затруднительных случаях. Уже будучи не вполне здоровым (умер в 1875 г.), сличил первые переводы с подлинником и обсудил с редактором замечания. Позже прислал редактору письмо, в котором изложил ученый экскурс о значении конкретного греческого термина в Вальсамоновом толковании [Правила..., 1876, с. 4].

При решении публикации не только самих Правил, но обязанности еще и толкований руководствовались следующими соображениями: 1) В силу того, что кодекс Правил древней Церкви сложился в течение девяти веков христианства в различных поместных Церквях Востока и отчасти Запада, уже этим своим разновременным и разноместным происхождением вызывал необходимость толкований Правил: менялись формы языка, технические термины для обозначения некоторых канонических понятий. 2) Не все правила, изложенные соборами и св. отцами, являлись общеобязательными. Кроме общеобязательных Правил, которые соблюдались повсеместно в Православной Церкви, существовали еще частные и местные особенности в отдельных поместных Церквях, принятые их соборами. 3) То, что для православных христиан первых веков эллинского происхождения было ясно из практики и из словоупотребления, для христиан XIX в., не являющихся носителями языка оригинала текстов, требовало толкования [Правила..., 1876, с. 1].

Далее был поставлен вопрос о выборе толкований, т. к. в греческой Церкви и в России, и на Западе были разные толкования на Правила православной восточной Церкви. Предпочтение было отдано толкованиям, которые получили одобрение от высшей церковной власти или от нее исходили, или были употребляемы ею в решении дел, или же рекомендованы, как толкование.

Немаловажно было выбрать тексты, с которых наиболее целесообразно представлялось выполнять перевод толкований, который в итоге был сделан с 1) признанного лучшим греческого текста 1852 г. с разрешения Константинопольской Церкви и Св. Синода Афинского; 2) толкования славянской печатной Кормчей, сделанного при Патриархе Иосифе; 3) толкования и примечания книги Правил по изданию англиканского пастора Бевериджа, которым пользуются как на Западе, так и на православном Востоке [Извеков, 1913, с. 95].

В итоге подготовленный и опубликованный вид издания представлял следующее: под каждым правилом, приведенным на греческом и церковно-славянском языках, были размещены толкования Зонары, Аристина, Вальсамона, славянской печатной Кормчей и книги Правил.

Так как во всех собраниях православной восточной Церкви первое место занимают Правила Святых Апостол, то с них и начали публиковать, а завершилось издание посланием Святейшего Патриарха Константинопольского Тарасия [Отчет..., 1884, с. 6].

Таким образом, в период с 1875 г. по 1884 г. в учено-литературном журнале «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения» (ЧОЛДП) был издан обширный и капитальный труд. Деятельность ученых можно разделить на: 1) разработку памятников и источников канонического права; 2) решение практических вопросов современной церковной жизни в соответствии с канонами.

В ЧОЛДП за 1880–1883 гг. вместе с изданиями материалов для истории канонического права публиковались и исторические исследования. Так, проф. Н.А. Заозерский писал очерки из истории кодификации канонического права восточной Церкви, в которых рассмотрел происхождение и образование главных кодексов канонического права восточной Церкви, начиная со сборника правил Св. Апостолов и апостольских постановлений и оканчивая номоканонам Патриарха Фотия.

Нужно отметить, что в рассматриваемый период времени немало ученых приложило усилия к исследованию канонического права. Авторы публиковали отдельные издания и статьи в различных журналах, например, «Заметка о том, как понимать осьмое правило первого Вселенского Собора» И.С. Бердникова в журнале «Православный собеседник»,

«Сношения иерусалимского Патриарха Досифея с русским правительством (1669–1707)» Н.Ф. Каптерева и «По поводу некоторых недоумений в науке православного церковного права» А.С. Павлова в ЧОЛДП. В 1888 г. преподаватель Ярославской духовной семинарии И.И. Никольский опубликовал исследование «Греческая Кормчая книга» (Пидалион), в котором автор не только рассмотрел саму книгу, но и представил историю составления Пидалиона.

Однако было признано полезным изучение и публикация также современных источников. Например, к 100-летию святителя Филарета (Дроздова) вышел сборник, в первом томе которого содержались материалы по истории Московского епархиального управления по документам консистории. Закрытость деятельности консисторий создавало препятствие к изучению делопроизводства и практики епархиальных администрации и суда. А введение в оборот этих материалов могло доставить несомненную услугу для исследователей, а также оказать практическую пользу. [Чтения ..., 1888, окт-нояб., с. 544].

Отметим, что митрополит Филарет являлся признанным знатоком канонического права. Он возглавлял московскую кафедру с 1821 по 1867 г. – значительный период не только хронологически, но и наполненный чрезвычайно важными государственными и церковными событиями, в которых митрополит Филарет принимал непосредственное участие. Консисторское делопроизводство раскрывает применение канонического права на практике, однако особенно ценными указанные материалы консистории были признаны из-за резолюций святителя Филарета почти по каждому делу.

Но важная для исследования передача дел из архивов консистории и духовных правлений в Епархиальную библиотеку, находящуюся в введении ОЛДП, но территориально расположенную в Высокопетровском монастыре, не состоялась. Увеличение фондов библиотеки выявили острую недостаточность помещений, которую не представлялось возможным ничем восполнить [Чтения ..., 1888, V–VI, с. 91–92].

Отметим, что современниками издание Правил было встречено «с величайшим сочувствием»: и представителями церковной литературы, и членами Святейшего Синода, и высшими лицами российской иерархии [Соловьев, 1889, с. 17]. Было отмечено значение издания Правил как для церковно-канонической литературы, так и для церковно-административной практики.

Однако члены ОЛДП не ограничились этим масштабным трудом. Были переведены с греческого на русский язык кондаки, икосы и тропари некоторым ветхозаветным и многим новозаветным праведникам и стихиры и тропари на некоторые господские и богородичные праздники [Отчет..., 1883, с. 11].

Но нужно иметь в виду не только содержательную составляющую, но и материальную, т. к. столь масштабное издание требовало соответствующих вложений. Митрополит Иннокентий (Вениаминов), возглавлявший Московскую кафедру, в период первого издания «Правил» оказывал и нравственную, и материальную поддержку. Он не только выделил до 3000 руб. на издание, но и распорядился об обязательной подписке журнала «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения», в котором публиковались «Правила», всеми монастырями и храмами московской епархии, кроме беднейших. Благодаря помощи митрополита Иннокентия стало возможным напечатать отдельные выпуски книг «Правила Святых Апостол», «Правила Вселенских Соборов», «Правила Поместных Соборов» и «Правил Святых Отец», которые в свою очередь были разделены на выпуски. Таким образом, «Правила» были напечатаны как объединенным изданием, так и отдельными выпусками, включая указатель к Правилам.

Последующие московские митрополиты также оказывали поддержку Обществу [Извеков, с. 95–96]. Правила пользовались спросом, тексты корректировались, книги распродавались, по мере необходимости выполнялись допечатки издания необходимым ти-

ражом, о чем можно судить по приходно-расходной книге¹. Важно, что в 1918 г. Правила также продавались, что указывает на их востребованность и в новых исторических условиях².

Ситуация с очередным изданием осложнилась в 1906 г. в результате событий периода так называемой «московской церковной революции» и негативным отношением митрополита Владимира (Богоявленского) к деятельности Совета ОЛДП в это время. Однако необходимость произвести допечатку издания была вызвана не только отсутствием на складе и в продаже Правил, а также письменными просьбами частных и официальных лиц о высылке Правил³. Но особенно актуальным повторное издание Правил стало в связи с учреждением Предсоборного Присутствия в 1905–1906 г., что подталкивало срочно решить вопрос.

Предсоборное Присутствие было создано для предварительного обсуждения чрезвычайно важных вопросов в жизни Церкви, которые предполагалось вынести на рассмотрение предстоящего Поместного Собора. Обстоятельная подготовка к Собору была обусловлена в том числе и тем обстоятельством, что Поместные Соборы Русской Церкви не собирались с конца XVII в.

Член СПб отдела ОЛДП Ф.М. Достоевский отмечал, что Церковь, не имеющая Собора, лишена «главного орудия не только для охранения своей свободы, но и для соблюдения твердого единомыслия между ее членами, которым некуда приносить на суд свои разноречивые личные мнения» [Гражданин, 1873, № 21, с. 608].

Среди других важных вопросов отделы Присутствия должны были проработать и вопросы канонического характера: об устройстве высшей церковной власти и епархиального управления, о церковном суде, о вероучении и диалоге со старообрядцами, о разработке законодательных мер по ограждению Православия в условиях веротерпимости, о духовных школах. Для всестороннего обсуждения этих вопросов было необходимо твердое основание, которое и представляли собой «Правила Святых Апостол, Святых Соборов Вселенских и Поместных и Святых Отец с толкованиями».

Вновь избранный в 1906 г., но не утвержденный митрополитом Владимиром, Совет ОЛДП поставил перед обер-прокурором Св. Синода вопрос о покупке прав на издание «Правил» либо Св. Синодом, либо частным торговцем. От Св. Синода вести переговоры было поручено редактору журнала «Церковные ведомости» прот. В. Жмакину, в результате которых было признано, что у ОЛДП нет никаких средств на издание, а прибегать к принудительной рассылке по монастырям и храмам московской епархии «время... не благоприятствует», при этом покупка прав для Св. Синода станет материально обременительной, но продажа частному торговцу будет не к чести Общества⁴.

Поскольку решение вопроса с поиском средств на издание затянулось, то в следующем 1907 г. Совет Общества обратился к московскому митрополиту Владимиру (Богоявленскому), предоставив финансовые расчеты, убеждая в необходимости издания, когда идет научная разработка вопросов, касающихся жизни Церкви вообще и церковного управления в частности, а особенно в виду подготовительных работ к предстоящему Всероссийскому Собору⁵.

Однако митрополит Владимир считал более важным, чем, несомненно, нужное издание Правил, в первую очередь вернуть ОЛДП из «революционных» собраний в законное состояние. Резолюция митрополита Владимира гласила, что Совет Общества может возбудить ходатайство о издании лишь тогда, когда в Обществе будет порядок, когда оно правильно будет функционировать, объединившись вокруг утвержденного в 1906 г. Св.

¹ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее НИОР РГБ). Ф. 206. К. 25. Ед. хр. 1. Л. 10, Л. 19 об., Л. 63, Л. 71 об., Л. 72, Л. 76 об., Л. 79, Л. 103 и др.

² Там же. К. 43. Ед. хр. 2. Л. 108.

³ Там же. К. 14. Ед. хр. 14. Л. 1; Ф. 206. К. 14. Ед. хр. 15. Л. 1; Ф. 206. К. 14. Ед. хр. 23. Л. 1 и др.

⁴ Там же. К. 18. Ед. хр. 1/1. Л. 1-1 об.

⁵ Там же. Ед. хр. 1/2. Л. 3-3 об.

Синодом Устава. Московский владыка предложил доложить, что конкретно Совет находит нужным сделать для восстановления порядка в Обществе¹.

Только после избрания и утверждения другого Совета Общества и председателя ОЛДП было принято решение о допечатке издания в синодальной типографии и финансировании. Таким образом, осуществление самого издания, его финансирование зачастую зависело от нравственной и материальной поддержки московских митрополитов.

Однако уже в феврале 1909 г. на собрании ОЛДП был поднят вопрос о необходимости существенной доработки текста, т. к. издание подверглось со стороны ученых заслуженной критике. Профессор Н.А. Заозерский заметил, что, во-первых, стали доступными более совершенные греческие тексты, во-вторых, сам перевод был признан неудовлетворительным во многих отношениях. Полноценное научное переиздание потребовало бы много средств и времени.

Предполагаемый пятилетний период включал совместную работу специалистов следующих направлений: ученых канонистов, юристов, филологов, историков, археологов. Но в то же время от переиздания «Правил» и без масштабных изменений ожидался практический положительный эффект, как, например, вовлечение в Церковь раскольников и сектантов, упорядочение взаимных отношений власти и подчиненных, духовенства и мирян, черного и белого духовенства. Однако некоторые изменения в тексте без радикальной переработки и дополнения предполагалось внести уже в ближайшее издание «Правил» [Чтения..., 1910, январь, с. 64–65].

Важно, что вопрос научного исследования церковного права и издания материалов увязывался и с учебным процессом. В том же году был поставлен вопрос об улучшении постановки преподавания церковного права, исходя из его значения, в современный момент и из-за весьма неудовлетворительной постановки его преподавания [Чтения..., 1910, январь, с. 26].

Обратим внимание, что Святейший Синод через свое хозяйственное управление заявлял ОЛДП о важности «Правил», запрашивал отчет об остатках издания на складе, высказывался за скорейшее издание².

Итак, несмотря на проделанную масштабную работу, многократные допечатки и переиздания большими тиражами востребованных книг «Правил», работа над текстами не прекращалась в течение более сорока лет, предполагалась и в дальнейшем. Исследование древних документов, их переводы и издание внесло вклад в науку, способствовало учебному процессу, помогало решать практические вопросы в рассматриваемый период времени, является и сейчас важным источником канонического права.

В эпоху реформ, когда необходимо было приступить к решению внутрицерковных вопросов и осуществлять диалог с инославными христианами, именно члены ОЛДП добровольно взяли на себя масштабный труд научного исследования в области канонического права.

Отметим, что все годы организующим ядром являлось ОЛДП, его Совет. Общество обладало мощным потенциалом научных сил своих членов, как священнослужителей, так и мирян, однако к работе привлекались и специалисты, не состоящие в Обществе. Издание Правил помогло объединить членов профессорско-преподавательских корпораций различных духовных и светских учебных заведений, а также специалистов-практиков, в своей работе руководствовавшихся каноническим правом.

Список литературы

1. Бердников И.С. 1888. Краткий курс церковного права. Казань, 294.
2. Гражданин. 1873. № 21.

¹ НИОР РГБ. Ф. 206. К. 18. Ед. хр. 1/2. Л. 3.

² Там же. Ед. хр. 1/3. Л. 5 об. Там же. Ед. хр. 1/4. Л. 7. Там же. Ед. хр. 1/5. Л. 9.

3. Евгений (Болховитинов), митроп. 1826. Историческое обозрение российского законоположения. СПб., СXXXI
4. Извеков Н.Д., прот. 1913. Исторический очерк полувековой жизни и деятельности Московского Общества Любителей Духовного просвещения (1863–1913 гг.), М., 250.
5. Иоанн (Соколов), еп. 1851. Опыт курса церковного законоведения. Т. 1. СПб., 514.
6. Иоанн (Соколов), еп. 1851. Опыт курса церковного законоведения. Т. 2. СПб., 592.
7. Отчет о деятельности Общества Любителей Духовного Просвещения за 1882–83 год. М., 1883.
8. Отчет о деятельности Общества Любителей Духовного Просвещения за 1883–84 год. М., 1884.
9. Правила Святых Апостол, Святых Соборов, Вселенских и Поместных, и Святых Отец с толкованиями. Издание Московского Общества любителей духовного просвещения. М., 1876. 2434.
10. Соколов Н.К. 1874. Из лекций по церковному праву. Вып. 1. М., 200
11. Соколов Н.К. 1875. Из лекций по церковному праву. Вып. 2. М., 355
12. Соловьев И.Е. 1889. Общество Любителей Духовного Просвещения за двадцать пять лет своего существования (1863–1888 г.). Журнал министерства народного просвещения. 1: 13–25/
13. Суворов Н.С. 1889–1890. Курс церковного права. Ярославль, 369
14. Сухова Н.Ю. 2010. Записки святителей Иннокентия (Борисова) и Филарета (Дроздова) о духовных школах. Филаретовский альманах. 6: 43–91.
15. Сухова Н.Ю. 2017. Святитель Филарет и духовно-учебные реформы 1860-х гг.: загадки непонимания. Филаретовский альманах. 13: 122–139.
16. Чтения в Обществе Любителей Духовного Просвещения. 1888. V–VI.
17. Чтения в Обществе Любителей Духовного Просвещения. 1888. окт. – нояб.
18. Чтения в Обществе Любителей Духовного Просвещения. 1910. январь.

References

1. Berdnikov I.S. 1888. Kratkii kurs tserkovnogo prava [A short course of the canon law]. Kazan', 294.
2. Grazhdanin. 1873. № 21 (in Russian).
3. Evgenii (Bolkhovitinov), mitrop. 1826. Istoricheskoe obozrenie rossiiskogo zakonopolozheniia [The historical review of the Russian regulation]. Saint-Petersburg, СXXXI.
4. Izvekov N.D. prot. 1913. Istoricheskii ocherk poluvekovoii zhizni i deiatel'nosti Moskovskogo Obshchestva Liubitelei Dukhovnogo prosveshcheniia (1863–1913 gg.) [The historical study of half a century of life and activities of the Moscow Society of Spiritual Enlightenment (1863–1913)], Moscow, 250.
5. Ioann (Sokolov), ep. 1851. Opyt kursa tserkovnogo zakonovedeniia [The church jurisprudence course experience]. Vol. 1. Saint-Petersburg, 514.
6. Ioann (Sokolov), ep. 1851. Opyt kursa tserkovnogo zakonovedeniia [The church jurisprudence course experience]. Vol. 2. Saint-Petersburg, 592.
7. Otchet o deiatel'nosti Obshchestva Liubitelei Dukhovnogo Prosveshcheniia za 1882–83 god [The report on the activities of the Society of Spiritual Enlightenment for 1882–1883]. Moscow, 1883.
8. Otchet o deiatel'nosti Obshchestva Liubitelei Dukhovnogo Prosveshcheniia za 1883–84 god [The report on the activities of the Society of Spiritual Enlightenment for 1883–1884]. Moscow, 1884.
9. Pravila Sviatykh Apostol, Sviatykh Soborov, Vselenskikh i Pomestnykh, i Sviatykh Otets s tolkovaniiami. Izdanie Moskovskogo Obshchestva liubitelei dukhovnogo prosveshcheniia [The Apostolic Canons, the Rules of the Ecumenical and Local Councils and Holy Fathers with Interpretations. Publication of the Moscow Society of Spiritual Enlightenment]. Moscow, 1876. 2434.
10. Sokolov N.K. 1874. Iz leksiï po tserkovnomu pravu [From lectures on the canon law]. Vyp. 1. Moscow, 200.
11. Sokolov N.K. 1875. Iz leksiï po tserkovnomu pravu [From lectures on the canon law]. Vyp. 2. Moscow, 355.
12. Solov'ev I.E. 1889. Obshchestvo Liubitelei Dukhovnogo Prosveshcheniia za dvadtsat' piat' let svoego sushchestvovaniia (1863–1888 g.) [The Society of Spiritual Enlightenment for the twenty-five years of its existence (1863–1888)]. Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniia. 1: 13–25.
13. Suvorov N.S. 1889–1890. Kurs tserkovnogo prava. Iaroslavl' [The course of the canon law]. Yaroslavl, 369

14. Sukhova N.Iu. 2010. Zapiski sviatitelei Innokentii (Borisova) i Filareta (Drozdova) o dukhovnykh shkolakh. Filaretovskii al'manakh [Notes of St. Innocent (Borisov) and Filaret (Drozdov) about theological schools]. 6: 43–91.

15. Sukhova N.Iu. 2017. Sviatitel' Filaret i dukhovno-uchebnye reformy 1860-kh gg.: zagadki neponimaniia. Filaretovskii al'manakh [St. Philaret and the spiritual and educational reforms of the 1860s: the mysteries of misunderstanding]. 13: 122–139.

16. Chteniia v Obshchestve Liubitelei Dukhovnogo Prosveshcheniia [Readings in the Society of Spiritual Enlightenment]. 1888. V–VI (in Russian).

17. Chteniia v Obshchestve Liubitelei Dukhovnogo Prosveshcheniia [Readings in the Society of Spiritual Enlightenment]. 1888. okt. – noiab (in Russian).

18. Chteniia v Obshchestve Liubitelei Dukhovnogo Prosveshcheniia [Readings in the Society of Spiritual Enlightenment]. 1910. ianvar' (in Russian).

Ссылка для цитирования статьи

Reference to article

Копылова Е.А. «Правила Святых Апостол, Святых Соборов Вселенских и Поместных и Святых Отец с толкованиями»: история создания. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2019. Т. 46. № 3. С. 490–498. doi: 10.18413/2075-4458-2019-46-3-490-498

Kopylova E.A. «The Apostolic Canons, the Rules of the Ecumenical and Local Councils and Holy Fathers with interpretations: publication experience». Belgorod State University Scientific Bulletin. History. Political Science. 2019. V. 46. № 3. P. 490–498. doi: 10.18413/2075-4458-2019-46-3-490-498

УДК 94(47).05

DOI 10.18413/2075-4458-2019-46-3-499-506

**КЛЕВЕТА И ОСКОРБЛЕНИЕ В ОТРАЖЕНИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
О ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВЕ РОССИЙСКОГО ДВОРЯНСТВА
КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XX ВВ.**

**SLANDER AND INSULT IN REFLECTING THE REPRESENTATIONS
OF THE HONOR AND DIGNITY OF THE RUSSIAN NOBILITY
AT THE END OF THE XVIII – THE BEGINNING OF THE XX CENTURIES**

**А.А. Киященко
A.A. Kiyashchenko**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: alexey_kiya93@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы внутрисословной коммуникации среди дворянства конца XVIII – начала XX вв., касающиеся повседневных правил поведения, норм, которые затрагивают феномен такой нравственно-этической категории как честь. В исследовании основное внимание обращено на такие формы унижения дворянской чести, как оскорбление и клевета, проиллюстрированы возможные способы защиты попорченной чести, рассмотрены конкретные примеры судебных дел и дуэльных поединков. На основе, как архивных данных, так и материалов современных работ, установлены разновидности и степени оскорблений, порядок взаимодействия оскорбителя и оскорблённого, а главное – реакция дворянского общества на отказ от защиты и восстановления чести и достоинства. Изучение аксиологической стороны дворянской повседневности целесообразно для формирования целостного представления о менталитете представителей благородного сословия России и их дальнейшего влияния на все сферы жизни Российской империи.

Abstract

The article deals with the issues of intra-divisional communication among the nobility of the end of XVIII and the beginning of XX centuries concerning the everyday rules of behavior, norms that affect the phenomenon of the moral and ethical category of honor. The study focuses on such forms of humiliation of noble honor as insult and slander, illustrates possible ways to protect the trampled honor, and specific examples of court cases and dueling fights. On the basis of both archival data and materials of modern works, the types and degrees of insults, the order of interaction between the offender and the offended, and, most importantly, the reaction of the noble society to the rejection of protection and restoration of honor and dignity were established. Studying the axiological side of a noble's everyday life is advisable to form a holistic view of the mentality of representatives of the noble class of Russia and their further influence on all spheres of life of the Russian Empire.

Ключевые слова: дворянство, честь, оскорбление, дуэль, благородство.

Key words: nobility, honor, abuse, duel, nobleness.

Период середины XVIII – начала XX вв. – время доминирования дворянского сословия в общественной жизни Российской империи. Только представители этого сословия имели право называть себя благородными. Согласно «Жалованной грамоте дворянства»:

«Дворянское название есть следствие, истекающее от качества и добродетели, начальствовавших в древности мужей, отличивших себя заслугами, чем обращая самую службу в достоинство, приобрели потомству своему нарицание благородное» [Грамота на права..., с. 26]. Этот благородный статус был закреплён законодательно, и идея принадлежности к сословной элите прививалась «дворянским недорослям» с младых ногтей. Дворянские привилегии укрепляли осознание своей сословной исключительности.

Так, Манифест о даровании вольности и свободы всему российскому дворянству от 18 февраля 1762 года избавил дворян от обязательной государственной службы: «...отныне впредь на вечные времена и в потомственные роды жалуем всему российскому благородному дворянству вольность и свободу...» [Манифест..., с. 189–191]. Жалованная грамота дворянству 1785 года к этому праву добавила право сословного самоуправления: «Нашим верноподданным дворянам жалуем дозволение собираться в той губернии, где жительство имеют, и составлять дворянское общество в каждом наместничестве» [Грамота на права..., с. 32], отмену телесных наказаний: «телесное наказание да не коснётся до благородного» [Грамота на права..., с. 28], а также подтвердила прежние имущественные права: «покупать деревни, оптом продавать, что в деревнях родится или рукоделием производится, иметь фабрики и заводы по деревням» [Грамота на права..., с. 31] и право монопольного владения крестьянами.

Эти обстоятельства не могли не сказаться на изменении социально-психологических установок представителей благородного сословия. Ещё в начале XVIII в., по мнению Б.Н. Миронова, дворянство обладало всеми признаками государственного крепостного состояния. Все дворяне были обязаны нести государственную службу, военную или гражданскую, начиная с 15 лет и непременно с самого низшего ранга, в армии – с солдата. Служба была бессрочной – до болезни или смерти [Миронов, 2000, с. 361]. Дворяне не освобождались и от телесного наказания и терпели розги, палки и плети наравне с «подлыми людьми». За некоторые виды преступлений помещик мог быть наказан битьём батогами, кнутом, отсечением пальцев, рук, ушей, языка, а также в любой момент лишён состояния и исключён со службы [Янченко, 2012, с. 139]. Однако к концу XVIII века в результате продворянской политики российских императоров, самосознание благородных существенно трансформируется. Изменяются моральные установки дворян: начинают цениться такие качества, как свобода, честь и честность, благородство. Чувство сословной исключительности становится ярко выраженной доминантой дворянского мировоззрения. Современники видели в этом и обратную сторону. В частности, И.А. Крылов выразил эту помещичью установку следующими словами: «С самого начала, как станешь себя помнить, затверди, что ты дворянин и, следовательно, что ты родился только поесть тот хлеб, который посеют свои крестьяне; словом, вообрази, что ты счастливый трутень, у коего не обгрызают крыльев» [Крылов, 1958, с. 27].

Сословная исключительность дворянства, зафиксированная законодательно и генерированная вековыми традициями, выработала особый нравственный кодекс, характерный для широкого круга представителей высшего сословия [Шаповалов, 2014, с. 427]. Он наиболее известен под понятием «дворянской чести». В одном из первых отечественных толковых словарей, шеститомном «Словаре Академии Российской», выпущенном в 1789–1794 гг., даётся следующее разъяснение этого понятия: «Почтение, уважение; внутреннее убеждение о преимущественном достоинстве чем либо» и «Слава, достопопечтенное имя, приобретаемое преимущественными качествами, отменными деяниями и другими отличиями» [Словарь Академии Российской, 1794, с. 726]. Здесь же даётся характеристика таким понятиям, как «бесчестье» и «бесчестный». В первом случае это «позор, срам, стыд», а во втором – «недобросовестный, неправодушный, срамный, позорный, чуждый честности» [Словарь Академии Российской, 1794, с. 728].

Авторы словаря неслучайно так подробно остановили своё внимание на «бесчестии». Именно бесчестие считалось самым страшным позором для любого дворянина, по сути, лишившим его статуса благородного. Оно заставляло действовать всеми возможными способами

для того, чтобы вернуть утраченную честь и репутацию. Поэтому действия, которые могли повлечь бесчестье, со стороны дворянства контролировались и строго пресекались. Особенно остро дворяне реагировали на такие виды нарушения чести, как оскорбление и клевета. Это не являлось исключительной нравственной реакцией русского дворянства, а уходило глубокими корнями в эпоху рыцарства, а оттуда стало общеевропейской реакцией благородного сословия.

На первый взгляд оскорбление и клевета – синонимы, но оскорблением считали унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме [Омельченко, 2008, с. 318]. Оно могло быть нанесено на словах, письменно или действием [Дурасов, 1912, с. 14]. Клевета в отличие от оскорбления не предполагает неприличную форму, а её главной особенностью является распространение ложных сведений в любой форме [Бугаец, 2000, с. 230]. Причём эти сведения должны касаться конкретных фактов и подрывать честь и достоинство человека. В словаре Церковно-славянского и русского языка, изданном в 1844 году, даётся такое определение клеветы – ложь, помрачающая честь и доброе имя человека [Словарь..., 1847, с. 176]. Причём клеветать значило ложно обвинять в чём-либо, заочно возводить на кого-либо зловредную ложь [там же], а оскорблять – раздражать несправедливыми словами и поступками, обижать [Словарь..., 1847, с. 82]. Именно так понимали дворяне клевету и оскорбление.

В то же время необходимо подчеркнуть, что степень восприятия дворянином вышеописанных понятий резко ослабевала по мере его внутрисословной деградации. От высшей аристократии к мелкопоместному дворянству наблюдалась последовательная деформация нравственно-этических ориентиров, связанных с оскорблением, клеветой и бесчестьем в целом. Особенно это было заметно на бытовом уровне, где моральные установки, личные претензии сословного характера резко контрастировали у мелкопоместного владельца с его материальным статусом [Шаповалов, 2014, с. 428].

Эта страта по многим своим качествам и психосоциальным воззрениям была близка к крестьянству, с которым очень тесно соприкасалась. По мнению И.В. Истоминой, среди мелкопоместных дело часто доходило до драк, выбивания зубов и откровенной ругани, но так как представления о чести в данном кругу были существенно размыты, это редко воспринималось как оскорбление и клевета, а становилось чем-то вроде обычного порядка вещей в помещичьей повседневности [Истомина, 2013, с. 94]. Тем не менее даже в мелкопоместной страте, которая всеми силами старалась подражать богатому и родовитому дворянству, имели место судебные процессы, связанные с очернением дворянской чести. Вместе с тем жалобы как мелких, так средних и крупных дворян рассматривали в одних и тех же сословных судах, поэтому юридически все помещики были равны, вне зависимости от страты, к которой они принадлежали.

Именно поэтому и мелкопоместные, и средне- крупнопоместные дворяне должны были следовать единым правилам поведения при получении оскорбления, имея отрегулированный порядок действий. Эти правила окончательно оформились в виде дуэльных кодексов, наиболее полно изданных в начале XX века, но не имевших официального правового статуса. Одним из них, наиболее известным и уважаемым в дворянской среде, стал кодекс Василия Дурасова. Именно там детально раскрывалось понятия чести, оскорбления и порядок сатисфакции – защиты попорченной чести.

Согласно дуэльному кодексу Василия Дурасова, оскорбление имело три степени тяжести: оскорбление простое или первой степени; оскорбление тяжкое или второй степени; оскорбление действием или третьей степени [Дурасов, 1912, с. 14]. Оскорбления первой степени были направлены против самолюбия, не затрагивая честь, это могли быть нарушения вежливости, несоблюдение известных обязанностей относительно лица, исполнение которых последнее вправе ожидать [Дурасов, 1912, с. 15]. Примером такого оскорбления можно назвать ссору двух генералов: П.Д. Киселёва и И.Н. Мордвинова [Гордин, 1997, с. 42]. Киселёв являлся начальником штаба 2-й армии, дислоцированной в Молдавии. Генерал, известный либерал и сторонник реформ, стремился избавиться от старого командования и открыть дорогу близким себе людям [там же]. Одним из таких

старых генералов стал Иван Мордвинов, лишившийся поста командира бригады. Поводом послужило донесение дивизионного генерала Корнилова, о чём Киселёв заявил во время личной беседы с Мордвиновым. Однако сам Корнилов позже солгал Мордвинову, что никакого донесения Киселёву не подавал. В итоге оскорблённый Мордвинов вызвал Павла Дмитриевича на дуэль, во время которой был убит выстрелом в живот.

Оскорбления второй степени, которые также можно назвать оскорблениями словом, были направлены против чести или достоинства лица, это были: диффамация, оскорбительные жесты, не переходящие в область оскорбления действием [Дурасов, 1912, с. 15]. Самыми распространёнными словами, имевшими хождение в речи русских аристократов, были: болван, идиот, мерзавец, оборванец, остолоп, подлец, шантрапа, шваль, шельма. Среди архивных материалов присутствует немало дел, относящихся к этой категории оскорблений. Так, майор Яков Тимофеев оскорбил дворянского заседателя Кобелева, произнеся «вредные чести его слова»¹. Похожим делом можно считать жалобу 1797 года ливенского помещика Ивана Елисеенко, которому другой помещик Гаврила Фаустов пообещал «распороть рот, дабы молчал», вдобавок к этому «кричал и замахивался бить палкой»².

К оскорблениям этого типа также можно отнести дело о дуэли между известным бретером Ф.И. Толстым-Американцем и молодым офицером А.И. Нарышкиным [Парчевский, 1998, с. 88–89]. Несколько офицеров собрались у графа Ф.И. Толстого на вечер. Стали играть в карты. Покупая карту, Нарышкин сказал графу Толстому: «дай туза». Толстой положил карты, засучил рукава рубахи и, выставя кулаки, возразил с улыбкой: «Изволь». Это была шутка, но неразборчивая, игра слов: «дать туза» означает ещё «ударить, тузить». И Нарышкин обиделся грубым каламбуром, бросил карты и, сказав: «Постой же, я дам тебе туза!», вышел из комнаты. Мы употребили все средства, чтобы успокоить Нарышкина и даже убедили Ф.И. извиниться и письменно объявить, что он не имел намерения оскорбить его, но Нарышкин был непреклонен и хотел непременно стреляться. Противники встали на место, Толстой выстрелил и попал в бок Нарышкину. Рана была смертельной; Нарышкин умер на третий день [Парчевский, 1998, с. 88–89].

Оскорбления второй степени включали в свой состав также клевету, распространение порочащих и заведомо ложных сведений. К одним из таких дел относится процесс 1782 года помещика И.И. Киреевского, который назвал вором городничего А.Н. Михельсона, хотя никаких свидетельств об этом не предоставил³. Также исследователи в области истории и литературы обращают внимание на серьёзный конфликт между А.С. Пушкиным и графом Ф.И. Толстым-Американцем [Парчевский, 1998, с. 93]. Граф распустил слух, будто бы поэта высекли в Тайной Канцелярии. Разгневанный Пушкин сразу же вызвал графа на дуэль, так как в представлении благородного такая клевета была тягчайшим и незаслуженным оскорблением.

Но более примечательно дело об оскорблении И.Н. Мещерского Л.П. Батезатулом от 1907 года, которое ярко иллюстрирует как поведение оскорбителя, так и ответные действия оскорблённого лица. Этот процесс позволяет проследить в деталях сам акт оскорбления, а затем сам процесс отстаивания чести и доброго имени. Дело явилось следствием конфликта между князем Иваном Николаевичем Мещерским и фатежским помещиком Львом Петровичем Батезатулом. Последний «позволил себе огласить о ... князе Мещерском... такие обстоятельства, которые могут повредить его чести и достоинству и кроме того, в той же статье поместил о князе Мещерском оскорбительный отзыв, заключающий в себе злословие и брань»⁴. Но дело оказалось намного глубже. В газете «Курская быль» от 15 ноября 1907 года мы как раз и находим ту самую статью Батезатула, которая вынудила истца искать защиты попорченной чести в суде.

Приведём отрывок, отличающийся весьма интересными сведениями: «Один помещик нашего уезда, Церемониймейстер Высочайшего Двора князь М., подал в суд жалобу

¹ Государственный Архив Курской Области (далее ГАКО). Ф. 1638. Оп. 2. Д. 64. Л. 3.

² ГАКО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 342. Л. 1.

³ Там же. Д. 86, Л. 1.

⁴ Там же. Ф. 421. Оп. 1. Д. 66. Л. 1.

на помещика же нашего уезда Льва Петровича Батезатул, что будто бы последний завладел его землёй. Суд князю М. в иске отказал, признав, что Батезатул владеет только тою землёю, которая испокон века была во владении Батезатул. После такого решения суда Князь М. 9-го сего ноября с вооружёнными топорами толпою пьяных крестьян села Миролюбово и деревни Милаковки пошёл во главе рубить лес, растущий на земле Батезатул, владение которой судом князю М. было отказано.

Когда эта толпа мужиков под предводительством самого Церемониймейстера Высочайшего Двора явилась и начала рубить сплошь лес... на место разбоя явился приказчик и полицейские стражники из имеющейся при имении охранной стражи... стражники даже объявили, что если не прекратят рубку, то они будут стрелять. С самой площадной бранью Церемониймейстер Высочайшего Двора князь М., вместе с пьяными мужиками бросился было на приказчика и стражников имения Батезатул, но когда последние взяли ружья и прицелились, то вся эта разбойничья шайка вместе со своим сиятельным атаманом отступила за межу, пуская оттуда залпы самой неприличной брани» [Корреспонденция из Фатежа, 1907, с. 2].

И, наконец, оскорбления третьей степени считались самой резкой манерой межличностной коммуникации и представляли собой неприемлемые физически действия по отношению к оскорбленному: удар в лицо, порча одежды, бросание предметов, пощёчина, плевки [Дурасов, 1912, с. 16–17].

В качестве примера таких дел мы можем привести судебный процесс 1782 года между тимскими дворянами А.Н. Михельсоном и И.И. Киреевским. Причиной иска послужило то, что Киреевский нанёс пощёчину Михельсону, тем самым нанеся последнему бесчестье¹. А далее добавил ещё несколько ударов по зубам уже кулаком. Также мы можем упомянуть процесс 1866 г. над Николаем Звягинцевым, который за удар в лицо коллежского секретаря Николая Яковлева пошёл под суд². Во время судебного процесса истца интересовало главным образом восстановление попорченной чести и репутации, нежели компенсация за физический ущерб, который в данном случае был вторичным по отношению к ущербу моральному. Наконец, стоит отметить дело помещика Колошина 1866 года, который ограбил и избил щигровского помещика Денисова³. Тяжесть содеянного ухудшало то, что Колошин являлся опекуном Денисова.

Нанесение либо получение оскорблений женщиной-дворянкой оценивались несколько иначе с точки зрения понятий чести. Так, дуэльный кодекс Дурасова гласил: «Тяжесть оскорбления, нанесенного женщине, повышается на одну степень. Оскорбление первой степени, нанесенное женщине, равносильно оскорблению второй степени, а оскорбление второй степени – третьей», а также «Все оскорбления, нанесенные женщиной, считаются оскорблениями первой степени» [Дурасов, 1912, с. 18].

Один из подобных случаев – разбирательство между капитаншей Анной Жилиевой и дворянкой-вдовой Авдотьей Звягинцовой в 1780 г. по обвинению в клевете⁴. Примечательно то, что капитанша обвинила вдову в «писанном бесчестии» и в том, что это бесчестие было напрасно. Следующим судебным подобным процессом, где, по мнению истца, ему было нанесено оскорбление, можно считать дело по жалобе А.П. Мужланова на своих сестёр. Семейный конфликт, который возник главным образом из-за раздела имущества умершего брата, перерос в полноценную тяжбу, где, помимо всего прочего, была затронута честь⁵. Именно так А.П. Мужланов назвал желание своей сестры обнародовать на суде, что он «не упражнялся в чтении законов» и «не понимал содержания оных».

Иллюстрацией тяжёлых последствий оскорбления, нанесённого женщине, служит факт дуэли поручика Константина Чернова и флигель-адъютанта Владимира Новосильцева [Гордин, 1997, с. 69–70]. Новосильцев влюбился в сестру Чернова, Екатерину, и попросил

¹ ГАКО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 86. Л. 1.

² Там же. Ф. 60. Оп. 1. Д. 336. Л. 1–2.

³ Там же. Д. 332. Л. 1–2.

⁴ ГАКО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 15. Л. 7.

⁵ Там же. Д. 49. Л. 88.

её руки, на что получил согласие. О предстоящей свадьбе было широко известно в обществе. Однако мать жениха воспротивилась браку из-за скромного и недостаточно родовитого происхождения невесты (Новосильцевы являлись представителями родовой аристократии, тогда как Черновы были мелкопоместными дворянами). Новосильцев стал оттягивать свадьбу, из-за чего Константин Чернов, считая свою сестру оскорблённой, вызвал жениха на дуэль. В результате оба дуэлянта были смертельно ранены и позже скончались.

Оскорбления любой степени обязательно должны были подлежать удовлетворению. В противном случае оскорблённый дворянин признавал своё бесчестие. Так, помещик Пётр Николаевич Старов, считая, что уездный предводитель дворянства Николай Егорович Гангардт мстит ему за высказывания, писал: «я слышал, что будто бы предан суду за выражение моё, что он, Корочанский Уездный Предводитель Дворянства Гангардт, уклонился от благородства. По справедливости, то до сего времени можно бы о том потребовать от меня объяснение. А как его не требовали, то я заключаю, что и это несправедливо»¹. То есть Гангардт публично не ответил на высказывание об «уклонении от благородства», но потом начал вести бесчестную борьбу со Старовым и мстить ему.

С точки зрения дворянских ценностей, Гангардт должен был вызвать Старова на дуэль либо обратиться в суд с заявлением о клевете. Судебное разбирательство считалось официально приемлемым способом отстаивания чести, но было менее одобряемым дворянами. До второй трети XIX века именно дуэль являлась наиболее соответствующим для дворянина средством восстановления попранной чести. Обращение в суд лишало права вызова на дуэль [Дурасов, 1912, с. 36]. А уклонение от дуэли считалось позором и навлекло бесчестие на уклониста вплоть до конца жизни.

В качестве иллюстрации отношения дворян к отказам от сатисфакции мы можем привести примеры из классической литературы. Так, А.С. Пушкин в своей небольшой повести «На углу маленькой площади» в черновом варианте упомянул такую фразу в адрес одного из героев: «Это брат его, князь Павел, мерзавец отъявленный. – А, знаю, тот, который получил когда-то пощечину и не дрался» [Гордин, 1997, с. 24]. Другой пример – произведение Л.Н. Толстого «Юность», в котором мы встречаем одного из героев – Колпикова, который был подвергнут остракизму со стороны своих однополчан за то, что, получив пощечину, отказался драться на дуэли: «Да это тот самый! – сказал он, – можешь себе представить, что этот Колпиков известный негодяй, шулер, а главное, трус, выгнан товарищами из полка за то, что получил пощечину и не хотел драться» [Толстой, 1988, с. 116]. Ведь с точки зрения дворянского самосознания, Колпиков утратил честь и не мог рассматриваться в приличном обществе как равный. И, наконец, в другой пушкинской повести «Выстрел» мы также можем наблюдать реакцию молодых дворян на отказ Сильвио, одного из героев, вызвать на дуэль своего обидчика, Графа Р.: «Мы с удивлением спрашивали: неужели Сильвио не будет драться? Сильвио не дрался. Он довольствовался очень лёгким объяснением и помирился. Это было чрезвычайно повредило ему во мнении молодёжи» [Пушкин, 1987, с. 50].

Однако необходимо отметить, что обязательное требование сатисфакции за нанесённое оскорбление и бесчестие распространялось только на представителей дворянского сословия и не касалось неблагородных. Дуэльный кодекс Василия Дурасова уже в первой статье определяет: «Дуэль может и должна происходить только между равными. Лицо, стоящее ниже другого, может только нарушить его право, но не оскорбить его. Поэтому дуэль, как отомщение за нанесенное оскорбление, возможна и допустима только между лицами равного, благородного происхождения. В противном случае дуэль недопустима и является аномалией, вторгаясь в область судебной компетенции» [Дурасов, 1912, с. 13]. Если же последует оскорбление дворянина со стороны разночинца, то следует отстаивать попранную честь исключительно в судебном порядке.

Таким образом, честь, достоинство и репутация – оценочные и связанные между собой нравственные категории. Именно поэтому преступления против чести и достоинства

¹ ГАКО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 103. Л. 3.

одновременно включают в себя два состава: клевету и оскорбление, отличаясь друг от друга по способу унижения дворянского достоинства. Честь исполняла роль своеобразного регулятора общественных отношений в дворянской среде, служа неким индикатором принадлежности к благородному сословию. Благодаря замкнутости дворянского сословия практически все его члены соблюдали особые правила поведения. Поэтому, если задевалась честь, каждый уважающий себя дворянин становился к барьеру и даже, несмотря на страх быть убитым, вёл себя достойно. А отказавшиеся от защиты своей чести и достоинства покрывали себя позором и становились посмешищем в глазах общества [Ткаченко, 2004, с. 139–140]. Исключение составляли оскорбления со стороны представителей неблагородных сословий, с которыми отстаивать попорченную честь требовалось только в судебном порядке.

Список литературы

1. Бугаец А.А. Клевета и оскорбление: почему молчит уголовный кодекс, 2000. Юрислингвистика. 2: 229–234.
2. Гордин Я.А. 1997. Дуэли и дуэлянты: Панорама столичной жизни. СПб., Издательство Пушкинского фонда: 24–70.
3. Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства. 1987. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма. Отв. ред. Е.И. Индова. М., Юридическая литература: 23–53.
4. Дурасов В. 1912. Дуэльный кодекс. СПб., Сириус, 14–36.
5. Истомина И.В. 2013. Мелкопоместное дворянство Европейской России в 50–90-е гг. XIX века. Дисс. ... канд. ист. наук. Белгород, 94.
6. Корреспонденция из Фатежа. 1907. Курская быль. 2: 248.
7. Крылов И.А. 1958. Мысли философа по моде, или способ казаться разумным, не имея ни капли разума. М., Госполитиздат, 24–30.
8. Манифест о даровании вольности и свободы всему российскому дворянству. Полное собрание законов Российской империи, Т. XV. 11444. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 189–191.
9. Миронов Б. Н. 2003. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. Т. 1, 3-е изд., испр., доп. СПб., Дмитрий Буланин, 361.
10. Омельченко С.С. 2008. Объективные признаки состава оскорбления. Актуальные проблемы российского права. 3: 318–324.
11. Парчевский Г.Ф. 1998. Карты и картёжники: Панорама столичной жизни. СПб., Издательство «Пушкинского фонда», 88–93.
12. Пушкин А.С. 1987. Выстрел. Сочинения в 3-х т., Т.3. Проза. М., Худож. лит., 48–58.
13. Словарь Академии Российской. 1794. В 6 частях, Часть VI (Отъ Т. до конца). СПб., Императорская Академия Наук, 726–728.
14. Словарь Церковно-Славянского и Русского языка. 1847. Том II (З–Н). СПб., Типография Императорской Академии наук, 176.
15. Словарь Церковно-Славянского и Русского языка. 1847. Том III (О–П). СПб., Типография Императорской Академии наук, 82.
16. Ткаченко О.В. 2004. Феномен чести в европейской и русской культуре. Дисс. ... канд. философ. наук. Ростов на Дону, 139–140.
17. Толстой Л.Н. 1988. Детство; Отрочество; Юность, М., Просвещение, 116.
18. Шаповалов В.А. 2014. Поместное дворянство Европейской России в 50–90-е гг. XIX века (по материалам центрально-черноземных губерний). Белгород, ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 427–428.
19. Янченко Е.Е. 2012. Наказания военнослужащих за преступления в дореволюционной Руси. Общество и право. 2: 139.

References

1. Bugaec A.A. Kleveta i oskorblenie: pochemu molchit ugolovnyj kodeks. [Defamation and insult: why the criminal code is silent] 2000. YUrislingvistika. 2: 229–234.
2. GordinJa.A. 1997. Dujeli i dujeljanty: Panorama stolichnoj zhizni. [Duels and duelists: Panorama of Metropolitan Life]. Saint-Petersburg, Izda-tel'stvo Pushkinskogo fonda: 24–70.

3. Gramota na prava, vol'nosti i preimushhestva blagorodnogo rossijskogo dvorjanstva. [The Charter on the rights, liberties and advantages of noble Russian nobility] 1987. Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vv.: v 9 t. T.5. Zakonodatel'stvo perioda rascveta absoljutzizma. Otv. red. E.I. Indova. Moscow, Juridicheskaja literatura: 23–53.
4. Durasov V. 1912. Dujel'nyj kodeks. [Duel Code] Saint-Petersburg, Sirius, 14–36.
5. Istomina I.V. 2013. Melkopomestnoe dvorjanstvo Evropejskoj Rossii v 50–90-e gg. XIX veka. [Small landed gentry of European Russia in the 50–90-ies. of XIX century.] Diss. ... kand. ist. nauk. Belgorod, 94.
6. Korrespondencija iz Fatezha. [Correspondence from Fatezh] 1907. Kurskaja byl'. 248: 2.
7. Krylov I.A. 1958. Mysli filozofa po mode, ili sposob kazat'sja razumnym, ne imeja ni kapli razuma. [Thoughts of the philosopher in fashion, or a way to seem reasonable, not having a drop of reason]. Moscow, Gospolitizdat, 24–30.
8. Manifest o darovanii vol'nosti i svobody vsemu rossijskomu dvorjanstvu. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii, T. XV. 11444. [The manifesto on the granting of liberty and freedom to the entire Russian nobility. The complete collection of laws of the Russian Empire, T. XV. 11444.] II Otdelenija Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kanceljarii, 189–191.
9. Mironov B. N. 2003. Social'naja istorija Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): V 2 t. T. 1, 3-e izd., ispr., dop. [The social history of Russia in the period of the empire (XVIII – early XX century): In 2 volumes. T. 1, 3rd ed., Rev., ext.]. Saint-Petersburg, Dmitrij Bulanin, 361.
10. Omel'chenko S.S. 2008. Ob'ektivnye priznaki sostava oskorblenija. [Objective signs of the composition of the insult.] Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 3: 318–324.
11. Parchevskij G.F. 1998. Karty i kartjozhniki: Panorama stolichnoj zhizni. [Cards and card players: Panorama of life in the capital]. Saint-Petersburg, Izdatel'stvo «Pushkinskogo fonda», 88–93.
12. Pushkin A.S. 1987. Vystrel. Sochinenija v 3-h t., T. 3. Proza., [Shot. Works in 3 tons., V. 3. Prose]. Moscow, Hudozh. lit., 48–58.
13. Slovar' Akademii Rossijskoj. 1794. V 6 chastjah, Chast' VI (Ot' T. do konca). [Dictionary of the Russian Academy. 1794. In 6 parts, Part VI (From T. to the end)]. Saint-Petersburg, Imperatorskaja Akademiya Nauk, 726–728.
14. Slovar' Cerkovno-Slavjanskogo i Russkogo jazyka. 1847. Tom II (Z–N). [Dictionary of Church Slavonic and Russian. 1847. Volume II (Z-N)]. Saint-Petersburg, Tipografija Imperatorskoj Akademii nauk, 176.
15. Slovar' Cerkovno-Slavjanskogo i Russkogo jazyka. 1847. Tom III (O–P). [Dictionary of Church Slavonic and Russian. 1847. Volume III (O-P)]. Saint-Petersburg, Tipografija Imperatorskoj Akademii nauk, 82.
16. Tkachenko O.V. 2004. Fenomen chesti v evropejskoj i russkoj kul'ture [The phenomenon of honor in European and Russian culture]. Diss. ... cand. philosopher. science. Rostov na Donu, 139–140.
17. Tolstoj L.N. 1988. Detstvo; Otrochestvo; Junost', [Childhood; Adolescence; Juvenescence]. Moscow, Prosveshhenie, 116.
18. Shapovalov V.A. 2014. Pomestnoe dvorjanstvo Evropejskoj Rossii v 50–90-e gg. XIX veka (po materialam central'no-chernozemnyh gubernij) [Local nobility of European Russia in the 50–90-ies. XIX century (on materials of the central black earth provinces)]. Belgorod, ID «Belgorod» NIU «BelGU», 427–428.
19. Janchenko E.E. 2012. Nakazaniya voennosluzhashhih za prestuplenija v dorevoljucionnoj Rusi. [Punishment of soldiers for crimes in pre-revolutionary Russia]. Obshestvo i pravo. 2: 139.

Ссылка для цитирования статьи **Reference to article**

Киященко А.А. Клевета и оскорбление в отражении представлений о чести и достоинстве российского дворянства конца XVIII – начала XX вв. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2019. Т. 46. № 3. С. 499–506. doi: 10.18413/2075-4458-2019-46-3-499-506

Kiyashchenko A.A. Slander and insult in reflecting the representations of the honor and dignity of the Russian nobility at the end of the XVIII – the beginning of the XX centuries. Belgorod State University Scientific Bulletin. History. Political Science. 2019. V 46. № 3. P. 499–506. doi: 10.18413/2075-4458-2019-46-3-499-506

УДК 93.1

DOI 10.18413/2075-4458-2019-46-3-507-515

**ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
ДВОРЯНСТВА И КУПЕЧЕСТВА В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД
В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО РАКУРСА****TRANSFORMATION OF NOBLES AND MERCHANTS' RELATIONS DURING
THE POST-REFORM PERIOD IN SOCIO-PSYCHOLOGICAL CONTEXT****Д.С. Гудов
D.C. Gudov**Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: 722322@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье рассматривается трансформация социальных отношений представителей дворянства и купечества в пореформенный период. Особое внимание уделено социально-психологическому аспекту в данных взаимоотношениях, так как социально-экономические изменения пореформенного периода оказали сильное влияние на социальную психологию всех сословий российского общества. Следует считать, что вторая половина XIX века стала переломной как в сознании дворянства, так и купечества, в сложившихся реалиях оба сословия выстраивали новую модель социальных взаимоотношений, которая кардинально отличалась от прежней. Так, уже начиная с 70–80 годов XIX века социально-психологические границы сословной структуры Российского общества в рамках капитализации если не исчезают полностью, то уже перестают быть такими непроходимыми. Таким образом, в статье рассмотрен процесс социально-психологического сближения представителей буржуазного мира и дворянства.

Abstract

The article deals with the transformation of social relations of representatives of the nobility and merchants during the post-reform period. Particular attention is paid to the social and psychological aspects because of economic changes had a strong influence on the social psychology of all Russian classes. It should be considered the second half of the 19th century was a turning point, both in the minds of the nobles and the merchants. So they built a new model of social relations which was radically different from the previous one. Image to the merchants in the Russian society was ambiguous and sometimes negative but the socio-psychological boundaries of the Russian society because of capitalization could disappear completely. Particularly this problem is vividly illustrated by the memories of representatives of the nobility and merchants of 70–80 years of the 19th century. And by the end of the 19th century, we see a change in the socio-psychological orientations of both classes. Thus, the article describes the process of social-psychological rapprochement between representatives of the bourgeois world and the nobility in the 19th century.

Ключевые слова: дворянство, купечество, социальная психология, сословная исключительность, традиции.

Keywords: nobles, merchants, social psychology, class inequality, traditions.

Начиная с 1990-х годов в изучении процессов эволюции сословной структуры российского общества периода Российской империи появляются новые подходы. В центре

внимания исследователей становятся межсословные и внутрисословные отношения различных сословий Российской империи. Особенно актуальны данные тенденции при анализе переломных эпох, где одним из многих является пореформенный период. Именно в этот период, когда изменяются политические и социально-экономические ориентиры, сословные общности ищут новое место в изменяющихся реалиях. При этом у каждого сословия внутреннее соотношение традиций и новаций неравномерно, в каждом отдельном случае все зависит от влияния внешних и внутренних факторов.

Изменения в социальной структуре российского общества в начале пореформенного периода (60-е годы XIX века) не разрушили социально-психологическую обособленность между сословиями Российской империи. Социально-психологические особенности каждой отдельной сословной корпорации на протяжении веков подкреплялись законодательно и имели устойчивую форму. Такой порядок социальной стратификации не мог исчезнуть в короткий промежуток времени, это длительный и сложный процесс, который прослеживается на протяжении всей второй половины XIX века. На примере основных представителей дворянства и купечества отчетливо прослеживается такая тенденция. Для пореформенного дворянства социальная модернизация оказалась весьма болезненной, где в сложившихся социальных и экономических реалиях не все представители нашли свое место, а купечество напротив стремительно возвысилось в социальном и экономическом плане. Солидные капиталы, которыми владели купцы, давали возможность им претендовать на высокие места среди местной элиты, но факт недостатка образованности и их незнатного происхождения ставил психологические препятствия между ними и дворянством. Кроме того, столкновение на земельном рынке представителей данных сословий показало сложность эволюции их социальной психологии [Шаповалов и др., 2005].

Стоит отметить, что неприязнь, а временами и презрение представителей дворянства к купечеству было частым явлением в дореформенный период и имело устойчивую форму. Так, публицист И. Землянский отмечает, что купечество было по большей части не заинтересовано в получении образования, и примечательнее всего то, что чем состоятельнее купец, тем менее он думал о воспитании своих детей. По словам публициста, в купеческой среде на нравственное воспитание детей не обращали внимания, что, по его мнению, проявлялось в следующем: «старается поскорее посадить своего сынка в лавку, или магазин, и приучить его к самым бессовестным барышничеству и надувательству к торговле. Его могут радовать успехи его детища в торговле, т. е. надувательстве...» [Землянский, 1860, с. 30]. В своих воспоминаниях, опубликованных в периодических изданиях, княгиня Е.Р. Дашкова настолько сильно была против брака её сына на дочери купца, что прервала с ним любые контакты. Княгиня чрезвычайно гордилась своим знатным происхождением и не смогла смириться с тем, что её сын женился на незнатной девушке, дочери купца Алферова. Известие о свадьбе сына настолько сильно тронуло княгиню, что она занемогла нервной горячкой [Княгиня..., 1874, с. 411].

Другие авторы конца XIX – начала XX века подтверждают такую тенденцию. По словам П.А. Берлина, в дореформенный период «на купца смотрели не то, чтобы с презрением, а так, как-то чудно. Ты такой же мужик, как и все, только вот синий сюртук носишь, да и пообтесался немного между господами, а посадить обедать с собою вместе всё-таки нельзя – в салфетку сморкаешься» [Берлин, 1925, с. 14]. Авторы представленных воспоминаний отмечают, что в среде дворянства высокомерное отношение к купцам было распространенным явлением. Купечество в свою очередь, ощущая на себе неприязнь, порождало схожую реакцию. Представители купеческого сословия отмечают, что взаимоотношения купечества и дворянства сопровождалось недоверием, завистью и недоброжелательностью. Так крупный предприниматель Н. Вишняков писал, что повстречать «благородного» в купеческой среде было такой же редкостью, как купца в дворянском обществе. Интерес купечества к дворянскому сословию обычно ограничивался получением прибыли или иногда браком на представителе благородного сословия [Шаповалов, 2014, с. 455].

Архивные материалы Центрального Черноземья подтверждают, что в межличностных отношениях дворянства и купечества прослеживается неприязнь друг к другу. На материалах курской палаты суда и расправы за 1801 год было рассмотрено дело об оскорблении жены помещика коллежского регистратора М.Я. Изветкова курским купцом И.М. Ворноковым. По материалам дела стоит отметить презрение жены помещика к купеческому сословию, где она указывает на свое сословное превосходство и надменно выражается в адрес купца¹. Но были и отношения обратного порядка. В частности, в воспоминаниях М.С. Николевой стоит отметить интересный случай, когда её мать, оставшись без средств к существованию, попала на попечение к купчихам Шишковым, о которых упоминает только в положительном контексте. Сама М.С. Николева в своих воспоминаниях называет своим «хорошим знакомым» Е.Н. Булычева, который женат на Вяземской купчихе Гайдуковой [Черты..., 1893, с. 108–119]. Данные примеры являются малочисленными, и они не определяют доминирующую тенденцию.

В первые пореформенные годы характер межсословных взаимоотношений между дворянством и купечеством оставался прежним. Данное явление было закономерно, так как в структуре сословной иерархии Российского общества только представители дворянского сословия имели право называть себя благородными со всеми вытекающими правовыми основаниями. Базовым элементом, который скреплял психологию дворянства в нечто целостное, являлось осознание своей сословной исключительности. Это стало одним из социально-психологических препятствий в выстраивании социальных отношений представителей дворянства и купечества в пореформенный период. Сословная исключительность, закреплённая законодательно, выработала свой особый нравственный кодекс поведения, который наиболее известен под понятием «дворянская честь». Именно это придавало дворянству то чувство корпоративности, что в свою очередь за рамками сословной корпорации в повседневной жизни заставляло воспринимать дворянина как представителя особого, благородного сословия [Шаповалов и др., 2005].

Говоря о нравственных качествах дворянства, следует привести в пример из речи перед дворянскими выборами в Харьковской губернии, сказанной Макарием, епископом Харьковским и Ахтырским, в кафедральном соборе 25 сентября 1861 года. Он говорит следующее: «Я вижу людей благородных, для которых первая святыня – честь, первое дело – дело чести... Я вижу членов того государственного сословия, которое справедливо считается в нашем отечестве высшим, передовым, образованнейшим. А люди истинно образованные и просвещённые и, следовательно, более других умеющие ценить и свое личное нравственное достоинство, и достоинство своего звания, более других проникнутые сознанием своих обязанностей и способные возвышаться над мелкими расчётами самолюбия в пользу высших интересов, более других понимающие современные потребности своего сословия и всей страны» [Речь..., 1862, с. 7]. Также В.Г. Белинский писал, что именно дворянскому сословию дано право быть представителем российского общества, а также источником образования и нравственности [Белинский, 1955, с. 399]. Если вспомнить слова известного публициста М. Каткова, который может продолжить данную мысль: «Русское дворянство не отвлеченная формула, ни консервативная, ни либеральная: она живая принадлежность русского народа, то сословие, которое находится в теснейшей связи с его государственной жизнью. Да придёт Русское дворянство, как и в прошлые времена, живым звеном между царем и народом, честь которого оно составляет» [Катков, 1905, с. 63]. Рассмотрение различных аспектов данного явления прослеживается в отдельных исследованиях [Кулабухов, 1997; Шаповалов, 2014], где отмечается, что нравственный кодекс если не стоял выше существовавших правовых норм, но явно не уступал по своему значению. Таким образом, дворянство в России – это сословие, которое отличалось от других сословий не экономическими или политическими привилегиями, а в первую

¹ Государственный архив Курской области (далее ГАКО). Ф. 106. Оп. 1. Д. 96. Л. 12.

очередь превосходством духа, преимуществом человека по нравственным качествам, которые применялись в служении Отечеству.

Что касается купечества, то оно являлось единственным сословием для вступления, в которое необходимо было заплатить взнос, что было закреплено законодательными актами первой половины XIX века. Тем не менее внутри купеческого предпринимательского сословия сложилась своя собственная социальная психология, где в сословных кругах начинают цениться такие ценности, как непритязательность, рационализм и патриархальный уклад жизни. Отношение к купечеству в Российском обществе XIX века было неоднозначное, а порой и негативное, в особенности со стороны интеллигенции и дворянства. Еще Н. Бердяев писал по этому поводу следующее: «Россия – страна купцов, погруженных в тяжелую плотность стяжателей, консервативных до неподвижности» [Шаповалов и др., 2005].

В литературе XVIII–XIX веков также прослеживается идентичная тенденция, где образ купца прописан с негативной стороны: «протобестии», «надувалы морские», «самоварники», «аршинники». Сатира в отношении к личности предпринимательского типа прослеживается в произведениях М.Е. Салтыкова-Щедрина, Н.А. Некрасова, Н.Н. Плавильщикова, И.А. Крылова и других, но наиболее категорично это представлено у А.Н. Островского, большая часть работ которого посвящена изучению колоритного мира русского купечества, где купец изображается грубым, наглым, деспотичным, хитрым, необразованным. Такой образ русского купечества, наверное, не случайно Н.А. Добролюбов назвал «темным царством» [Вьюнов, 2002, с. 180].

В современных исследованиях социокультурный облик купечества особенно подробно рассматривался М.В. Брянцевым. В своём исследовании через массовые формы отражения общественного мнения, прежде всего в литературной традиции и периодической печати XVIII–XX веков, он отмечает, что личность предпринимательского типа не вписывалась в привычные нормы русской культуры. Это предопределило то неоднозначное отношение к купечеству, которое было свойственно русскому обществу [Брянцев, 2000]. Купеческая мемуарная литература также подтверждает данные выводы, так, например, А.П. Бурыйшкин отмечает, что в кругах дворянства и интеллигенции отношение к «толстосумам» было враждебное, а чаще всего насмешливое или немного «свысока» [Бурыйшкин, 1991, с. 11]. Видный драматург, публицист и предприниматель А.С. Ушаков в середине 1860-х годов с сожалением отмечает, что купец отечественными авторами представлен как «отребие» общества. Он также добавляет, что во многом в таком отношении виноваты сами купцы из-за недостатка образованности, светскости и чувства собственного достоинства [Ушаков, 1865, с. 76]. Таким образом, исходя из представленных примеров, можно сделать вывод, что социально-психологическая дистанцированность была характерна для дворянства и купечества. Чувство сословного превосходства, которое было характерно для представителей дворянства, становилось главным социально-психологическим препятствием в выстраивании межсословных отношений с купечеством. Дворяне считали недостойным иметь дело с купцами и старались избегать таких связей, в «высшем обществе» такие связи осуждались или даже презирались.

Главным фактором преодоления таких социально-психологических барьеров стала экономическая заинтересованность взаимного сотрудничества. Современные исследователи, рассматривая проблему социального партнерства дворянства и купечества в 60–90 годы XIX века, отмечают, что экономические реалии пореформенного периода показывают, что характер социально-экономического партнерства между дворянством и купечеством уже не проявлялся только в рамках частного кредитования. Отмена крепостного права оказала сильное влияние на социально-экономические аспекты жизни данных сословий. Так, впервые в пореформенные годы цены на землю стали расти, что касается цен на аренду, то они иногда превышали продажную стоимость земли. Дворянство, которое было заинтересовано в получении денежных средств, сдавало свои земли в аренду, где основным арендатором земель выступало купечество. В рамках данного взаимодействия

купцы брали в долгосрочную аренду большие площади земли у помещиков и пересдавали мелким съемщикам. Другим вариантом социально-экономического взаимодействия стала покупка и продажа земель на всеславном земельном рынке в течение всего пореформенного периода. Также купеческие и дворянские капиталы играли главную роль на рынке промышленности в пореформенные годы [Шаповалов, Шаповалова, 2008, с. 12–13]. Таким образом, уже начиная с 70–80 годов XIX века социально-психологические границы сословной структуры Российского общества в рамках капитализации если не исчезают полностью, то уже перестают быть такими непроходимыми. Следует считать, что вторая половина XIX века стала переломной как в сознании дворянства, так и купечества, в сложившихся реалиях оба сословия выстраивали новую модель социальных взаимоотношений, которая кардинально отличалась от прежней.

Авторы второй половины XIX века отмечают, что купечество постепенно осознает свои экономические возможности. Так, в пореформенный период особый интерес к купеческим капиталам проявляет дворянство, что в свою очередь влияет на межличностные взаимоотношения. Это показательно отмечает С.Н. Терпигорев: «Теперь, когда приезжает купец, необходимо было его положить спать в кабинете на диване, надо было ему подавать обед, строго-настрога приказав детям не смеяться, если купец станет сморкаться в салфетку» [Терпигорев, 1881, с. 143]. Другой отрывок из данных воспоминаний продолжает идею, обозначенную ранее: «Тогдашний представитель города, купец, так же мало походил на теперешнего купца, как теперешней ошипанный помещик походит на прежнего помещика» [Терпигорев, 1881, с. 145]. В пореформенные годы, когда началось бурное развитие межсословных отношений на земельном рынке, а также начался активный рост капиталов у различных сословий, стало ясно, что в буржуазном мире показателем социального статуса становится не факт благородного происхождения, а объем капитала. Таким образом, чувство сословного превосходства и другие социально-психологические различия дворянства и купечества уступают экономическим интересам. Взаимная экономическая заинтересованность становится основанием для их тесного хозяйственного сотрудничества. Такой вариант социально-экономического партнерства был более характерен для высших страт дворянства, имевших от 500 десятин, и купцов, которые имели в свободном обороте солидные капиталы (более 1000 рублей).

Так, уже начиная с 90-х годов XIX века характер взаимоотношений верхних страт дворянства и крупной буржуазии кардинально меняется, чувство сословной неприязни осталось, но оно не мешало им активно взаимодействовать друг с другом. Авторы воспоминаний конца XIX века отмечают, что границ между дворянством, аристократией и обеспеченными людьми незнатного происхождения уже не ощущалось. Многие представители «благородного» сословия вступали в брак с представителями купеческого сословия. Нередки случаи, когда они вступали в коммерческие предприятия, где их знаменитые имена использовались в интересах дела [Засосов, Пынин, 1991, с. 72]. Но особенно примечателен другой пример таких изменений. Так, например, гвардейское офицерство, в особенности аристократических полков, обычно державшееся обособленно, не гнушалось общества просвещенных купцов или владельцев фабрик, заводов. В отдельных случаях даже женились на представительницах богатых предпринимательских семей, но только с разрешения начальства, так как для службы в гвардии, особенно кавалерии, нужны были немалые средства. Это был один из вариантов улучшить свое материальное положение, чтобы дальше продолжать службу. [Засосов, Пынин, 1991, с. 87]. В данный период времени такой брак, когда дочь купца входит в аристократический дом, становится нормой. Со стороны «высокородного» дворянства уже препятствий не было, хотя еще лет десять назад такой брак считался бы мезальянсом.

Тут стоит отметить, что возросшая хозяйственная значимость купечества и социально-экономические изменения конца XIX века, которые открыли границы межсословного взаимодействия и дали возможность крупной буржуазии проникнуть в высшее общество, не делали их частью этого мира. Так, по воспоминаниям П.А. Бурышкина, потом-

ственного купца, можно проследить такую картину. Во время обучения в Катковском лицее, где обучались люди разных сословий, но преимущество отдавалось дворянскому сословию, он не испытывал неприятия в отношениях к себе. Но один случай он все же отмечает, когда был убит московский генерал-губернатор князь Сергей Александрович, стал вопрос о том, кому будет предоставлена честь «Представительства» на похоронах. Вот что пишет об этом случае Павел Афанасьевич: «Представительство было предложено кн. В.В. Голицыну, но последний отказался, заявив, что в отношении меня совершена несправедливость. Начальство объяснило, что могут спросить фамилию, и для лица лучше, если это будет титулованный, а не ученик из купеческого звания. Но Голицын стоял на своем... Должен сказать, что об этом не жалел: на такой церемонии мне вообще пришлось быть раз в жизни, а кроме того, я видел вблизи очень многих известных людей того времени и весь парадный придворный обиход. Но вместе с тем я впервые ясно понял, что тогда значило быть «чумазым»... Но в этом случае, хотя чувствовалась разница между белой и черной костью, все-таки дело обстояло иначе... Это, я не скажу «принижение», но во всяком случае не первенствующее положение купечества сохранилось до самых дней революции, но оно не имело уже такой грубой формы уже начиная со второй половины XIX века» [Бурыйшкін, 1991, с. 40]. Данный отрывок отчетливо показывает, что разница «между белой и черной костью» даже в конце XIX века имела место, но это было уже не чувство сословного превосходства, подкрепленное государственными привилегиями, а традиция, которая выражалась как во внешних, так во внутренних формах, и отличало дворянства от других сословий.

Другим социально-психологическим препятствием, влияющим на развитие межсословных взаимоотношений, являлась традиция. В силу ярко выраженного консерватизма традиционализм кардинально разграничивал дворянство с другими сословиями. Данная социально-психологическая категория имела настолько устойчивую форму, что даже в условиях капитализации осталась неизменно. Довольно примечателен пример: «Нам могут заявить, что в настоящее время ничто не препятствует свободе действий дворян и каждый из них может по собственному желанию заниматься ремеслами, торговлею, промышленностью и т. д. Но разве слово «Дворянин» есть пустой звук?» [Ворожбит, 1886, с. 14]. Традиционализм в дворянской среде базировался как во внешних, так и во внутренних формах. С одной стороны, это был культ предков, с другой – определенные «правила приличия». Высокий уровень сословной культуры дворянства явно возвышался по сравнению с другими сословиями, но отдельные представители пореформенного периода отмечают возросшую роль купечества в российском обществе, а также рост его самосознания.

Уже начиная с 70-х годов XIX века в литературной традиции можно встретить новые тенденции. Так, например, А.С. Ушаков пишет: «Я был приятно поражен их быстрым совершенствованием на пути образования. Как они живут, – чудо! Ничем не хуже нашего брата: дом, меблировка, стол; некоторые даже лучше нас, право!.. Ведь вы, купцы, еще совершенно не жившее племя, целое племя с оригинальными традициями, с огромной энергией души и тела» [Ушаков, 1862, с. 109]. Представленная в романе П.Д. Боборыкина «обломовщина» довольно точно отражает события, которые происходили во второй половине XIX века, где автор изображает купцов образованными, деловитыми и ни в чём не уступающими дворянству [Боборыкин, 1960].

Но все же разница в традициях была ощутима и выражалась в различии повседневной реальности. Так, например, у дворян вызывали настороженность терминология из буржуазно-делового обихода купцов. Буквально в «штыки» они воспринимают выражение «экономические законы» и в противовес говорят: «Какие-то экономические законы выдумали! Кому они нужны? Для нас с вами, надеюсь, один закон только и есть – законы света и приличия» [Брянцев, 2000, с. 169]. Представители дворянства подтверждали свою неспособность в предпринимательской деятельности, и эта сфера жизни являлась для них чуждой. На основе материалов периодической печати «Курские губернские ведомости» за 1863 год, в статье «Заметки о винокурении в России» можно отметить следующее: «Купцу

торговля сроднее, чем помещику, и он скорее подвинет это дело вперед, доказательством того служит то, что в настоящее время многие помещики сдают свои заводы в аренду купцам» [Записки о винокурении..., 1863, с. 35].

Начиная с 70–80 годов XIX века можно говорить о росте купеческого самосознания, в отличие от дореформенного периода их уже привлекал не дворянский титул, а деловые качества, чем дворяне не обладали. В свою очередь купечество понимало свою несостоятельность в деле образованности, хоть и проявляло в этом деле изрядное усердие. Так, авторы воспоминаний 1890–1910 годов отмечают, что купцов, представленных в романах А.Н. Островского, в наше время уже почти не было. Купечество – это теперь по большей части образованные люди, которые заканчивают коммерческие училища (Петровское, Екатерининское и др.), а их дети поступают в институты и университеты. Особенно примечательно то, что купечество охотно роднилось с дворянами. Повседневная жизнь в таких семьях была своеобразной – терялись постепенно черты купеческого быта, но и не чувствовалось еще внешнего лоска аристократии, к которой они стремились [Засосов, Пыпин, 1991, с. 33].

Литература второй половины XIX века показывает, что в культурной среде купечества произошли значительные изменения. Так, в произведениях дореформенного периода преобладало изображение невежественного, малограмотного купца, но, начиная с А. Ушакова [Ушаков, 1862], обозначается образ образованного купца. Лишь только благодаря П.Д. Боборыкину [Боборыкин, 1956] эта тема стала общественно значимой. Его главные герои – купцы образованные, «европейской складки». В течение всего XIX века, несмотря на активное сопротивление дворянства, происходит сближение представителей буржуазного мира и дворянства, что не объединяет их в себе, но формирует две новые социально-психологические группы «аристократии капитала» и «аристократии крови».

Современные исследователи, изучая вопросы эволюции сословной структуры российского общества, отмечают, что к концу XIX века стремительно разрушается обособленность сословных групп и происходит сближение в социально-психологическом контексте. Таким образом, значительная часть дворянского сословия обуржуазилась, то есть стала заниматься предпринимательской деятельностью. Примерами могут быть А.И. Вышнеградский – руководитель петербургского международного коммерческого банка, А.И. Путилов – руководитель Русско-Азиатского банка [Ульянова, 1999, с. 21]. Данные примеры нельзя считать единичными, такая тенденция также прослеживалась и в более бедных подгруппах дворянского сословия. По материалам «Курской казенной палаты» за 1892 г., в Курской губернии представители дворянства получали гильдейские свидетельства на право торговли, и это было уже не редкостью¹.

Таким образом, проведенный анализ межличностных отношений представителей дворянства и купечества показывает всю сложность социальной психологии пореформенного периода. Бурное развитие межсословных отношений на земельном рынке, капитализация общества показали дворянскому сословию, что социальный статус уже не определяется только принадлежностью к высшей сословной группе и дали купечеству возможность развития в социально-экономическом плане. Таким образом, на трансформацию социальных отношений представителей дворянства и купечества в пореформенный период оказали воздействие чувство сословной исключительности дворянства и традиционализм каждой отдельной сословной корпорации.

Список литературы

1. Белинский В.Г. 1955. Статьи и рецензии. Том VI. М., Издательство Академии Наук СССР, 793.
2. Берлин П.А. 1925. Русская буржуазия в старое и новое время. М., Издательство «Книга», 308.

¹ ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 7526. Л. 214

3. Боборыкин П.Д. 1993. Китай-город. М., Художественная литература, 519.
4. Брянцев М.В. 2000. Русское купечество: социокультурный аспект формирования предпринимательства в России в конце XVIII – начале XX века. Диссертация... доктора исторических наук. М., 616.
5. Бурьшкин П. А. 1991. Москва купеческая: мемуары. М., Высшая школа, 352.
6. Ворожбит. 1886. Социально-экономический вопрос в России. СПб., Тип. М.М. Стасюлевича, 16.
7. Вьюнов Ю.А. 2002. Слово о русских. Характер, склад мышления и духовные ценности в историческом контексте. М., Искусство, 350.
8. Записки о винокурении в России. 1863. Курские губернские ведомости. Отдел неофициальный. 5: 35.
9. Засосов Д.А., Пыпин В.И. 1991. Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов. Записки очевидцев. Л., Лениздат, 269.
10. Землянский И. 1860. Воронежские письма. Русское слово. Том III. Воронеж, 27–43.
11. Катков М.Н. 1905. О дворянстве. М., Печатня А.И. Снегиревой, 65.
12. Княгиня Екатерина Романовна Дашкова. 1874. Русская старина. Том IX. СПб., 405–438.
13. Кулабухов В.С. 1997. Эволюция менталитета дворянства Черноземного региона в пореформенный период 1861–1905 гг. Диссертация... кандидата исторических наук. М., 209.
14. Терпигорев С.Н. 1881. Оскудение: Очерки помещичьего разорения. СПб., Плотников Ф.Н., 389.
15. Речь перед дворянскими выборами в Харьковской губернии, сказанная Макарием епископом Харьковским и Ахтырским в кафедральном соборе 25 сентября 1861 года. 1862. Духовный вестник. Харьков, 6–19.
16. Ульянова Г.Н. 1999. Благотворительность московских предпринимателей: 1860–1914. М., Издательство Московского городского объединения архивов, 512.
17. Ушаков А.С. 1862. Из купеческого быта. Повести и очерки. М., Издательство А.Черепина, 354.
18. Ушаков А.С. 1865. Наше купечество и торговля с серьезной и карикатурной стороны. М., В типографии Грачева, 195.
19. Черты старинного дворянского быта. Воспоминания М.С. Николевой. 1893. Русский архив. 3 (9): 107–120.
20. Шаповалов В.В. 2014. Поместное дворянство Европейской России в 50–90-е гг. XIX века (по материалам центрально-черноземных губерний). Белгород, ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 544.
21. Шаповалов В.А., Шаповалова И.В. 2008. Российское дворянство и купечество в 60–90-е годы XIX века: проблемы социального партнерства. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология, 1 (5): 12–19.
22. Шаповалова В.А., Кулабухов В.С., Старченко Г.И., Бычковский В.В., Шатохин И.Т. 2005. Эволюция сословной структуры общества Центрального Черноземья в пореформенный период (на примере Курской губернии). Белгород, Издательство БелГУ, 427.

References

1. Belinskiy V.G. 1955. Stat'i i retsenzii. Tom VI [Articles and reviews. Volume VI]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 793.
2. Berlin P.A. 1925. Russkaya burzhuaziya v staroe i novoe vremya [Russian bourgeoisie in old and new times]. Moscow, Izdatel'stvo «Kniga», 308.
3. Boborykin P.D. 1993. Kitay-gorod [China-town]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 519.
4. Bryantsev M.V. 2000. Russkoe kupechestvo: sotsiokul'turnyy aspekt formirovaniya predprinimatel'stva v Rossii v kontse XVIII – nachale XX veka [Russian merchants: the socio-cultural aspect of the formation of entrepreneurship in Russia at the end of the XVIII – beginning of the XX century]. Dissertation... doc. historical sciences. Moscow, 616.
5. Buryshkin P. A. 1991. Moskva kupecheskaya: memuary [Moscow merchant: memoirs]. Moscow, Vysshaya shkola, 352.
6. Vorozhbit. 1886. Sotsial'no-ekonomicheskii vopros v Rossii [Socio-economic issue in Russia]. Saint-Petersburg, Tip. M.M. Stasyulevicha, 16.

7. V'yunov Yu.A. 2002. Slovo o russkikh. Kharakter, sklad myshleniya i dukhovnye tsennosti v istoricheskom kontekste [A word about Russians. Character, mentality and spiritual values in a historical context]. Moscow, Iskustvo, 350.
8. Notes about the distillery in Russia. 1863. Kursk provincial Gazette. The department is unofficial. 5: 35 (in Russian).
9. Zasosov D.A., Pypin V.I. 1991. Iz zhizni Peterburga 1890–1910-kh godov. Zapiski ochevidtsev [From the life of St. Petersburg 1890-1910-ies. Eyewitness notes]. Leningrad, Lenizdat, 269.
10. Zemlyanskiy I. 1860. Voronezhskie pis'ma. Russkoe slovo. Tom III [Voronezh letters. Russian word. Volume III]. Voronezh, 27–43.
11. Katkov M.N. 1905. O dvoryanstve [About nobility]. Moscow, Pechatnya A.I. Snegirevoy, 65.
12. Noblewoman Ekaterina Romanovna Dashkova. 1874. Russian past. Tom IX. Saint-Petersburg, 405–438 (in Russian).
13. Kulabukhov V.S. 1997. Evolyutsiya mentaliteta dvoryanstva Chernozemnogo regiona v poreformennyi period 1861-1905 gg [The evolution of the mentality of the nobility of the Black Earth region in the post-reform period 1861–1905]. Dissertation... cand. historical sciences. Moscow, 209.
14. Terpigorev S.N. 1881. Oskudenie: Ocherki pomeshchich'ego razoreniya [Oskudyen: Essays landlord ruin]. Saint-Petersburg, Plotnikov F.N., 389.
15. Speech before the nobility elections in the Kharkov province, said by Makari the Bishop of Kharkov and Akhtyrsky in the Cathedral on September 25, 1861. 1862. The spiritual messenger. Kharkiv, 6–19 (in Russian).
16. Ul'yanova G.N. 1999. Blagotvoritel'nost' moskovskikh predprinimateley: 1860–1914 [Charity of Moscow entrepreneurs: 1860–1914]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo gorodskogo ob"edineniya arkhivov, 512.
17. Ushakov A.S. 1862. Iz kupecheskogo byta. Povesti i ocherki [From the merchant life. Stories and Essays]. Moscow, Izdatel'stvo A. Cherepina, 354.
18. Ushakov A.S. 1865. Nashe kupechestvo i trgovlya s ser'eznoy i karikaturnoy storony [Our merchants and trade with a serious and caricature side]. Moscow, V tipografii Gracheva, 195.
19. Traits of an old noble life. Memories M.S. Nikolevoj. 1893. Russian archive. 3 (9): 107–120.
20. Shapovalov V.V. 2014. Pomestnoe dvoryanstvo Evropeyskoy Rossii v 50-90-e gg. XIX veka (po materialam tsentral'no-chernozemnykh guberniy) [Local nobility of European Russia in the 50–90-ies. XIX century (on the materials of the central black earth provinces)]. Belgorod, ID «Belgorod» NIU «BelGU», 544.
21. Shapovalov V.A., Shapovalova I.V. 2008. Rossiyskoe dvoryanstvo i kupechestvo v 60–90-e gody XIX veka: problemy sotsial'nogo partnerstva [Russian nobility and merchants class in the 60–90-e of XIX century: problems of social partnership]. Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya, 1 (5): 12–19.
22. Shapovalova V.A., Kulabukhov V.S., Starchenko G.I., Bychkovskiy V.V., Shatokhin I.T. 2005. Evolyutsiya soslovnoy struktury obshchestva Tsentral'nogo Chernozem'ya v poreformennyi period (na primere Kurskoy gubernii) [The evolution of the estate structure of the society of the Central Chernozem region in the post-reform period (on the example of Kursk province)]. Belgorod, Izdatel'stvo BelGU, 427.

Ссылка для цитирования статьи

Reference to article

Гудов Д.С. Трансформация социальных отношений представителей дворянства и купечества в пореформенный период в контексте социально-психологического ракурса. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2019. Т. 46. № 3. С. 507–515. doi: 10.18413/2075-4458-2019-46-3-507-515

Gudov D.C. Transformation of nobles and merchants' relations during the post-reform period in socio-psychological context. Belgorod State University Scientific Bulletin. History. Political Science. 2019. V 46. № 3. P. 507–515. doi: 10.18413/2075-4458-2019-46-3-507-515

УДК 94(470.325):656.2

DOI 10.18413/2075-4458-2019-46-3-516-524

**«МНЕ В ЖИЗНИ НЕ НА КОГО БЫЛО НАДЕЯТЬСЯ, НЕ ПЕРЕД КЕМ
“НЕЖИТЬСЯ”»: ЖЕНЩИНЫ-ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИЦЫ В УСЛОВИЯХ
РАЗМЫВАНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ГЕНДЕРНЫХ РОЛЕЙ В ДЕЛЕ
МАТЕРИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СЕМЬИ В КОНЦЕ 1960-х – 1980-х гг.**

**«I WON'T BACK ON ANYONE IN MY LIFE, THERE WAS NO ONE TO “LAZE”
MYSELF TO»: WOMEN-RAILWAYS UNDER CONDITIONS OF WASHING OUT
TRADITIONAL GENDER ROLES IN THE MATERIAL SUPPORT OF THE FAMILY
IN THE END OF THE 1960s – 1980s.**

**Е.Н. Меньшикова
E.N. Menshikova**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: menshikova@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье на основе исследования устных воспоминаний (истории профессиональных и жизненных стратегий) женщин-железнодорожниц, сотрудниц службы управления движением поездов Белгородского отделения Южной железной дороги Министерства путей сообщения СССР (курский и старооскольский участки: станции Белгород–Клюква, Сараевка-I – Сараевка-II–Старый Оскол): поездных диспетчеров, дежурных по станции (ДСП), операторов при ДСП – «движенцев», важнейших фигур на железнодорожном транспорте, рассмотрены некоторые проявления (в семейном укладе) трансформации их гендерной идентичности, происходившей под влиянием специфики профессиональной занятости («экстремальная» рабочая повседневность). Факторами этого являлись: «командирский» характер работы женщин – сотрудниц службы движения, которые осуществляли единоначальное руководство организацией движения поездов в пределах станции, относительно высокий уровень заработной платы и материального обеспечения, а также возможность приобретения дефицитных товаров и продуктов у машинистов и проводников скорых поездов, курсировавших между Москвой и Харьковом. В этой связи роль женщин – «движенцев» в материальном обеспечении семьи оказывалась сопоставимой (или даже была выше) с другими членами (родители, муж, взрослые дети).

Abstract

The article is based on a study of oral memories (history of professional and life strategies) of female railway workers, employees of the train traffic control service of Belgorod branch of the Southern Railway of the USSR Ministry of Railways (Kursk and Stary Oskol sites: Belgorod – Klukva station, Saraevka-I - Saraevka-II – Stary Oskol). They were the most important figures in the railway transport, the train dispatchers, station attendants, operators-«movers». The author considers some manifestations (in the form of the family) of the transformation of their gender identity, which occurred under the influence of the specifics of professional employment (“extreme” working everyday life). The main factors of transformation of their gender identity are revealed: the «commanding» nature of the work of women - employees of the traffic service, who exercised the sole leadership of the organization of train movement within the station, the relatively high level of wages and material support, and the possibility of purchasing scarce goods and products from drivers and high-speed train conductors, plying between Moscow and Kharkov. In this regard, the role of women – «movers» in the material security of the family turned out to be comparable (or even higher) with other members (parents, husband, adult children).

Ключевые слова: женская история, устная история, гендерная идентичность, женщины-железнодорожницы, служба управления движением поездов, СССР, 1960–1980-е годы.

Key words: women's history, oral history, gender identity, women railway workers, train control service, USSR, 1960–1980s.

Представляемая в настоящей статье проблема является частью исследовательского проекта «Женщины в системе управления движением железнодорожного транспорта в СССР в 1970-е – начале 1990-х гг.: профессия и установление гендерного равенства (по материалам Белгородского отделения Южной железной дороги МПС СССР)»¹. В результате поисковой работы к апрелю 2019 г. установлены персоналии (и восстановлен хронотоп их профессиональной деятельности) ста пяти женщин-железнодорожниц – сотрудниц службы управления движением поездов Белгородского отделения Южной железной дороги Министерства путей сообщения СССР (курский и старооскольский участки: станции Белгород – Клюква, Сараевка-I – Сараевка-II – Старый Оскол): поездных диспетчеров, дежурных по станции (ДСП), операторов при ДСП – «движенцев», работавших в конце 1960-х гг. – 1980-х гг. [Голубенко, 1962; Рыскин, 1963; Почепской, 1967; Кусакина, 1973а, Кусакина, 1973b, Ковалев, 1974; Зозуля, 1976; Кусакина, 1977; Фото... , 1979; Ковалев и др., 1980; Кусакина, 1982а, Кусакина, 1982b; Руду..., 1982; Кусакина, 1983; Коренев и др., 1984; Рожок, 1984; Владимиров, 1988; Точки..., 1991; Пшеничных, 2018].

Это – поездные диспетчера (ДНЦ, г. Белгород): Анпилова М.А., Горбунова А.Н., Ефимова М.И., Мазненко С.Ф., Соломатина В.И., Пыханова З.Г., Байбикова Л.В., Марченко С., Солдатенко Г.В., Меньшикова В.А., Павлова (Березанец) Е.В., Тарасова С.А., Тарараева С.Ф., Степанова А.К.; ревизор движения (ДНЧ) участка Ржава – Сараевка-II – Клюква, Ржава – Обоянь – О.И. Добродумова; дежурные по станции (ДСП): станция Белгород (Шаталова Н.А., Дудченко Л.П., Гударева В.М., Беликова Р.Я., Лысенко Л.Л., Клавкина Н.Н.); станция Гостищево (Колесникова М.В., Кизилова В., Романовская А.); станция Сажное (Чавыкина М.И., Беликова А.И.); станция Прохоровка (Курганская Л., Кулабухова В.П.); станция Шебекино (Морозова Е.А.); станция Ржава (Бабынина Л.И., Дорохова Р.В., Бочарова Л.П., Багрова Г.Н., Риштакова А., Клименко Р.И.); станция Сараевка-I (Чала (Лобова) М.К., Мажара Н., Кравченко Л., Рыбалко Н., Лобова Т., Новикова О., Меньшикова А.Е., Новикова Н.Н., Надеина В.П., Шаталова В.А., Баландина Т.В., Строганова Л.И.); станция Сараевка-II (дежурные по станции: Надеина Р.П., Надеина Е., Баландина Т.В., Баландина А.И., Гуреева Н.Д., Позднякова Н.П., Бочарова Н.Е., Заводнова Н.П., Заводнова Г.И., Морозова В.И., Надеина Н.И.); операторы при ДСП (Меньшикова З.В., Ершова К.М.); приемосдатчики (Белозерова А.П., Прозорова З.К., Прозорова Н.П.); сигналисты (Ширяева Л.И., Солдатенко В.И., Бойдинова Т.А., Дагаева Л.В., Петренкова Л.М., Богачева Н.В., Заводнова К.С.); станция Сазановка (Бельчикова Л.П., Фурсова В.И., Сошенко М.П., Позднякова Н.П.); станция Кривецкая (Болотникова Р.Н., Рябцева К., Реброва В., Зайцева Л.В., Сафронова Р.Н., Сулова Е.); станция Чаплыжная (Савина В.); станция Губкин (Домарева Т.В.); станция Стойленская (Л.А. Гончарова); станция Старый Оскол (Самойлова Г.Н., Анпилова М.А.); станция Солнцево (Федорова М.П., Филатова Е.П., Дорохова (Михеева) Н.Н., Васюкова Г.В., Бочарова Л.А., Пархоменко Л.А., Коваль С.В., Пономарева Г.); станция Шумаково (Воробьева Т., Бобнева Л.); станция Полевая (Печенева Т., Пачковская М., Крамская Т., Рыжкова Т.); станция Конарево (Гуторова Г., Заикина Т., Глебова Т., Конорева Е.И., Орлова А.И.); станция Клюква (Михайлова В.).

Подобная персонификация объектов исторического исследования соответствует «формату» женской и гендерной истории, направлению в отечественной исторической науке (возглавляемому Н.Л. Пушкаревой [Пушкарева, 1998]), для которого актуально «открытие» новых героинь – обычных (в традиционном понимании) женщин, чей жизненный

¹ Проект № 19-09-00359/19, поддержанный Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ).

и профессиональный путь являет собой пример «повседневного героизма». А женщины-железнодорожницы из сферы «движения» перманентно демонстрировали его в рамках выполнения служебных обязанностей. Их успешная реализация требовала от женщин не только хороших профессиональных знаний, но и особых психо-физиологических качеств (работа требовала сверхконцентрации внимания в течение двенадцатичасового дежурства, выносливости, отличалась высоким уровнем стресса), связанных с тем, что они единолично (в дневные и ночные смены) осуществляли распоряжение организацией движения поездов в пределах станции или участка (диспетчерского круга) [Буканов, 1987, с. 5; Инструкция..., 1989, с. 5; Гусаков, 2003; Ковалев, 2015]. Необходимо отметить, что ни в какой другой сфере экономики СССР не сложились условия для подобной – ярко выраженной и хорошо маркируемой – трансформации гендерной (женской) идентичности; формирования новой модели гендерного взаимодействия – гендерного равенства [История..., 2004]. Устные нарративы женщин-железнодорожниц позволяют проследить проявления вышеобозначенных явлений и вне профессиональной сферы, в особенностях организации их семейного уклада.

Метафорическое утверждение о «железном» характере женщин-железнодорожниц вообще, и особенно женщин-«движенцев», в том или ином виде свойственно устным воспоминаниям всех опрошенных в ходе настоящего исследования женщин-ветеранов Белгородского отделения ЮЖД [Бабынина, 2019; Баландина, 2019; Бойдинова, 2019; Бочарова, 2019; Дагаева, 2019; Строганова, 2019; Ширяева, 2019]. Однако выяснить, насколько быстро (со времени начала работы) подобная гендерно-стереотипная характеристика становилась индивидуально осознаваемой женщинами-железнодорожницами и ментально принятой (верили ли они в это или хотели верить, чтобы не бояться быть «не железной»), а не поверхностно усвоенной и внешне артикулируемой лишь для получения социального одобрения в профессиональной, преимущественно мужской среде, представляется довольно сложным. Вместе с тем в воспоминаниях зафиксированы ярко выраженные маркеры изменения традиционных гендерных «правил» в стиле поведения женщин-железнодорожниц вне служебной деятельности, произошедших под ее непосредственным влиянием.

Эти изменения касаются приобретения неких маскулинных («железных») черт в женском поведении, в их числе считающаяся одной из главных в разрушении традиционного гендерного порядка [Берн, 2002] – осознание себя как основного (или по меньшей мере не комплементарного по вкладу в семейный бюджет) «добытчика» в семье (дежурная по станции Сараевка-I Л.И. Строгонова (стаж работы на железнодорожном транспорте 28 лет): «А я всех всегда обеспечивала и была, как в поговорке: "я – и лошадь, я – и бык, я и баба, и мужик"» [Строгонова, 2019]; дежурная по станции Сараевка-I А.Е. Меньшикова (стаж работы на железнодорожном транспорте 39 лет): «Мне в жизни не на кого было надеяться, не перед кем "нежиться". Мой муж, на равных со мной, работал на транспорте, в смене» [Меньшикова, 2019]; начальник станции Сараевка-II В.И. Морозова (стаж работы на железнодорожном транспорте 38 лет): «Я всю жизнь всех их (о членах семьи – Е.М.) одна тянула» [Морозова, 2019]; дежурная по станциям Сараевка-II, Кривецкая Н.Е. Бочарова, стаж работы на железнодорожном транспорте 30 лет: «Я никогда не рассчитывала на мужчин. Пошла работать с семнадцати лет. Да я и замуж не собиралась» [Бочарова, 2019]; начальник станции Солнцево Г.В. Васюкова, стаж работы на железнодорожном транспорте 39 лет: «После безвременной смерти мужа, а мне было тогда всего сорок два года, у меня не стало никакой защиты. Я одна должна была заботиться о своих сыновьях») [Васюкова, 2019].

Надо заметить, подобные женские оценки себя – часто жесткие и мезоандринные по сути – как главных фигур в обеспечении семей все же следует принимать с некоторой осторожностью, поскольку они являются односторонними (не учтены воспоминания членов семей железнодороджниц, в том числе и их мужей) и, возможно, преувеличенными, сконструированными искусственно в силу принятого в железнодороджной среде подчерки-

вания в людях, в женщинах того самого «железного» характера. Эти оценки поддерживались относительно высокими заработками женщин (по сравнению, скажем, с занятыми в колхозной экономике, доминирующей в исследуемый период на изучаемой территории), отсюда – их независимым материальным статусом (Строганова Л.И.: *«Я пошла на железную дорогу из медицины за большими деньгами. В больнице мне, медсестре, платили тогда 60 рублей. А дежурной стала получать 120. Есть разница?»* [Строганова, 2019]; дежурная по станции Солнцево Н.Н. Михеева (стаж работы на железнодорожном транспорте 36 лет): *«Ой, мы тогда были просто миллионерами. Хлеб-то ведь стоил 16 копеек. Поедешь в Курск, наберешь на рубль шесть буханок хлеба и “ешь – не хочу”. Мы чувствовали тогда себя очень богатыми. Нам ведь и премии давали. Небольшие, конечно, рублей по десять-пятнадцать. О них и в трудовой книжке писали. И “ночные”, и “праздничные” (дежурства – Е.М.) оплачивали вдвойне. А потом, в конце года, и “тринадцатую” зарплату платили. Правда, потом, ее отменили»* [Михеева, 2019]). А также – условиями жизни семей железнодорожников в реальности тотального дефицита продуктов и непродовольственных товаров в системе снабжения на железнодорожных станциях в исследуемый период и теми «предпринимательскими» усилиями, которые прилагали женщины-железнодорожницы для приобретения товаров, необходимых семьям.

Для «доставания» недоступных в свободной продаже продуктов, одежды и обуви, бытовых предметов женщины-«движенцы» использовали разные возможности, предоставляемые работой на железной дороге, в том числе бесплатный проезд в пригородных и дальнего следования поездах для поездок в города с развитой торговой инфраструктурой: Губкин, Курск, Белгород, Харьков, Москву и др. (Бочарова Н.Е.: *«Мы же с каждого аванса в Губкин ездили за продуктами. Здесь же (в Курской области – Е.М.) ничего не было. Ну совсем ничего. А там... Ну там же болгары были (строители – Е.М.). Для них-то старались. Снабжали их лучше. Мы брали с собой все сорок рублей аванса и везли домой четыре сумки: две в руках, а две свяжешь платком и на плечо – “наперевес”. На месяц еды хватало. Там такая сметана была! По две трехлитровых банки брали. А котлеты в кулинарии... Я брала их по сто штук, а стоили всего пять копеек. И как мы тащили на своих плечах столько?! Молодые были... Только “рублевой” колбасы я покупала по десять килограммов»* [Бочарова, 2019]; Морозова В.И. *«Мы часто в Москву с “отпускными” ездили. Везли все: и хлеб, и масло сливочное, и колбасу, и селедку. Ох, какая же там была селедка! В мою ладонь шириной. И одежду, конечно, везли. Я там болгарский костюм купила, пляжный, и югославские сапоги. А еще сумку кожаную, импортную. Накупили столько, что, казалось, целый вагон выгружаем»* [Морозова, 2019]; Михеева Н.Н.: *«На “оперативку” (оперативное совещание в Управление ЮЖД – Е.М.) едешь, бывало, в Харьков, девчата все со станции обычно заказывали купить харьковского круглого хлеба и колбасы. Я же училась там, в техникуме, в Харькове, все гастрономы знала. Какие там колбасные отделы были! Какое изобилие! Люди в очереди от аромата сознание теряли! На нас горожане смотрели как на варваров. Мы же мешками колбасу-то эту скупали. А как же? На всех же на станции везли! И копченую, и особенно вареную брали. “Докторскую” двухкилограммовыми котелками брали!»* [Михеева, 2019], Меньшикова А.Е.: *«Мы приехали в Киев в 80-м году, в воскресенье, а там у них, в отличие от нас, в воскресенье магазины не работают. Мы ходили-ходили, да и обратно – на вокзал. Там один какой-то магазин только и работал. Купили ковры там безворсовые, у нас таких тут не было в продаже. А еще купили по десять метров набивного ситца с изображением символики Олимпиады-80. Мне мама моя потом сарафан из него сшила»* [Меньшикова, 2019].

«Каналами» поставки дефицитных товаров для героинь настоящей статьи были и профессиональные контакты с машинистами и проводниками скорых поездов. Последние, в отличие от первых, занимались «мелкооптовой торговлей». Опрошенные женщины-железнодорожницы вспоминали, как практически каждая из них за годы работы пользовалась помощью машинистов поездов дальнего следования, которых можно было попросить привезти (главным образом из Харькова) необходимые продукты. «Фаворитами» среди

товаров назывались колбасные изделия и харьковский хлеб [Бабынина, 2019; Меньшикова, 2019; Морозова, 2019; Михеева, 2019; Надеина, 2019; Новикова, 2019] («Я – “в день” (в дневную смену, с 08.00 до 20.00 часов – Е.М.). *Забегает в “дежурку” Малов (Малов А.С., машинист из Харьковского депо – Е.М.). У него же здесь теща жила. Спрашивает: “Что в следующий раз привезти?”. Я даю деньги и заказываю сосисок килограммов на пять»* – Меньшикова А.Е. [Меньшикова, 2019]; «*Мы часто колбасу и сосиски машинистам харьковским заказывали. Бывало, едут и вызывают по рации: «Наташка, выходи, лови свою колбасу!»*. Вот смеху-то было. Летят на ходу поезда пакеты с колбасой» – Михеева Н.Н. [Михеева, 2019]).

Проводники скорых поездов, идущих на Москву, принимали у женщин-движенцев «заказы» на доставку московских товаров: в летний сезон домашней консервации овощей и фруктов – металлических крышек для стеклянных банок; в сезон летних отпусков – бумажных обоев для ремонта квартир; в предновогоднее время – мандаринов; круглогодично – продуктов питания (сливочного масла, кофе, конфет), предметов постельного и столового белья; в отдельных случаях – предметов детской одежды (особенно для новорожденных). На практике «покупка» у проводников дефицитных товаров происходила стремительно – во время минутной стоянки скорого поезда на станциях. Проводников поездов, следовавших в Крым, женщины-железнодорожницы в летнее время просили привезти южных фруктов, редких в то время для средней полосы России, – персиков и абрикосов.

Еще одним способом приобретения дефицитных продуктов в 1970–1980-е гг. была их покупка у железнодорожных агентов, сопровождавших грузы в рефрижераторных вагонах (Меньшикова А.Е.: «*Однажды мы купили в “рефрижераторе” целый таз, в котором ноги моют, зеленых, неспелых бананов. Это было где-то в 78-м году. Мы прежде и не пробовали их. Невкусными показались. Все говорили: “Бананы! Бананы!”*. А что в них такого особенного, и не поняли тогда...») [Меньшикова, 2019]; дежурная по станции Сараявка-1 Н.Н. Новикова (стаж работы на железнодорожном транспорте 35 лет): «*Мы тогда много разной рыбы морской в “рефрижераторах” покупали. Мать моя окуня морского любила очень есть»* [Новикова, 2019].

Как видно, с одной стороны, такая детальная фиксация в памяти женщин-железнодорожниц способов и сопровождавших их сложностей добывания продуктов питания в условиях дефицита, точное воспроизведение цен, вплоть до копеек, в целом отражает особенности женских устных нарративов при описании жизненных явлений [Пушкарева, 2001]. Это, на наш взгляд, свидетельствует также и о невысоком уровне притязаний советских людей в «консюмеризмском» отношении (привычка довольствоваться малым, оправдываемая советским стилем жизни). С другой стороны, в этих сюжетах воспоминаний железнодорожниц четко прослеживается выстроенный ими (надо думать, со временем) несколько утрированный конструкт образа независимой, «сильной» женщины, претендующей на гендерное равенство/женское лидерство в семейной сфере.

В целом в ходе исследования устных воспоминаний железнодорожниц из службы управления движением поездов, проработавших в данной структуре длительное время (принятой практикой была работа десятилетиями, в течение 30–40 лет), удалось «услышать» голос своего рода уходящей социально-культурной «натуры» – советской женщины «нового типа» с независимым экономическим и социальным статусом. Распространение профессионального статуса на социальный было связано с рядом причин: во-первых, в рассматриваемый период происходила феминизация службы движения: женщины выполняли те же обязанности, что и мужчины, их численность неуклонно росла. Более того, специфика работы специалистов службы движения заключалась в организации движения поездов в пределах отдельной станции. И в процессе решения этой задачи им были подчинены сотрудники всех служб, задействованных на конкретной станции. То есть женщины-«движенцы» на абсолютно легитимных основаниях осуществляли руководство мужчинами – сотрудниками остальных служб, которые были обязаны им беспрекословно подчиняться. Во-вторых, в рассматриваемый период уровень заработной платы и комплекс

льгот у женщин-«движенцев» позволял им ощущать свою материальную независимость от остальных членов семьи (родители, муж). В-третьих, в силу специфики своей профессиональной деятельности они, больше чем кто-либо из железнодорожников, были включены в коммуникативные практики советской «теневой» экономики, связанные с возможностью приобретения дефицитных продуктов и товаров. Маршруты скоростных поездов связывали Москву и Харьков, а пригородных – Курск и Белгород. Интенсивность движения на участках Белгородского отделения Южной железной дороги составляла десять-одиннадцать поездов в час. И в этой ситуации дежурные по станции, диспетчера имели уникальную возможность, не выезжая за пределы станции, приобрести необходимые продукты и товары.

Следствием этих обстоятельств стала трансформация их гендерной идентичности. По сути, профессиональная деятельность железнодорожниц, позволявшая им на паритетных началах принимать участие в материальном обеспечении семьи или даже вносить большой вклад, способствовала складыванию в их среде новой модели взаимодействия с мужчинами – гендерного равенства.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 19-09-00359/19

Список литературы

1. Бабынина Л.И. 2019. Воспоминания. Записала Е.Н. Меньшикова 10.03.2019. Белгород, 5 с. комп. набор.
2. Баландина А.И. 2019. Воспоминания [Memoirs]. Записала Е.Н. Меньшикова 10.04.2019. Белгород, 5 с. комп. набор.
3. Берн Ш. 2002. Гендерная психология. СПб., Нева, М., Олма-Пресс, 320.
4. Бойдинова Т.А. 2019. Воспоминания. Записала Е.Н. Меньшикова 12.03.2019. Белгород, 6 с. комп. набор.
5. Бочарова Н.Е. 2019. Воспоминания. Записала Е.Н. Меньшикова 21.03.2019. Белгород, 9 с. комп. набор.
6. Буканов М.А. 1987. Справочник дежурного по станции. М., Транспорт, 239.
7. Васюкова Г.В. 2019. Воспоминания. Записала Е.Н. Меньшикова 19.03.2019. Белгород, 10 с. комп. набор.
8. Владимиров В. 1988. Дороги железные, проблемы – известные (о дежурной по станции Прохоровка В. П. Кулабуховой). Коммунист. 18 октября: 3.
9. Голубенко В. 1962. Наш командир (о маневровом диспетчере Старооскольского железнодорожного узла М.А. Анпиловой). Белгородская правда. 8 марта: 3.
10. Гусаков Г.Н. 2003. Воспоминания начальника станции. Дно. URL: http://www.pskovrail.ru/novosti/vospominaniia_natschalnika_stanzii_7.html (дата обращения: 15.02.2019).
11. Дагаева Л.В. 2019. Воспоминания. Записала Е.Н. Меньшикова 14.04.2019. Белгород, 5 с. комп. набор.
12. Зозуля С. 1976. Решали секунды (о дежурной по станции Прохоровка Л. Курганской). Комсомольская правда. 22 мая: 3.
13. Инструкция по движению поездов и маневренной работе на железных дорогах СССР (утверждена 31.07.1979). 1989. М., ТЕХИНФОРМ, 317.
14. История железнодорожного транспорта Советского Союза. 2004. Т. 3. 1945–1991. гл. ред. Г.М. Фадеев. М., Академкнига. 631.
15. Ковалев В. 1974. Общественные организации коллектива (станция Белгород). Белгородская правда. 26 марта: 3.
16. Ковалев В., Кусакина В. 1980. Скоростные рельсы. Белгородская правда. 11 февраля: 4.
17. Ковалев К.Е. 2015. Влияние нестандартных ситуаций на загруженность дежурных по станции. Вестник транспорта Поволжья. 1: 58–64.
18. Корнев В., Кусакина В. 1984. Поезда идут по графику. Белгородская правда. 4 апреля: 4.

19. Кусакина В. 1973а. Плодотворное сотрудничество (о диспетчерах и машинистах). Белгородская правда. 27 июля: 4.
20. Кусакина В. 1973б. Расчет плюс творчество. Белгородская правда. 6 апреля: 4.
21. Кусакина В. 1977. Рейсы высокого качества. Белгородская правда. 3 августа: 4.
22. Кусакина В. 1982а. Конкурс диспетчеров (Белгородское отделение). Гудок. 23 мая: 3.
23. Кусакина В. 1982б. Новаторский почерк (о поездном диспетчере Белгородского отделения В. Соломатиной). Гудок. 5 сентября: 3.
24. Кусакина В. 1983. Эффект единой смены. Белгородская правда. 6 июня: 4.
25. Меньшикова А.Е. 2019. Воспоминания. Записала Е.Н. Меньшикова 11.03.2019. Белгород, 15 с. комп. набор.
26. Михеева Н.Н. 2019. Воспоминания. Записала Е.Н. Меньшикова 20.03.2019. Белгород, 16 с. комп. набор.
27. Морозова В.И. 2019. Воспоминания. Записала Е.Н. Меньшикова 16.03.2019. Белгород, 6 с. комп. набор.
28. Надеина В.П. 2019. Воспоминания. Записала Е.Н. Меньшикова 29.03.2019. Белгород, 5 с. комп. набор.
29. Новикова Н.Н. 2019. Воспоминания. Записала Е. Н. Меньшикова 17.03.2019. Белгород, 9 с. комп. набор.
30. Почепской М. 1967. На маленькой станции (коллектив станции Гостищево). Белгородская правда. 13 сентября: 2.
31. Пушкарева Н.Л. 1998. История женщин и гендерный подход к анализу прошлого в контексте проблем социальной истории. В кн.: Социальная история. 1997. Ежегодник. М., РОССПЭН: 69–95.
32. Пушкарева Н.Л. 2001. Андрогинна ли Мнемозина? (Гендерные особенности запоминания и исторической памяти). В кн.: Сотворение истории. Человек. Память. Текст. Науч. ред. Л.П. Репина, отв. ред. Е.А. Вишленкова. Казань, Мастер-лайн: 274–304.
33. Пшеничных Л. 2018. Береза у ее дома (о начальнике станции Солнцево Г. В. Васюковой). За честь хлебороба. 6 июля: 3.
34. Рожок В. 1984. Дочь солдата (об операторе центрального узла ЮЖД Т.В. Домаревой). Белгородская правда. 15 июня: 3.
35. Руду, цемент, станки и сталь, неси, стальная магистраль! 1982. Октябрьские зори. 8 января: 2.
36. Рыскин К. 1963. Подруги (о диспетчерах Белгородского отделения А.Н. Горбуновой, М.И. Ефимовой, С.Ф. Мазненко). Белгородская правда. 12 января: 3.
37. Строганова Л.И. 2019. Воспоминания. Записала Е. Н. Меньшикова 12.03.2019. Белгород, 12 с. комп. набор.
38. Точки на карте Южной. На «маминой» станции (о начальнике станции Солнцево Г.В. Васюковой). 1991. Южная магистраль. 1 января: 2.
39. Фото дежурной по станции Белгород Н.А. Шаталовой – парторга коллектива. 1979. Гудок. 20 ноября: 3.
40. Ширяева Л.И. 2019. Воспоминания. Записала Е.Н. Меньшикова 25.03.2019. Белгород, 5 с. комп. набор.

References

1. Babynina L.I. 2019. Vospominaniya [Memoirs]. Zapisala E.N. Men'shikova 10.03.2019. Belgorod, 5 s. komp. nabor.
2. Balandina A.I. 2019. Vospominaniya [Memoirs]. Zapisala E.N. Men'shikova 10.04.2019. Belgorod, 5 s. komp. nabor.
3. Bern S.H. 2002. Gendernaya psihologiya. [Gender Psychology]. Saint Petersburg, Neva, Moscow, Olma-Press, 320.
4. Bojdinova T.A. 2019. Vospominaniya [Memoirs]. Zapisala E.N. Men'shikova 12.03.2019. Belgorod, 6 s. komp. nabor.
5. Bocharova N.E. 2019. Vospominaniya [Memoirs]. Zapisala E.N. Men'shikova 21.03.2019. Belgorod, 9 s. komp. nabor.
6. Bukanov M.A. 1987. Spravochnik dezhurnogo po stancii. [Directory attendant station]. Moscow, Transport, 239.

7. Vasyukova G.V. 2019. Vospominaniya [Memoirs]. Zapisala E.N. Men'shikova 19.03.2019. Belgorod, 10 s. komp. nabor.
8. Vladimirov V. 1988. Dorogi zheleznye, problemy – izvestnye (o dezhurnoj po stancii Prohorovka V. P. Kulabuhovoj). [The roads are iron, the problems are known (about the duty officer at the Prokhorovka station V. P. Kulabukhova)]. Kommunist. 18 oktyabrya: 3.
9. Golubenko V. 1962. Nash komandir (o manevrovom dispetchere Starooskol'skogo zheleznodorozhnogo uzla M.A. Anpilovoj). [Our commander (about the shunting dispatcher of the Starooskolsky railway junction M.A. Anpilova)]. Belgorodskaya pravda. 8 marta: 3.
10. Gusakov G.N. 2003. Vospominaniya nachal'nika stancii. Dno. [Memories of the station master. Dno]. Available at: http://www.pskovrail.ru/novosti/vospominaniia_natschalinika_stanzii_7.html (accessed: 15.02.2019).
11. Dagaeva L.V. 2019. Vospominaniya [Memoirs]. Zapisala E.N. Men'shikova 14.04.2019. Belgorod, 5 s. komp. nabor.
12. Zozulya S. 1976. Reshali sekundy (o dezhurnoj po stancii Prohorovka L. Kurganskoj). [Solved the second (on duty on the station Prokhorovka L. Kurgan)]. Komsomol'skaya pravda. 22 maya: 3.
13. Instrukciya po dvizheniyu poezdov i manevrennoj rabote na zheleznyh dorogah SSSR (utverzhdena 31.07.1979) [Instructions on the movement of trains and maneuvering work on the railways of the USSR (approved 31.07.1979)] 1989. Moscow, Publ. TEKHINFORM, 317.
14. Istoriya zheleznodorozhnogo transporta Sovetskogo Soyuza [History of the Soviet Union railway transport]. 2004. T. 3. 1945–1991. gl. red. G.M. Fadeev. Moscow, Publ. Akademkniga. 631.
15. Kovalev V. 1974. Obshchestvennye organizacii kollektiva (stanciya Belgorod) [Public organizations of the collective (Belgorod station)]. Belgorodskaya pravda. 26 marta: 3.
16. Kovalev V., Kusakina V. 1980. Skorostnye rel'sy [Speed rails]. Belgorodskaya pravda. 11 fevralya: 4.
17. Kovalev K.E. 2015. Vliyanie nestandartnyh situacij na zagruzhennost' dezhurnyh po stancii. [Influence of non-standard situations on the workload of station attendants]. Vestnik transporta Povolzhya. 1: 58–64.
18. Korenev V., Kusakina V. 1984. Poezda idut po grafiku [Trains go on schedule]. Belgorodskaya pravda. 4 aprelya: 4.
19. Kusakina V. 1973a. Plodotvornoe sotrudnichestvo (o dispetcherah i mashinistah) [Fruitful cooperation (on dispatchers and machinists)]. Belgorodskaya pravda. 27 iyulya: 4.
20. Kusakina V. 1973b. Raschet plyus tvorchestvo [Calculation plus creativity]. Belgorodskaya pravda. 6 aprelya: 4.
21. Kusakina V. 1977. Rejsy vysokogo kachestva [High quality flights]. Belgorodskaya pravda. 3 avgusta: 4.
22. Kusakina V. 1982a. Konkurs dispetchero (Belgorodskoe otdelenie) [Dispatcher Competition (Belgorod Branch)]. Gudok. 23 maya: 3.
23. Kusakina V. 1982b. Novatorskij pocherk (o poezdnom dispetchere Belgorodskogo otdeleniya V. Solomatinoj) [Innovative handwriting (about the train dispatcher of the Belgorod Branch V. Solomatina)]. Gudok. 5 sentyabrya: 3.
24. Kusakina V. 1983. Effekt edinoj smeny [The effect of a single shift]. Belgorodskaya pravda. 6 iyunya: 4.
25. Men'shikova A.E. 2019. Vospominaniya [Memoirs]. Zapisala E.N. Men'shikova 11.03.2019. Belgorod, 15 s. komp. nabor.
26. Miheeva N.N. 2019. Vospominaniya [Memoirs]. Zapisala E.N. Men'shikova 20.03.2019. Belgorod, 16 s. komp. nabor.
27. Morozova V.I. 2019. Vospominaniya [Memoirs]. Zapisala E.N. Men'shikova 16.03.2019. Belgorod, 6 s. komp. nabor. (in Russian)
28. Nadeina V.P. 2019. Vospominaniya [Memoirs]. Zapisala E.N. Men'shikova 29.03.2019. Belgorod, 5 s. komp. nabor.
29. Novikova N.N. 2019. Vospominaniya [Memoirs]. Zapisala E. N. Men'shikova 17.03.2019. Belgorod, 9 s. komp. nabor.
30. Pochepskoj M. 1967. Na malen'koj stancii (kollektiv stancii Gostishchevo) [At a small station (the team Gostishchevo station)]. Belgorodskaya pravda. 13 sentyabrya: 2.
31. Pushkareva N.L. 1998. Istoriya zhenshchin i gendernyj podhod k analizu proshlogo v kontekste problem social'noj istorii. [The history of women and gender approach to the analysis of the past in the

context of problems of social history]. V kn.: Social'naya istoriya [Social history]. 1997. Ezhegodnik. Moscow, Publ. ROSSPEHN: 69–95.

32. Pushkareva N.L. 2001. Androginna li Mnemozina? (Gendernye osobennosti zapominaniya i istoricheskoy pamyati). V kn.: Sotvorenie istorii. Chelovek. Pamyat'. Tekst [The creation of history. Person. Memory. Text]. Nauch. red. L.P. Repina, otv. red. E.A. Vishlenkova. Kazan, Publ. Master-Lain: 274–304.

33. Pshenichnyh L. 2018. Bereza u ee doma (o nachal'nike stancii Solncevo G.V. Vasyukovoj) [Birch near her house (about the head of the station Solntsevo G. V. Vasyukova)]. Za chest' hleboroba. 6 iyulya: 3.

34. Rozhok V. 1984. Doch' soldata (ob opere central'nogo uzla YUZHD T.V. Domarevoj) [The daughter of a soldier (about the operator of the central hub of the Southern Railway)]. Belgorodskaya pravda. 15 iyulya: 3.

35. Rudu, cement, stanki i stal', nesi, stal'naya magistral'! [Ore, cement, machine tools and steel, carry, steel line] 1982. Oktyabr'skie zori. 8 yanvarya: 2.

36. Ryskin K. 1963. Podrugi (o dispetcherah Belgorodskogo otdeleniya A.N. Gorbunovoj, M.I. Efimovoj, S.F. Maznenko) [Girlfriends (about dispatchers of the Belgorod branch of A.N. Gorbunova, M.I. Efimova, S.F. Maznenko)]. Belgorodskaya pravda. 12 yanvarya: 3.

37. Stroganova L.I. 2019. Vospominaniya [Memoirs]. Zapisala E. N. Men'shikova 12.03.2019. Belgorod, 12 s. komp. nabor.

38. Tochki na karte Yuzhnoj. Na «maminoj» stancii (o nachal'nike stancii Solncevo G.V. Vasyukovoj) [Points on the map of South. At the "mother's" station (about the head of the station Solntsevo GV Vasyukova)]. 1991. Yuzhnaya magistral'. 1 yanvarya: 2.

39. Foto dezhurnoj po stancii Belgorod N.A. Shatalovoj – partorga kollektiva [Photo duty station at Belgorod N.A. Shatalova - party organizer of the team]. 1979. Gudok. 20 noyabrya: 3.

40. Shiryayeva L.I. 2019. Vospominaniya [Memoirs]. Zapisala E.N. Men'shikova 25.03.2019. Belgorod, 5 s. komp. nabor.

Ссылка для цитирования статьи Reference to article

Меньшикова Е.Н. «Мне в жизни не на кого было надеяться, не перед кем “нежиться”»: женщины-железнодорожницы в условиях размывания традиционных гендерных ролей в деле материального обеспечения семьи в конце 1960-х – 1980-х гг. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2019. Т. 46. № 3. С. 516–524. doi: 10.18413/2075-4458-2019-46-3-516-524

Menshikova E.N. «I won't back on anyone in my life, there was no one to “laze” oneself to»: women-railways under conditions of washing out traditional gender roles in the material support of the family in the end of the 1960s – 1980s. Belgorod State University Scientific Bulletin. History. Political Science. 2019. V 46. № 6. P. 516–524. doi: 10.18413/2075-4458-2019-46-3-516-524

УДК 355.354

DOI 10.18413/2075-4458-2019-46-3-525-534

**БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ВОЕННО-ВОЗДУШНЫХ СИЛ 40-й АРМИИ
В ПЕРИОД ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАЦИИ «ВОЛНА»
(22 НОЯБРЯ – 11 ДЕКАБРЯ 1985 г.)**

**MILITARY OPERATIONS OF THE 40th ARMY AIR FORCE
DURING THE OPERATION «WAVE»
(22 NOVEMBER – 11 DECEMBER 1985)**

**В.В. Гагин, Е.А. Шендрик
V.V. Gagin, E.A. Shendrikov**

Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина (г. Воронеж),
Россия, 394064, г. Воронеж, ул. Старых Большевиков, 54а

Air force Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin (Voronezh),
54a Staryh Bol'shevikov St, Voronezh, 394064, Russia

E-mail: generals78@mail.ru

Аннотация

На основе вновь вводимых в научный оборот документов из архива библиотеки Военно-воздушной академии имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина (г. Воронеж) представлена история участия военно-воздушных сил 40-й армии Ограниченного контингента советских войск в Афганистане в операции «Волна». Методологической основой исследования послужила система общетеоретических и общенаучных методов, а также проблемно-хронологический, историко-описательный и комплексный подходы, принципы историзма и научный объективизм. Рассмотрены цель и замысел операции, охарактеризованы задачи, стоявшие перед военно-воздушными силами 40-й армии, определены основные недостатки, выявленные в ходе их боевого применения, и подведены итоги боевых действий. В заключении сделаны выводы об эффективности применения советской авиации в операции «Волна».

Annotation

Based on the newly introduced into scientific circulation documents from the archive of the library of the Air force Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and Gagarin (Voronezh), the article presents the history of the participation of the air force of the 40th army of the Limited contingent of Soviet troops in Afghanistan in operation «Wave». The methodological basis of the study was the system of general theoretical and general scientific methods, as well as problem-chronological, historical-descriptive and complex approaches, the principles of historicism and scientific objectivism. The purpose and concept of the operation are analyzed, the tasks faced by air forces of the 40th army are characterized, the main shortcomings identified in the course of combat use of Soviet aviation are examined, and the results of the fighting are summed up. Lastly, the conclusions about the effectiveness of Soviet aviation in operation «Wave» are drawn.

Ключевые слова: ограниченный контингент советских войск в Афганистане, военно-воздушные силы 40-й армии, операция «Волна», Урузган, Кандагар, Туркманкалай.

Keywords: limited contingent of Soviet troops in Afghanistan, military-air forces of the 40th army, the operation «Wave», Uruzgan, Kandahar, Turkmankalay.

В 2019 г. исполнилось 30 лет со дня вывода ограниченного контингента советских войск (ОКСВ) из Демократической Республики Афганистан (ДРА). События, связанные почти с десятилетним его пребыванием на территории этой страны, являются одной из

наиболее трагических и вместе с тем героических страниц в новейшей отечественной военной истории. Это был первый случай в послевоенные годы, когда столь крупная группировка советских войск¹ на протяжении длительного времени принимала самое непосредственное участие в локальных боевых действиях за рубежом. За этот период советские войска, в основном части 40-й армии (А), в Афганистане провели 416² крупномасштабных операций [Отечественная военная история, Т. 2–3, 2003, с. 524–525]. Одни из них, наиболее показательной является «Магистраль», подробно изучены в исторической литературе, другие – рассмотрены фрагментарно или еще ждут своего исследователя. Одной из последних является операция «Волна». Имеющиеся в открытом доступе работы по этой теме содержат неточности и фактические ошибки. В частности, на сайте «Авиация в локальных конфликтах» содержится информация о том, что в декабре 1985 – январе 1986 гг. проводилась операция «Волна» по зачистке горного района Ислам-Дора [Авиация в локальных конфликтах, 2007]. Данное утверждение не полностью соответствует истине, поскольку основные боевые действия в период проведения операции шли с 22 ноября по 11 декабря 1985 г. в базовых районах Дехравут и Ислам-Дара³.

В настоящее время, благодаря рассекреченным в Военно-воздушной академии имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина документам, картам, схемам, таблицам и фотографиям штаба ВВС 40-й армии, которые в настоящее время хранятся в Архиве библиотеки академии, появилась возможность более детально осветить основные моменты проведения операции «Волна».

Пребывание ОКСВ на территории Афганистана принято делить на четыре этапа. Первый (декабрь 1979 г. – февраль 1980 г.) – ввод основного состава 40 А армии, размещение по гарнизонам, обустройство, организация охраны постоянных пунктов дислокации и различных объектов.

Второй (март 1980 г. – апрель 1985 г.) – участие в боевых действиях против вооруженной оппозиции совместно с афганскими соединениями и частями, оказание помощи в реорганизации и укреплении вооруженных сил ДРА.

Третий (май 1985 г. – декабрь 1986 г.) – переход к поддержке операций, проводимых силами ВС ДРА, наряду с подготовкой и осуществлением собственных силами ОКСВ, включая авиацию ВВС 40 А.

Четвертый (январь 1987 г. – февраль 1989 г.) – боевые действия, направленные на укрепление народной власти на основе политики национального примирения, продолжение работ по укреплению вооруженных сил ДРА и поддержка их боевых действий, планирование и полный вывод ОКСВ на территорию Советского Союза [Рубцов, 2009, с. 58].

Операция «Волна» проводилась на третьем этапе пребывания ОКСВ на территории Афганистана. Она длилась с 22 ноября по 11 декабря 1985 г. и проводилась с целью разгрома «сил контрреволюции в провинциях Урузган, Кандагар, Туркманкалай, а также создания условий для расширения в ней народной власти и воспрещения проникновения мятежников вглубь страны в их районах»⁴. Замыслом операции предусматривалось внезапными ударами фронтовой и армейской авиации, огнем артиллерии, высадкой тактических воздушных десантов (ТВД), блокированием и последовательным прочесыванием ущелий нанести поражение наиболее активным бандам противника, уничтожить склады, средства противовоздушной обороны (ПВО). Для этого были спланированы совместные боевые действия советских и афганских войск⁵.

¹ В 1985 г. ОКСВ достиг наибольшей численности – 108,7 тыс. чел., в т. ч. в боевых частях – 73,6 тыс. чел. [Новейшая военная энциклопедия. Сила и гордость новой России, 2007, с. 1053].

² По другим данным – более 420 операций. См.: [Силкин, 2016, с. 160].

³ Архив библиотеки ВУНЦ ВВС «ВВА». Сборник материалов по боевому применению ВВС 40-й армии в 1979–1989 гг. Т. 13. Л. 333.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Название «Волна» для этой операции было выбрано не случайно. По замыслу штаба 40 А, боевые действия должны были проводиться последовательно по времени, но без оперативных пауз, подобно волне с севера на юг (по карте – сверху вниз). Это должно было вынудить уцелевших под ударами ТВД мятежников уходить к границе с Пакистаном. В приграничных районах силами фронтовой и армейской авиации проводились мероприятия по изоляции района боевых действий, устраивались приграничные засады подразделений спецназначения (СпН). Для обеспечения внезапности использовались обходные действия частей и подразделений сухопутных войск.

Выбор данной тактики обусловлен особенностью ведения боевых действий афганскими бандформированиями, которые, в частности, считали необходимым избегать прямых столкновений с превосходящими силами регулярных войск, а в случае встречи с ними быстро расчленяться на мелкие группы и осуществлять отход в труднодоступные районы местности; повышать мобильность формирований мятежников и не превращать боевые действия в позиционную борьбу с регулярными войсками; не допускать ведения таких боевых действий, которые могли бы привести к полному разгрому формирований [Вострокнутов, 2011, с. 170–171].

Значительную роль в осуществлении боевой деятельности во время Афганской войны играли военно-воздушные силы (ВВС) 40 А (до 1980 г. – части 34-го авиакорпуса). Командующими ВВС 40 А в период проведения операции «Волна» были Колодий Геннадий Васильевич (04.10.1983–01.12.1985) и Кот Виктор Севастьянович (01.12.1985–16.09.1986) [Герой Советского Союза Кот Виктор Севастьянович, 2012]. За период пребывания в Афганистане через авиацию 40 А в порядке ротации воинских частей прошли 6 истребительных авиационных полков (ИАП), 1 штурмовой авиационный полк (ШАП), 1 отдельная штурмовая авиационная эскадрилья (ОШАЭ), 1 отдельный смешанный авиационный полк (ОСАП), 4 истребительно-бомбардировочных авиационных полка (ИБАП), 8 отдельных вертолётных авиационных полков (ОВАП), 11 отдельных вертолётных авиационных эскадрилий (ОВАЭ). Штаб ВВС 40-й армии размещался в Кабуле. В качестве основных мест базирования авиации использовались аэродромы Кабул, Кандагар и Баграм. Они были оборудованы системами связи и радиотехнического обеспечения, а также обслуживания авиатехники из СССР, что упрощало задачи ремонта и обслуживания на них самолетов [Современная армия, 2012].

В период операции части ВВС 40 А выполняли следующие задачи: высадка батальонов тактических воздушных десантов, их обеспечение и в дальнейшем авиационная поддержка десанта; нанесение авиационных ударов; непрерывное ведение воздушной разведки, воздушное фотографирование, активные разведывательно-ударные действия с целью надежной изоляции района боевых действий; прикрытие и сопровождение колонн; перевозка войск и грузов, эвакуация раненых и больных.

Для выполнения поставленных боевых задач привлекались силы 23 батальонов (советских – 11, афганских – 12)¹.

Основные боевые действия, как отмечалось выше, происходили в базовых районах Дехравут и Ислам-Дара. Здесь была создана глубоко эшелонированная система опорных пунктов, которую пришлось преодолевать, массированно применяя фронтовую авиацию (ФА), боевые вертолеты Ми-24 и артиллерию.

Следует подчеркнуть, что на основании боевого опыта, полученного в предыдущих операциях, были предложены организационные формы смешанных вертолетных эскадрилий, где штатным расписанием определялся порядок взаимодействия транспортных и боевых вертолетов при непосредственной поддержке мотострелковых подразделений².

Нельзя обойти вниманием и тот факт, что при разработке операции «Волна» были учтены недостатки и ошибки (слабая разведка, недостаточное знание местности экипажа-

¹ Архив библиотеки ВУНЦ ВВС «ВВА». Т. 13. Л. 333.

² Там же. Т. 16. ЛЛ. 440–442.

ми и др.), допущенные, в частности, в операции в провинции Нангархар, проведенной с 10 марта по 2 апреля 1985 г.¹

Что касается фронтовой авиации, то при сильном противодействии сил ПВО она действовала группами штурмовиков, истребителей-бомбардировщиков и истребителей по координатам с использованием фотопланшетов. Обычно обеспечивалась достаточно высокая точность попадания авиационных средств поражения (АСП) в цель [Усиков, Буртин, Гаврилов, Ташлыков, 2008, с. 383].

Советские летчики, как бы ни относились к пребыванию советских войск в Афганистане², рискуя жизнью, а иногда и её ценой выполняли поставленные перед ними боевые задачи. Так, доблесть и героизм проявил в операции «Волна» экипаж лейтенанта Е.С. Мельникова. Евгений Станиславович служил в Афганистане с октября по декабрь 1985 г. штурманом вертолета Ми-8 280-го отдельного вертолётного полка (в/ч п. п. 17668, Кандагар). В составе экипажа он совершил 52 боевых вылета на десантирование ТВД и групп спецназа в районы, контролируемые мятежниками, доставил 11 тонн боеприпасов и продовольствия на высокогорные площадки, эвакуировал из районов боевых действий 4 раненых. 25 ноября его экипаж выполнял боевой вылет по доставке боеприпасов в район населённого пункта Дехравут. Вертолет попал под интенсивный огонь противника. Умело выполняя маневр, экипаж сумел вывести машину в безопасную зону и при повторном заходе уничтожил огневые точки душманов. 6 декабря экипаж отважного штурмана эвакуировал группу спецназа, окруженную мятежниками. Под непрерывным огнем противника вертолет сел на площадку. При взлете он был обстрелян из пулеметов ДШК. Вертолет потерял управление, упал и взорвался. Экипаж погиб. Лейтенант Е.С. Мельников посмертно был награжден орденом Красной Звезды [Ярославцы в афганской войне, 2019].

Отдельно нужно сказать об условиях, в которых приходилось советским воинам выполнять поставленные командованием боевые задачи. Первый секретарь советского посольства в Кабуле Г.П. Авдеев позднее с восхищением писал, что советские воины, молодые ребята 19–20 лет, стойко переносили все тяготы войны [Авдеев, 2008, с. 16].

Командующий ВВС 40 А в 1981–1982 гг., а затем командующий ВВС Туркестанского военного округа в 1984–1990 гг., видный советский авиационный военачальник генерал-полковник авиации В.Г. Шканакин, являвшийся непосредственным участником боев (360 вылетов на афганском ТВД на различных типах и модификациях вертолетов и боевых самолетов, из них 100 – непосредственно на боевое применение), подводя итоги боевого применения ВВС ОКСВА, отмечал, что его товарищи по летной работе были поставлены в сложные во всех отношениях условия – летать приходилось над непривычной горно-пустынной местностью в чрезвычайно неблагоприятных условиях и навигационной обстановке. Важнейшее значение Владимир Григорьевич придавал укреплению боевого духа летно-технического состава: «За каждой складкой местности таилась смертельная угроза. Военные летчики, но сформировавшиеся и привыкшие к мирному времени, они тем не менее всегда находили возможность подбодрить и настроить на полет тех, кто в этом нуждался. И делалось это всегда в искренней, тактичной форме, по-доброму. И это мне приходилось чувствовать на себе, несмотря на существенную разницу в возрасте и воинском звании» [Отчет о научно-исследовательской работе, 2017, с. 178–179].

В ходе операции «Волна» летный состав ВВС 40 А выполнил следующие задачи. В период с 13 по 30 ноября 1985 г. на 19 площадок десантирования произведена высадка 19 ТВД общей численностью 2193 человека. В подготовительный период и непосредственно в ходе боевых действий советскими летчиками были выполнены

¹ Архив библиотеки ВУНЦ ВВС «ВВА». Т. 11. ЛЛ. 266–274.

² На протяжении долгого времени ведутся многочисленные дискуссии о том, как следует трактовать десятилетнее присутствие ОКСВ на территории Афганистана («советско-афганская война», «интервенция», «оккупация», «агрессия СССР»); было ли продиктовано решение о вводе на территорию Афганистана ОКСВ желанием СССР оказать интернациональную помощь и поддержать дружественный режим, или оно отражало один из этапов политики Советского Союза в третьем мире? [Черемисова, 2012. с. 121].

массовые перевозки личного состава частей и соединений сухопутных войск армии – 5882 человека и 326 тонн груза. Всего на десантирование ими было выполнено 508 полетов с налетом 486 часов.

При нанесении 327 авиационных ударов по бандформированиям было выполнено 1004 вылета при налете 777 часов. На ведение воздушной разведки выполнено 230 полетов с общим налетом 294 часа. По различным объектам мятежников летчики нанесли 38 авиационных ударов. На воздушное фотографирование было выполнено 70 полётов с налетом 108 часов. Для создания помех инфракрасным головкам самонаведения зенитных ракет выполнялось постановка светящихся авиабомб САБ-250, 100 с самолётов МиГ-23, Су-17, Су-25. На решение этой задачи выполнено 22 полета с налетом 16 часов. Управление боевых действий и ретрансляция осуществлялась с самолетов Ан-26РТ. Всего на боевое управление и ретрансляцию выполнен 121 полет с налетом 595 часов. Поисково-спасательное обеспечение (ПСО) выполнялось вертолетами Ми-8. Всего выполнено 8 поисково-спасательных работ по обнаружению места приземления. Выполнено 360 полетов с налетом 621 час. Перевозка войск и грузов выполнялась самолетами Ан-12, Ан-26, вертолетами Ми-6, Ми-8. Всего на перевозку выполнено 1008 вылетов с налетом 1327 часов. Всего за период операции в провинции Кандагар выполнено 4300 полетов с общим налетом 5753 часа¹.

Тактические приемы, применяемые фронтовой и армейской авиацией (АА) при нанесении авиационных ударов, в ходе операции «Волна» как в период подготовки к высадке ТВД, так и в процессе ведения боевых действий, продолжали совершенствоваться.

Повышению эффективности подавления средств ПВО, уничтожения живой силы и огневых точек противника в районе площадок десантирования способствовало последовательное нанесение массированных ударов за день до высадки и непосредственно перед высадкой ТВД. Порядок выполнения массированных ударов и выполнение высадки ТВД был следующий: за 40 мин. – 1 час до установленного времени высадки ТВД наносила удары по средствам ПВО артиллерия, за 40 – 10 мин. – наносились удары ФА по площадкам десантирования и по заранее спланированным целям (пунктам управления, исламским комитетам, узлам связи, складам, скоплениям мятежников, средствам ПВО, укрепленным районам) вновь выявленным целям. За 15–12 минут до высадки ТВД наносила удары по средствам ПВО артиллерия, площадки десантирования обрабатывались 2–4 самолетами Су-25 объемно-детонирующими авиабомбами (ОДАБ-500). За 10 минут до высадки 4–6 вертолетов Ми-24 также обрабатывали площадки и склоны неуправляемыми (НАР) и управляемыми (УР) ракетами и выполняли прикрытие десанта в момент посадки вертолетов Ми-8, уничтожая вновь выявленные средства ПВО, огневые точки и живую силу противника. Прикрытие высадки ТВД осуществлялось также парой самолетов Су-25, которые выполняли барражирование над местом высадки на высоте 3500–4500 м.

Нельзя не отметить, что успешному выполнению высадки десанта способствовала и обработка коридоров пролета длиной до 4 км силами артиллерии, фронтовой и армейской авиации.

Положительные результаты принесло и взаимодействие самолетов Су-25 и вертолетов Ми-24. При проведении боевых действий удары выполнялись потоком пар, звеньев, наносились одновременные удары составом эскадрильи. Пара вертолетов Ми-24 находилась в зоне дежурства в районе объекта над характерным ориентиром, причем вне видимости и вне зоны поражения ПВО противника. Ударная группа из двух самолетов Су-25 после выхода в заданный район, уточняла место нахождения цели и пары Ми-24. Находясь над целью, командир ударной группы информировал экипажи Ми-24 об обнаружении цели и выходе на боевой курс (БК). Экипажи Ми-24, наблюдая за авиауда-

¹ Архив библиотеки ВУНЦ ВВС «ВВА». Т. 13. Л. 334.

рами Су-25, тем временем занимали удобное исходное положение для атаки позиций ПВО противника, осуществляющей обстрел, спровоцированный ложной атакой штурмовиков. Авиаудары по выявленным целям вертолеты осуществляли с БК, отличным от БК штурмовиков на 30–45°. Самолеты Су-25 после прикрытия вертолетов добивали цель. Атаку по вновь выявленным целям выполняли экипажи, первыми обнаружившие цели, с информацией об атаке остальных экипажей.

Необходимо отметить хорошую прицельную работу летчиков 378-го отдельного штурмового авиационного полка (ОШАП) на самолетах Су-25 в ходе поддержки десанта. В этом была большая заслуга командира полка полковника А.В. Руцкого, учившего своих пилотов штурманской подготовке и ориентированию систематически и целенаправленно. Позднее Герой Советского Союза полковник А.В. Руцкой о тактике применения штурмовиков Су-25 в Афганистане писал следующее: «Закрепление за боевыми группами самолетов-штурмовиков по секторам боевых действий участков границ, дорог и троп. Для того, чтобы каждая группа после досконального изучения горного рельефа местности могла не только вести постоянную разведку и уничтожение обнаруженных целей, но и летать в любых условиях (в пыльные бури, ночью – именно тогда, когда идет активное перемещение колонн, караванов, перевозящих боеприпасы, ракеты, мины). Секторная система позволяла летчику настолько освоить район боевых действий, что через месяц каждая ударная группа знала все дороги, все тропы, перевалы, ущелья, что дало возможность летать на предельно малых высотах и наносить внезапные удары. Кроме этого, каждая ударная группа определила себе и наиболее эффективные средства поражения с учетом рельефа местности района боевых действий. Это позволяло каждому летчику освоить в совершенстве боевой удар с применением того или иного маневра и боеприпаса» [Руцкой, 1995, с. 46].

В узких ущельях советские летчики в основном применяли один максимально мощный бомбово-штурмовой удар, чтобы не допустить рассредоточения противника. Это позволял сделать Су-25, который за 8 лет боевой эксплуатации в Афганистане подтвердил высокую живучесть и боевую эффективность [Анфалов, Медведев, Корнилов, 2015, с. 7–8; Самойлович, 1999, с. 92]. Руцкой отмечал: «Такой способ боевых действий не давал моджахедам активно вести боевые действия против наших и афганских войск, сосредотачивать силы и средства на том или ином направлении. Этот способ был бы наиболее эффективен, если бы каждый основной аэродром Кабула, Кундуза, Джелалабада, Баграма, Кандагара, Шиндандта, Герата имел хотя бы по две эскадрильи Су-25. Но такой возможности не было, так как самолет был новый, мощностей тбилисского завода не хватало, не было и летчиков, заранее подготовленных для этого типа самолета. Поэтому воевали тремя эскадрильями с постоянно меняющимся местом базирования, имея при этом две опорные точки – Баграм и Кандагар с нагрузкой на летчика в сутки: днем – 4–5 боевых вылетов, ночью – 2–3 боевых вылета. И это при каторжной нагрузке на технический состав (каждый самолет надо заправить, осмотреть, проверить все системы, необходимо подвесить 2–3 тонны боеприпасов и зарядить пушки)» [Руцкой, 1995, с. 46–47].

С целью надежной блокировки мятежников и караванов в районе боевых действий и срыва подхода к ним подкрепления активно велись разведывательно-ударные действия. По мере необходимости для наращивания усилий привлекались истребители-бомбардировщики, которые вызывались через самолет-ретранслятор Ан-26РТ.

В операции был отработан новый способ уничтожения ПВО противника с помощью «Разведывательно-ударного комплекса» (РУК) штурмовой авиации и ударной вертолетной авиации. Его смысл заключался в том, чтобы вынудить ПВО мятежников открыть огонь по вертолетам или самолетам на максимальной дальности и тем самым обнаружить себя. Используя эту возможность, штурмовая авиация уничтожала ПВО.

В ходе операции «Волна» также впервые были проведены полеты днем и ночью РУК с использованием осветительных ракет типа «Мортира». В состав групп входило 6 вертолетов (один Ми-8 с ракетами С-5-01, один Ми-8 с 6 ракетами 9М41 «Мортира»,

один Ми-8 с 4 светящимися авиабомбами (САБ-250) и три Ми-24), наносивших авиаудары по обнаруженным целям. При этом порядок выполнения полета на выполнение разведки и ночью был следующим. Первым взлетал вертолет-осветитель разведчик с ракетами С-5-1, вторым – вертолет подсветки цели с ракетами типа «Мортира», третьим – ударная группа, четвертым – вертолет осветитель с САБ. Полет до пункта начала размыкания выполнялся в боевом порядке «колонна вертолетов» на временном интервале 10–15" (дистанция 300–400 м) с превышением относительно впереди летящего вертолета 100–120 м¹.

Все удары штурмовой авиации выполнялись в условиях противодействия ПВО мятежников. За период боевых действий визуальным наблюдением сухопутных войск и летным составом было отмечено 18 пусков переносных зенитных ракетных комплексов (ПЗРК), 14 обстрелов зенитных горных установок (ЗГУ), 21 обстрел пулеметов ДШК² непосредственно по ударным группам штурмовой авиации³. На вооружении отрядов оппозиции находилось оружие, в основном поставляемое из США, Египта, Израиля и других стран. Госдепартамент США постоянно усиливал поддержку бандформирований техникой и вооружением. В 1980–1984 гг. американцы оказали помощь афганской вооруженной оппозиции на общую сумму 625 млн долларов. Начиная с 1985 г. афганские повстанцы стали получать по 50 тыс. т вооружений и боеприпасов ежегодно. В январе 1985 г. моджахеды получили зенитные автоматы «Эрликон» и ПЗРК «Блоупайп». Тогда же начались поставки вооруженной оппозиции ПЗРК «Стингер» [Рабуш, 2017, с. 79, 80, 82–84].

Благодаря правильному построению маневров, использованию бортовых средств противодействия ПВО за период боевых действий потерь не было. Тем не менее некоторые самолеты имели боевые повреждения. В частности, 23 ноября 1985 г. при обработке площадок десантирования была получена пробоина в хвостовой части фюзеляжа самолета. Минимальная высота вывода из атаки – 1600 м, скорость – 760 км/ч. Летчик – командир звена капитан В.П. Шаколин. В тот же день при нанесении удара по позиции ЗГУ получил пробоину в носовой части фюзеляжа еще один самолет. Минимальная высота вывода из атаки – 1600 м, скорость – 790 км/ч. Летчик – командир звена капитан М.И. Голубых. Самолеты силами технико-эксплуатационных частей (ТЭЧ) введены в строй в день повреждения⁴.

Анализируя операцию «Волна», нельзя обойти вниманием и отработку нового способа подготовки района десантирования и непосредственной поддержки и прикрытия высадки десанта при взаимодействии штурмовой и армейской авиации. По данной схеме было выполнено 2 десантирования в районе Бадвингар (Кандагар): при выполнении десантирования по вертолетам в районах снижения, посадки, взлета и набора высоты не было произведено ни одного выстрела, хотя район изобиловал бандформированиями. Во всех способах нанесения ударов использовались атаки с различных направлений и высот, с использованием различных видов вооружения в одном ударе (на каждом самолете различная подвеска видов вооружения). Атаки выполнялись с максимальными угловыми скоростями перемещения самолета относительно цели с одновременным выполнением атак с различных направлений с отстрелом ложных тепловых целей (ЛТЦ) и непрерывающимся огнем воздействием по цели. Среди тактических приемов поиска и нанесения ударов, исключая поражение самолетов средствами ПВО мятежников, необходимо отметить такие, как «Ромашка», «Гребешок», «Тюльпан», «Круг», «Сектор», «Ножницы» (названия даны условно). Перечисленные способы атак наземных целей командир звена выбирал сам, подавая подчиненным команду с условным названием способа атаки.

В итоге тщательно спланированная операция в целом дала положительные результаты. Совместные действия армейской авиации и подразделений сухопутных войск, особенно давшие эффект в виде нескольких крупных ТВД, привели к тому, что основные

¹ Архив библиотеки ВУНЦ ВВС «ВВА». Т. 13. Л. 343.

² Советский пулемет Дегтярева-Шпагина крупнокалиберный.

³ Архив библиотеки ВУНЦ ВВС «ВВА». Т. 13. Л. 343.

⁴ Там же.

группировки мятежников были рассеяны или же выведены из района боевых действий. При этом по состоянию на 11 декабря 1985 г. было уничтожено до 40 групп мятежников (496 чел.), дезорганизована система управления. Нанесено 530 авиационных ударов и уничтожено авиацией позиций: ДШК – 56, ЗГУ – 4, ПЗРК – 8, БО – 4, РПГ – 9, минометов – 12. Также были уничтожены: казарма – 1, опорных пунктов – 26, складов горюче-смазочных материалов (ГСМ) – 2, складов боеприпасов (БП) – 14, крепостей – 8, машин – 27, караванов – 6 (49 вьючных животных), пещер – 7, тракторов с прицепом – 1¹.

Было израсходовано авиационных средств поражения: ОФАБ² – 649 шт., РБК-500³ – 557 шт., ОДАБ-500⁴ – 58 шт., БЕТАБ-500⁵ – 278 шт., ЗАБ-500⁶ – 36 шт., ФАБ-250⁷ – 979 шт., РБК-250 – 416 шт., САБ-250 – 158 шт., САБ-100 – 119 шт., С-5 – 4143 шт., С-28 – 3972 шт., С-24 – 198 шт., «Штурм»⁸ – 40 шт. Израсходовано топлива – 7500 тонн⁹.

Подводя итоги операции, следует отметить, что в ходе её проведения были выявлены и некоторые недостатки. Одним из них является несвоевременная и недостаточная работа командиров всех степеней по организации планирования боевых действий в подготовительный период к проведению операции «Волна» (возможно, по причине повышенной общей секретности подготовки). Поэтому задачи по созданию необходимых запасов материально-технического обеспечения, средств управления, подготовке авиационной техники и летного состава решались уже непосредственно в период перегруппировки личного состава, авиатехники на аэродром Кандагар¹⁰.

Таким образом, несмотря на указанные проблемы при осуществлении подготовки и организации боевых действий авиации, отдельные недостатки управления и реализации боевых планов, выявленные руководством ВВС 40 А, боевая работа ФА и АА способствовала выполнению задач операции «Волна» и была признана командованием 40 А вполне удовлетворительной. Операция продемонстрировала возросшее оперативно-тактическое мастерство советского командования, боевую выучку сухопутных войск и слаженность взаимодействия фронтовой и армейской авиации, ракетных войск и артиллерии при высадке многочисленных тактических воздушных десантов и широкомасштабной непосредственной огневой поддержке. Она в очередной раз подтвердила, что в процессе взаимодействия авиации с наземными войсками появилась качественно новая форма в деятельности ВВС: основные результаты нередко достигаются авиацией, а действия наземных войск носят закрепляющий характер. Тем более что в условиях горно-пустынной местности вне зависимости от замысла операции доставить десант на площадку или спасти его в случае неминуемой гибели можно было только с помощью вертолетов [Гагин, 2004, с. 6]. Операция также доказала, что на положительные результаты серьезное влияние оказывает многократное боевое воздействие на сильно потрепанного и деморализованного противника. Несмотря на объективные трудности использования боевой авиации в горно-пустынной местности, летно-технический состав проявил высокий профессионализм и самоотверженность при выполнении задач по воздушной разведке, высадке тактических воздушных десантов, непосредственной поддержке, подавлению противовоздушной обороны мятежников, сопровождению колонн и изоляции района боевых действий.

В целом опыт и практика применения Военно-воздушных сил в боевых действиях, накопленные в результате войны в Афганистане 1979–1989 гг. [Силкин, 2016, с.], на раз-

¹ Архив библиотеки ВУНЦ ВВС «ВВА». Т. 13. Л. 334.

² Осколочно-фугасная авиационная бомба.

³ Разовая бомбовая кассета.

⁴ Объемно-детонирующая авиационная бомба.

⁵ Бетонобойная авиационная бомба.

⁶ Зажигательная авиационная бомба.

⁷ Фугасная авиационная бомба.

⁸ Противотанковый ракетный комплекс «Штурм».

⁹ Архив библиотеки ВУНЦ ВВС «ВВА». Т. 13. Л. 335.

¹⁰ Там же. Л. 337.

витие которых определенное влияние оказала операция «Волна», дали богатую пищу для размышлений о тактике непосредственной авиационной поддержки с воздуха сухопутных войск в условиях безориентирной и сильно пересеченной местности.

Список литературы

1. Архив библиотеки ВУНЦ ВВС «ВВА». Сборник материалов по боевому применению ВВС 40-й армии в 1979–1989 гг. Т. 11, 13, 16.
2. Авиация в локальных конфликтах. URL: <http://www.skywar.ru/42808586.html> (дата обращения: 23.04.2019).
3. Анфалов Е.В., Медведев В.Д., Корнилов Г.А. 2015. Рождение штурмовика Су-25 в афганском конфликте. Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Познание», 9: 5–8.
4. Вострокнутов А.А. 2011. Особенности тактики афганских мятежников во время войны в Демократической Республике Афганистан (1979–1989). Вестник академии военных наук, 3(36):170–173.
5. Гагин В.В. 2004. Воздушная война в Афганистане. Том первый. Воронеж, ИЛДВА, 101.
6. Герой Советского Союза Кот Виктор Севастьянович. URL: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=3169 (дата обращения: 23.04.2019).
7. Новейшая военная энциклопедия. Сила и гордость новой России. Редкол.: А.П. Горкин [и др.]. 2007. М., РИПОЛ классик, 1664.
8. Отечественная военная история. В трех томах. Т. 2–3. 2003. Авт. В.В. Абатуров, Ю.А. Алексеев, А.Д. Борщов и др. М., Издательский дом «Звонница-МГ», 656.
9. Отчет о научно-исследовательской работе «Опыт применения Военно-воздушных сил СССР в войне в Афганистане (1979–1989 гг.)». 2017. ВУНЦ ВВС «ВВА им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж). Воронеж, 254.
10. Рабуш Т.В. 2017. Оказание администрацией США непрямой военной поддержки афганским моджахедам в 1980-е годы. Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 22. 1: 77–87.
11. Рубцов Ю.В. 2009. Советский Союз в «необъявленной» войне в Афганистане (1979–1989 годы): осмысление прошлого. Новая и новейшая история, 1: 48–71.
12. Руцкой А.В. 1995. О нас и о себе. М., Научная книга, 376.
13. Самойлович О.С. 1999. Рядом с Сухим. М., «От винта!», 136.
14. Силкин Н.Н. 2016. Знать и учитывать опыт боевых действий войны в Афганистане (1979–1989 гг.). Мир политики и социологии, 8: 158–163.
15. Современная армия. URL: <http://www.modernarmy.ru/article/208> (дата обращения: 23.04.2019).
16. Усиков А.В., Бурутин Г.А., Гаврилов В.А., Ташлыков С.Л. 2008. Военное искусство в локальных войнах и вооруженных конфликтах. Вторая половина XX – начало XXI века. Под общей редакцией генерал-полковника А.С. Рукшина. М., Воениздат, 765.
17. Черемисова Э.А. 2012. Ввод советских войск в Афганистан: политический ход СССР или стратегия США в контексте холодной войны? Вестник СПбГУ. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика, Вып. 4: 121–127.
18. Ярославцы в афганской войне. URL: <http://afghan-yar.msk.ru/page.php?id=64> (дата обращения: 23.04.2019).

References

1. Arhiv biblioteki VUNC VVS «VVA». Sbornik materialov po boevomu primeneniju VVS 40-j armii v 1979–1989 gg. T. 11, 13, 16. [The archive library of MESC AF. Collection of materials on combat use of the air force of the 40th army in 1979–1989. Vol. 11, 13, 16]
2. Aviacija v lokal'nyh konfliktah. [Aviation in local conflicts]. Available at: <http://www.skywar.ru/42808586.html> (accessed: 23.04.2019) (in Russian).
3. Anfalov E.V., Medvedev V.D., Kornilov G.A. 2015. Rozhdenie shturmovika Su-25 v afganskom konflikte. [The birth of the Su-25 attack aircraft in the Afghan conflict] Modern science: actual problems of theory and practice. Series «Knowledge», 9: 5–8.

4. Vostroknutov A.A. 2011. Osobennosti taktiki afganskih mjatezhnikov vo vremja vojny v Demokraticheskoj Respublike Afganistan (1979–1989). [Features of tactics of Afghan rebels during the war in the Democratic Republic of Afghanistan (1979–1989)]. Bulletin of the Academy of military Sciences, 3(36): 170–173.
5. Gagin V.V. 2004. Vozdushnaja vojna v Afganistane. Tom pervyj. [Air war in Afghanistan. The first volume] Voronezh, ILDVA, 101.
6. Geroj Sovetskogo Sojuza Kot Viktor Sevast'janovich. [Hero of The Soviet Union Kot Victor Sevastyanovich]. Available at: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=3169 (date accessed: 23.04.2019) (in Russian).
7. Novejšhaja voennaja jenciklopedija. Sila i gordost' novej Rossii. Redkol.: A.P. Gorkin [i dr.]. 2007. [The newest military encyclopedia. Strength and pride of the new Russia. Ed. board.: A.P. Gorkin [and others]] M., RIPOL classic, 1664.
8. Otechestvennaja voennaja istorija. V treh tomah. T. 2–3. 2003. Avt. V.V. Abaturov, Yu.A. Alekseev, A.D. Borshchov i dr. [Russian military history. In three volumes. Vol. 2–3] M., Publishing house «Belfry-MG», 656.
9. Otchet o nauchno-issledovatel'skoj rabote «Opyt primenenija Voенно-vozdushnyh sil SSSR v vojne v Afganistane (1979–1989 gg.)». 2017. [Report on the research work «the Experience of the Soviet Air force in the war in Afghanistan (1979–1989)»]. MESC AF Professor N.E. Zhukovsky and Gagarin (Voronezh). Voronezh, 254.
10. Rabush T.V. 2017. Okazanie administraciej SShA neprjamoj voennoj podderzhki afganskim modzhahedam v 1980-e gody. [The US administration providing indirect military support to the Afghan Mujahideen in the 1980s]. Bulletin Of The Volga. Series 4, History. Regional studies. International relations. Vol. 22. 1: 77–87.
11. Rubcov Ju.V. 2009. Sovetskij Sojuz v «neobjavlennoj» vojne v Afganistane (1979–1989 gody): osmyslenie proshlogo. [The Soviet Union in the «undeclared» war in Afghanistan (1979–1989): understanding the past] New and recent history, 1: 48–71.
12. Ruckoj A.V. 1995. O nas i o sebe. [About us and myself]. M., Scientific book, 376.
13. Samoilovich O.S. 1999. Ryadom s Suhim. [Alongside with Suchoy]. M., «Clear prop!», 136.
14. Silkin N.N. 2016. Znat' i uchityvat' opyt boevyh dejstvij vojny v Afganistane (1979–1989 gg.). [Know and take into account the experience of fighting in the war in Afghanistan (1979–1989)]. World of politics and sociology, 8: 158–163.
15. Sovremennaja armija. [Modern army]. Available at: <http://www.modernarmy.ru/article/208> (accessed: 23.04.2019) (in Russian).
16. Usikov A.V., Burutin G.A., Gavrilov V.A., Tashlykov S.L. 2008. Voенное искусство v loka-l'nyh vojnah i vooruzhennyh konfliktah. Vtoraja polovina XX – nachalo XXI veka. Pod obshej redakciej general-polkovnika A.S. Rukshina. [Military art in local wars and armed conflicts. The second half of XX – beginning of XXI century. Edited by Colonel-General A.S. Rukshin]. M., Voenizdat, 765 (in Russian).
17. Cheremisova Je.A. 2012. Vvod sovetskih vojsk v Afganistan: politicheskij hod SSSR ili strategija SShA v kontekste holodnoj vojny? [Soviet invasion in Afghanistan: the political course of the USSR or the US strategy in the context of the cold war?] Bulletin of St. Petersburg University. Ser. 9. Philology. Orientalism. Journalism, Issue.4: 121–127 (in Russian).
18. Jaroslavcy v afganskoj vojne. [The citizens of Yaroslavl in the Afghan war]. Available at: <http://afghan-yar.msk.ru/page.php?id=64> (accessed: 23.04.2019) (in Russian).

Ссылка для цитирования статьи **Reference to article**

Гегин В.В., Шендриков Е.А. Боевые действия военно-воздушных сил 40-й армии в период проведения операции «Волна» (22 ноября – 11 декабря 1985 г.). Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2019. Т. 46. № 3. С. 525–534. doi: 10.18413/2075-4458-2019-46-3-525-534

Gagin V.V., Shendrikov E.A. Military operations of the 40th army air force during the operation «Wave» (22 November – 11 December 1985). Belgorod State University Scientific Bulletin. History. Political Science. 2019. V 46. № 3. P. 525–534. doi: 10.18413/2075-4458-2019-46-3-525-534

УДК 930.1

DOI 10.18413/2075-4458-2019-46-3-535-543

**ТРИДЦАТЬ ЛЕТ ИЗ ИСТОРИИ НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
(К ЮБИЛЕЮ ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК,
ПРОФЕССОРА НАТАЛЬИ ЛЬВОВНЫ ПУШКАРЕВОЙ)**

**THIRTY YEARS FROM THE HISTORY OF SCIENTIFIC DIRECTION
IN DOMESTIC HISTORIOGRAPHY
(TO THE ANNIVERSARY OF DOCTOR OF HISTORICAL SCIENCES,
PROFESSOR NATALIA LVOVNA PUSHKAREVA)**

**З.З. Мухина, С.В. Канныкин, Л.Н. Пивоварова
Z.Z. Mukhina, S.V. Kannykin, L.N. Pivovarova**

Старооскольский технологический институт им. А.А. Угарова (филиал)
Национального исследовательского технологического университета «МИСиС»,
Россия, 309516, Белгородская область, г. Старый Оскол, микрорайон Макаренко, д. 42

A.A. Ugarov Stary Oskol Technological Institute (branch)
of National Research Technological University «MISIS»,
42 Makarenko microdistrict, Stary Oskol, Belgorod, 309516, Russia

E-mail: mukhiny@mail.ru, stvk2007@yandex.ru, lidia.pivovarova@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию научной и общественной деятельности известного российского историка, антрополога, основоположника исторической феминологии и гендерной истории в советской и российской науке, доктора исторических наук, профессора, заведующей сектором этногендерных исследований Института этнологии и антропологии Российской академии наук, президента Российской ассоциации исследователей женской истории (РАИЖИ) Натальи Львовны Пушкаревой. На основе биографического анализа в статье определяется значение трудов Н.Л. Пушкаревой в становлении и развитии гендерной проблематики в отечественной гуманитаристике. Особенное внимание уделяется книге Н.Л. Пушкаревой «Женщины Древней Руси», с которой 30 лет назад начался ее путь в большую науку, а также участию Л.Н. Пушкаревой в научной жизни Белгородчины.

Abstract

The article is devoted to the study of the scientific and social activities of the famous Russian historian, anthropologist, founder of historical feminology and gender history in Soviet and Russian science, doctor of historical sciences, professor, head of the ethnogenic research sector of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, president of the Russian Association of Women's History Studies (RAIZHI) Natalia Lvovna Pushkareva. Based on the biographical analysis, the article determines the value of the works of N.L. Pushkareva in the formation and development of domestic gender studies. In the writings of N.L. Pushkareva disclosed various aspects of women's everyday life, the history of property and inheritance rights of women in different eras and periods, considered the features of demographic and partly sexual behavior, the history of women's political and scientific participation, as well as gender components of material culture (women's clothing, jewelry, etc.). Special attention is paid to the book of N.L. Pushkareva «Women of Ancient Russia», with which 30 years ago began her journey into big science, as well as the participation of L.N. Pushkareva in the scientific life of the Belgorod region.

Ключевые слова: Н.Л. Пушкарёва, феминология, гендерные исследования, женская история, РАИЖИ, «Женщины Древней Руси», история России, Белгородская область.

Keywords: N.L. Pushkareva, feminology, gender studies, women's history, RAIZHI, «Women of Ancient Russia», history of Russia, Belgorod region.

В 2019 году известный российский историк, антрополог, основоположница исторической феминологии и гендерной истории в советской и российской науке, доктор исторических наук, профессор, заведующая сектором этногендерных исследований Института этнологии и антропологии РАН, президент Российской ассоциации исследователей женской истории (РАИЖИ) Наталья Львовна Пушкарёва отмечает двойной юбилей – 60-летие со дня рождения и 30-летие научной деятельности. Свой путь в большую науку Наталья Львовна начала с пионерской для советской медиэвистики монографии – «Женщины Древней Руси» [Пушкарёва, 1989б]. Как создавался этот актуальный и значимый для отечественной исторической науки труд и каково его значение в жизни Н.Л. Пушкарёвой и мировой женской истории? Чтобы ответить на эти вопросы и хронологически выстроить ход событий, предшествовавших, сопутствовавших и последовавших после выхода этой примечательной монографии, возвестившей о начале пути в науке большого ученого, мы использовали записанные нами воспоминания юбиляра и многочисленные интервью Н.Л. Пушкарёвой.

Н.Л. Пушкарёва вспоминает, что о существовании исследований по женской истории она узнала, когда училась в школе, от коллеги и друга ее отца (родители Ирина Михайловна и Лев Никитич Пушкарёвы – тоже историки). Специалист по истории внешней политики России в древнейший период, член-корреспондент Академии наук СССР Владимир Терентьевич Пашуто не раз бывал в 1970-е годы на международных конференциях. Это было для советского ученого совсем не типично. Именно с международных конференций начала 1970-х годов он привез известие о том, что на волне молодежных протестов в Европе и Америке неожиданно «всплыла» женская тема. И эту тему в середине 1970-х годов стали включать в число самых обсуждаемых на международных форумах историков. Предложение В.Т. Пашуто заняться реконструкцией истории женщин в Древней Руси привело Наталью Пушкарёву в восторг.

Окончив с золотой медалью школу, Н.Л. Пушкарёва поступила с одним экзаменом в МГУ на исторический факультет и с первого же доклада на первом курсе стала разрабатывать тему, которой осталась верна всю свою жизнь. Каждый доклад, каждый проходной в обучении этап (написание реферата, подготовка к коллоквиуму и т. п.) юная исследовательница старалась связать с «женской темой». Над ней и над ее упорством посмеивались... Саму проблему отказывались воспринимать как научную и старшие коллеги, и однокурсники, насмешливо говорившие, что «у Пушкарёвой древнерусские женщины разве что не летают в космос»: Наталья старалась доказать, что социальный статус представительниц прекрасного пола был отнюдь не удручающим, что женщины в Древней Руси свободно распоряжались имуществом, владели селами и городами, участвовали в политической жизни, даже защищали свои права в кулачных поединках... Весь этот материал вошел впоследствии в дипломную работу Н.Л. Пушкарёвой, вот только стать научным руководителем такой темы среди университетской профессуры никто не желал.

На кафедре отечественной истории периода феодализма от женской темы поспешили откеститься все: выводы молодой увлеченной исследовательницы шли вразрез с постулатами классиков марксизма-ленинизма, считавшими зарождение социальной истории «началом исторического поражения женского пола» (первое в биографии интервью с Натальей Львовной так и называлось: «Мог ли Энгельс ошибаться?»). Старшие коллеги Н.Л. Пушкарёвой убеждали ее «бросить фантазии» и «заняться чем-то действительно нужным», но будущая российская история женщин была спасена неожиданным согласием археолога – продолжателя дела А.В. Арциховского в Новгороде, исследователя берестяных грамот В.Л. Янина (ныне он академик РАН, а в те годы был профессором, заведую-

щим кафедрой археологии МГУ). Он взял на себя риск стать научным руководителем темы «Положение женщины в семье и обществе Древней Руси».

В 1981 году Н.Л. Пушкарева поступила в целевую аспирантуру Института этнографии и антропологии АН СССР и под руководством В.Л. Янина продолжила исследование избранной ею темы. С изумительным для юной особы упорством Наталья Львовна каждый день ходила в архивы – ведь количество выдававшихся на руки дел всегда было ограничено, а во множестве прочтенных ею «церковных сборных рукописей» подчас не удавалось найти ничего, относящегося к теме. Тяжел и неблагодарен труд медиевиста! Все найденные к тому времени эпиграфические материалы, все 28 томов Полного собрания русских летописей, множество источников всех типов и видов в Москве и Ленинграде были тщательно обработаны воссоздательницей российской женской истории, что и позволило Н.Л. Пушкаревой сделать важнейший для историографии вывод об огромной значимости женской домашней сферы для экономики того времени, а самих женщин – для политической жизни и культуры Древнерусского государства. В 1983 г. вышла первая статья Н.Л. Пушкаревой, посвященная, конечно же, «женской» проблематике [Пушкарева, 1983].

После защиты в 1985 г. Натальей Львовной диссертации «Положение женщины в семье и обществе Древней Руси» [Пушкарева, 1985] на соискание ученой степени кандидата исторических наук (один из оппонентов сказал, что выбранная тема «узкая», другой оспорил: «Половина населения страны за пять веков – разве этого мало?») текстом заинтересовалось самое нонконформистское для того времени издательство – «Мысль». Несмотря на советы родных и знакомых, научного руководителя и оппонентов «даже не смей соваться туда!» (очереди на издание книг в те годы исчислялись порой десятками претендентов), Наталья Пушкарева все же не послушалась и отнесла текст в издательство, заменив лишь первую страницу и убрав слово «диссертация». Через день ей перезвонили и сказали, что рукопись принята, но нужно ее доработать.

Последующие несколько лет Наталья Львовна занималась дополнениями и расширением текста (в том числе хронологическим), и в начале 1989 г. издательство собрало (так было ранее принято для определения тиража) около 1 млн заявок желающих выкупить публикацию – от библиотек до конкретных людей. Уменьшив это число в десять раз, «Мысль» издала первую научную монографию Н.Л. Пушкаревой «Женщины Древней Руси» беспрецедентным (особенно для нынешнего времени) тиражом в 100 тысяч экземпляров. Книга имела огромный читательский успех и продавалась вместе с произведениями художественной литературы, как тогда говорили, с «нагрузкой». В одном из интервью Наталья Львовна, вспоминая о своей первой книге, отмечает, что «даже ходила в магазин послушать, как там ее спрашивают и обсуждают» [Нестеренко, 2017]. Несмотря на немислимый для сегодняшнего дня тираж, эта книга, как и всякий дефицитный товар в советское время, нередко продавалась из-под полы.

Первая большая монография о женщинах раннесредневековой русской истории быстро привлекла внимание американских славяноведов. Книгу «Женщины Древней Руси» в США считают началом нового направления – рождения женской истории в России. Важно отметить, что в России на эту публикацию не вышло ни одного отклика в журналах, а за рубежом – более двадцати [Levy, 1991; Kaiser, 1991; Kivelson, 1991 и др.]. Книга открыла огромный список трудов ученой. С конца 1980-х годов Н.Л. Пушкарева опубликовала свыше шестисот работ, имеющих громадный индекс цитирования.

В это время Наталья Львовна уже работала в Институте этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН в должности старшего лаборанта. Не удивительно, что ученый совет института отверг предложение И.С. Кона о выдвижении книги Н.Л. Пушкаревой на Государственную премию: слишком молод был автор, незначителен в тот момент его статус (лаборантка!), а саму книжку назвали «популярным изданием в мягкой обложке». Несмотря на наличие у автора книги уже десятка опубликованных статей (в те времена это была редкость) и изданную монографию, администрация Института не нашла для нее

научной ставки и так и оставила Наталью простой научно-технической сотрудницей Сектора русского народа. Впоследствии Наталья Львовна не раз говорила, что ее взгляды на особость женского пути в науке, стремление разобраться в причинах гендерных дискриминаций во многом сформировали и обусловили события собственной жизни.

На гонорар от издания первой написанной ею детской книжки (тоже по «женской истории», рассказывающей о событиях XIII в. и жене рязанского князя Евпраксии [Пушкарева, 1989а]), Наталья Львовна смогла оплатить свое индивидуальное участие в работе делегации советских историков, направлявшихся в августе 1990 года в Мадрид, где был созван XVII Международный конгресс исторических наук. На этом конгрессе впервые в мировой истории исторической науки работала специальная сессия, посвященная истории женщин. Молодую лаборантку Института этнографии Н.Л. Пушкареву избрали постоянным представителем от СССР в созданной на том заседании «Международной федерации исследователей женской истории» (Оргкомитет Конгресса исторических наук 2015 года прислал ей приглашение с обращением: «Уважаемая проф. Наталья Пушкарева, мать женских исследований в России!» – между первым и последним событием прошли, как мы понимаем, почти три десятилетия...).

Монография Н.Л. Пушкаревой «Женщины Древней Руси» многоаспектна. Ее главы посвящены жизни знаменитых россиянок (речь идет об Ольге, жене князя Игоря, дочерях Ярослава Мудрого, внучках Владимира Мономаха, Марфе Борецкой, Анне Рязанской и других известных женщинах средневековой Руси – всего около пятидесяти персоналий), положению женщин в древнерусской семье X–XV вв., правовому положению женщины в X–XV вв., одежде и украшениям древнерусских женщин, а также историографическим вопросам, касающимся представлений о социальном положении женщин рассматриваемого периода в дореволюционной историографии, в работах советских ученых и зарубежных авторов.

Достоинством данного издания является способность автора сочетать глубину проникновения в материал, академичность изложения с изящностью подачи, что привлекает не только коллег-историков, но и, как принято говорить, широкого читателя. Новаторством является и использование нетрадиционных источников (например, берестяных грамот и других редких археологических находок), а также оригинальная интерпретация традиционных источников, в которых сквозь призму экономических и политических фактов просматриваются судьбы русских княгинь, регентш, монашек, наложниц, оказывавшихся в силу различных обстоятельств искусными дипломатами, военными начальниками, врачами, экономистами... Русские княгини были влиятельными игроками на европейском политическом поле, к их советам прислушивались царствующие мужья, женщины могли организовать масштабную оборону и даже, переодевшись мужчинами, участвовать в битвах. За всеми, казалось бы, частными женскими историями просматривается масштабная историческая перспектива русского Средневековья, в котором женщины играли значительную роль, порой превосходя мужчин не только в образованности, общественном влиянии, богатстве, но и на поле боя. Н.Л. Пушкарева последовательно развенчивает миф о «забитости», «подавленности» и «второсортности» русских женщин в Средние века. Конечно же, книга «Женщины Древней Руси» не лишена недостатков, связанных в первую очередь с «духом времени» своего выхода в свет, под которым мы имеем в виду жесткие каноны советских (во многом идеологически нагруженных) исследовательских практик. Но даже стиснутая этими рамками, книга Н.Л. Пушкаревой была глотком свежего воздуха для отечественной исторической науки, возвестившем о появлении нового направления – женской истории как части гендерных исследований. В 1996 г. как бы в продолжение первой монографии была издана новая книга Н.Л. Пушкаревой «Женщины России и Европы на пороге Нового времени» [Пушкарева, 1996], посвященная истории женщин России и Европы.

В 1997 г. Н.Л. Пушкарева (ей было всего 37 лет) защитила докторскую диссертацию «Женщина в русской семье: динамика социокультурных изменений X – начала

XIX в.» [Пушкарёва, 1997а], состоявшую из двух томов общим объемом почти две тысячи (1785) страниц. В тот же год у автора сразу были опубликованы еще три книги [Пушкарёва, 1997б; Пушкарёва, 1997в; Pushkareva N., 1997]. В последующие годы были изданы новые книги по истории русских женщин [Пушкарёва, 2011; Пушкарёва, 2017 и пр.]. В них раскрывались самые разные стороны женской повседневности, история имущественных и наследственных прав женщин в разные эпохи и периоды, анализировались особенности демографического и отчасти сексуального поведения, история женского политического участия, из истории материальной культуры – женский праздничный и повседневный костюм, нательная и верхняя зимняя одежда и ее украшения. В вышедшие книги и статьи вместились лишь часть того, что было представлено в ученый совет Института этнологии и антропологии РАН как докторская диссертация. Огромная часть скрупулезного труда Натальи Львовны осталась «за скобками» – неопубликованной, и остается таковой по сей день, поскольку некоторые частные вопросы, скажем, вопрос развития имущественных прав, представлялся не подходящим для широкого читателя.

В 2001 году Н.Л. Пушкарёва получила звание профессора по кафедре отечественной истории. Она неоднократно читала и продолжает читать лекции по истории русских женщин, женским и гендерным исследованиям в университетах России (в Москве, Иванове, Белгороде, Томске, Костроме и др.), странах СНГ (в Белоруссии, на Украине), зарубежных университетах (в США, Германии, Франции, Австрии, Швейцарии, Болгарии, Венгрии, Нидерландах). Более двадцати лет Наталья Львовна была не только приглашенным лектором, но и организатором и со-организатором двух десятков научно-образовательных школ, прочла множество методических курсов, некоторые из них, как и сводная учебная программа, ныне опубликованы [Пушкарёва, 2001; Пушкарёва, 2014; Социальная история, 2013 и др.].

Главный результат исследовательской работы Н.Л. Пушкарёвой – создание отечественной школы женской и гендерной истории.

Сегодня Наталья Львовна – признанный лидер отечественной феминологии, воспитавшая множество учеников, достойно продолжающих дело своего наставника. И главное даже не в числе защищенных под ее руководством кандидатских и докторских диссертаций, а умение создать научное поле, в котором ныне работают десятки ее молодых коллег, каждый из которых видит в написанных Н.Л. Пушкарёвой текстах такую ясность формулировок и такую научную добросовестность, которые необходимы для понимания сущности научной работы в любой области. Щедрая готовность делиться результатами своих исследований, доступность ее «творческой кухни», умение и желание открывать новое вместе с теми, кто вслед за нею выбрал женские исследования в гуманитаристике, сделали Наталью Львовну центром притяжения молодежи и коллег из разных городов России¹ и зарубежья². С теми из своих учеников, кто живет в других городах, Наталья Львовна ведет активную переписку, поскольку современные средства связи позволяют осуществлять руководство научными проектами, даже находясь за сотни и тысячи километров от них.

Возглавив в 2008 году Сектор этногендерных исследований ИЭА РАН, постоянно ставя задачу расширения числа сторонников своего направления, в последние годы Н.Л. Пушкарёва отдает значительную часть своего времени работе по организации конференций Российской ассоциации исследователей женской истории в разных городах России, женских общественных организаций (среди членов которых Наталья Львовна умеет

¹ Белгород (Е.Н. Меньшикова, С.В. Канныкин, З.З. Мухина, Л.Н. Пивоварова, С.П. Шаповалова), Владивосток (А.А. Савчук), Воронеж (В.Н. Гушина, Е.И. Якушкина), Ижевск (В.В. Долгов, В.В. Пузанов, Д.В. Пузанов), Кострома (Н.А. Белова, Е.Ю. Волкова, О.В. Смурова), Нальчик (М.А. Текуева, Е.А. Нальчикова, М.Х. Гугова, Л.Х. Сабанчиева, Л.Х. Гукетлова, З.В. Шоранова), Омск (М.А. Жигунова, А.В. Жидченко), Самара (Е.В. Бакшутова, В.С. Дубина, М.М. Леонов), Уфа (Р.Н. Сулейманова), Ульяновск (Е.И. Канцарова) и из других городов.

² Кишинев (Л.П. Заболотная), Минск (И.И. Калачева, И.М. Чикалова), Канзас-сити (США, Т. Старкс), Токио (Миса Накагами) и многих др.

находить новых молодых приверженцев изучения «женской истории»). Аудитория Натальи Львовны огромна – ее статьи публикуются как в академических, так и в популярных журналах, а выступления в разных странах и на разных языках неизменно собирают большие аудитории. Как приглашенный профессор-исследователь Н.Л. Пушкарева обрела за 30 лет своей увлеченности историей женщин друзей и коллег во многих иностранных университетах – США, Франции, Германии, Австрии, Болгарии, Японии.

Отрадно отметить и тот факт, что идеи Н.Л. Пушкаревой нашли благодарный отклик на Белгородчине. По словам члена РАИЖИ Е.Н. Меньшиковой, на историческом (с 2013 г. – историко-филологическом) факультете Белгородского государственного университета (БелГУ) в студенческой аудитории об исследованиях Натальи Львовны, о гендерной истории первой заговорила медиевист Алла Александровна Дворецкая. Именно она знакомила студентов с этим новым направлением в отечественной историографии. Долгожданная личная встреча студентов и преподавателей с Натальей Львовной произошла в 2007 году, когда ею в Белгороде был прочитан курс лекций. Большой интерес у белгородских историков вызвало дистанционное изучение авторского курса Н.Л. Пушкаревой «Женские и гендерные исследования в истории: методология и методики» в рамках программы «Введение в гендерные исследования» в Харьковском центре гендерных исследований (Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина) в сентябре 2006 г. – июне 2007 г. Логика и принципы построения авторского курса Н.Л. Пушкаревой «Женские и гендерные исследования в истории: методология и методики» стали основой для разработки учебно-методического обеспечения дисциплины «Гендерная история» и ее внедрения в образовательный процесс в рамках направления подготовки 46.04.01 История (магистерская программа «История России в контексте мировой истории»). Дисциплина «Гендерная история» изучается в течение одного семестра магистрантами второго курса очной и заочной формы обучения на историко-филологическом факультете БелГУ с 2014/2015 учебного года. Также отметим, что Н.Л. Пушкарева многие годы является членом редакционной коллегии научного журнала Белгородского государственного национального исследовательского университета «Научные ведомости БелГУ» (серия «История. Политология»).

Посетила Н.Л. Пушкарева и Старый Оскол, где с ее участием на базе Старооскольского технологического института (филиала) НИТУ «МИСиС» были организованы две международные конференции: «Феномен семьи в ракурсе видения социальных и гуманитарных наук» [Феномен семьи..., 2008], посвященная завершению Года семьи в Российской Федерации (18–19 декабря 2008 г.), и VIII международная конференция РАИЖИ и ИЭА РАН «Женщины и женское движение за мир без войн и военных конфликтов (к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне)» [Пушкарева, Белова, 2015]. В работе последней конференции, благодаря международному авторитету и личным приглашениям Н.Л. Пушкаревой, приняли участие свыше 160 ученых из более чем полусотни городов России, стран дальнего (Бельгия, Германия, Италия, Китай, США, Франция) и ближнего (Беларусь, Грузия, Казахстан, Молдова, Украина) зарубежья, представители общественных организаций (в том числе «Американской ассоциации женщин в исследованиях славянства», ААWSS) и СМИ. Географический охват конференции был обширнейшим – от Владивостока и Тюмени до Минска и Калининграда. Надо ли говорить, что такой уровень научного представительства для Старого Оскола до сих пор является беспрецедентным.

Под руководством Н.Л. Пушкаревой защитила диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук по теме «Трансформация статуса женщины в русской крестьянской семье середины XIX – начала XX века» заведующая кафедрой гуманитарных наук СТИ НИТУ «МИСиС», ответственный секретарь РАИЖИ Зинара Зиевна Мухина [Мухина, 2014]. З.З. Мухиной, ее учениками и коллегами по методикам Н.Л. Пушкаревой осуществляется большая работа в рамках гендерных исследований и женской истории на материале Курской губернии и современной Белгородчины.

В 2017 году Наталья Львовна Пушкарёва была удостоена награды Ассоциации женщин в славистике «The Association for Women in Slavic Studies» («За выдающиеся достижения») – весомое свидетельство международного признания профессиональным сообществом выдающихся заслуг Натальи Львовны Пушкарёвой как основоположника исторической феминологии и гендерной истории в советской и российской науке. «The Association for Women in Slavic Studies» отметила высочайший научный уровень ее книг и статей, новаторские разработки в области гендерных исследований, умение сплотить коллектив единомышленников и вдохновить его на плодотворную исследовательскую деятельность и достижение амбициозных целей.

В настоящее время доктор исторических наук, профессор, дважды выдвигавшаяся ученым советом Института этнологии и антропологии РАН в члены-корреспонденты РАН, в 2019 г. – на должность директора, заведующая сектором этногендерных исследований Н.Л. Пушкарёва все так же на передовом крае мировой науки. Используя сетевые сообщества («Рабочий кабинет женщин-гуманитариев», «Инициативная группа "За феминизм!"», «Коновские чтения» и др.), она активно использует и эти площадки для «собираения сил», объединения всех тех, кому небезразлична возможность воссоздания живой картины отечественного прошлого, в котором будут различимы и женские голоса.

Коллеги по работе, ученики и редакция журнала «Научные ведомости БелГУ» сердечно поздравляют Наталью Львовну с 30-летием научной деятельности (издания первой монографии по женской истории), с юбилеем и успешным развитием созданного ею научного направления, желают ей удач на избранном пути, сил на подготовку достойной смены исследователей по женской и гендерной тематике, вдохновения на новые проекты и проведение конференций по женской и гендерной истории.

Список литературы

1. Мухина З.З. 2014. Трансформация статуса женщины в русской крестьянской семье середины XIX – начала XX века. Автореф. дис. ... док. истор. наук. Москва, 51.
2. Нестеренко М. 2017. «Я историк, и сначала я боялась слова “феминизм”». Наталья Пушкарёва об истории женщин, сексуальных запретах и КГБ. Электронная книга. URL: <https://gorky.media/intervyu/ya-istorik-i-ponachalu-ya-boyalas-slova-feminizm/> (дата обращения: 06 марта 2019).
3. Пушкарёва Н.Л. 1983. Женщина в средневековом Новгороде XI–XV вв. Вестник Московского университета. Сер. 8. История. № 3: 78–89.
4. Пушкарёва Н.Л. 1985. Положение женщины в семье и обществе Древней Руси. Автореф. дисс... канд. истор. наук. М., 38.
5. Пушкарёва Н.Л. 1989а. Евпраксия Рязанская. М., Малыш, 28.
6. Пушкарёва Н.Л. 1989б. Женщины Древней Руси. М., Мысль, 286.
7. Пушкарёва Н.Л. 1996. Женщины России и Европы на пороге Нового времени. М., ИЭА РАН, 285.
8. Пушкарёва Н.Л. 1997а. Женщина в русской семье: динамика социокультурных изменений X – начала XIX в. Автореф. дисс. ... докт. истор. наук. М., 52.
9. Пушкарёва Н.Л. 1997б. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.). М., Ладомир, 381.
10. Пушкарёва Н.Л. 1997в. Этнография восточных славян в зарубежных исследованиях (1945–1990). СПб, Блиц, 331.
11. Пушкарёва Н.Л. 2001. Историческая феминология и гендерный подход в исторических науках. Учебно-методические материалы. Программа курса. М., 64.
12. Пушкарёва Н.Л. 2011. Частная жизнь русской женщины в Древней Руси и Московии. М., Ломоносов, 216.
13. Пушкарёва Н.Л. 2014. История повседневностей и микроистория. В кн.: Теория и методология истории. Волгоград, Учитель: 312–334.
14. Пушкарёва Н. Л., Белова А. В. 2015. Женщины и женское движение за мир без войн и военных конфликтов. Вестник Пермского университета. Серия История. 4: 234–236.

15. Пушкарёва Н.Л. 2017. Женщины Древней Руси и Московского царства X–XVII вв. СПб., Изд-во Олега Абышко, 446.
16. Социальная история. Выпуск 1(1). Женская и гендерная история. Десять лет спустя. Ред. Н.Л. Пушкарёва. М., Алетейя, 2013.
17. Феномен семьи в ракурсе видения социальных и гуманитарных наук: материалы Международной научной конференции, посвященной завершению Года семьи в Российской Федерации, 18-19 декабря 2008 года, г. Старый Оскол. Ордена дружбы народов Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН [и др.]; [редкол.: З. З. Мухина (отв. ред.), Л.Н. Анпилова, С.В. Канькин]. Старый Оскол, РОСА, 2008.
18. Kaiser D.H. 1991. Reviewed Work(s): Zhenshciny Drevnei Rusi, by N.L. Pushkareva Review by: Source: Slavic Review, Vol. 50: 1011–1012.
19. Kivelson 1991. V. Reviewed Work(s): Women of Ancient Rus' by N.L. Pushkareva. The American Historical Review, Vol. 96: 1519–1520.
20. Levy S. 1991. Reviewed Work(s): Zhenshciny drevnei Rusi, by N.L. Pushkareva Review by: Source: The Russian Review, Vol. 50: 219–220.
21. Pushkareva N. 1997. Women in Russian History from the tenth to the twentieth century. New York, M.E. Sharp, 319.

References

1. Muhina Z.Z. 2014. Transformacija statusa zhenshhiny v russkoj krest'janskoj sem'e serediny XIX – nachala XX veka [Transformation of the status of a woman in a Russian peasant family in the middle of the XIX – beginning of the XX century]. Abstract. dis. ... dokt. historical nauk. Moscow, 51.
1. Nesterenko M. 2017. «Ja istorik, i ponachalu ja bojalas' slova “feminizm”». Natal'ja Pushkarjova ob istorii zhenshhin, seksual'nyh zapretah i KGB. [Antlion]. Available at: <https://gorky.media/intervyu/ya-istorik-i-ponachalu-ya-boyalas-slova-feminizm/> (accessed: 06 March 2019).
2. Pushkareva N.L. 1983. Woman in medieval Novgorod, XI–XV centuries. Bulletin of Moscow University. Ser. 8. History. 3: 78–89.
3. Pushkareva N.L. 1985. Polozhenie zhenshhiny v sem'e i obshhestve Drevnej Rusi [The position of women in the family and society of ancient Russia]. Abstract. dis. ... kand. historical nauk. Moscow, 38.
4. Pushkareva N.L. 1989a. Evpraksija Rjazanskaja [Eupraxia Ryazan]. Moscow, Malys, 28.
5. Pushkareva N.L. 1989b. Zhenshhiny Drevnej Rusi [Women of Ancient Russia]. Moscow, Mysl, 286.
6. Pushkareva N.L. 1996. Zhenshhiny Rossii i Evropy na poroge Novogo vremeni [Women of Russia and Europe on the threshold of a new time]. Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology. N.N. Miklouho-Maclay of the Russian Academy of Sciences, 285.
7. Pushkareva N.L. 1997a. Zhenshhina v russkoj sem'e: dinamika sociokul'turnyh izmenenij X – nachala XIX v. [A woman in a Russian family: the dynamics of sociocultural changes in the 10th – early 19th century]. Abstract. dis. ... dokt. historical nauk. Moscow, 52.
8. Pushkareva N.L. 1997b. Chastnaja zhizn' russkoj zhenshhiny: nevesta, zhena, ljubovnica (X – nachalo XIX v.) [Private life of a Russian woman: bride, wife, mistress (X – beginning of XIX century)]. Moscow, Ladomir, 381.
9. Pushkareva N.L. 1997b. Jetnografija vostochnyh slavjan v zarubezhnyh issledovanijah (1945–1990) [Ethnography of Eastern Slavs in foreign studies (1945–1990)]. Saint-Petersburg, Blitz, 331.
10. Pushkareva N.L. 2001. Istoricheskaja feminologija i gendernyj podhod v istoricheskikh naukah. Uchebno-metodicheskie materialy. Programma kursa [Historical feminology and gender approach in historical sciences. Educational materials. Course program]. Moscow, 64.
11. Pushkareva N.L. 2011. Chastnaja zhizn' russkoj zhenshhiny v Drevnej Rusi i Moskovii [Private life of Russian women in ancient Russia and Muscovy]. Moscow, Lomonosov, 216.
12. Pushkareva N.L. 2014. History of everyday life and microhistory. In: Teorija i metodologija istorii [Theory and Methodology of History]. Volgograd, Uchitel: 312–334.
13. Pushkareva N.L., Belova A.V. 2015. Women and the women's movement for a world without wars and military conflicts. Bulletin of Perm University. History series. №. 4: 234–236.

14. Pushkareva N.L. 2017. *Zhenshiny Drevnej Rusi i Moskovskogo carstva X–XVII vv.* [Women of Ancient Russia and the Moscow kingdom of the X–XVII centuries]. Saint-Petersburg, Publishing House of Oleg Abyshko, 446.
15. Social'naja istorija. Vypusk 1(1). *Zhenskaja i gendernaja istorija. Desjat' let spustja.* Red. N.L. Pushkarjova. Moscow, Aletejja, 2013.
16. Fenomen sem'i v rakurse videnija social'nyh i gumanitarnyh nauk: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj zaversheniju Goda sem'i v Rossijskoj Federacii, 18–19 dekabnja 2008 goda, g. Staryj Oskol]. *Ordена družby narodov In-t jetnologii i antropologii im. N.N. Mikluho-Maklaja RAN [i dr.]; [redkol.: Z.Z. Muhina (otv. red.), L.N. Anpilova, S.V. Kannykin]. Staryj Oskol, ROSA, 2008.*
17. Kaiser D.H. 1991. Reviewed Work(s): *Zhenshciny Drevnei Rusi*, by N.L. Pushkareva Review by: Source: *Slavic Review*, Vol. 50: 1011–1012.
18. Kivelson 1991. V. Reviewed Work(s): *Women of Ancient Rus'* by N.L. Pushkareva. *The American Historical Review*, Vol. 96: 1519–1520.
19. Levy S. 1991. Reviewed Work(s): *Zhenshciny drevnei Rusi*, by N.L. Pushkareva Review by: Source: *The Russian Review*, Vol. 50: 219–220.
20. Pushkareva N. 1997. *Women in Russian History from the tenth to the twentieth century.* New York, M.E. Sharp, 319.

Ссылка для цитирования статьи
Reference to article

Мухина З.З., Канныкин С.В., Пивоварова Л.Н. Тридцать лет из истории научного направления в отечественной историографии (к юбилею доктора исторических наук, профессора Натальи Львовны Пушкаревой). *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология.* 2019. Т. 46. № 3. С. 535–543. doi: 10.18413/2075-4458-2019-46-3-535-543

Mukhina Z.Z., Kannykin S.V., Pivovarova L.N. Thirty years from the history of scientific direction in domestic historiography (to the anniversary of Doctor of Historical Sciences, Professor Natalia Lvovna Pushkareva). *Belgorod State University Scientific Bulletin. History. Political Science.* 2019. V 46. № 3. P. 535–543. doi: 10.18413/2075-4458-2019-46-3-535-543

УДК 930

DOI 10.18413/2075-4458-2019-46-3-544-554

ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ НАУКИ В РОССИИ. НАЧАЛО**GENDER STUDIES FOR THE HISTORY OF SCIENCE IN RUSSIA. BEGINNING****О.А. Валькова****O.A. Valkova**

Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН,
Россия, 125315, г. Москва, ул. Балтийская, 15

S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology,
15 Baltiiskaya St, 125315, Moscow, Russia

E-mail: o-val2@yandex.ru

Аннотация

В статье анализируется история становления гендерной истории науки в России как самостоятельной научной дисциплины начиная с конца 1990-х гг. и до настоящего времени включительно. Рассматривается роль д. и. н. Н.Л. Пушкаревой в этом процессе. Отсутствие «женской истории» и гендерной тематики в советской истории науки коррелируется с особенностями процесса институализации истории науки в России; консервативностью сообщества профессиональных историков науки, их изоляцией от сообщества гражданских историков, а также политикой правительства. Появление гендерной истории науки в России относится ко второй половине 1990-х гг. XX в. В качестве исходной точки можно выделить первую специализированную конференцию, организованную в 1997 г. в Костроме, на которой Н.Л. Пушкаревой был сделан пленарный доклад, являющийся, по существу, программным, поскольку он содержит перечисление основных задач, стоявших перед гендерной историей науки в России, а также возможные методы их решения. Последующий период ознаменовался тематически-ориентированными научными конференциями; отдельными и коллективными публикациями, посвященными данной тематике, а также первыми публикациями в профессиональных научно-периодических изданиях. В 2010-е гг. постепенно начало формироваться сообщество ученых-исследователей гендерной тематики в истории науки. Значительную роль в этом процессе сыграли ежегодные конференции Российской ассоциации исследователей женской истории, проводимые под руководством Н.Л. Пушкаревой, и мероприятия, организованные Институтом истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Архивом РАН, Химическим факультетом Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Abstract

The article analyzes the beginning of the formation and dynamics of the gender history of science in Russia as an independent scientific discipline since the late 1990s and up to the present time. Special attention is paid to the role of Dr. N. L. Pushkareva in this process. There were no women studies or gender studies in Soviet history of science presumably because of the peculiarities of the institutionalization process of this discipline in Russia. Conservatism of the community of Russian historians of science, their isolation from civil historians, their mostly scientific background as well as governmental policy also took the place. One can date first arriving of the gender history of science in Russia by the late 90th of the XX century. The very first special conference held in Kostroma in 1997 can be marked as a starting point. Dr. N. L. Pushkareva was one of the guest speakers there and spoke about main goals of the research in the field as well as methods available and needed. Mostly unintentionally she created a program for the future research. During the next period different conferences and workshops were organized by several institutions, collective books on the subject were published and the first results of individual studies were published in the prominent journals. Approximately from 2010th one can see that a community of the researches interested in the women's and gender studies in Russian history of science began the formation process. A very significant role in it were taken by annual conferences of Russian association of researchers of women's history, leading by Dr. Pushkareva and those organized by S.I. Vavilov Institute for the history of Science and

Technology Russian Academy of Science, Archive of Russian Academy of Science, Department for the history of chemistry of Moscow State University. As of present day there are some number of researchers historians of science, civil historians and scientists interested in women and gender history of Russian science. Although there is no specialized journal yet they publish papers on the subject in the leading historical and academic periodical regularly and are welcomed there. A number of conferences, seminars and workshops are being held annually allowing people from different locations and representing different scientific disciplines and institutions to communicate and to discuss important and interesting points of their research. One cannot argue that women and gender studies in the history of science in Russia already became an independent discipline but the one can see beginning of its emergence.

Ключевые слова: Н.Л. Пушкарева, гендерная история науки в России.

Key words: N.L. Pushkareva, gender history of science in Russia.

История науки в нашей стране традиционно существует на некотором отдалении от гражданской истории, а историки науки и техники представляют собой достаточно замкнутую группу, мало участвующую в жизни большого «исторического» научного сообщества. Подобное положение сложилось, как нам кажется, благодаря историческим особенностям процесса институализации истории науки в России. Именно эти особенности во многом определяли характер и направление отечественных историко-научных исследований на протяжении XX в. И именно благодаря им в СССР не сложилась такая научная дисциплина, как гендерная история науки.

Как самостоятельная научная дисциплина история науки начала оформляться в конце XIX в. Первый шаг в этом направлении был сделан во Франции, в 1892 г., когда в списке кафедр Коллеж де Франс появилась кафедра общей истории науки и начали читаться соответствующие учебные курсы. В России инициатива изучения истории наук в течение длительного времени исходила либо от отдельных ученых-естествоиспытателей, либо от университетов, либо от Императорской Академии наук. Только в 1914 г. была создана специальная комиссия по истории Академии наук [Илизаров, 1989, с. 12]. Через два года, в 1916 г., при Академии наук появилась специальная комиссия для подготовки издания «Русская наука», посвященного истории развития отдельных научных отраслей в России [Судьба проекта..., 2016]. Наконец, в 1921 г. также при Академии наук по инициативе и под руководством В.И. Вернадского была организована Комиссия по истории знаний, что положило начало институциональному оформлению истории науки как самостоятельной научной дисциплины в СССР. В настоящее время история этого процесса, полного драматических и даже трагических перипетий, изучена достаточно подробно [Илизаров, 2010].

Исторически сложилось, что большинство советских историков науки даже уже во второй половине XX в. приходили в профессию, имея не историческое (гуманитарное) базовое образование, а естественнонаучное, математическое или техническое, и, хотя, конечно, всегда были исключения, они только подтверждали правило. Первоначальная подготовка специалистов во многом определяла круг их профессиональных интересов, сосредотачивавшихся преимущественно на изучении когнитивных аспектов развития различных наук, и круг их профессионального общения, замыкавшегося на самих себя или тяготевавшего к дисциплинарным научным сообществам. Работа по изучению истории когнитивного знания соответствовала их собственным знаниям и опыту, пониманию современного им состояния научных дисциплин, историческое развитие которых они изучали. Подобный подход также соответствовал государственным запросам, направленным на пропаганду первенства страны в научных открытиях и технических изобретениях. Все это отодвигало изучение истории социальных аспектов развития науки на задний план как не имеющее особой важности.

В сложившихся условиях представить себе появление научной дисциплины, изначально родившейся в западной историографии из стремления восстановить историческую справедливость и вернуть незаслуженно забытые имена женщин-ученых на по праву принадлежащие им места в истории развития научного знания, достаточно трудно. Искреннее

непонимание историко-научным сообществом нужды в подобных исследованиях усугублялось официальной политикой государства, настаивавшей на отсутствии в СССР «женского вопроса». Характерным индикатором отношения к «женской» тематике в советском историко-научном сообществе может служить количество биографий женщин-ученых, изданных в общеакадемической серии «Научно-биографическая литература». Основанная в 1959 г. при президиуме АН СССР и на базе Института истории естествознания и техники для публикации оригинальных, научных биографий ученых, инженеров, изобретателей, в период с 1961 по 1997 г. серия выпустила в свет 550 биографий. Из них только 7 – биографии женщин-ученых [Соколовская, Соколовский, 1999]. Заметим в скобках, что за последние годы (вплоть до сегодняшнего дня) серия увеличилась еще примерно на 150 книг, и из них только одна посвящена биографии женщины-ученого [Валькова, 2006]. Эти данные – объективно отражают умонастроения и взгляды историко-научного сообщества второй половины XX в.

О том, что советские государственные деятели имели представление о возникающем на западе новом движении и о его важности для научного сообщества и общества в целом, косвенно свидетельствует, например, выпуск издательством «Прогресс» в 1983 г. книги И.Я. Кошелевой «Women in Science» («Женщины в науке»), пропагандирующей советских женщин-ученых, – на английском языке и для англоязычного читателя [Kosheleva, 1983]. Советские историки науки также были знакомы (или во всяком случае имели возможность познакомиться) с зарубежной литературой и получить представление о зарождающемся новом направлении историко-научных исследований благодаря изданному в 1989 г. Институтом научной информации по общественным вопросам реферативному сборнику под характерным названием «Женщины в науке», авторы которого прямо утверждали: «В последнее десятилетие изучение этой проблемы превратилось в самостоятельную область научных изысканий...» [Женщины в науке..., 1989, с. 5]. Тем не менее попытка проинформировать сообщество историков науки о новом увлечении их западных коллег не вызывала особого интереса. Это не значит, что в советский период в СССР в принципе не писались и не публиковались исторические работы, посвященные женщинам-ученым. Подобные исследования были, хотя и не очень многочисленные [Валькова, 2018].

Но в целом, даже перемены, захватившие отечественную историческую науку в самом конце 1980-х – начале 1990-х гг., не изменили сложившейся ситуации – вероятно потому, что открылись возможности для изучения ранее запретных тем, казавшихся намного более важными и интересными. Когда молодые гражданские историки в конце 1980-х гг. начали искать новые подходы к изучению в том числе «женской истории» [Пушкарева, 2002, с. 36], историки науки с завидной консервативностью продолжали игнорировать данную проблематику. Надо отметить, что это их поведение отличалось и от поведения социологов и науковедов, начавших исследовать вопросы гендера в науке с начала 1990-х гг. Однако ни социологи, ни науковеды не обращались и не могли обращаться к неизвестным ранее, неопубликованным историческим источникам, а изученная источниковая база по гендерной проблематике в истории науки была крайне ограниченной.

Ситуация начала меняться только во второй половине 1990-х гг. Точкой отсчета стала организованная в 1997 году в Костроме конференция «Женщины в отечественной науке и образовании». Заметим в скобках, что среди ее организаторов не было представителей профессионального историко-научного сообщества. Конференцию открывали три пленарных доклада, задавших направление работы собравшихся. Одним из них, наиболее для нас важным, стал доклад Натальи Львовны Пушкаревой на тему «Первые российские женщины-ученые (опыт типизации индивидуальных человеческих стратегий)». В нем фактически были сформулированы задачи, стоявшие перед отечественными исследователями в совершенно для них новой и практически еще не существовавшей в России области исследований – женской (гендерной) истории науки, а также методы, необходимые при их решении.

Н.Л. Пушкарева считала, что начинать необходимо с внимательного и тщательного изучения отдельных биографий российских женщин-ученых, практически не изучавшихся

ранее целенаправленно и с использованием биографического метода. В своем выступлении она высказала мысль о том, что: «Для систематизации информации об индивидуальном социальном опыте первых русских женщин-ученых необходима тщательная проработка их личных архивов и документов. Причем особенное внимание должно быть уделено именно индивидуальному эмоциональному опыту, нашедшему отражение в письмах, предметах быта, дагерротипах и рисунках, автобиографиях и проч.». Н.Л. Пушкарева отмечала, что следующим шагом «может стать тогда обобщение схожих ситуаций, анализ “способов выживания” неординарных женских личностей в андроцентричном, маскулинизированном российском научном сообществе прошлого столетия» [Пушкарева, 1997, с. 10–12]. Наталья Львовна также обозначила одну из причин, актуализирующих подобные исследования в современном обществе: «Тема специализированного изучения биографий женщин-ученых, живших столетие и даже более тому назад, имеет на редкость актуальное звучание, так как многие проблемы, будоражившие тогда умы, не решены по сей день» [Пушкарева, 1997, с. 16].

Таким образом, начало было положено. С этого момента постепенно начали проводиться научные конференции или чаще специализированные секции в рамках различных многопрофильных конференций, посвященные проблемам «женских исследований» в истории науки, объединяющие исследователей, работающих в различных областях знания и различных институциональных образованиях, заинтересованных в данной тематике. Так, в 2000 г. году в рамках международной конференции «Женщины в фундаментальной науке: Итоги и перспективы междисциплинарных исследований», проходившей в Санкт-Петербурге, была организована секция «Динамика статуса женщин в науке, признание научных результатов (исторический и современный аспект)» [Женщины в фундаментальной..., 2000, с. 14–15]. Однако «постепенно», пожалуй, ключевое слово в данном случае, поскольку после 2000 г. наступил некоторый перерыв, и только в 2011 году в числе мероприятий, посвященных международному году химии, химический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова провел международную конференцию на тему: «Женщины-химики: биографический портрет, вклад в образование и науку, признание» [Женщины-химики..., 2011].

Надо отметить, что огромную роль в развитии исследований, консолидации ученых, работающих в данном направлении, сыграли секции, посвященные гендерной проблематике в истории науки, систематически проводимые в рамках ежегодных конференций Российской ассоциации исследователей женской истории (РАИЖИ). Они организуются по инициативе и, как правило, под руководством бессменного президента РАИЖИ Н.Л. Пушкаревой. В 2011, 2012, 2013, 2014, 2015, 2018 г. в рамках IV, V, VI, VII, VIII, XI Международных конференций РАИЖИ проводились специальные секции и круглые столы, посвященные данной проблематике: «Женщины-ученые, научная, общественная и личная жизнь в исторической ретроспективе» (Ярославль); «“Стеклоплатформа” в науке: из прошлого в настоящее» (Тверь); «Женщины в науке и наука для женщин. Женщины-историки» (Нальчик); «Специфика самореализации женщин в науке» (Рязань); «Гендерный аспект экономики, политики, права, истории науки» (Старый Оскол); «Гендерное измерение цифровой реальности современного города: экономика и политика. Женщины-ученые – интеллектуальная элита городов» (Нижний Новгород).

Начиная с 2011 г. среди участников секций РАИЖИ, посвященных женщинам-ученым, появляются представители профессионального историко-научного сообщества, в том числе сотрудники Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН (ИИЕТ РАН). Завязываются связи между историками гражданскими и историками науки, профессиональные и дружеские, чему в немалой степени способствовала Н.Л. Пушкарева. Это, в свою очередь, привело к образованию неформального круга исследователей, начавших целенаправленно разрабатывать гендерные проблемы в истории отечественной науки.

Наконец, в 2013 г. в рамках XIX Годичной научной конференции Института истории естествознания и техники им. С.М. Вавилова РАН прошел первый круглый стол «Гендерные проблемы в истории науки и науковедении» [Круглый стол..., 2013, с. 248–261]. Это было первое подобное мероприятие в истории российской профессиональной истории науки. Через три года, в 2016 г. Круглый стол с тем же названием был проведен второй раз в рамках XXII Годичной научной конференции ИИЕТ РАН [Круглый стол..., 2016, с. 342–386]. Наконец, в 2017 г. ИИЕТ РАН совместно с Архивом РАН организовал международную научную конференцию «Столетию Великой русской революции: женские лица российской науки – наследие» (7–8 ноября 2017 г., Москва), посвященную столетию установления юридического равноправия женщин в России. Конференция собрала более 100 участников из разных городов России, стран ближнего и дальнего зарубежья. По результатам ее работы опубликована коллективная монография «Российские женщины-ученые: наследие: По материалам Международной научной конференции “Столетию Великой русской революции: женские лица российской науки – наследие”» [Российские женщины-ученые..., 2017].

Процесс формирования новой научной дисциплины не замыкается, конечно, только на проведение научных мероприятий и опубликование их материалов. Проведение тематических научных мероприятий в области гендерной истории науки в начале 2010-х гг. стало возможным не только потому что нашлись организаторы, но и потому, что назрела потребность внутри научного сообщества, то есть появилось достаточно большое количество людей, занимающихся разработкой определенных научных проблем и заинтересованных в их обсуждении. Результаты их индивидуальных исследований начали появляться в печати все более и более регулярно, начиная с конца 1990-х – начала 2000-х гг. В 2000 г. журнал Вопросы истории естествознания и техники – ведущее отечественное научное периодическое издание по истории науки и техники – опубликовал статью Н.М. Агамовой и А.Г. Аллахвердяна, озаглавленную «Российские женщины в науке и высшей школе: историко-научные и науковедческие аспекты (к 150-летию со дня рождения С.В. Ковалевской)» [Агамова, Аллахвердян, 2000], открыв, таким образом, свои двери для гендерной проблематики.

Тематику опубликованных работ, так же как и тематику устных докладов, сделанных на различных конференциях, условно можно разделить на две группы. Первая и, отметим, наиболее многочисленная из них состоит из биографических материалов женщин-ученых. Исследователи, работающие в различных областях научного знания, собирают и публикуют материалы, посвященные их учителям, коллегам, старшим родственницам, женщинам, оказавшим влияние на развитие той или иной научной дисциплины, чьи научные труды затронули их каким-то образом. Среди этих исследователей – сотрудники архивов и музеев, преподаватели вузов (как естественники, так и гуманитарии), ученые-естествоиспытатели. Профессиональные историки науки выбирают темы исследования, связанные с изучением биографий женщин-ученых, в качестве своих исследовательских проектов, хотя еще два десятилетия назад подобное не приходило им в голову. Преобладание именно биографических публикаций хорошо понятно: большое количество незаслуженно забытых имен женщин-ученых, выпавших из официальных исторических хроник или никогда в них не попадавших, острый недостаток введенной в исторический оборот источниковой базы приводил к ситуациям, когда еще несколько лет назад часто было трудно, почти невозможно найти информацию о женщине-ученой, жившей и работавшей уже во второй половине XX в. Именно поэтому Н.Л. Пушкарева утверждала, что начинать гендерные историко-научные исследования следовало со сбора материалов об индивидуальных женщинах-ученых. Без этого дальнейшие исследования были невозможны. Сейчас эта лакуна начала понемногу заполняться.

Вторая группа публикуемых материалов состоит из аналитических работ, в которых ставятся и анализируются проблемы гендера в науке и ее истории. Подобные статьи пока что очень немногочисленны. И не маленькая их часть принадлежит Н.Л. Пушкаревой, исследования которой задают достаточно острые и болезненные вопросы, заставляют задуматься, подталкивают перейти от простого нарратива к историческому анализу. Среди них

такие статьи как «“Умные, но бедные” (фольклор о женщинах-ученых как скрытая форма гендерной дискриминации)» [Пушкарева, 2008]; «“Да зачем это нужно?!” (почему российские женщины-ученые не “рвутся спесиво” к научной славе) [Пушкарева, 2012]; «Незабытые имена: к истории вклада женщин-ученых в победу в Великой Отечественной войне (З.В. Ермольева, Н.Г. Ключева)» [Пушкарева, 2015]; статья, посвященная работе советских женщин-историков первой половины XX в.: «“Огонь чужих мыслей и звуки других голов”: женщины-историки в России 1900–1940 гг.» [Пушкарева, 2017] и др.

Таким образом, гендерная история Российской науки, научная дисциплина, изучающая гендерные проблемы в истории отечественной науки, продолжает развиваться, преодолевая постепенно консерватизм профессионального историко-научного сообщества. И темпы этого развития в настоящее время нарастают. Конечно, она еще не обладает многими атрибутами, считающимися неотъемлемыми признаками самостоятельной, сложившейся научной дисциплины. Такими, как научные институты и научно-образовательные курсы. Специального научного учреждения (и даже отдела в учреждении), чья деятельность была бы исключительно сосредоточена на проблемах гендера в истории науки сегодня в России, насколько нам известно, не существует. Но вот программа учебного курса была создана и опубликована уже в 1997 г. [Женщина в отечественной..., 1997]. Не существует пока что специализированного научного периодического издания, но отдельные историко-научные журналы уже готовы посвятить свои отдельные выпуски «женской» проблематике. Например, в 2018 г. второй номер (Т. 10) журнала «Историко-биологические исследования» был посвящен исключительно проблемам истории женщин-ученых.

Только в 2018 г. состоялись несколько научных мероприятий, посвященных изучению гендерных проблем истории российской науки, в том числе: Круглый стол «Прогресс России: женский аспект», организатор – Архив Российской академии наук (15 мая); Всероссийская научно-практическая конференция «Женщины в науке – ресурс развития России», организаторы – Союз женщин России, Архив РАН (4 октября); 22 ноября 2018 г. прошло заседание Семинара по истории высшей школы при С.-Петербургском государственном университете, посвященное теме: «Высшие женские Бестужевские курсы в системе образования и науки Российской империи», сопровождавшееся демонстрацией выставки по истории Бестужевских женских курсов, организованной Музеем истории СПбГУ; научная секция «Наука в публичном пространстве: гендерные аспекты в истории науки» в рамках XII Международной научно-практической конференции «История науки и техники. Музейное дело. 4–6 декабря 2018 г. Наука и общество», организаторы – Политехнический музей, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, ИИЕТ РАН, Ассоциация содействия развитию научно-технических музеев «АМНИТ» (4 декабря). Уже в начале 2019 г., 28 марта, состоялось очередное, третье заседание Круглого стола «Гендерные проблемы в истории науки и науковедении» в рамках XXV Годиной научной международной конференции ИИЕТ РАН 25–29 марта 2019 г. И это только те мероприятия, о которых мы знаем лично. Стоит также упомянуть, что отдельные доклады, посвященные рассматриваемой нами проблематике, все чаще и чаще можно встретить на самых различных научных форумах, как гуманитарных, так и естественнонаучных.

Также можно отметить, что постепенно увеличивается количество публикаций по гендерной проблематике в истории науки. В 2018 г. помимо специализированного номера «Историко-биологических известий» был опубликован новый сборник научных трудов: «Прогресс России. Женский аспект: сборник научных статей и документов», подготовленный Архивом РАН [Прогресс России..., 2018]. В выходящем всего лишь 4 раза в год журнале «Вопросы истории естествознания и техники» только за 2018 г. и начало 2019 г. было опубликовано 3 научные статьи [Долгова, 2018; Валькова, 2018; Лиманова, 2019] и 3 развернутых сообщения о научных мероприятиях [Рыбакова, 2018; Минина, 2018; Соловей, 2019] по гендерной истории науки. Наконец, в самом конце 2018 г. вышла в свет наша монография «Штурмуя цитадель науки: женщины-ученые Российской империи»

[Валькова, 2019], посвященная систематическому анализу деятельности женщин-ученых в Российской империи, начиная с конца XVIII и вплоть до первого десятилетия XX в. – первое подобное исследование в отечественной историографии.

Таким образом, за двадцать с небольшим лет гендерная история науки в России прошла громадный путь. От первого программного доклада Н.Л. Пушкаревой, первых одиночных статей и первой научной конференции начиная с конца 1990-х гг. гендерная история науки в России начала медленное, но неуклонное развитие, прирастая новыми деятелями, вовлекая в свою орбиту новые научные институции, доказывая важность своей тематики научным периодическим изданиям и издательствам. И на каждом этапе пути ее сопровождала ее «крестная мать» – доктор исторических наук, профессор Наталья Львовна Пушкарева, чьи научные заслуги мы чествуем сегодня. Среди многих работ и достижений Натальи Львовны это может показаться сначала не самым ярким. Однако только очень немногим избранным ученым выпадает честь и радость привести в наш мир новую научную дисциплину, подтолкнуть, чтобы она начала движение, и поддержать на первых, самых трудных шагах. В создании и развитии гендерной истории науки в России эта честь, безо всяких сомнений, принадлежит Наталье Львовне Пушкаревой.

Список литературы

1. Агамова Н.М., Аллахвердян А.Г. 2000. Российские женщины в науке и высшей школе: историко-научные и науковедческие аспекты (к 150-летию со дня рождения С.В. Ковалевской). Вопросы истории естествознания и техники. 1: 141–153.
2. Валькова О.А. 2018. Л.С. Штерн о женщинах-ученых СССР: неопубликованные материалы из Архива РАН. Вопросы истории естествознания и техники. Т. 39. 3: 533–547.
3. Валькова О.А. 2006. Ольга Александровна Федченко, 1845–1921. М., Наука, 318.
4. Валькова О.А. 2018. Советская история науки о деятельности российских женщин-ученых XVIII – начала XX вв.: очерк историографии. Архив истории науки и техники. Вып. VI (XV). Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. Отв. ред. С.С. Илизаров. М., Наука: 222–251.
5. Валькова О.А. 2019. Штурм цитадели науки: женщины-ученые Российской империи. М., Новое литературное обозрение, 792.
6. Долгова Е.А. 2018. Профессиональные статусы женщин – научных работников в СССР в 1930-е гг. Вопросы истории естествознания и техники. Т. 39. 1: 38–47.
7. Женщина в отечественной науке и образовании. XIX–XX вв.: Учеб. пособие. 1997. М-во общ. и проф. образования Рос. Федерации, Головной совет межвуз. науч.-исслед. программы «Женщины России: проблемы адапт. и развития в новых соц.-экон. условиях». Кострома, КГТУ, 78.
8. Женщины в науке: Реферативный сборник. 1989. Редкол.: Т.В. Виноградова, Т.Р. Иванова М., ИНИОН РАН, 175.
9. Женщины в фундаментальной науке: Итоги и перспективы междисциплинарных исследований: Программа и сб. тезисов междунар. конф., 30 июня – 2 июля 2000 г., Санкт-Петербург. СПб., 115.
10. Женщины-химики: биографический портрет, вклад в образование и науку, признание. Материалы Международной научной конференции, Москва, 16–17 июня 2011 г. Ред.: В.В. Лунин. 2011. М., Химический факультет, 159.
11. Илизаров С.С. 2010. История науки и техники: от зарождения исследовательского направления до формирования в России профессионального сообщества. Архив истории науки и техники. Вып. IV (XIII). М., «Янус-К»: 5–91.
12. Илизаров С.С. 1989. Материалы к историографии истории науки и техники: Хроника: 1917–1988 гг. М., Наука, 293.
13. Круглый стол «Гендерные проблемы в истории науки и науковедении. Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. Годичная научная конференция. 2016. М., ИИЕТ РАН: 342–386.
14. Круглый стол «Гендерные проблемы в истории науки и науковедении». Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция. 2013. Т. 1: Общие проблемы развития науки и техники. История физико-математических наук. М., ЛЕНАНД: 248–261.

15. Лиманова С.А. 2019. «Страшные животные» в 1917 г.: лекция палеонтолога М.В. Павловой о развитии Земли и ее обитателях. Вопросы истории естествознания и техники. Т. 40. 1: 143–160.
16. Минина Е.В. 2018. Российские женщины-ученые: наследие: по материалам Международной научной конференции «Столетию великой русской революции: женские лица российской науки – наследие»: 7–8 ноября 2017 г., Москва, ИИЕТ РАН. Отв. ред. О.А. Валькова. М., Янус-К, 2017. 440 с. Вопросы истории естествознания и техники. Т. 39. 3: 607–610.
17. Прогресс России. Женский аспект: сборник научных статей и документов. Отв. ред.-сост. И.А. Урмина, Н.М. Осипова. 2018. М., Архив РАН, 319.
18. Пушкарева Н.Л. 2012. «Да зачем это нужно?!»: почему российские ученые не «рвутся спесиво» к научной славе». Жизнь в женском свете: к 60-летию В.И. Успенской: сб. науч. ст. Тверь, Тверской гос. ун-т: 161–172.
19. Пушкарева Н.Л. 2002. Русская женщина: история и современность: История изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800–2000: Материалы к библиографии. М., Ладомир, 522.
20. Пушкарева Н.Л. 2017. «Огонь чужих мыслей и звуки других голосов»: женщины-историки в России 1900–1940 гг. Российские женщины-ученые: наследие: по материалам Международной научной конференции «Столетию Великой русской революции: женские лица российской науки – наследие»: 7–8 ноября 2017 г., Москва, ИИЕТ РАН. Отв. ред. О.А. Валькова. М., «Янус-К»: 120–131.
21. Пушкарева Н.Л. 2008. «Умные, но бедные» (фольклор о женщинах-ученых как скрытая форма гендерной дискриминации). Гендерная дискриминация: проблемы, подходы, решения. Сб. науч. ст. Иваново, Издательство «Государственный Ивановский университет»: 232–262.
22. Пушкарева Н.Л. 2015. Незабываемые имена: к истории вклада женщин-ученых в победу в Великой Отечественной войне (З.В. Ермольева, Н.Г. Клюева). Женщины и женское движение за мир без войн и военных конфликтов (К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне): материалы Восьмой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 8–11 октября 2015 года, г. Старый Оскол. М.; Старый Оскол, ИЭА РАН, СТИ НИТУ «МИСиС», Т. 3: 135–137.
23. Пушкарева Н.Л. 1997. Первые российские женщины-ученые (опыт типизации индивидуальных человеческих стратегий). Женщины в отечественной науке и образовании: Материалы конф., Кострома, 27–28 нояб. 1997 г. Редкол.: А.И. Евстратова (отв. ред. и др.). Иваново, Изд. центр «Юнона»: 10–16.
24. Российские женщины-ученые: наследие: По материалам Международной научной конференции «Столетию Великой русской революции: женские лица российской науки – наследие»: 7–8 ноября 2017 г., Москва, ИИЕТ РАН. Отв. ред. О.А. Валькова. 2017. М., «Янус-К», 440.
25. Рыбакова Е.В. 2018. «Женщины в науке» на 10-й Юбилейной конференции «“Сила слабых”»: гендерные аспекты взаимопомощи и лидерства в прошлом и настоящем». Вопросы истории естествознания и техники. Т. 39. 1: 199–207.
26. Соколовская З.К., Соколовский В.И. 1999. 550 книг об ученых, инженерах и изобретателях. Справочник-путеводитель по серии РАН «Научно-биографическая литература». 1959–1997. М., Наука, 535.
27. Соловей А.П. 2019. Секция «Женщины в науке и образовании» в рамках Международной научно-практической конференции «Белорусская наука в условиях модернизации». Вопросы истории естествознания и техники. Т. 40. 1: 214–217.
28. Судьба проекта «Русская наука». 1916–1920 (К 100-летию Комиссии по изданию сборника «Русская наука»: Статьи и документы. Отв. ред. Чл.-корр. РАН Ю.М. Батулин; ред.-сост. В.М. Орел, Г.И. Смагина. 2016. СПб.; М. [Б. и.], 848.
29. Kosheleva I. 1983. Women in Science. Moscow: Progress Publishers, 171.

References

1. Agamova N.M., Allakhverdyan A.G. 2000. Rossiyskie zhenshchiny v nauke i vysshey shkole: istoriko-nauchnye i naukovedcheskie aspekty (k 150-letiyu so dnya rozhdeniya S.V. Kovalevskoy) [Russian women in science and higher education: historical and sociological (to the 150th anniversary of S.V. Kovalevskaya)]. Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki. 1: 141–153.

2. Val'kova O.A. 2018. L.S. Shtern o zhenshchinah-uchenykh SSSR: neopublikovannyye materialy iz Arkhiva RAN. [L.S. Shtern about women scientists of the USSR: unpublished materials from the Archive of Russian Academy of Science]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*. T. 39. 3: 533–547.
3. Val'kova O.A. 2006. Ol'ga Aleksandrovna Fedchenko, 1845–1921. [Olga Alexandrovna Fedchenko, 1845–1921]. Moscow, Nauka, 318.
4. Valkova O.A. 2018. Sovetskaya istoriya nauki o deyatel'nosti rossiyskikh zhenshchin-uchenykh XVIII – nachala XX vv.: ocherk istoriografii [Soviet history of science on the activities of Russian women scientists of the XVIII – early XX centuries: an essay on historiography]. *Arkhiv istorii nauki i tekhniki* [Archive for the history of science and technology]. Vyp. VI (XV). In: *Istorii estestvoznaniya i tekhniki im. S.I. Vavilova RAN*. Otv. red. S.S. Ilizarov. M., Publ. Nauka: 222–251.
5. Valkova O.A. 2019. Shturmuya tsitadel' nauki: zhenshchiny-uchenye Rossiiskoi imperii [Storming the citadel of science: women scientists of the Russian Empire]. Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie*, 792.
6. Dolgova E.A. 2018. Professional'nye statusy zhenshchin – nauchnykh rabotnikov v SSSR v 1930-e gg. [Professional status of women scientists in the USSR in the 1930s]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*. T. 39. 1: 38–47.
7. Zhenshchina v otechestvennoi nauke i obrazovanii. XIX–XX vv.: Ucheb. Posobie [A woman in the national science and education. XIX–XX. Textbook]. 1997. Kostroma, Kostroma state technological University, 78.
8. Zhenshchiny v nauke: Referativnyi sbornik. [Women in science: Abstract collection]. 1989. Red.: T.V. Vinogradova, T.P. Ivanova. Moscow, INION RAN, 175.
9. Zhenshchiny v fundamental'noi nauke: Itogi i perspektivy mezhdistsiplinarnykh issledovaniy: Programma i sb. tezisov mezhdunar. konf., 30 iyunya – 2 iyulya 2000 g. Sankt-Peterburg. [Women in fundamental science. Program and collection of abstracts of the International conference «Women in fundamental science: results and prospects of interdisciplinary research. 30 June – 2 July 2000. Saint-Petersburg»]. Saint-Petersburg, 115.
10. Zhenshchiny-khimiki: biograficheskiy portret, vklad v obrazovanie i nauku, priznanie. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Moskva, 16–17 iyunya 2011 g. [Women chemists: biographical portrait, contribution to education and science, recognition. Proceedings of the International scientific conference, Moscow, 16–17 June 2011]. Red.: V.V. Lunin. 2011. M., Publ. Khimicheskii fakul'tet, 159.
11. Ilizarov S.S. 2010. Istoriya nauki i tekhniki: ot zarozhdeniya issledovatel'skogo napravleniya do formirovaniya v Rossii professional'nogo soobshchestva. [History of science and technology: from the origin of the research interest to the formation of a professional community in Russia]. *Arkhiv istorii nauki i tekhniki*. [Archive for the history of science and technology]. Vyp. IV (XIII). M., Publ. «Yanus-K»: 5–91.
12. Ilizarov S.S. 1989. Materialy k istoriografii istorii nauki i tekhniki: Khronika: 1917–1988 gg. [Materials to the historiography of the history of science and technology: Chronicle: 1917–1988]. Moscow, Nauka, 293.
13. Kruglyy stol «Gendernye problemy v istorii nauki i naukovedenii. [Round table «Gender issues in the history of science and science of science»]. Institut istorii estestvoznaniya i tekhniki im. S.I. Vavilova RAN. Godichnaya nauchnaya konferentsiya. 2016. Moscow, IIET RAN: 342–386.
14. Kruglyy stol «Gendernye problemy v istorii nauki i naukovedenii. [Round table «Gender issues in the history of science and science of science»]. Institut istorii estestvoznaniya i tekhniki im. S.I. Vavilova. Godichnaya nauchnaya konferentsiya. 2013. T. 1: Obshchie problemy razvitiya nauki i tekhniki. *Istoriya fiziko-matematicheskikh nauk*. Moscow, LENAND: 248–261.
15. Limanova S.A. 2019. «Strashnye zhivotnye» v 1917 g.: lektsiya paleontologa M.V. Pavlovoy o razvitiy Zemli i ee obitatelyakh. [«Scary animals» in 1917: paleontologist M.V. Pavlova's lecture on the development of the Earth and its inhabitants]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*. T. 40. 1: 143–160.
16. Minina E.V. 2018. Rossiyskie zhenshchiny-uchenye: nasledie: po materialam Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Stoletiyu velikoy russkoy revolyutsii: zhenskie litsa rossiyskoy nauki – nasledie»: 7–8 noyabrya 2017 g., Moskva, IIET RAN. Otv. red. O.A. Val'kova. M., Yanus-K, 2017. 440 s. [Russian women scientists: heritage: based on the materials of the International scientific conference «Centenary of the great Russian revolution: women's faces of Russian science – heritage»: 7–8 November 2017, Moscow, IIET RAS, Yanus-K, Moscow, Russia, 440 p.]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*. T. 39. 3: 607–610.

17. Progress Rossii. Zhenskiy aspekt: sbornik nauchnykh statey i dokumentov [Russia's Progress. Women's perspective: collection of scientific articles and documents]. Otv. red.-sost. I.A. Urmina, N.M. Osipova. 2018. M., Arkhiv RAN, 319.

18. Pushkareva N.L. 2012. «Da zachem eto nuzhno?!»: pochemu rossiyskie uchenye ne «rvutsya spesivo» k nauchnoy slave. [«What for?»: Why Russian women scientists don't pursue «scientific fame»]. Zhizn' v zhenskom svete: k 60-letiyu V.I. Uspenskoj: sb. nauch. st. [Life in women's light: to the 60th anniversary of V. I. Uspenskaya]. Tver', Publ. Tverskoj gos. un-t: 161–172.

19. Pushkareva N.L. 2002. Russkaya zhenshchina: istoriya i sovremennost': Istoriya izucheniya «zhenskoi temy» russkoi i zarubezhnoi nauki. 1800–2000: Materialy k bibliografii [Russian woman: history and modernity: History of the study of the «female theme» by Russian and foreign science. 1800–2000: Materials for bibliography]. Moscow, Publ. Lodomir, 522.

20. Pushkareva N.L. 2017. «Ogon' chuzhikh mysley i zvuki drugikh golosov»: zhenshchiny-istoriki v Rossii 1900–1940 gg. [«Fire of other people's thoughts and sounds of other voices»: women historians in Russia 1900–1940». Rossiyskie zhenshchiny-uchenye: nasledie: po materialam Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Stoletiyu Velikoy russkoj revolyutsii: zhenskie litsa rossiyskoj nauki – nasledie»: 7–8 noyabrya 2017 g., Moskva, IIET RAN. [Russian women scientists: heritage: based on the materials of the International scientific conference «Centenary of the great Russian revolution: women's faces of Russian science – heritage»: 7–8 November 2017, Moscow, IIET RAS]. Otv. red. O.A. Val'kova. M., Publ. «Yanus-K»: 120–131.

21. Pushkareva N.L. 2008. «Umnye, no bednye» (fol'klor o zhenshchinakh-uchenykh kak skrytaya forma gendernoy diskriminatsii). [«Smart but poor» (folklore about female scientists as a hidden form of gender discrimination)]. Gendernaya diskriminatsiya: problemy, podkhody, resheniya. [Gender discrimination: problems, approaches, solutions]. Sb. nauch. st. Ivanovo, Publ. «Gosudarstvennyy Ivanovskiy universitet»: 232–262.

22. Pushkareva N.L. 2015. Nezabytye imena: k istorii vklada zhenshchin-uchenykh v pobedu v Velikoy Otechestvennoy voyne (Z.V. Ermol'eva, N.G. Klyueva). [«Unforgettable names: to the history of the contribution of women scientists to the victory in the great Patriotic war (Z.V. Ermoleva, N.D. Klyueva)»]. Zhenshchiny i zhenskoe dvizhenie za mir bez voyn i voennykh konfliktov (K 70-letiyu Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne): materialy Vos'moy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii RAIZhI i IEA RAN, 8–11 oktyabrya 2015 goda, g. Staryy Oskol. [Women and women's movement for peace without wars and military conflicts (To the 70th anniversary of Victory in the great Patriotic war): proceedings of the Eighth international scientific conference of RAIJI and IEA RAS, 8–11 October 2015, Stary Oskol]. M.; Staryy Oskol, Publ. IEA RAN, STI NITU «MISiS», T. 3: 135–137.

23. Pushkareva N.L. 1997. Pervye rossiyskie zhenshchiny-uchenye (opyt tipizatsii individual'nykh chelovecheskikh strategiy). [The first Russian female scientists (experience of typing individual human strategies)]. Zhenshchiny v otechestvennoy nauke i obrazovanii: Materialy konf., Kostroma, 27–28 noyab. 1997 g. [Women in the national science and education (Materials of the conference, Kostroma, 27–28 Nov. 1997)]. Redkol.: A.I. Evstratova (otv. red. i dr.). Ivanovo, Izd. tsentr «Yunona»: 10–16.

24. Rossiyskie zhenshchiny-uchenye: nasledie: Po materialam Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Stoletiyu Velikoy russkoj revolyutsii: zhenskie litsa rossiyskoj nauki – nasledie»: 7–8 noyabrya 2017 g., Moskva, IIET RAN. [Russian women scientists: heritage: based on the materials of the International scientific conference «Centenary of the great Russian revolution: women's faces of Russian science – heritage»: 7–8 November 2017, Moscow, IIET RAS]. Otv. red. O.A. Val'kova. 2017. M., Publ. «Yanus-K», 440.

25. Rybakova E.V. 2018. «Zhenshchiny v nauke» na 10-y Yubileynoy konferentsii ««Sila slabykh»: gendernye aspekty vzaimopomoshchi i liderstva v proshlom i nastoyashchem». [«Women in science» at the 10th Anniversary conference «The Strength of the weak»: gender aspects of mutual aid and leadership in the past and present». Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki. T. 39. 1: 199–207.

26. Sokolovskaya Z.K., Sokolovskii, V.I. 1999. 550 knig ob uchenykh, inzhenerakh i izobretatelyakh. Spravochnik-putevoditel' po serii RAN «Nauchno-biograficheskaya literatura». 1959–1997 [550 books about scientists, engineers and inventors. Guide to the series of RAS «Scientific and biographical literature». 1959–1997]. Moscow, Nauka, 535.

27. Solovey A.P. 2019. Sektsiya «Zhenshchiny v nauke i obrazovanii» v ramkakh Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Belorusskaya nauka v usloviyakh modernizatsii». [Section «Women in science and education» within the International scientific-practical conference «Belarusian science in the conditions of modernization». Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki. T. 40. 1: 214–217.

28. Sud'ba proekta «Russkaya nauka». 1916–1920 (K 100-letiyu Komissii po izdaniyu sbornika «Russkaya nauka»: Stat'i i dokumenty. [The fate of the project «Russian science». 1916–1920 (To the 100th anniversary of the Commission for the publication of the collection «Russian science»: Articles and documents]. Otv. red. Chl.-korr. RAN Yu.M. Baturin; red.-sost. V.M. Orel, G.I. Smagina. 2016. Saint-Petersburg, Moscow, [B. i.], 848.

29. Kosheleva I. 1983. Women in Science. Moscow: Progress Publishers, 171.

Ссылка для цитирования статьи

Reference to article

Валькова О.А. Гендерная история науки в России. Начало. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2019. Т. 46. № 3. С. 544–554. doi: 10.18413/2075-4458-2019-46-3-544-554

Valkova O.A. Gender studies for the history of science in Russia. Beginning. Belgorod State University Scientific Bulletin. History. Political Science. 2019. V 46. № 2. P. 544–554. doi: 10.18413/2075-4458-2019-46-3-544-554

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

УДК 341.492.2

DOI 10.18413/2075-4458-2019-46-3-555-563

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА ВЕНГРИИ: МЕЖДУ ЕВРОПОЙ И АЗИЕЙ

HUNGARIAN CULTURAL POLICY: BETWEEN EAST AND WEST

Г.А. Нелаева**G.A. Nelaeva**

Тюменский государственный университет,
Россия, 625003, г. Тюмень, ул. Семакова, 10

University of Tyumen,
10 Semakova St, 625003, Tyumen, Russia

E-mail: g.a.nelaeva@utmn.ru

Аннотация

Культурная политика Венгрии на современном этапе характеризуется «открытостью Востоку», что подразумевает налаживание более тесных связей со странами, не являющимися членами Европейского союза. Более того, в последние годы, а особенно после финансового кризиса 2008 года, Венгрия все больше дистанцируется от общеевропейской повестки, критикуя политику ЕС по целому ряду вопросов (например, проблема миграции). В этой связи снова становится актуальным вопрос о «вишеградской» идентичности и Вишеградской четверке как необходимом объединении в условиях современных геополитических реалий. В статье рассматривается эволюция культурной политики Венгрии, ее основные направления в 1990–2000 гг., а также проблемы, с которыми сталкивается Венгрия при осуществлении этой политики. Путем анализа нормативно-правовых документов, а также институциональной основы венгерской «мягкой силы», мы выделяем основные приоритеты культурной политики Венгрии, институты и механизмы ее осуществления.

Abstract

Hungarian cultural policy at the moment can be characterized by its «Eastern opening» (Keleti Nyitás), which involves establishing closer links with countries that are not EU members. Moreover, after the 2008 financial crisis Hungary is increasingly distancing itself from the European agenda as well as it openly criticizes the EU on a number of issues (with migration being the most notable example). It is not unusual to come across rhetoric that emphasizes unique Hungarian origins as opposed to the European ones. This policy orientation represents quite a significant departure from the early 1990s «back to Europe» aspirations. In this context, the question of «Visegrad identity» (and relevance of Visegrad Four as a regional group more generally), becomes important again. In this article we are trying to trace the evolution on Hungarian cultural policy since the early 1990s throughout the 2000s, as well as problems that Hungary currently faces in implementing this policy. Looking at the main documents and institutions charged with making «soft power» a reality, we identify Hungary's priorities, instruments, mechanisms and main programs in the course of its cultural policy.

Ключевые слова: культурная политика, Вишеградская группа, Венгрия, мягкая сила, Институт Балашши, внешняя политика.

Key words: Cultural policy, Visegrad group, Hungary, soft power, Balassi Institute, foreign policy.

«Мягкая сила» в Вишеградском контексте

Концепция «мягкой силы», предложенная американским политологом Джозефом Найем в начале 1990-х гг. [Nye, 1990; Nye, 2004], вызывает большой интерес как исследователей, так и практиков. Подчеркивается, что международное сотрудничество, основанное на продвижении языка и культуры страны, способно играть важную роль в международных отношениях в условиях, когда «жесткая сила», основанная на принуждении, является нецелесообразной. Привлекательность, добровольное участие, симпатия не только позволяют государству достигать определенных внешнеполитических целей, но и способствуют взаимному сотрудничеству и обмену ценностями. Привлечение внимания и убеждение, по мнению ученого, являются ключевыми механизмами, посредством которых осуществляется международное взаимодействие. Данная исследовательская парадигма неоднократно применялась исследователями для изучения внешней политики государств. В этой связи выделяются и уточняются термины «умная сила», «публичная дипломатия», «культурная политика», «брендинг территории», а также делаются попытки проследить, как именно мягкая сила позволяет государствам достигать внешнеполитических целей с использованием количественных и качественных методов исследований, в т. ч. big data. Одним из способов оценки мягкой силы является рейтинг Soft Power 30, разработанный Лондонским PR-агентством Portland. Рейтинг включает в себя несколько критериев, в том числе культуру, образование, деловой климат, стандарты государственного управления, распространенность цифровых технологий, отношения с другими странами, а также данные социологических опросов. В этом рейтинге на протяжении нескольких лет представлены страны, относительно недавно включившие «мягкую силу» как неотъемлемую составляющую внешней политики, но уже успешно конкурирующие с «ветеранами мягкой силы», такими как Германия, Франция, Великобритания, США, Швеция и Нидерланды.

Несмотря на то, что существует огромное количество исследований различных аспектов «мягкой силы» в различных странах и регионах мира, Вишеградские страны остаются малоизученными. Тем не менее именно Вишеградский регион представляет интерес, так как долгое время эти страны являлись странами-объектами «мягкой силы» со стороны стран Западной Европы и США, и лишь относительно недавно стали активно продвигать свою культуру вовне. Процесс создания и реализации проектов публичной дипломатии в данном регионе является непростым по ряду причин, в том числе по причине отсутствия опыта в этой сфере, недостаточного финансирования и т. д. В условиях «новой Холодной войны» [Marcus, 2018] эти страны вынуждены искать альтернативные форматы взаимодействия со странами Запада и Востока, сочетая как собственные ценности, так и прагматические соображения.

Создание Вишеградской группы в феврале 1991 года стало первой попыткой определения региона. Венгрия, Чехословакия и Польша заимствовали идею из истории: в XIV веке в венгерском Вишеграде состоялась встреча королей Венгрии, Богемии и Польши. Создав данное объединение, страны ЦВЕ «начали процесс закладывания основ и новых форм политического, экономического и культурного сотрудничества в условиях изменившейся ситуации в Центральной и Восточной Европе» [Visegrad Declaration]. В период создания этого объединения страны в первую очередь стремились вступить в евроатлантические структуры (ЕС и НАТО), поэтому не предлагали альтернативной политики и не стремились к тесному сотрудничеству, что позволяло охарактеризовать это объединение как инструмент, временно дополняющий стратегию присоединения стран к Европейскому союзу [Dangerfield, 2008: 635]. Однако не только экономические и политические интересы двигали странами региона: как отмечает М. Дангерфилд, «в период создания Вишеградской Группы значимость этого объединения заключалась еще и в том, чтобы продемонстрировать, что это своего рода группа стран в авангарде, стран, достойных вступить в Европейский союз как можно скорее» [Dangerfield, 2008: 635]. Процесс создания центральноевропейской идентичности, отличной от идентичности стран Восточной Европы или Западных Балкан, которые считались отсталыми как в экономическом, так и в

политическом плане, был непростым. После того, как «возвращение в Европу», о котором писал в 1980-е гг. еще Милан Кундера, осуществилось и членство в евроатлантических институтах стало реальной, обозримой перспективой, зазвучали прогнозы относительно распада этого объединения (так как цель достигнута, а больше нет никаких общих идей, которые бы объединяли эти четыре страны) [Cottey, 1999]. Несмотря на то, что скептицизм был вполне оправданным, Вишеградская четверка продолжила свое существование, а в июне 2000 года появился Вишеградский фонд, призванный развивать взаимодействие с восточноевропейскими странами (посредством грантов, культурных, научных и образовательных проектов, через содействие молодежным обменам и предоставление стипендий по программам мобильности). У фонда существует несколько индивидуальных грантовых программ, четыре схемы стипендий и несколько программ для университетов. Грантовая поддержка предоставляется неправительственным организациям, муниципалитетам и региональным органам власти, школам и университетам, а также частным компаниям или физическим лицам при условии, что их проекты имеют отношение к региону стран участниц проекта и предполагают дальнейшее развитие сотрудничества между партнерами по проекту. Согласно официальному сайту фонда, в его задачи входит развитие сотрудничества как в самом Вишеградском регионе, так и в странах Восточного партнерства и Западных Балкан. Грантовую систему поддерживают такие страны как Канада, США, Южная Корея, Швеция, Нидерланды и другие.

Венгерский исследователь Дьёрдь Сонди отмечает ряд проблем, присущих для всех стран Центральной и Восточной Европы, с которыми они столкнулись в процессе создания и реализации проектов. Во-первых, все эти страны относительно небольшие, не имеющие достаточных финансовых и кадровых возможностей для продвижения своей идентичности, политики и интересов за рубежом. Таким образом, им часто приходится выбирать наиболее важные внешнеполитические ориентиры (в которые культура входит не всегда). Во-вторых, эти страны малоизвестны на Западе, освещение стран ЦВЕ происходило только тогда, когда случался какой-то кризис. Таким образом, у них было мало возможностей повлиять на общую политику ЕС после того, как они стали его членами. В-третьих, все страны так или иначе столкнулись с проблемой национальных меньшинств, которые в силу различных исторических событий оказались за пределами страны. Данная проблема особенно остро затронула Венгрию, для которой продвижение языка и культуры было в первую очередь ориентировано на три миллиона венгров, проживающих в соседних странах. В-четвертых, языки этих стран не пользуются популярностью среди иностранцев, поэтому языковая и образовательная политика в первую очередь направлена на меньшинства из соседних стран или потомков эмигрантов, желающих приобщиться к корням. И, в-пятых, как отмечает Сонди, в результате радикальных политических и экономических перемен конца 1980-х – начала 1990-х годов страны должны были каким-то образом определить свою новую идентичность (что получалось не всегда), а в силу разных противоречий внутри региона Вишеградская идентичность еще не сложилась. К тому же для всех стран было важно показать разрыв с коммунистическим прошлым, что тоже было непросто, так как переход к рыночной экономике породил массу экономических и социальных проблем и проходил в этих странах неравномерно [Szondi, 2009].

Если Вишеградская четверка изначально была создана для успешной интеграции в ЕС и НАТО (а не как альтернатива этим структурам – что подчеркивалось в тексте самой Вишеградской Декларации), то впоследствии это объединение начинает продвигать интересы, общие для региона, на уровне ЕС.

Из Вишеградских стран нам бы хотелось подробнее остановиться на случае Венгрии, так как именно она из В4 совершила в последнее десятилетие «открытость Востоку» и стала активнее продвигать свою культуру на этом направлении, все чаще дистанцируясь (или даже противопоставляя себя) Европейскому союзу.

Место «мягкой силы» во внешней политике Венгрии

Как уже отмечалось, в силу исторических причин одним из ключевых направлений венгерской внешней политики является поддержка венгерского меньшинства за пределами Венгрии. Созданное после Первой мировой войны Министерство религии и образования ставит перед собой цель создавать и развивать сеть венгерских культурных институтов и культурных центров за рубежом. Так был создан Collegium Hungaricum, который изначально занимался поддержкой венгерских студентов, обучавшихся в странах Западной Европы. В период между двумя мировыми войнами было создано около 64 культурных и образовательных центров, продвигавших венгерский язык и культуру [Ujváry, 2004]. Исследователи подчеркивают особую роль Куно фон Клебельсберга, министра культуры (1922–1931), который считал, что в сложившихся условиях, после заключения Трианонского соглашения, развитие культурной политики является единственным способом воссоединения с соотечественниками, оказавшимися за пределами Венгрии. Он и его коллеги из Министерства иностранных дел прилагали все усилия, чтобы вывести Венгрию из международной изоляции и улучшить негативный имидж страны [Ujváry, 2010]. Как подчеркивает Жолт Надь, культурная политика того времени развивалась в условиях жесткой конкуренции между странами региона: Венгрией, Румынией, Югославией и Чехословакией, которые так или иначе пытались добиться расположения западных стран и улучшить свои послевоенные позиции. Естественно, что в таких условиях ни о какой региональной идентичности или даже о региональном сотрудничестве речи быть не могло [Nagy, 2012]. В 1927 году появился Институт Балашши (Balassi Intézet), названный в честь венгерского поэта Балинта Балашши (1554–1594), призванный продвигать венгерскую культуру за рубежом.

В период социалистического режима, установившегося в Венгрии в 1947 году, развитием культурных связей занимались Министерство иностранных дел и Министерство культуры, а также специально созданный Институт культурных связей (1949–1962). Во время «Холодной войны» Венгрия, как и другие страны Центральной и Восточной Европы, становятся объектами пропаганды, в основном путем радиовещания (Радио Свобода, Голос Америки, ВВС), и не занимаются продвижением собственной культуры вовне [Risso, 2013]. В период правления Яноша Кадара начинается постепенное ослабление партийного контроля и, в следствие этого, проникновение западной массовой культуры в венгерское общество [Takács, 2016].

В конце 1980-х – начале 1990-х годов формирование культурной политики основывалось на двух основных принципах: национальные традиции до установления социализма и современные западные примеры («возвращение в Европу») [Tóth, 2011]. В этот период были прекращены практически все связи с Россией, в том числе торгово-экономические. Именно в этот период начинается региональное сотрудничество с целью успешной интеграции в НАТО и ЕС и попытки создания особой, центральноевропейской, вишеградской идентичности [White et al., 2010]. Венгерская внешняя политика в этот период была по-прежнему ориентирована на защиту венгерского меньшинства в соседних странах, что порождало ряд спорных инициатив (например, так называемый Закон о статусе, даровавший определенные привилегии этническим венграм из-за рубежа) [Law Concerning Hungarians...]. Однако в этот период также начинается активный интерес Венгрии к региону Западных Балкан ввиду продолжавшегося в бывшей Югославии конфликта и опасений о возможных нападениях на этнических венгров, проживавших в Войводине (Сербия) [Huszka, 2010]. Венгрия также поддержала инициативу «Восточное партнерство», предложенную Польшей в 2008 году, направленную на углубление связей со странами бывшего СССР.

Политика «открытости Востоку» (Keleti Nyitás) начинается в Венгрии с приходом к власти в 2010 году правительства Виктора Орбана. Данные перемены были связаны не только с возвращением FIDESZ к власти, но и с экономическим кризисом 2008 года, который повлек за собой множество экономических и социальных проблем. Несмотря на то, что Венгрия по-прежнему подчеркивала свою приверженность западным идеалам, восточное направление внешней политики было призвано восполнить те внешнеполитические пробелы, которые возникли в 1990-е. Речь идет об укреплении связей с Россией,

странами Центральной Азии, Южного Кавказа, Китая и Восточной Азии [Magyari, 2010]. Постепенно перечень стран пополнился арабскими, латиноамериканскими и африканскими странами. В первую очередь речь идет, конечно, о развитии экономического и торгового взаимодействия, однако связь между развитием культурных и экономических связей становится предметом обсуждения на самом высоком уровне [Cultural diplomacy..., 2017]. Исследователи отмечают, что вряд ли можно считать идеологические сдвиги причиной смены внешнеполитического курса, скорее речь идет о прагматических соображениях (например, зависимость Венгрии от поставок российских энергоресурсов и заинтересованность в привлечении российских и китайских инвесторов). Тем более ситуацию усугубил финансовый кризис и тот факт, что западные институты, предоставлявшие Венгрии кредиты, выдвигали очень жесткие и непопулярные у народа условия [Buzogány, 2017].

Среди институтов, занимающихся разработкой и реализацией культурной политики, следует отметить в первую очередь министерство иностранных дел (в структуру которого с 2016 года входит Институт Балашши). Также в культурную политику вовлечены неправительственные организации, СМИ, Торговые палаты и PR-консультанты. Однако, как отмечает Д. Сонди, часто деятельность всех этих структур плохо согласована и, следовательно, они транслируют совершенно разные идеи о стране вовне [Szondi, 2009: 302].

Институт Балашши, упоминавшийся выше, действует в двадцати одной стране, продвигая венгерский язык и венгерскую культуру за рубежом. Он ставит перед собой задачу «продвигать качественный образ нашей страны и соответственно, улучшать образ Венгрии на международной арене, одновременно укрепляя и сохраняя все аспекты венгерской культуры как внутри, так и за пределами Венгрии».

В 2005 году были созданы так называемые «экспортные офисы»: Mistic Export Hungary (Magyar Zenei Exportiroda), Program for National Contemporary Pop Music Culture, занимавшиеся в 2000-е гг. продвижением венгерской музыки за рубежом и оказывавшие поддержку венгерским исполнителям [János, 2009].

Следует также сказать несколько слов о СМИ. В Вишеградском регионе вещание в основном нацелено на диаспоры ввиду низкой распространенности местных языков. Недостаточное финансирование привело к тому, что было прекращено вещание Будапешт-радио на других языках, кроме венгерского. Однако существует телевещание (выпуски новостей) на русском, немецком и китайском языках. Также осваиваются онлайн-платформы (facebook, twitter), где предоставляется наиболее актуальная информация.

Необходимость продвигать культуру во внешней политике была закреплена в нескольких документах: в 2004 году была сформулирована «Культурная стратегия Венгрии» [Elkészült a magyar..., 2004], измененная и дополненная в 2006 году рабочей группой под руководством министра культуры того времени Андраша Бозоки [A szabadság kultúrája..., 2006]. В документах выделялось несколько приоритетных направлений культурной политики, одним из которых было продвижение венгерской литературы за рубежом и ее переводы на другие языки. В этих и в последующих документах подчеркивалось, что культурная дипломатия должна проводиться в общем, центрально-европейском контексте, должна представлять культуру национальных и этнических меньшинств страны, быть основанной на исторических и социологических фактах, представлять основные научные и спортивные достижения венгров [Földes, 2013].

Несмотря на наличие нормативно-правовой базы и на созданную сеть культурных институтов и центров, реализация проектов не всегда успешна. Исследователи отмечают следующие проблемы в деятельности Институтов Балашши за рубежом: недостаточное финансирование проектов и самих центров; неудовлетворительное состояние помещений, где расположены культурные институты (что делает их непривлекательными для посетителей); недостаточный уровень подготовки кадров и отсутствие преемственности; необходимость в специалистах в сфере маркетинга и PR для более активного продвижения проектов в местных СМИ; большое количество административной работы, отвлекающей сотрудников от выполнения непосредственных обязанностей [Földes, 2013: 32–35].

Приоритетные направления политики «мягкой силы» Венгрии

Одним из наиболее известных (и, возможно, наиболее традиционных) направлений венгерской культурной политики является так называемая «гастродипломатия». Венгерская «гастродипломатия» известна давно: Токайские вина, ликер Цвак, салями, гуляш, цыпленок в паприке, а также многочисленные торты и десерты упоминаются во всех путеводителях и являются неотъемлемой частью туристической политики. Организуются специальные кулинарные туры, предлагающие широкий спектр венгерских блюд и вин (например, кампания «Taste Hungary»). С венгерскими винными фестивалями, традиционно проводимыми осенью, могут посоперничать разве что немецкие Oktoberfest.

Культурное наследие, охраняемое ЮНЕСКО, также является особенностью стран ЦВЕ и Венгрии в частности (например, район Будапештской крепости и панорамный вид Будапешта вдоль Дуная). Специальная программа «Открой Центральную Европу» (Discover Central Europe) предлагает туры по местам культурного наследия, знаменитым венгерским спа и курортам (на озере Балатон). Данная инициатива в основном направлена на туристов из США, России, Китая и Японии, однако с середины 2010-х годов также привлекаются туристы из Индии, Бразилии и стран Юго-восточной Азии и Латинской Америки.

Одним из известных музыкальных событий, привлекающим в Венгрию большое количество туристов (в основном, молодежи), является фестиваль Сигет. Он впервые был проведен в 1993 году и из незначительного события стал одним из наиболее известных европейских музыкальных фестивалей. Он дважды (в 2011 и 2015 году) выигрывал престижные награды как крупнейший европейский фестиваль, собирающий более 400 000 участников из более чем 70 стран мира (более 50% участников – иностранцы) [Sziget is more..., 2017]. В фестивале в различные годы участвовали такие знаменитости, как Аланис Морисетт, Пинк и др.

Будапештский весенний фестиваль (Budapesti Tavasz Fesztivál), традиционно проводимый в апреле, собирает большое количество музыкантов, танцоров, актеров, художников со всего мира. Культуре народов, населяющих Венгрию, также посвящены различные проекты. Можно особо отметить дни еврейского искусства, где представлены различные аспекты еврейской культуры (Jewish Art Days). Книжный фестиваль (International Book Festival Budapest), проводимый в Венгрии с 1994 года, привлекает известных писателей из разных стран мира. Так, почетными гостями фестиваля в разные годы были Орхан Памук, Умберто Эко, Паоло Коэльо и др.

Если рассматривать образовательную сферу, Венгрия пока не может соперничать с ведущими странами Европы, такими как Франция, Великобритания, Нидерланды или Германия. Согласно рейтингу 2017 года, ни одна из Вишеградских стран не попала в десятку наиболее привлекательных направлений в области образования (первое место в рейтинге заняла Германия) [The Study.EU Country Ranking]. Однако в том же рейтинге Венгрия и Польша стали наиболее привлекательными странами с точки зрения стоимости обучения и доступности проживания (Венгрия является наиболее доступной страной, а Великобритания – наименее доступной) [The Study..., 2017].

Венгрия активно продвигает образовательные программы на английском (или других европейских языках), предлагая финансовую поддержку как в рамках Вишеградского фонда, так и в рамках TEMPUS. Следует отметить, что если раньше финансирование в основном предоставлялось для желающих изучать венгерский язык (естественно, что такие программы были интересны венграм из диаспоры из близлежащих стран или потомкам венгерских эмигрантов из стран Северной и Южной Америки и Западной Европы, а также лицам с финно-угорскими корнями), то в последние годы делается акцент на привлечение студентов независимо от их происхождения. Многие магистерские программы были переведены на европейские языки и направлены на студентов с самыми разными исследовательскими интересами. Программа Stipendium Hungaricum Scholarship была учреждена в 2013 году. В период 2015–2017 гг. в программе приняли участие 25 венгерских вузов, которые приняли студентов из 48 стран мира (в основном на англоязычные программы)

[Data, Facts and Statistics]. Программа пользуется популярностью и среди российских студентов: если в период 2015–2016 не было ни одного российского студента-участника программы, то в осенний семестр 2016–2017 года был принят 71 человек. На 2019–2020 учебный год выделено 200 грантов для российских студентов [Stipendium Hungaricum Scholarship Programme..., 2018]. Также очевиден рост интереса к обучению в Венгрии по линии Минобрнауки России: если количество одобренных заявок в 2014 и 2015 годах составляло 7 и 8 человек соответственно, то в 2016 году количество одобренных заявок составило 103 человека.

Одной из известных европейских инициатив в сфере культуры являлась культурная столица. Данный проект был основан в 1985 году по инициативе Греции (Афины стали первым городом, получившим этот титул). ЕС выбирает город на один год, и этот город становится центром проведения различных культурных мероприятий. Из региона ЦВЕ несколько городов участвовали в данном проекте: Краков, Кошице, Прага, Вроцлав и Пльзень. Из венгерских городов участвовал Печ (2010 год), в 2023 году этот титул получает Веспрем. Согласно финальному отчету Европейской комиссии, ЕС оказал поддержку 650 венгерским проектам, включающим реализацию 4 675 различных культурных мероприятий в течение 2010 года, а также 360 проектов, реализованных в подготовительный период (2007–2009). Программа включала в себя проведение церемонии открытия и закрытия, которую посетили 18 000 человек. Культурные мероприятия включали не только венгерский компонент, но и общеевропейский: были реализованы проекты совместно с балканскими странами и с другими городами, также являвшимися столицей культуры в 2010 году (Эссен и Стамбул). По подсчетам Еврокомиссии, участие Печа в данной инициативе имело ряд положительных сторон: на 27,5% увеличилось количество туристов (по сравнению с 2009 годом), была достроена скоростная дорога, соединяющая Печ с Будапештом, наблюдался рост интереса к культурным проектам со стороны различных слоев общества (в том числе активное участие неправительственных организаций в разработке и реализации проектов, начало развиваться волонтерское движение [Ex-post..., 2011]).

Если сравнивать Вишеградские страны со странами Западной Европы, становится ясно, что в сфере публичной дипломатии они являются новичками. Будучи долгое время получателями, а не экспортерами публичной дипломатии, эти страны столкнулись с необходимостью выработки собственного подхода в этой области. Согласно рейтингу Soft Power 30, из четырех Вишеградских стран три страны (Венгрия, Польша и Чехия) уже не первый год занимают в нем места, что показывает, что эти страны могут успешно соперничать с «ветеранами публичной дипломатии», такими как Германия, Франция, Великобритания и США. Несмотря на значительные успехи, которых добились Вишеградские страны в этой сфере, и в частности Венгрия, нельзя не отметить несколько проблем. Во-первых, с учетом политической обстановки в регионе (а особенно в Польше и Венгрии), где отмечается разочарование в европейских идеалах и так называемый «отход от демократии» [Krastev, 2007], возникает ситуация, когда страны региона снова сталкиваются с необходимостью определения своей идентичности и отношений с внешним миром. Серьезную проблему представляют также разногласия Вишеградских стран по поводу украинского конфликта и отношений с Россией [Rácz, 2014]. Несмотря на то, что Венгрия смогла достаточно успешно внедрить инструменты «мягкой силы» во внешнюю политику, проблема недостаточного финансирования, отсутствия квалифицированных кадров, а также четкого представления, на кого именно (на аудиторию каких стран) должна быть ориентирована «мягкая сила», снижает эффективность проектов. Более того, сотрудничество внутри региона, несмотря на определенные успехи (создание Вишеградского фонда, сотрудничество в туристической сфере), все еще является слабым. Также необходимо более активное продвижение культурных проектов вне столиц В4 с учетом региональной и местной специфики.

References

1. A szabadság kultúrája. A Magyar Kulturális Stratégia 2006–2020. Available at: <http://www.nefmi.gov.hu/kultura/2006/szabadsag-kulturaja> (accessed 11 January 2019).
2. Buzogány A. 2017. «Illiberal Democracy in Hungary: Authoritarian Diffusion or Domestic Causation?». *Democratization*. Vol. 24. no.7: 1307–1325. DOI: doi.org/10.1080/13510347.2017.1328676
3. Cottey A. 1999. *Subregional Cooperation in the New Europe*. Basingstoke: Macmillan.
4. Cultural diplomacy can help create peace in a troubled period. Ministry of Foreign Affairs and Trade. July 6, 2017. Available at: <http://www.kormany.hu/en/ministry-of-foreign-affairs-and-trade/news/cultural-diplomacy-can-help-create-peace-in-a-troubled-period> (accessed 2 January 2019).
5. Dangerfield M. 2008. «The Visegrad Group in the Expanded European Union: From Preaccession to Postaccession Cooperation». *East European Politics and Societies*. Vol. 22. no. 3: 635. DOI: doi.org/10.1177/0888325408315840
6. Data Facts and Statistics. Stipendium Hungaricum. Available at: <https://tka.hu/international-programmes/7862/data-facts-and-statistics> (accessed 21 January 2019).
7. Elkészült a magyar kulturális stratégia munkanyaga. A Nemzeti Erőforrás Minisztérium. 07 szeptember 2004. Available at: <http://www.nefmi.gov.hu/kultura/2004/elkeszult-magyar> (accessed 21 January 2019).
8. Ex-post evaluation of 2010 European Capitals of Culture. Final Report for the European Commission DG Education and Culture. August 2011. Available at: https://ec.europa.eu/programmes/creative-europe/sites/creative-europe/files/european-capitals-culture-evaluation-2011_en.pdf (accessed 25 January 2019).
9. Földes D. 2013. «The world favors the brave». Toward a long-term strategy for Hungarian Cultural Diplomacy. MA Thesis. CEU. Department of Public Policy, Budapest.
10. Huszka B. 2010. Hungary's Western Balkan policy in the Visegrad context. EU Frontiers Policy Paper. Budapest: Center For EU Enlargement Studies.
11. János D. Magyar Zenét Külföldre- Interjú a magyar zenei exportirodákról és az új zenei pályázatokról. 15 December 2009. Available at: https://langologitarok.blog.hu/2009/12/15/magyar_zenet_kulfoldre_interju_a_magyar_zenei_exportirodarol_es_az_uj_zenei_palyazatokrol (accessed 25 January 2019).
12. Krastev I. 2007. «The Strange Death of the Liberal Consensus. Is Central Europe Backsliding?». *Journal of Democracy*. Vol. 18. no 4: 56–63.
13. Law Concerning Hungarians Living in Neighboring Countries, no. LXII of 2001. Available at: <https://www.refworld.org/docid/3f460e764.html> (accessed 18 January 2019).
14. Magyarai P. «Orbán: Keleti szél fúj», Index. 05 November 2010. Available at: https://index.hu/belfold/2010/11/05/orban_keleti_szel_fuj (accessed 16 January 2019).
15. Marcus J. «Russia v. the West: Is this a New Cold War?». BBC 01 April 2018. Available at: <https://www.bbc.com/news/world-europe-43581449> (accessed 17 January 2019).
16. Nagy Zs. 2012. *Grand Delusions: Interwar Hungarian Cultural Diplomacy, 1918–1941*. PhD Thesis. University of North Carolina. Chapel Hill.
17. Nye J. S. Jr. 1990. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*, New York, Basic Books.
18. Nye J. S. Jr. 2004. *Soft Power. The Means to Success in World Politics*. New York, Public Affairs.
19. Rácz A. 2014. «Divided Stands the Visegrad? The V4 have been united towards the Ukraine crisis but remain split concerning Russia». Finnish Institute of International Affairs. Briefing Paper 158. Available at: <https://www.fiia.fi/en/publication/divided-stands-the-visegrad>, (accessed 09 January 2019).
20. Risso L. 2013. «Radio Wars: Broadcasting in the Cold War». *Cold War History*. Vol. 13. no. 2: 145–152. DOI: [10.1080/14682745.2012.757134](https://doi.org/10.1080/14682745.2012.757134)
21. Stipendium Hungaricum Scholarship Programme offers Russian students 200 grants. University of Tyumen Press Release. 10 December 2018. Available at: <https://www.utmn.ru/en/media/news/international-issues/640392/> (accessed 19 January 2019).
22. Sziget is more than just a festival. Magyar Hírlap. 01 August 2017. Available at: http://magyarhirlap.hu/cikk/94436/Sziget_is_more_than_just_a_festival (accessed 19 January 2019).
23. Szondi G. 2009. Introduction. Central and Eastern European Public Diplomacy. A Transitional Perspective, in Snow, N., Taylor, P. (eds). *Routledge Handbook of Public Diplomacy*. New York and London, Routledge: 292–314.

24. Takács R. 2016. «In the Pull of the West: Resistance, Concessions and Showing off from the Stalinist Practice in Hungarian culture after 1956». *Hungarian Historical Review*. Vol. 5. no. 4: 814–833.
25. The Study. EU Country Ranking 2017 for International Students. Available at: <https://www.study.eu/article/the-study-eu-country-ranking-2017-for-international-students> (accessed 19 January 2019).
26. Tóth A. 2011. «The Transformation of the Hungarian Cultural Policy. A 20-Year Perspective». *Society and Economy*. Vol. 33: 555–573.
27. Ujváry G. 2004. A magyar kultúra külföldi őrszemei. A Magyar kulturális és tudományos külpolitika és a külföldi Magyar intézetek, tanszékek és lektorátusok, in G. Éger, G., Kiss, L.J. (eds.), *Stratégia és kultúra-kulturális külpolitika az új kihívások tükrében*. Teleki László Alapítvány: 25–77.
28. Ujváry G. 2010. A Harmincharmadik Nemzedék. *Politika, kultúra és történettudomány a «neobarokk társadalomban»*. Ráció Kiadó Budapest.
29. Visegrad Declaration. 15 February 1991. Available at: <http://www.visegradgroup.eu/documents/visegrad-declarations/visegrad-declaration-110412> (accessed 8 February 2019).
30. White S., Batt J., Lewis P. (eds.) 2007. *Developments in Central and East European Politics*. Palgrave.

Ссылка для цитирования статьи
Reference to article

Нелаева Г.А. Культурная политика Венгрии: между Европой и Азией. *Научные ведомости Белгородского государственного университета*. Серия: История. Политология. 2019. Т. 46. № 3. С. 555–563. doi: 10.18413/2075-4458-2019-46-3-555-563

Nelaeva G.A. Hungarian cultural policy: between East and West. *Belgorod State University Scientific Bulletin. History. Political Science*. 2019. V 46. № 3. P. 555–563. doi: 10.18413/2075-4458-2019-46-3-555-563

УДК 327

DOI 10.18413/2075-4458-2019-46-3-564-575

ЛИТОВСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ И ПОЛОЖЕНИЕ РУССКИХ В ЛИТОВСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

LITHUANIAN NATIONALISM AND THE SITUATION OF THE RUSSIANS IN THE LITHUANIAN REPUBLIC DURING THE POST-SOVIET PERIOD

В.В. Фролов
V.V. Frolov

Псковский государственный университет,
Россия, 180000, г. Псков, пл. Ленина, 2

Pskov State University,
2 Lenin Sq, Pskov, 180000, Russia

E-mail: frolov1406@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются и анализируются особенности литовского национализма и положения русского населения в Литовской Республике постсоветского периода. Особое внимание в исследовании уделено следующим аспектам дискриминации русскоязычного населения Литвы: планомерному закрытию русскоязычных школ, сужению пространства русского языка, фальсификации национальной истории, «антисоветскому законодательству», криминализации отрицания «советской оккупации». По итогам исследования делается вывод о том, что в настоящее время литовские власти продолжают создавать своё националистическое псевдоправовое и псевдодемократическое государство и не видят в этом образовании места русским, чьи предки когда-то помогли Литве вернуть Вильнюс, освободили её территорию от немецко-фашистской оккупации, приняли активное участие в индустриализации экономики этой балтийской республики, превратив Литовскую ССР в одну из наиболее промышленно развитых территорий советского государства.

Abstract

At present, the position of the Russian and Russian-speaking population is one of the most important problems of the domestic and foreign policy of the Baltic States and a significant aspect of their relations with the Russian Federation. Within the framework of building independent states in Latvia, Lithuania and Estonia, the nationalist elites, with the support of the United States and a number of countries of the European Union, are actively implementing projects to build their national (ethnocratic) states. The means of implementing such projects was the policy of ousting a large mass of non-titular ethnic groups (primarily the Russian and Russian-speaking population) abroad and assimilating the remaining ones. The article discusses and analyzes the characteristics of Lithuanian nationalism and the situation of the Russian population in the Republic of Lithuania of the post-Soviet period. Particular attention is paid to the following aspects of discrimination of the Russian-speaking population of Lithuania: the systematic closure of Russian-language schools, the narrowing of the space of the Russian language, falsification of national history, «anti-Soviet legislation», criminalization of the denial of «Soviet occupation». The study concludes that, at present, the Lithuanian authorities continue to create their nationalist pseudo-legal and pseudo-democratic state and do not see in this education a place for Russians whose ancestors once helped Lithuania to regain Vilnius, liberated its territory from the Nazi occupation, took an active part in the industrialization of the economy of this Baltic republic, turning the Lithuanian SSR into one of the most industrialized territories of the Soviet state.

Ключевые слова: национализм, дискриминация, этнократическое государство, национальные меньшинства, русская диаспора, культурная самоидентичность, Литва.

Key words: nationalism, discrimination, ethnocratic state, national minorities, Russian diaspora, cultural self-identity, Lithuania.

В последние несколько десятилетий в современном мире стал наблюдаться активный рост популярности националистических и правых (ультраправых) идей. После окончания Второй мировой войны европейские националистические партии и политические объединения, использующие националистическую риторику, были в значительной степени дискредитированы в сознании народных масс, так как стали прочно ассоциироваться с германским нацизмом и итальянским фашизмом. Однако после распада коммунистического блока в Восточной Европе, а затем и СССР, в ряде восточноевропейских стран под запрет попали коммунистические партии и их идеология, а находившиеся при коммунистах на нелегальном положении националистические и правые (ультраправые) силы получили официальную возможность стать частью политической системы новых демократических государств.

В отличие от коммунистов, пропагандировавших идеи солидарности трудящихся и интернационализма, националисты и национал-радикалы отстаивают принципы возрождения национальной культуры и самобытности. Для них главным является построение мононационального государства, в котором практически всё направлено на формирование национальной идентичности титульного народа, а остальные нации и этносы должны признать и принять это первенство или же покинуть пределы данной страны.

На пространстве бывшего СССР наиболее радикальную форму национализм принял в странах Балтии и на Украине. При этом именно в Прибалтике национализм впервые стал фактически одним из приоритетов государственной политики (с начала 1990-х гг.). В рамках построения независимых государств в Латвии, Литве и Эстонии националистически настроенные элиты при поддержке США и ряда стран Западной Европы приступили к реализации проектов по построению своих этнократических государств [Wasilewski, 2001; Jurkunas, 2004]. Русские стали рассматриваться в этих республиках как сплошь пришлые люди, которые с пренебрежением относятся к латышам, литовцам и эстонцам, их языку и культуре.

В настоящей статье мы рассмотрим и проанализируем особенности литовского национализма и положения русского населения в Литовской Республике постсоветского периода.

В современной российской историографии к исследованию вопроса о положении русскоязычного населения в Литве в 1990-е – 2010-е гг. в той или иной степени обращались такие авторы, как В.И. Мусаев [Мусаев, 2017], А.В. Бакунцев [Бакунцев, 2009], В.В. Воротников [Воротников, 2016], Л.З. Ризванова [Ризванова, 2008], Р.Х. Симонян, Т.М. Кочегарова [Симонян, Кочегарова, 2010], Л.Л. Емельянова [Емельянова, 2010], Е.Е. Уразбаев [Уразбаев, 2016] и др. При этом значительная часть научных трудов, в которых рассматриваются и анализируются различные аспекты литовского национализма и положения русского населения в Литовской Республике постсоветского периода, была написана еще в первое десятилетие XXI века, то есть такие публикации не содержат информации о последних изменениях (тенденциях) в антирусской и антисоветской политике правящего режима Литвы в 2010-е гг.

11 марта 1990 г. Верховный Совет Литовской ССР принял акт «О восстановлении независимого Литовского государства», в тот же день был принят и акт «О восстановлении Конституции 1938 г.». Официально независимость Литвы была признана Советским Союзом постановлением Государственного Совета СССР № ГС-1 от 6 сентября 1991 г. После восстановления литовской государственности (реставрации I Литовской Республики) новая политическая элита Литвы фактически отказалась от наследия советской эпохи и стала активно проводить не только антисоветскую, но и антирусскую (антироссийскую) политику.

На момент подписания 29 июля 1992 г. «Договора об основах межгосударственных отношений между РСФСР и Литовской Республикой» в этой балтийской республике уже действовал Закон «О гражданстве», согласно которому гражданами Литвы могли стать практически все её жители, независимо от их этнического происхождения. Согласно дан-

ному договору, официальный Вильнюс взял на себя обязательства не устанавливать в отношении русских ценза оседлости, знания языка и любых других условий приобретения гражданства, отличных от тех, которые устанавливаются для всех других лиц [Договор об основах..., 1992, ст. 4].

На начало 1990-х гг. большую часть населения Литвы составляли литовцы – 79,6%. Численность же русских в этой республике не превышала 9,37%. В связи с этим неудивительно, что «угроза» русификации Литовской Республики и ассимиляции её коренного этноса не вызывала у националистически настроенной элиты Литвы такого сильного беспокойства, как у националистов Латвии и Эстонии.

Таким образом, после распада СССР русскоязычное население Литвы автоматически получило гражданство данного балтийского государства, но это произошло только благодаря относительной малочисленности русских в этой республике, из-за которой они не могли оказывать какого-либо серьезного влияния на государственные процессы в Литовской Республике и не представляли угрозу этнократическому государству как влиятельная общность.

В последующем Закон о гражданстве Литовской Республики был дополнен Законами «Об этнических меньшинствах», «Об эмиграции и миграции» и «Об образовании», которыми были конкретизированы права нелитовского населения [Мусаев, 2017, с. 182].

Тот факт, что в независимой Литве русское население не столкнулось с проблемой массового безгражданства, никому не гарантировал того, что в этой республике самым активным образом не будет реализовываться антирусская националистическая политика.

На протяжении достаточно длительного времени в Литве происходит резкое сужение пространства русского языка, русский язык признан иностранным и изучается в школах национальных меньшинств наравне с другими иностранными языками.

В 1995 г. в этом балтийском государстве был принят Закон «О государственном языке», который гласит, что «государственным языком Литовской Республики является литовский язык» [Закон «О государственном языке»..., 1995, ст. 2]. В данном нормативно-правовом акте не упоминаются языки (в том числе и русский) проживающих в Литве национальных меньшинств [Закон «О государственном языке»..., 1995, ст. 1].

В постсоветской Литве русский язык постепенно перестает быть и языком повседневного общения. Так, российские и литовские социологи практически единогласно отмечают тенденцию к снижению использования русского языка на территории современной Литвы как в профессиональной сфере, так и в сфере бытового общения. Это обусловлено следующими причинами: 1) все, кто окончил школу после 1990 г., прекрасно владеют литовским языком; 2) большая часть русской молодежи республики, особенно учащиеся университетов, уже достаточно плохо говорит по-русски [Брюшкин, 2011, с. 64].

В последнее десятилетие руководство Министерства образования, науки и спорта Литовской Республики открыто заявляет о том, что закрытие общеобразовательных учреждений на негосударственных языках – это путь к полноценной интеграции литовского общества и возможности выбрать любую профессию и работу гражданам этой балтийской республики вне зависимости от своей этнической принадлежности.

17 марта 2011 г. Сейм Литвы принял новую редакцию Закона «Об образовании». Согласно этому нормативному правовому акту, с сентября 2011 г. во всех основных и средних школах нацменьшинств Литовской Республики, кроме уроков по литовскому языку, на литовском стали преподавать историю и географию Литвы, темы, касающиеся знакомства с окружающим миром, и основы граждановедения. С 2013 г. в Литве, на основании «Закона об образовании», был введен единый экзамен по литовскому языку для всех выпускников: и литовских школ, и школ нацменьшинств [Литва-2011..., 2012].

В последние годы в постсоветской Литве происходит относительно медленное, но планомерное закрытие русскоязычных школ. Все больше родителей русской национальности стали отдавать своих детей в литовские детские сады и школы, где им зачастую насаждается комплекс вины: «ваши родители – в лучшем случае колонисты, а часто – ок-

купанты», «ваши предки ответственны за все наши сегодняшние беды». В связи с этим неудивительно, что среди русскоязычной молодежи Литвы в последние годы стали появляться представители, которые мечтают стать большими литовцами, чем сами этнические литовцы.

Антирусскую дискриминационную политику руководство Литовской Республики проводит в сфере средств массовой информации.

В постсоветской Литве сегодня нет государственных каналов радио и телевидения с постоянными передачами на русском языке либо другом языке национальных меньшинств [Matonyte, 2008]. Литовским националистам, находящимся у власти уже 28 лет, неведома мировая практика, согласно которой если в какой-либо стране примерно 5% населения говорит на другом языке, то за языком этой группы закрепляется тот или иной официальный статус от регионального до второго государственного. Это означает, что такие национальные меньшинства Литовской Республики, как русские и поляки, должны иметь возможность смотреть и слушать СМИ на своем родном языке.

Следует отметить, что с 2015 г. Литовская комиссия по телевидению и радиовещанию начала активную работу по борьбе с российскими телеканалами, транслирующимися на территории Литвы. Различного рода нападениям литовских властей за последние годы подверглись такие российские телевизионные СМИ, как «РТР-Планета», «НТВ Мир», «Первый балтийский» и др. [Брюссель наконец-то..., 2016].

Русская пресса Литвы сегодня представлена одной ежедневной газетой и тремя еженедельниками, на 90% состоящей из переводов с литовского оригинала.

«Литовский курьер», «Обзор» и «Экспресс-неделя» – перечень еженедельников, издающихся на русском языке в настоящее время в Вильнюсе и распространяемых по всей Литве. В этой балтийской республике ещё есть ежедневная газета «Республика», переводимая на русский язык.

Самым популярным и авторитетным русским печатным периодическим изданием в Литве является еженедельная газета «Экспресс-Неделя», которая изначально создавалась как аналог литовского печатного СМИ «Savaitė su TV» [Мацкевич, 2010, с. 292]. Особая роль в современном литовском медиапространстве принадлежит электронному варианту «Экспресс-Недели» (www.nedelia.lt), позиционирующему себя как единственный независимый русский портал в Литовской Республике.

Важно отметить, что русскоязычные СМИ Литвы уже достаточно долгое время вынуждены постоянно оглядываться на официальную позицию государственных структур Литовской Республики, а значит, и подстраиваться под неё. Это происходит потому, что данные средства массовой информации не имеют практически никакой поддержки со стороны неправительственных организаций этой балтийской республики.

В 2015 г. руководство Литовской Республики официально разрешило своим СМИ сообщать намерено лживую информацию, поскольку «во время информационной войны распространение информации, не соответствующей реальности, имеет оправдание и не противоречит главным принципам информирования общества» [Литовский журналист..., 2016]. При этом врагом Литвы в этой информационной войне, по мнению литовских «патриотов» и «борцов за суверенитет», является Российская Федерация.

Таким образом, мы видим, что свобода слова в Литовской Республике является той ценностью, которой можно пожертвовать при определенных обстоятельствах, а значит, данное государство не может называть себя по-настоящему демократическим.

Отдельное внимание следует уделить деятельности и правам русских общественных объединений на территории Литвы, так как эти организации непосредственно влияют на активность русскоязычного населения в этом балтийском государстве.

В Литовской Республике есть Закон «О национальных меньшинствах», принятый еще в 1989 г., и который уже давно устарел и требует замены. Данный нормативный правовой акт не соответствует нормам Европейского Союза, так как в нём нет положений, определяющих «процент», с которого надлежит отсчитывать долю национальных мень-

шинств. Этот закон не предусматривает использования языка национальных меньшинств даже в местах компактного проживания «нетитульных» народов. Всё это самым активным образом противодействуют консолидации нацменьшинств Литвы, в том числе и русского населения республики.

Несмотря на то, что в Литве в настоящий момент времени нет нормативных правовых документов, регламентирующих принципы создания и функционирования национально-культурных автономий национальных меньшинств, в этом балтийском государстве существует достаточно много русских общественных объединений различной направленности. К их числу можно отнести такие организации и объединения, как Ассоциация общественных организаций «Русский дом», Ассоциация российских граждан в Клайпеде, Клайпедская русская община «Лада», Ассоциация русских строителей Литвы, Ассоциация «Славянский венок», Ассоциация учителей русских школ Литвы, Вильнюсская славянская молодежная община, Висагинская русская община «Садко», Каунасский клуб Русского собрания Литвы «Надежда», Каунасская русская община и др. Большинство русских общественных объединений Литвы входит в состав Координационного совета организаций российских соотечественников, проживающих в Литве (Республиканского совета российских соотечественников Литвы) [Организации..., 2016].

Все эти объединения русских и русскоязычных жителей Литовской Республики существуют только за счёт членских взносов и пожертвований, никакой финансовой поддержки от государства они не имеют. Целью деятельности таких организаций является сохранение культурного, исторического и творческого наследия, духовных и моральных ценностей русского народа.

Важной частью установившегося в Литве режима этнократии являются националистические и национал-радикальные партии и организации: «Литовский союз националистов и республиканцев», «Организация молодых националистов», «Молодая Литва» и др.

«Литовский союз националистов и республиканцев» – политическая партия, выступающая за «Литовское государство для литовского народа». Согласно её программе, государство должно встать на защиту национальных интересов, культуры, истории, наследия и благосостояния литовцев [Политическая партия «Lietuvių tautininkų sąjunga», 2019].

«Организация молодых националистов» – политическое объединение, которое ориентируется на воспитание молодежи на основе национальных ценностей и поддержку её инициатив. Приоритетами для данной организации являются верность цели, под которой подразумевается укрепление литовской культуры, традиций, языка, развитие личных инициатив и творчество, честность, гражданство, государство, преданность и патриотизм [Официальный аккаунт партии «Jaunųjų tautininkų organizacija»...].

«Молодая Литва» – политическое объединение, позиционирующее себя христианской, народной и патриотической партией. Эта организация ратует за сохранение литовской идентичности, поддерживает введение литовского образования во всех школах, а также выступает против коммунистического наследия [Официальный аккаунт политической партии «Jaunoji Lietuva»...].

Следует отметить, что националистические партии Литвы в настоящее время не отличаются крайне радикальными установками. При этом данные политические объединения находятся в явном идеологическом кризисе. В отличие от Латвии и Эстонии, политическая мобилизация, основанная на возможных языковых, исторических, культурных и других противоречиях между «титульной» нацией и русским населением, не так актуальна для Литовской Республики, а эксплуатация тем борьбы за независимость и безопасность нации, в том числе от «угроз» со стороны России, не дает ожидаемого для националистов результата. Большая часть националистических партий Литвы в последние годы безуспешно участвует в выборах как на республиканском, так и на региональном и местном уровнях.

Помощь в антирусской деятельности радикальным литовским партиям оказывают общественные (организации) объединения националистического и неонацистского толка: «Литовский национальный центр» и «Союз стрелков Литвы».

«Литовский национальный центр» – наиболее радикальная легальная националистическая организация Литовской Республики, поддерживающая принцип «литовское государство – литовцам». В ключевые приоритеты центра входят: нация, язык, культура, наследие, семья и нравственность, укрепление государства, этническая территория. В части реформы системы образования данная организация предлагает придерживаться «национальной концепции школы», под этим, в том числе, подразумевается преподавание всех предметов на литовском языке [Официальный аккаунт «Lietuvių Tautinio Centro», 2019].

«Союз стрелков Литвы» – добровольческая военизированная организация, призванная обучать население гражданской самообороне и вести партизанскую войну. Это единственное общественное объединение Литовской Республики, члены которого имеют право на приобретение оружия. Официально идейные ориентиры «Союза стрелков Литвы» выражены понятием «патриотизм». С 2014 г. члены данного объединения стали осознано «раздувать» тему гибридной войны, в том числе и на международном уровне, которую якобы ведет Россия против «непокорных» режимов государств бывшего СССР (Украины и стран Балтии) [Союз стрелков Литвы..., 2014].

Члены выше обозначенных националистических политических партий и общественных объединений распространяют антисоветскую и антирусскую идеологию, а также организуют на территории Литовской Республики акции в поддержку ветеранов литовского легиона Waffen-SS.

В рамках построения суверенного демократического государства в Литовской Республике антирусские националистически настроенные силы, находящиеся у власти в настоящий момент, самым активным образом осуществляют фальсификацию истории их родной страны, целью которой является уничтожение советского наследия в глазах молодого поколения граждан Литвы и уничтожение исторической памяти русскоязычного населения данной балтийской республики.

В Литве на протяжении практически всего постсоветского периода проводится активная политика героизации местных коллаборационистов. В частности, к числу национальных героев данной балтийской республики в постсоветский период были причислены такие активные помощники немецко-фашистских оккупантов и участники Холокоста, как Йонас Норейка, Адольфас Раманаускас-Ванагас, Юозас Крикштапонис, Йонас Жвинис, Юозас Амбразявичюс и др.

Начиная с Альгирдаса Бразаускаса, все главы литовского государства в той или иной степени работали над формированием и внедрением в массы государственной идеологии героизации «лесных братьев». При этом высших руководителей Литовской Республики нисколько не смущал тот факт, что совершённые в ходе Второй мировой войны этими «героями» преступления против человечности были задокументированы, доказаны и не имеют срока давности.

В 1997 г. А. Бразаускас посмертно награбил орденом Креста Витиса 1-й степени руководителя литовских «лесных братьев» Йонаса Норейку. Именно по приказу Й. Норейки 22 августа 1941 г. в Жагаре было основано еврейское гетто, жители которого впоследствии были расстреляны. В честь этого преступника в Шяуляе была названа школа, установлен памятный камень, а также мемориальная доска на фасаде библиотеки Академии наук в Вильнюсе.

Валдас Адамкус, следующий по счету президент Литвы, в 1999 г. посмертно награбил орденом Креста Витиса за заслуги в борьбе за независимость Литвы командовавшего в 1941 г. отрядом «национальных партизан» в Молятской области ксендза Йонаса Жвиниса. Позднее в Особом архиве Литвы были обнаружены документы, свидетельствующие о его причастности к уничтожению 1200 евреев.

В 2002 г. В. Адамкус посмертно присвоил звание полковника армии Литвы офицеру Второго литовского полицейского батальона Юозасу Крикштапонису, чья причастность к Холокосту и массовому уничтожению белорусского населения ранее была полностью доказана. В городе Укмярге этому «герою» поставили памятник на площади, названной в его честь.

Действующий президент Литовской Республики Даля Грибаускайте в 2012 г. добилась перезахоронения с воинскими почестями праха Юозаса Амбразявичюса – главы так называемого «временного правительства Литвы», созданного «национальными партизанами» в 1941 г. Этот вопиющий случай вызвал протест со стороны международных еврейских организаций, а также широкий общественный резонанс и в самой Литве, так как Ю. Амбразявичюс не только был нацистским пособником, но и самым прямым образом был причастен к уничтожению евреев Литвы [Мирославов, 2017].

В 2011 г. в Литве на основании специально принятого закона была учреждена премия Свободы. Данную награду стали вручать выдающимся литовцам за свободу, демократию и права человека. 13 января 2019 г. этой премией на торжественном заседании литовского Сейма наградили семерых бывших «лесных братьев» [Грабаускас, 2018]. Один из новых «героев» новой и независимой Литвы – Йонас Кадженис-Бедана заявил на этой торжественной церемонии о необходимости появления на литовском телевидении программы, которая «рассказывала бы людям о том, какие ужасные злодеяния [советские] оккупанты совершили против Литвы», а также потребовал продолжения «уничтожения этой оккупационной плесени». На тот факт, что более 80% убитых «лесными братьями» в 1940-е – 1950-е гг. по национальности были литовцами, на этой церемонии никто внимания не обратил [Германова, 2019].

Проблема героизации пособников нацистов в Литве далеко не рядовая. Почти в каждом литовском городе есть объекты, которые носят имена новых «героев» Литовской Республики.

Следует также отметить, что в настоящий момент времени в «демократической» и «правовой» Литве ни один из местных пособников нацистов, ответственных за массовые убийства русских, белорусов, евреев, так и не предстал перед судом. При этом список причастных к Холокосту литовцев местными властями был сокращен вдвое и положен под сукно. Вместо этого процесс героизации новых «героев» продолжается полным ходом, несмотря на резолюцию ООН «О борьбе с героизацией нацизма», а также постоянную критику Европейской комиссии по борьбе с расизмом и нетерпимостью.

Ярким примером переписывания новыми политическими элитами Литвы истории их родной страны является тот факт, что в 2009 г. Сейм Литовской Республики принял декларацию, в которой партизанский командир Йонас Жямайтис-Витаутас был признан бывшим фактическим руководителем государства, президентом. В первой половине 1950-х гг. этот литовский «президент» возглавлял на территории Литовской ССР антисоветские отряды местных «лесных братьев». В 1954 г. он был приговорен советским судом к смертной казни, после чего был расстрелян как государственный преступник. Данная декларация была инициирована по случаю шестидесятилетия создания Движения борьбы за свободу Литвы и столетия со дня рождения Йонаса Жямайтиса [Командир «лесных братьев»..., 2009].

Традиция написания альтернативной истории Литовской Республики была продолжена высшими литовскими властями в ноябре 2018 г. Сейм этой балтийской страны признал командира «лесных братьев», заместителя председателя совета президиума «Движения борцов за свободу Литвы» Адольфаса Раманаускаса правопреемником Йонаса Жямайтиса-Витаутаса, то есть еще одним «новым» президентом литовского государства второй половины 1950-х гг. [В Литве посмертно..., 2018].

Об особом почитании современным руководством Литвы убийц мирных граждан свидетельствует и то обстоятельство, что 2018 г. в Литовской Республике был объявлен

годом «лесного брата» Адольфаса Раманаускас [Ильяшевич, 2018], а 2019 г. – годом памяти Йонаса Витаутаса Жемайтиса [Следующий год..., 2018].

Националистическая идеология активно культивируется высшим руководством Литвы среди подрастающего поколения уже со школьной скамьи.

Так юные литовцы из учебников истории узнают о том, что «в 1940 г. СССР оккупировал Литовскую Республику, но вскоре началась война между Советским Союзом и Германией, так что Литву заняли немцы. После войны Литовскую Республику опять оккупировал СССР. Началась русификация Литвы, часть литовцев была сослана в Сибирь» [Радзявичюте, 2013].

Вторая мировая война рассматривается в литовских школьных учебниках обзорно. Главная тема для литовских авторов – антисоветское повстанческое движение в лесах Литвы, развернувшееся после окончания Второй мировой войны. Подвиг же советского солдата, освободившего Европу от нацизма, остается фактически незамеченным.

Социально-экономическое развитие «оккупированной» Литовской ССР послевоенного периода на страницах литовских учебных изданий рассматривается критически. При этом умалчивается о том, что в Литве именно в советский период получил развитие весь народно-хозяйственный комплекс страны: энергетика, машиностроение, химическая, деревообрабатывающая, легкая, пищевая промышленность, все виды транспорта. Достаточно детально изучается диссидентское движение в Литве, период распада Советского Союза и история первых лет восстановленной независимости Литовской Республики [Освещение..., 2009, с. 167].

В 2008 г. Сейм Литвы официально запретил демонстрацию советской символики и приравнял её к нацистской. По мнению литовских политиков, символика такого рода может восприниматься как «пропаганда нацистского или коммунистического оккупационного режима».

В результате в демократической Литве запрещено демонстрирование флагов и гербов, знаков и униформ Советского Союза и Литовской ССР. Нельзя в Литовской Республике в настоящее время также демонстрировать изображения руководителей КПСС СССР, символов и униформ коммунистических организаций [Ни серпа..., 2008].

В действующем Уголовном кодексе Литвы статьей 170 предусмотрена уголовная ответственность за «отрицание советской оккупации» Литвы.

Первым обвиняемым в истории Литовской Республики по данной статье в 2012 г. стал лидер Социалистического народного фронта Альгирдас Палецкис. Обвинение этому литовскому политику было предъявлено в связи с тем, что в феврале 2011 г. в радиointервью, посвященном событиям у вильнюсской телебашни 13 января 1991 г., он сказал: «Как сейчас выясняется, свои стреляли в своих». Вильнюсский окружной суд в словах Палецкиса нашел состав преступления и назначил ему штраф в размере 10,4 тысячи литов (около 3 тысяч евро) [Премьер Литвы..., 2012].

Таким образом, мы видим, что Литва в рамках построения суверенного демократического государства довела абсурд правящего национализма и ревизионизма на своей территории до законодательного оформления.

Несмотря на то, что в начале 1990-х гг. практически всё русскоязычное население Литвы получило статус граждан данной республики, в этом балтийском государстве уже более двух десятков лет происходит дискриминация русских и «русского мира». Это выражается в резком сужении пространства русского языка, планомерном закрытии русскоязычных школ, фальсификации национальной истории республики, существовании одного из самых жестких на постсоветском пространстве «антисоветских законодательств», криминализации отрицания так называемой «советской оккупации». Нынешние литовские власти создают своё националистическое псевдоправовое и псевдодемократическое государство и не видят в этом образовании места русским, чьи предки когда-то помогли Литве вернуть Вильнюс, освободили её территорию от немецко-фашистской оккупации, приняли активное участие в индустриализации экономики этой балтийской республики, превратив Литовскую ССР в одну из наиболее промышленно развитых территорий советского

государства. Современная политическая элита Литовской Республики всеми силами стремится переписать свою историю, вычеркнув из неё всякое позитивное упоминание о русских и России. Всё это лишь свидетельствует о том, что Литва является этнократическим государством, которое в силу не совсем понятных причин видит в русских и «русском мире» угрозу своей целостности и суверенитету.

Список литературы

1. Бакунцев А.В. 2009. Русские в Прибалтике: проблема культурной самоидентификации. Вестник ЦМО МГУ. Сер. Филология. Культурология. Педагогика. Методика, 1: 67–70.
2. Брюссель наконец-то обратил внимание на литовский опыт по укрощению российских телеканалов. Обзор, 20 сентября 2016. URL: <https://www.obzor.lt/news/n21561.html> (дата обращения: 28.02.2019).
3. Брюшкин В.Н., Андрейчук Н.В., Мазур Ю.Ю. 2011. Русские в Литве: проблема социокультурной идентичности. СЛОВО.РУ: Балтийский акцент, 3–4: 60–70.
4. В Литве возобновили борьбу с российскими телеканалами – на очереди «НТВ Мир». EADaily, 7 мая 2016. URL: <https://easily.com/ru/news/2016/05/07/v-litve-vozobnovili-borbu-s-rossijskimi-telekanalami-na-ocheredi-ntv-mir> (дата обращения: 28.02.2019).
5. В Литве посмертно признали командира «лесных братьев» главой республики. Sputnik, 20 ноября 2018. URL: <https://lt.sputniknews.ru/politics/20181120/7565731/V-Lithuania-posmertno-priznali-komandira-lesnykh-bratev-glavoy-respubliki.html> (дата обращения: 28.02.2019).
6. Воротников В.В. 2016. 25 лет независимости государств Балтии: из Советского в Европейский Союз. Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право, 5–9: 7–23.
7. Вынужденное отключение или игра с ТВ? Литовский курьер, 1 сентября 2016. URL: <http://www.kurier.lt/vynuzhdennoe-otklyuchenie-ili-igra-s-tv> (дата обращения: 28.02.2019).
8. Германова А.В. 2019. В литовском парламенте наградили «лесных братьев» – пособников фашистов. Официальный сайт «Первого канала», 14 января 2019. URL: https://www.1tv.ru/news/2019-01-14/358677-v_litovskom_parlamente_nagradili_lesnyh_bratiev_posobnikov_fashistov (дата обращения: 28.02.2019).
9. Грабаускас Г. 2018. Пять тысяч евро за убийства мирных жителей: как «лесных братьев» награждают премией. МИА «Россия Сегодня», 15 ноября 2018. URL: https://baltnews.lt/vilnius_news/20181115/1018573188/Lithuania-lesnie-bratiya-premiya.html (дата обращения: 28.02.2019).
10. Договор об основах межгосударственных отношений между РСФСР и Литовской Республикой от 29 июля 1992 г. URL: <https://base.garant.ru/2541362> (дата обращения: 28.02.2019).
11. Емельянова Л.Л. 2010. Международная трансграничная миграция в регионе Юго-Восточной Балтики: факторы, структура, последствия. Балтийский регион, 4: 61–71.
12. Закон «О государственном языке» Литовской Республики 1995 г. URL: <https://e-seimas.lrs.lt/rs/legalact/TAD/TAIS.58647> (дата обращения: 28.02.2019).
13. Ильяшевич А. 2018. Адольфас Раманаускас – «ястреб» или «стервятник»? Исторический ликбез RuBaltic.Ru. RuBaltic.Ru, 3 июля 2018. URL: <https://www.rubaltic.ru/article/kultura-i-istoriya/30072018-adolfas-ramanauskas-yastreb-ili-stervyatnik-istoricheskiy-likbez-rubaltic-ru> (дата обращения: 28.02.2019).
14. Командир «лесных братьев» посмертно объявлен президентом Литвы. UAB «Savaitės ekspresas», 13 марта 2009. URL: <http://www.nedelia.lt/index.php?newsid=8790> (дата обращения: 28.02.2019).
15. Литва–2011: Закон об образовании, расколовший общество. ИА REGNUM, 9 января 2012. URL: <https://regnum.ru/news/1486267.html> (дата обращения: 28.02.2019).
16. Литовский журналист: предложение ДГБ Литвы криминализировать дезинформацию абсурдно. RuBaltic.Ru, 15 апреля 2016. URL: <https://www.rubaltic.ru/news/15042016-kriminalizirovat-absurd> (дата обращения: 28.02.2019).
17. Мацкевич Н. 2010. Их остаётся только трое... (русскоязычная пресса Литвы). СЛОВО.РУ: Балтийский акцент, 1–2: 291–295.
18. Мирославов О. 2017. Зачем Литва героизирует пособников нацистов. News-Front.info, 23 июля 2017. URL: <https://news-front.info/2017/07/23/zachem-litva-geroiziruet-posobnikov-natsistov> (дата обращения: 28.02.2019).

19. Мусаев В.И. 2017. Независимость стран Балтии и «русский вопрос». Новейшая история России, 2: 176–191.
20. Ни серпа, ни молота. Сейм Литвы запретил советскую символику. Лента.Ру, 18 июня 2008. URL: <https://lenta.ru/articles/2008/06/18/nosoviet> (дата обращения: 28.02.2019).
21. Организации соотечественников в Литве. Русские в Литве. КонсулМир, 28 февраля 2016. URL: <https://konsulmir.com/organizacii-sootechestvennikov-v-litve-russkie-v-litve> (дата обращения: 28.02.2019).
22. Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках истории новых независимых государств. Москва, 2009. 390 с.
23. Официальный аккаунт партии «Jaunoji Lietuva» в Facebook. URL: <https://www.facebook.com/partijaJaunojiLietuva> (дата обращения: 28.02.2019).
24. Официальный аккаунт партии «Jaunųjų tautininkų organizacija» в Facebook. URL: <https://www.facebook.com/JauniejiTautininkai> (дата обращения: 28.02.2019).
25. Официальный аккаунт организации «Lietuvių Tautinio Centro» в Facebook. URL: <https://www.facebook.com/tautiniscentras> (дата обращения: 28.02.2019).
26. Политическая партия «Lietuvių tautininkų sąjunga»: официальный сайт. URL: <http://www.tautininkai.lt> (дата обращения: 28.02.2019).
27. Премьер Литвы поддержал штраф литовцу за отрицание советской оккупации. РИА Новости, 14 июня 2012. URL: <https://ria.ru/20120614/672986952.html> (дата обращения: 28.02.2019).
28. Радзивицхоте А. 2013. Литва: как пишут учебники истории. Русская служба BBC. 6 ноября 2013. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2013/10/131028_history_textbook_lithuania (дата обращения: 28.02.2019).
29. Ризванова Л.З. 2008. Политика государств Прибалтики в отношении русскоязычного населения. Ученые записки Казанского государственного университета, 150, кн. 7: 140–149.
30. Симонян Р.Х., Кочегарова Т.М. 2010. Русскоязычное население в странах Балтии. Вестник МГИМО Университета, 3: 60–77.
31. Следующий год в Литве объявлен годом генерала партизан Йонаса Жемайтиса. Новая газета Балтии, 27 декабря 2018. URL: <http://novayagazeta.ee/articles/23513> (дата обращения: 28.02.2019).
32. Союз стрелков Литвы проведет в столице антироссийскую конференцию. Комсомольская правда. Северная Европа, 4 ноября 2014. URL: <https://www.kompravda.eu/online/news/1887595> (дата обращения: 28.02.2019).
33. Уразбаев Е.Е. 2016. Проблема измерения институционализации национализма в странах Балтии: организационный аспект. Власть, 12: 231–236.
34. Шишко И. 2018. Историк Виткус: для современных литовцев Холокост – чужая история. RuBaltic.Ru, 3 июля 2018. URL: <https://www.rubaltic.ru/article/kultura-i-istoriya/istorik-vitkus-dlya-sovremennykh-litovtsev-kholokost-chuzhaya-istoriya3072013> (дата обращения: 28.02.2019).
35. Jurkynas M. 2004. Emerging cleavages in new democracies: the case of Lithuania. Journal of Baltic Studies. Vol. 35: 278–296.
36. Matonyte I. 2008. Liberal mass media and the multi party system in post-communist Lithuania. Central European Journal of communication. Vol. 1: 123–144.
37. Wasilewski J. 2001. Three Elites of the Central-East European Democratization. Transformative Paths in Central and Eastern Europe / ed. by R. Markowski and E. Wnuk-Lipinski. Warsaw: Institute of Polish Studies, 206.

References

1. Bakuntsev A.V. 2009. Russkie v Pribaltike: problema kul'turnoj samoidentifikacii [Russians in the Baltics: the problem of cultural identity]. Vestnik CMO MGU. Ser. Filologiya. Kul'turologiya. Pedagogika. Metodika 1: 67–70.
2. Bryussel' nakonec-to obratil vnimanie na litovskij opyt po ukroshcheniyu rossijskih telekanalov [Brussels finally paid attention to the Lithuanian experience in taming Russian TV channels]. Review, September 20, 2016. Available at: <https://www.obzor.lt/news/n21561.html> (accessed: 28.02.2019).
3. Bryushkin V.N., Andreychuk N.V., Mazur Yu.Yu. 2011. Russkie v Litve: problema sociokul'turnoj identichnosti [Russians in Lithuania: the problem of sociocultural identity]. SLOVO.RU: Baltijskij akcent, 3–4: 60–70.
4. V Litve vozobnovili bor'bu s rossijskimi telekanalami – na ocheredi «NTV Mir» [In Lithuania, the fight against Russian TV channels has resumed – on the NTV Mir lineup]. EADaily, May 7, 2016.

Available at: <https://easaily.com/ru/news/2016/05/07/v-litve-vozobnovili-borbu-s-rossijskimi-telekanalami-na-ocheredi-ntv-mir> (accessed: 28.02.2019).

5. V Litve posmertno priznali komandira «lesny`x brat`ev» glavoy respubliki [In Lithuania, the commander of «forest brothers» was posthumously recognized as head of the republic]. Sputnik, November 20, 2018. Available at: <https://lt.sputniknews.ru/politics/20181120/7565731/V-Lithuania-posmertno-priznali-komandira-lesnykh-bratev-glavoy-respubliki.html> (accessed: 28.02.2019).

6. Vorotnikov V.V. 2016. 25 let nezavisimosti gosudarstv Baltii: iz Sovetskogo v Evropejskij Sojuz [25 years of independence of the Baltic States: from the Soviet to the European Union]. Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo, 5–9: 7–23.

7. Vy`nuzhdennoe otklyuchenie ili igra s TV? [Forced off or playing with TV?]. Lithuanian courier, September 1, 2016. Available at: <http://www.kurier.lt/vynuzhdennoe-otklyuchenie-ili-igra-s-tv> (accessed: 28.02.2019).

8. Germanova A.V. 2019. V litovskom parlamente nagradili «lesny`x brat`ev» – posobnikov fashistov [In the Lithuanian Parliament awarded the «Forest Brothers» – accomplices of the Nazis]. Official website of Channel One, January 14, 2019. Available at: https://www.1tv.ru/news/2019-01-14/358677-v_litovskom_parlamente_nagradili_lesnyh_bratiev_posobnikov_fashistov (accessed: 28.02.2019).

9. Grabauskas G. 2018. Pyat` ty`sych evro za ubijstva mirny`x zhitelej: kak «lesny`x brat`ev» nagradyat premiej [Five thousand euros for the killing of civilians: how the «Forest Brothers» will be awarded a prize]. Russia Today, November 15, 2018. Available at: https://baltnews.lt/vilnius_news/20181115/1018573188/Lithuania-lesnie-bratiya-premiya.html (accessed: 28.02.2019).

10. Treaty of the foundations of interstate relations between the RSFSR and the Republic of Lithuania of July 29, 1992 [Treaty on the Principles of Interstate Relations between the RSFSR and the Republic of Lithuania of July 29, 1992]. Available at: <https://base.garant.ru/2541362> (accessed: 28.02.2019).

11. Yemelyanova L.L. 2010. Mezhdunarodnaya transgranichnaya migraciya v regione YUgo-Vostochnoj Baltiki: faktory, struktura, posledstviya [International transboundary migration in the South-Eastern Baltic region: factors, structure, implications]. Baltijskij region, 4: 61–71.

12. 1995 Law of the State Language of the Republic of Lithuania. Available at: <https://e-seimas.lrs.lt/rs/legalact/TAD/TAIS.58647> (accessed: 28.02.2019) (in Russian).

13. Ilyashevich A. 2018. Adol`fas Ramanauskas – «yastreb» ili «stervyatnik»? Istoricheskij likbez RuBaltic.Ru [Adolfas Ramanauskas – «hawk» or «vulture»? Historical educational program RuBaltic.Ru]. RuBaltic.Ru, July 3, 2018. Available at: <https://www.rubaltic.ru/article/kultura-i-istoriya/30072018-adolfas-ramanauskas-yastreb-ili-stervyatnik-istoricheskij-likbez-rubaltic-ru> (accessed: 28.02.2019).

14. Komandir «lesny`x brat`ev» posmertno ob`yavlen prezidentom Litvy` [The commander of the «forest brothers» was posthumously declared by the President of Lithuania]. UAB «Savaitės ekspresas», March 13, 2009. Available at: <http://www.nedelia.lt/index.php?newsid=8790> (accessed: 28.02.2019).

15. Litva–2011: Zakon ob obrazovanii, raskolovshij obshhestvo [Lithuania–2011: Law on Education, a Split Society]. REGNUM, January 9, 2012. Available at: <https://regnum.ru/news/1486267.html> (accessed: 28.02.2019).

16. Litovskij zhurnalist: predlozhenie DGB Litvy` kriminalizirovat` dezinformaciyu absurdno [Lithuanian journalist: a proposal from the Lithuanian State Security Department to criminalize misinformation is absurd]. RuBaltic.Ru, April 15, 2016. Available at: <https://www.rubaltic.ru/news/15042016-kriminalizirovat-absurd> (accessed: 28.02.2019).

17. Matskevich N. 2010. Ih ostayotsya tol'ko tree... (russkoyazychnaya pressa Litvy) [Only three of them remain ... (Lithuanian Russian-language press)]. SLOVO.RU: Baltijskij akcent, 1–2: 291–295.

18. Miroslav O. 2017. Zachem Litva geroiziruet posobnikov nacistov [Why does Lithuania glorify accomplices of the Nazis]. News-Front.info, July 23, 2017. Available at: <https://news-front.info/2017/07/23/zachem-litva-geroiziruet-posobnikov-natsistov> (accessed: 28.02.2019).

19. Musaev V.I. 2017. Nezavisimost' stran Baltii i «russkij vopros» [Independence of the Baltic States and the «Russian question»]. Novejshaya istoriya Rossii, 2: 176–191.

20. Ni serpa, ni molota. Sejm Litvy` zapretil sovetskuyu simboliku [No sickle or hammer. Lithuanian Seimas banned Soviet symbolism]. Lenta.ru, June 18, 2008. Available at: <https://lenta.ru/articles/2008/06/18/nosoviet> (accessed: 28.02.2019).

21. Organizacii sootechestvennikov v Litve. Russkie v Litve [Organization of compatriots in Lithuania. Russians in Lithuania]. ConsulMir, February 28, 2016. Available at: <https://konsulmir.com/organizacii-sootechestvennikov-v-litve-russkie-v-litve> (accessed: 28.02.2019).

22. Osveshhenie obshhej istorii Rossii i narodov postsovetskix stran v shkol`ny`x uchebnikax istorii novy`x nezavisimy`x gosudarstv [Coverage of the general history of Russia and the peoples of the post-Soviet countries in school textbooks of the history of the new independent states]. Moscow, 2009. 390 p.
23. Oficial`ny`j akkaunt partii «Jaunoji Lietuva» v Facebook [The official account of the party «Jaunoji Lietuva» on Facebook]. Available at: <https://www.facebook.com/partijaJaunojiLietuva> (accessed: 28.02.2019).
24. Oficial`ny`j akkaunt partii «Jaunųjų tautininkų organizacija» v Facebook [The official account of the party «Jaunųjų tautininkų organizacija» on Facebook]. Available at: <https://www.facebook.com/JauniejiTautininkai> (accessed: 28.02.2019).
25. Oficial`ny`j akkaunt organizacii «Lietuvių Tautinio Centro» v Facebook [The official Lietuvių Tautinio Centro Facebook account]. Available at: <https://www.facebook.com/tautiniscentras> (accessed: 28.02.2019).
26. Politicheskaya partiya «Lietuvių tautininkų sąjunga»: oficial`ny`j sajt [Political party «Lietuvių tautininkų sąjunga»: official site]. Available at: <http://www.tautininkai.lt> (accessed: 28.02.2019).
27. Prem`er Litvy` podderzhal shtraf litovczu za otriczanie sovetskoj okkupacii [Lithuanian Prime Minister supported the fine to Lithuanians for denying the Soviet occupation]. RIA News, June 14, 2012. Available at: <https://ria.ru/20120614/672986952.html> (accessed: 28.02.2019).
28. Radzaviciute A. 2013. Litva: kak pishut uchebniki istorii [Lithuania: how history textbooks are written]. Russian service BBC. November 6, 2013. Available at: https://www.bbc.com/russian/international/2013/10/131028_history_textbook_lithuania (accessed: 28.02.2019).
29. Rizvanova L.Z. 2008. Politika gosudarstv Pribaltiki v otnoshenii russkoyazychnogo naseleniya [The policy of the Baltic States towards the Russian-speaking population]. Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta, 150, book. 7: 140–149.
30. Simonyan R.Kh., Kochegarova T.M. 2010. Russkoyazychnoe naselenie v stranah Baltii [Russian-speaking population in the Baltic countries]. Vestnik MGIMO Universiteta, 3: 60–77.
31. Sleduyushhij god v Litve ob`yavlen godom generala partizan Jonasa Zhemajtisa [The following year in Lithuania is declared the year of the partisan general Jonas Jemaytis]. New Baltic newspaper, December 27, 2018. Available at: <http://novayagazeta.ee/articles/23513> (accessed: 28.02.2019).
32. Soyuz strelkov Litvy` provedet v stolice antirossijskuyu konferenciyu [Lithuanian rifle union will hold an anti-Russian conference in the capital]. TVNZ. Northern Europe, November 4, 2014. Available at: <https://www.kompravda.eu/online/news/1887595> (accessed: 28.02.2019).
33. Urazbayev E.E. 2016. Problema izmereniya institucionalizacii nacionalizma v stranah Baltii: organizacionnyj aspekt [The problem of measuring the institutionalization of nationalism in the Baltic countries: an organizational aspect]. Vlast' 12: 231–236.
34. Shishko I. 2018. Istorik Vitkus: dlya sovremennykh litovcev Holokost – chuzhaya istoriya [Historian Vitkus: Holocaust is another's story for modern Lithuanians]. RuBaltic.Ru, July 3, 2018. Available at: <https://www.rubaltic.ru/article/kultura-i-istoriya/istorik-vitkus-dlya-sovremennykh-litovtsev-kholokost-chuzhaya-istoriya3072013> (accessed: 28.02.2019).
35. Jurkynas M. 2004. Emerging cleavages in new democracies: the case of Lithuania. Journal of Baltic Studies. Vol. 35: 278–296.
36. Matonyte I. 2008. Liberal mass media and the multi party system in post-communist Lithuania. Central European Journal of communication. Vol. 1: 123–144.
37. Wasilewski J. 2001. Three Elites of the Central-East European Democratization. Transformative Paths in Central and Eastern Europe / ed. by R. Markowski and E. Wnuk-Lipinski. Warsaw: Institute of Polish Studies, 206.

Ссылка для цитирования статьи Reference to article

Фролов В.В. Литовский национализм и положение русских в Литовской республике в постсоветский период. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2019. Т. 46. № 3. С. 564–575. doi: 10.18413/2075-4458-2019-46-3-564-575

Frolov V.V. Lithuanian nationalism and the situation of the Russians in the Lithuanian Republic during the post-Soviet period. Belgorod State University Scientific Bulletin. History. Political Science. 2019. V 46. № 3. P. 564–575. doi: 10.18413/2075-4458-2019-46-3-564-575

УДК 32.019.52

DOI 10.18413/2075-4458-2019-46-3-576-584

**ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОВЕСТКА ДНЯ СОВРЕМЕННЫХ СЕТЕВЫХ СМИ:
ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ****AGENDA OF MODERN NETWORK MEDIA: POLITICAL ASPECT****Д.И. Каминченко****D.I. Kaminchenko**

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod,
23 Gagarin Avenue, Nizhnij Novgorod, 603950, Russia

E-mail: ert1fg2@rambler.ru

Аннотация

В условиях современных политико-коммуникативных процессов информационная повестка дня является важнейшим инструментом влияния на общественное и политическое сознание. Общественные, политические и медийные субъекты играют активную роль в формировании определенного политического содержания информационных повесток дня. Учитывая значимость современных сетевых СМИ, анализ политического содержания повестки дня одного из представителей данных СМИ представляется крайне актуальной исследовательской задачей. Изучив политическое содержание новостного контента сетевого СМИ с помощью таких методов, как контент-анализ и сравнительный анализ, установлено, что новостные заголовки по политическим темам можно разделить как минимум на три тематические категории: «Мировая политика», «Внешняя политика» и «Внутренняя политика», причем по частоте встречаемости имеется существенное преобладание новостных заголовков категорий «Мировая политика» и «Внешняя политика». Определен список названий государств, которые чаще остальных представлены в политико-новостных заголовках изучаемого СМИ. Среди тем, посвященных внутренней политике России, в новостных заголовках чаще других отражены следующие темы: рекрутирование элит и кадровые изменения, выборы и избирательные кампании, а также прямой диалог власти и общества. Полученные результаты могут способствовать более точному пониманию политического содержания современной информационной повестки дня сетевого СМИ.

Abstract

The agenda is the most important instrument of influence on public and political consciousness in conditions of modern political and communicative processes. Public, political and media actors play an active role in shaping of the specific political content of agendas. Networked media has a special significance in the modern society and the study of political content of these media is an extremely relevant research task. The author used such research methods as content analysis and comparative analysis in order to study the political news content of the network media. All news headlines on political topics can be divided into at least three thematic categories: «World Politics», «Foreign Policy» and «Domestic Policy». There is a significant prevalence of news headlines of the categories «World Politics» and «Foreign Policy» in terms of frequency of occurrence. There are a list of names of states that are most often presented in the political news headlines of the studied media. Such topics as recruitment of elites and personnel changes, elections and election campaigns, as well as direct dialogue between the government and society compose the content of «Domestic Policy» thematic categories more often. The obtained results can contribute to a more accurate understanding of political content of the network media agenda.

Ключевые слова: сеть, СМИ, медиа, повестка дня, новости, политика, государство.**Keywords:** network, media, agenda, news, politics, state.

Артикуляция интересов представляет собой одну из важнейших задач в деятельности политических субъектов. Выполнение подобной задачи требует концентрации усилий по использованию различных механизмов, способствующих выражению интересов и идей субъектов политики. Одним из направлений в рамках реализации подобной задачи, приобретающим в условиях современного информационного общества особое значение, является активность субъекта политики в публичном пространстве. Современные информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) приносят серьезные изменения в это пространство и его политико-коммуникативную область. ИКТ не только расширяют политико-коммуникативное пространство, ускоряют происходящие в нем коммуникативные процессы и практики, делая их прозрачнее, но и сущностно изменяют структуру и принципы взаимодействия (например, по линии коммуникации «автор – аудитория»).

В формирующемся под влиянием сетевых технологий политико-коммуникативном пространстве современные ИКТ являются крайне значимым инструментом для выражения интересов, идей и ценностей политических акторов. Вместе с тем необходимо учитывать, что ИКТ также создают и определенные риски для того или иного политического субъекта, учитывая конкурентность среды политической коммуникации и необходимость своевременно реагировать на предпринимаемые политическими оппонентами шаги (к слову, также активно использующим в своей деятельности современные цифровые технологии). Эффективная реакция на действия оппонентов в политико-коммуникативном пространстве требует учета его современной специфики и роли в нем сетевых технологий.

Для эффективного продвижения политическими субъектами своих интересов и идей представляется важным воплощение их в форме различных тем, составляющих общественную повестку дня. Подобный процесс может происходить как в открытой, так и в латентной форме, причем это может быть структурировано отнюдь не только политической тематикой, но и другими темами. Учитывая, что в процессе установления информационной общественной (признанной обществом) повестки дня активную роль играют различные политические субъекты и общество в целом, продвижение политическим актором собственных интересов, ценностей и идей посредством выражения их в форме тем, образующих повестку дня общества, является крайне непростой задачей.

Ещё одним участником процесса установления общественной повестки дня являются средства массовой информации, которые также формируют свою, медийную повестку. Посредством медийной повестки дня политические акторы также способны привносить интересующие их вопросы в повестку дня общества, например, часть повестки дня СМИ зачастую составляют выгодные для политических субъектов темы, причем не только политической направленности. Учитывая распространенность и широкий доступ к контенту СМИ (как традиционных, так и сетевых) и социальных медиа в современном обществе, а также их влияние на общество в целом и восприятие им различных тем и вопросов (в том числе – политических), следует подчеркнуть особое значение медийных платформ для отражения политическими субъектами своей повестки дня в публичном пространстве. В этой связи анализ контента (например, новостных сообщений) СМИ и социальных медиа является одной из возможностей для изучения взаимодействия общественной, политической и медийной повесток дня, позволяя выявить, какие политические темы популярны в обществе и СМИ. На изучение политических тем, отраженных в медийной повестке дня одного из современных сетевых СМИ, и направлена данная работа.

Тема изучения информационной повестки дня является актуальной и популярной в научном сообществе. Под повесткой дня можно подразумевать «совокупность актуальных проблем и сюжетов, имеющих ряд самостоятельных характеристик» [Мамонов, 2008, с. 97]. Как уже отмечалось, существуют разные типы повесток дня. В.Н. Колесников пишет: «Как у общества в целом, так и у различных социальных страт и политических группировок могут быть собственные, не всегда, кстати, согласованные между собой «повестки», так и у

отдельных сегментов информационного пространства тоже могут иметься свои «медиа-повестки» дня» [Колесников, 2017, с. 10]. В одной из своих работ, опубликованной в 2011 году, Е.Б. Шестопал, анализируя политическую повестку дня российской власти, делает вывод о том, что «...есть по меньшей мере две более или менее артикулированные повестки дня власти: «модернизационная»... и «консервативная» [Шестопал, 2011, с. 11]. При этом, по её мнению, «эффективность той или иной повестки дня во многом будет зависеть от того, какую из них готово поддержать общество» [Шестопал, 2011, с. 14].

Говоря об основных акторах, участвующих в процессе установления общественной и политической повесток дня, ряд учёных полагают, что ключевая роль в этом процессе принадлежит государству. В.Н. Колесников пишет о том, что в отечественном политическом пространстве именно государство «является основным актором, формулирующим политическую повестку дня» [Колесников, 2017, с. 10]. М.В. Мамонов обращает внимание на то, что «есть основания для того, чтобы заявлять о доминировании органов власти федерального уровня, их руководителей в процессе формирования межличностной повестки дня населения» [Мамонов, 2008, с. 105]. Необходимо обратить внимание и на то, что в процессе установления повестки дня «важное значение приобретает культура политического дискурса между представителями органов государственной власти и институтами гражданского общества» [Сосунов, 2018, с. 143].

Помимо непосредственно политических субъектов участие в процессе установления общественной и политической повесток дня принимают и СМИ. Неслучайно Н.Дж. Страуд (N.J. Stroud) и К. Кенски (K. Kenski) считают, что именно СМИ представляют собой важнейший источник для выдвижения политики на передний план других потенциальных тем и вопросов, особенно в период президентских выборов [Stroud, Kenski, 2007, p. 542]. Необходимо отметить, что СМИ могут выступать и каналом, с помощью которого политические субъекты стремятся отразить темы своей повестки дня в повестке дня общества. Эффективность подобных действий зачастую зависит от роли того или иного СМИ в общественном и политическом дискурсе, хотя, учитывая распространенность СМИ в современном информационном обществе, их разнообразие и конвергентность, ориентированность на различные целевые аудитории, следует отметить эффективность вовлечения данного канала для выражения политическими субъектами выгодных для них тем, вопросов и идей.

Принимая во внимание влияние политической повестки дня на медийную, возникает необходимость использования соответствующего исследовательского инструментария для разграничения указанных повесток. Если поставлена подобная задача, то здесь, по мнению А.А. Казакова, необходимо «вычленять медийную «повестку» с помощью контент-анализа одного или совокупности СМИ, а политическую – с помощью контент- и ивент-анализа публичных выступлений, официальных заявлений и интервью представителей правящей элиты, а также событий с их участием» [Казаков, 2011, с. 72].

Активно в научном сообществе исследуется и роль современных сетевых СМИ (анализ текстов одного из которых проводится в рамках данной работы) и социальных медиа в политико-коммуникативном пространстве. Ученые отмечают, что современный медийный ландшафт изменил способ потребления политической информации [Greenwood et al., 2016, p. 1]. Одним из активных участников, способствующих изменениям структуры и содержания современной политической коммуникации, являются социальные медиа, которые представляют собой такой феномен, который способствует коннективности, интерактивности и обратной связи между пользователями Интернета [Maresh-Fuehrer, Smith, 2016, p. 624]. Д.С. Артамонов и С.В. Тихонова пишут: «В отличие от традиционных СМИ, имеющих однонаправленный характер воздействия на аудиторию, в социальных сетях происходит постоянное массовое производство новых символов, образов, знаков, сообщений, которые оказывают влияние на политику» [Артамонов, Тихонова, 2018, с. 451].

Важнейшая политическая роль современных социальных медиа объясняется и тем, что формируемые в них сетевые сообщества, по мнению Е.В. Ефановой и Д.В. Мельниченко, «становятся формой публичной политики» [Ефанова, Мельниченко, 2018, с. 94]. Общество активно задействует социальные медиа для своего присутствия в политико-коммуникативном пространстве. В этой связи неудивительно, что изучение текстов социальных медиа позволяет сделать выводы о том, какие общественные и политические настроения существуют в данном коммуникативном пространстве, так как социальные медиа способны выступать проводником общественного мнения [Каминченко, 2016, с. 42] и представляют собой «один из важнейших институтов современного общества, который способствует агрегации и артикуляции общественных интересов» [Балуев, Каминченко, 2017].

Крайне важным аспектом в плане влияния современных СМИ и социальных медиа на установление информационной повестки дня является сетевая организационная структура, обуславливающая функционирование указанных медиа. Отметим, что в современном обществе наблюдается активная сетевизация публичного пространства и происходящих в нем коммуникативных процессов и практик. Это требует от субъектов коммуникативных процессов учета фактора сетевизации при разработке ими стратегий и тактик своего поведения в ходе этих процессов, причем необходимо учитывать не только технологическую сторону вопроса, но и социальный аспект. Как пишут ученые, коммуникативные сети – это социальные среды, поэтому анализ их характеристики должен охватывать как технологический аспект (такой, например, как пропускная способность телекоммуникаций), так и социальный [Vamoallem et al., 2016, p. 424]. Неслучайно исследователи отмечают, что социализация является главной мотивацией, побуждающей все три типа новостной активности пользователей социальных медиа: прочтение, написание и одобрение того или иного новостного контента. [Choi, 2016, p. 254].

Очевидно, что основные структурные принципы современных СМИ оказывают воздействие и на формирование повестки дня и её основные свойства. В.Н. Колесников, говоря о природе сетевой информации, отмечает, что она «исключает формирование единой повестки дня, поскольку она формируется и управляется каждым субъектом сетевого контента самостоятельно» [Колесников, 2017, с. 12–13]. Более того, сам контент современных сетевых СМИ, обладая свойствами сетевой природы, зачастую представлен в форме гипертекста, который в широком смысле может быть определен как сборник документов, содержащий ссылки, что позволяет читателям переходить от одного фрагмента текста к другому [Brand-Gruwel et al., 2016, p. 1209].

Подытоживая подчеркнем, что различные сетевые Интернет-издания способны оказать значительное воздействие на политическое содержание информационной повестки дня, например, сообщив о каком-либо значимом политическом событии и разместив при этом полевые данные (например, видео с места событий). В этой связи изучение политического содержания повестки дня сетевых СМИ представляется крайне актуальной задачей, на выполнение которой и направлена данная работа.

Поставленная в работе задача определяет выбор исследовательских методов. Одним из необходимых для проведения данного исследования методов является качественно-количественный тип контент-анализа. Выбор данного типа контент-анализа обусловлен необходимостью осуществления количественного подсчета частоты встречаемости сообщений политической тематики (например, по теме внутренней политики России) и качественного анализа, позволяющего определить развернутость и содержательность той или иной представленной в СМИ политической темы (например, какие подтемы или вопросы поднимаются в сообщениях, посвященных теме внутренней политики России). Единицей анализа должны выступать новостные заголовки сообщений политической рубрики одного из популярных представителей сетевых СМИ, что позволит сделать выводы о политическом содержании его информационной повестки дня. В процессе проведения контент-анализа будет выполнена классификация всего спектра анализируемых текстов за

рассматриваемый период времени. Еще один используемый в работе метод – сравнительный анализ. Задействование в ходе проведения исследования данного метода позволит сравнить частоту встречаемости новостных заголовков в рамках основных политических тем, присутствующих в повестке дня, а также сопоставить между собой выявленные в ходе работы подтемы и аспекты основных политических тем информационной повестки дня сетевого СМИ.

Контент-анализ новостных заголовков, представленных в рубрике «Политика» одного из популярнейших Интернет-изданий «Газета.ru», проводился в течение 20 дней, с 14 июня по 3 июля 2019 года, ежедневно после 21:00 (на наш взгляд, в указанное время информационная повестка дня в целом уже установлена) [Официальный сайт..., 2019]. Анализировались только первые десять новостных заголовков, размещенных в указанной рубрике. По результатам проведения контент-анализа все новостные заголовки были классифицированы по трем темам: «Внутренняя политика» (к этой категории отнесены новостные заголовки по тематике внутренней политики России), «Внешняя политика» (здесь представлены новостные заголовки по теме отношений России с зарубежными государствами) и «Мировая политика» (данная категория включает новостные заголовки как по тематике межгосударственных отношений, так и по теме внутренней политики зарубежных государств). Результаты, отражающие частотность распределения новостных заголовков, представлены в таблице 1.

Таблица 1
Table 1

Тематическая частота встречаемости новостных заголовков из рубрики «Политика»
Интернет-издания «Газета.ru»
Thematic frequency of occurrence of news headlines from the «Politic» rubric of «Gazeta.ru»

Название категории	Частота встречаемости в новостных заголовках
«Мировая политика»	87
«Внешняя политика»	78
«Внутренняя политика»	25

Дополнительно проработана каждая из обозначенных категорий, в результате в рамках категории «Мировая политика» было установлено, названия каких государств чаще всего встречаются в новостных заголовках из этой категории. Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2
Table 2

Частота встречаемости названий государств в новостных заголовках из категории «Мировая политика»
The frequency of occurrence of names of states in the news headlines from the category «World Politics»

Название государства	Частота встречаемости в новостных заголовках
Украина	31
США	23
Грузия	13

Кроме того, в рамках этой же категории установлены подтемы, которые чаще других встречаются в новостных заголовках сообщений из данной категории. Отметим, что эти подтемы были установлены только на основании анализа новостных заголовков данной категории, которые тематически относятся к вопросам внутривнутриполитического развития зарубежных государств. Новостные заголовки данной категории, связанные с вопросами межгосударственных отношений зарубежных стран, в этом тематическом распределении не участвовали. Результаты представлены в таблице 3.

Таблица 3
Table 3

Тематическая частота встречаемости новостных заголовков из категории «Мировая политика»
Thematic frequency of occurrence of news headlines from the category «World Politics»

Название темы	Частота встречаемости в новостных заголовках
«Выборы и избирательные кампании»	12
«Митинги»	10
«Сообщения о текущей деятельности политических лидеров»	6

Новостные заголовки из категории «Внешняя политика» также были дополнительно изучены на предмет частоты встречаемости в них названий различных государств, и выявлены те из них, которые встречаются в новостных заголовках данной категории чаще остальных. Результаты отражены в таблице 4.

Таблица 4
Table 4

Частота встречаемости названий государств в новостных заголовках из категории «Внешняя политика»
The frequency of occurrence of names of states in the news headlines from the category «Foreign Policy»

Название государства	Частота встречаемости в новостных заголовках
Украина	17
Грузия	10
США	5

Новостные заголовки сообщений из категории «Внутренняя политика» были распределены по тематическому принципу, и названия наиболее часто встречающихся тем в рамках указанной категории представлены в таблице 5.

Таблица 5
Table 5

Тематическая частота встречаемости новостных заголовков из категории «Внутренняя политика»
Thematic frequency of occurrence of news headlines from the category «Domestic Policy»

Название темы	Частота встречаемости в новостных заголовках
«Рекрутирование элит и кадровые перестановки»	7
«Выборы и избирательные кампании»	4
«Прямой диалог власти и общества»	3

По итогам проведения контент-анализа, классификации и сравнительного анализа новостных заголовков, представленных в рубрике «Политика» Интернет-издания «Газета.ru» за рассматриваемый в работе период времени, можно сделать ряд выводов. Во-первых, чаще остальных среди всей совокупности проанализированного новостного информационного массива встречаются новостные заголовки, относящиеся к теме мировой политики, которая, как уже отмечалось, включает в себя тематику как межгосударственных отношений, так и внутривнутриполитические вопросы функционирования зарубежных государств. Второе место по частоте встречаемости занимает тема отношений России с зарубежными государствами (категория внешней политики). Новостные заголовки по теме внутренней политики России встречаются значительно реже новостных заголовков первых двух категорий.

Во-вторых, в категории «Мировая политика» чаще остальных встречаются новостные заголовки, посвященные межгосударственным отношениям и вопросам внутривнутриполитического развития Украины, США и Грузии. Применительно к основным темам внутривнутриполитического развития зарубежных государств выделяются такие сферы, как выборы и

избирательные кампании, митинговая активность, а также сообщения о текущей деятельности политических лидеров.

В-третьих, среди новостных заголовков, посвященных внешней политике России, чаще других встречаются новостные заголовки об отношениях России с Украиной, Грузией и США. Отметим, что указанные названия государств также чаще всего встречаются в новостных заголовках, отнесенных к категории мировой политики, причем, согласно порядку их расположения (по частоте встречаемости), название государства, занимающего первое место, в обоих случаях не меняется.

В-четвертых, тема внутренней политики России в новостных заголовках представлена такими сферами, как рекрутирование элит и кадровые изменения, выборы и избирательные кампании, а также – прямой диалог власти и общества.

Подводя некоторые промежуточные итоги, необходимо обратить внимание на заметное преобладание в рубрике «Политика» рассматриваемого представителя сетевых СМИ новостных заголовков, относящихся к темам мировой политики и внешней политики России над тематикой внутренней политики России. Это позволяет предположить, что в политическом содержании информационной повестки дня данного СМИ преобладают темы международной политики и внешней политики России, а не тематика внутренней политики России. Кроме того, необходимо отметить схожесть списка названий государств, которые чаще остальных представлены в новостных заголовках по темам мировой политики и внешней политики России, причем наблюдается полное соответствие первой позиции обоих списков. Это говорит об устойчивом медийном интересе (в течение изучаемого периода времени) к политике определенных государств (причем как к их внешней, так и к их внутренней политике), а также к отношениям России с указанными государствами.

Обращает на себя внимание и некоторое пересечение наиболее популярных тем новостных заголовков как в сфере внутренней политики России, так и в сфере внутренней политики зарубежных государств. Во-первых, в обоих списках присутствует тема выборов и избирательных кампаний. Во-вторых, тематика рекрутирования элит и кадровых перестановок во много связана с тематикой текущей деятельности политических лидеров, так как в ряде случаев именно они принимают кадровые решения. В-третьих, сравнивая тематику митингов и прямого диалога власти и общества, представленные в списке часто встречаемых новостных заголовков из разных, обозначенных в работе категорий, отметим, что митинговая активность зачастую направлена на установление прямого диалога общества и власти, когда общество стремится напрямую выразить свое отношение к тому или иному формируемому или уже принятому решению или проводимой политике в целом. Следовательно, списки основных тем новостных заголовков из категорий мировой политики и внутренней политики России довольно близки.

Подводя итоги исследования политического содержания информационной повестки дня одного из представителей сетевых СМИ (на основе анализа новостных заголовков сообщений из рубрики «Политика» Интернет-издания «Газета.ru»), необходимо отметить ряд аспектов. Во-первых, весь текстовый массив новостных заголовков, относящихся к политической сфере, можно подразделить на три тематические категории: «Мировая политика» (новостные заголовки по тематикам межгосударственных отношений и внутренней политики зарубежных государств), «Внешняя политика» (новостные заголовки по теме отношений России с зарубежными государствами) и «Внутренняя политика» (новостные заголовки по тематике внутренней политики России). Примечательно, что по показателю частоты встречаемости наблюдается заметное преобладание новостных заголовков категорий «Мировая политика» и «Внешняя политика».

Во-вторых, необходимо отметить схожесть перечней названий государств, которые чаще остальных представлены в новостных заголовках по темам мировой политики и внешней политики России: Украина, США, Грузия. В-третьих, на содержательно-тематическом уровне новостных заголовков наблюдается пересечение наиболее популяр-

ных тем новостных заголовков как в сфере внутренней политики России, так и в сфере внутренней политики зарубежных государств, например, тема выборов и избирательных кампаний.

В условиях современного информационного общества изучение политического содержания информационной повестки дня сетевых СМИ представляется крайне актуальной темой исследования. В данной работе рассмотрено политическое содержание информационной повестки дня только одного из представителей сетевых СМИ. Изучение же информационной повестки дня сразу нескольких СМИ в рамках одной работы позволило бы провести сравнительный анализ содержания повесток дня и сформулировать соответствующие выводы о том, как представлены в них, например, политические вопросы. Кроме того, важные выводы могут быть получены при изучении информационных повесток дня в разные временные периоды, что позволило бы проследить динамику изменений основного содержания (в том числе политического) повесток дня и установить влияние временного фактора на свойства информационной повестки дня.

Список литературы

1. Артамонов Д.С., Тихонова С.В. 2018. Меминг в политике памяти России. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология, 4: 450–456.
2. Балув Д.Г., Каминченко Д.И. 2017. Отражение ценностей современного российского общества в социальных медиа. Вестник Пермского университета. Серия: Политология, 3: 5–13.
3. Ефанова Е.В., Мельниченко Д.В. 2018. Социальные медиа как инструмент публичной политики в современной России. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология, 1: 92–95.
4. Казаков А.А. 2011. Взаимодействие информационной и политической «повесток дня»: к постановке проблемы. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология, 3: 70–73.
5. Каминченко Д.И. 2016. Порядок как ценность в текстах современных социальных медиа. Информационное общество, 2: 39–42.
6. Колесников В.Н. 2017. Актуальная повестка дня в современной России: факторы формирования. Управленческое консультирование, 9 (105): 8–17.
7. Мамонов М.В. 2008. Роль политических субъектов в формировании приоритетов межличностной «повестки дня» россиян. Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК, 3: 97–105.
8. Официальный сайт Интернет-издания «Газета.Ru». URL: <https://www.gazeta.ru> (дата обращения: 10.07.2019).
9. Сосунов Д.В. 2018. Формирование политической повестки дня современной России. Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология, 1: 143–146.
10. Шестопап Е.Б. 2011. Политическая повестка дня российской власти и ее восприятие гражданами. Полис. Политические исследования, 2: 7–24.
11. Vamoallem B.S., Wodehouse A.J., Mair M.M., Vasantha G.A. 2016. The impact of head movements on user involvement in mediated interaction. Computers in human behaviour. 55: 424–431.
12. Brand-Gruwel S., Wopereis I., Walraven A. 2016. A descriptive model of information problem solving while using Internet. Computers in human behaviour. 53: 1207–1217.
13. Choi J. 2016. Why do people use news differently on SNSs? An investigation of the role of motivations, media repertoires, and technology cluster on citizens' news-related activities. Computers in human behaviour. 54: 249–256.
14. Greenwood M.M., Sorenson M.E., Warner B.R. 2016. Ferguson on Facebook: political persuasion in a new era of media effects. Computers in human behaviour. 57: 1–10.
15. Maresh-Fuehrer M.M., Smith R. 2016. Social media mapping innovations for crisis prevention, response, and evaluation. Computers in human behaviour. 54: 620–629.
16. Stroud N.J., Kenski K. 2007. From agenda setting to refusal setting: Survey nonresponse as a function of media coverage across the 2004 Election cycle. Public opinion quarterly. 4: 539–559.

References

1. Artamonov D.S., Tikhonova S.V. 2018. Meming v politike pamyati Rossii [Meming in the Russian memory politics]. *Izvestia of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*, 4: 450–456.
2. Baluev D.G., Kaminchenko D.I. 2017. Otrazhenie tsennostey sovremennogo rossiyskogo obshchestva v sotsial'nykh media [The reflection of the values of modern Russian society in social media]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya*, 3: 5–13.
3. Efanova E.V., Mel'nichenko D.V. 2018. Sotsial'nye media kak instrument publichnoy politiki v sovremennoy Rossii [Social media as the tool of public policy in Modern Russia]. *Izvestia of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*, 1: 92–95.
4. Kazakov A.A. 2011. Vzaimodeystvie informatsionnoy i politicheskoy «povestok dnya»: k postanovke problemy [Interaction of media and political types of agenda: Posing a question]. *Izvestia of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*, 3: 70–73.
5. Kaminchenko D.I. 2016. Poryadok kak tsennost' v tekstakh sovremennykh sotsial'nykh media [Order as the value in texts of modern social media]. *Informatsionnoe obshchestvo*, 2: 39–42.
6. Kolesnikov V.N. 2017. Aktual'naya povestka dnya v sovremennoy Rossii: faktory formirovaniya [Topical agenda in public administration of Modern Russia: The factors of formation]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, 9 (105): 8–17.
7. Mamonov M.V. 2008. Rol' politicheskikh sub"ektov v formirovanii prioritetov mezhlchnostnoy «povestki dnya» rossiyan [Role of Political Subjects in Formation of Priorities of the Interpersonal Agenda of Russians]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*, 3: 97–105.
8. Official Website of «Gazeta.Ru.». 2019. Available at: <https://www.gazeta.ru> (accessed: 11.07.2019) (in Russian).
9. Sosunov D.V. 2018. Formirovanie politicheskoy povestki dnya sovremennoy Rossii [Formation of the political agenda of Contemporary Russia]. *Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology*, 1: 143–146.
10. Shestopal E.B. 2011. Politicheskaya povestka dnya rossiyskoy vlasti i ee vospriyatie grazhdanami [Political agenda of russian power and its perception by citizens]. *Polis. Political Studies*, 2: 7–24.
11. Bamoallem B.S., Wodehouse A.J., Mair M.M., Vasantha G.A. 2016. The impact of head movements on user involvement in mediated interaction. *Computers in human behaviour*. 55: 424–431.
12. Brand-Gruwel S., Wopereis I., Walraven A. 2016. A descriptive model of information problem solving while using Internet. *Computers in human behaviour*. 53: 1207–1217.
13. Choi J. 2016. Why do people use news differently on SNSs? An investigation of the role of motivations, media repertoires, and technology cluster on citizens' news-related activities. *Computers in human behaviour*. 54: 249–256.
14. Greenwood M.M., Sorenson M.E., Warner B.R. 2016. Ferguson on Facebook: political persuasion in a new era of media effects. *Computers in human behaviour*. 57: 1–10.
15. Maresh-Fuehrer M.M., Smith R. 2016. Social media mapping innovations for crisis prevention, response, and evaluation. *Computers in human behaviour*. 54: 620–629.
16. Stroud N.J., Kenski K. 2007. From agenda setting to refusal setting: Survey nonresponse as a function of media coverage across the 2004 Election cycle. *Public opinion quarterly*. 4: 539–559.

Ссылка для цитирования статьи

Reference to article

Каминченко Д.И. Информационная повестка дня современных сетевых СМИ: политический аспект. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология*. 2019. Т. 46. № 3. С. 576–584. doi: 10.18413/2075-4458-2019-46-3-576-584

Kaminchenko D.I. Agenda of modern network Media: political aspect. *Belgorod State University Scientific Bulletin. History. Political Science*. 2019. V 46. № 3. P. 576–584. doi: 10.18413/2075-4458-2019-46-3-576-584

УДК 323.2

DOI 10.18413/2075-4458-2019-46-3-585-592

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ СЕМЬИ:
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ****STATE POLICY IN THE FIELD OF SOCIAL PROTECTION OF THE FAMILY:
CONCEPTUAL FRAMEWORK AND PROBLEMS OF IMPLEMENTATION****В.А. Ливцов, К.С. Жилин**
V.A. Livcov, K.S. ZhilinСреднерусский институт управления – филиал РАНХиГС,
Россия, 302028, г. Орёл, б. Победы, 5аCentral Russian Institute of Management – branch of RANEPА,
5a Pobeda boul, Orel, 302028, Russia

E-mail: livcov@orel.ranepa.ru, dancer43@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена изучению сущности и современного состояния государственной политики в сфере социальной защиты семьи в Российской Федерации. Рассмотрены критерии ее эффективности, характер происходящих трансформаций, а также установлена зависимость от целого ряда факторов внешней среды, большая часть которых носит глобализационный характер. Приведена характеристика основных задач государственной политики и вызовов при ее инициировании, разработке и реализации. Проведен анализ нормативно-правового механизма ее осуществления. Выполнен акцент на связь семейной и молодежной государственной политики при обеспечении социальной защиты института семьи. Используются как общенаучные, так и специализированные политологические подходы и методы познания.

Abstract

The article is devoted to the study of the nature and current state of the state policy in the field of social protection of the family in the Russian Federation. The criteria of its effectiveness, the nature of the transformations occurring, as well as the dependence on a number of environmental factors, most of which are globalizing, are considered. The characteristic of the main objectives of public policy and challenges in its initiation, development and implementation is given. The regulatory mechanism for its implementation is analyzed. The emphasis is accented on the relationship of family and youth state policy while ensuring the social protection of the family institution. The object of the research is the system of social protection of the family, and the subject is the conceptual foundations and problems of implementing state policy in the Russian Federation. Both general scientific (analysis, synthesis, analogy, description, abstraction, generalization, idealization, induction, deduction) and specialized political science approaches and methods of scientific knowledge (anthropological, political, legal, sociological, statistical) are used.

Ключевые слова: государственная политика, социальная защита, социальный институт, семья, материнство и детство, молодежь.

Keywords: state policy, social protection, social institution, family, motherhood and childhood, youth.

В современную эпоху глубоких трансформаций (образа жизни, трудовой деятельности, социальных отношений и других), которые происходят в достаточно сложных условиях социально-экономического характера, формирование действенного механизма социальной защиты населения является одной из важнейших задач, от решения которой прямо зависит безопасность устойчивого развития государства [Ricceri, 2019, p. 19]. Без

разработки эффективной системы социальной защиты, соответствующей международным стандартам, невозможно построить реальную, а не декларативную социальную государственность [Lieskova, 2015, p. 55].

В отечественной концепции социальной защиты граждан социальная политика имеет свою специфику, определяемую целями, задачами и формами реализации [Tuzikov, Malinovkin, 2019, p. 7]. В современном обществе социальная защита населения непременно должна выступать не только в качестве помощи бедным, но и также быть реальным барьером на пути прогрессирующего имущественного неравенства [Федорова, 2016, с. 271].

Степень эффективности механизма социальной защиты населения находится в прямой зависимости от качества принимаемых управленческих решений, способных устранить сложные проблемы по обеспечению населения необходимой социальной поддержкой. Не вызывает сомнений тезис о том, что существующая в современной Российской Федерации система социальной защиты не оправдывает возложенные на нее надежды россиян [Колотова, 2016, с. 159]. Следствием этого является назревшая потребность в научном переосмыслении сложившихся направлений и методологии осуществления социальной защиты населения [Садыков, Большакова, 2018, с. 144].

Динамичные трансформации, происходящие в российском обществе в социально-экономической сфере, влекут модификации института семьи – одной из подсистем государства, которая выполняет специфические функции – репродукцию и социализацию. Именно поэтому во времена глубоких изменений в обществе все чаще поднимается вопрос о важности изучения этого института, взаимоотношений его субъектов между собой и с государством, а также теоретических основ и содержания государственной семейной политики.

В подавляющем большинстве цивилизаций и культур семья выступает важнейшим системным элементом государства, а ее приоритетность и важность для развития индивида и общества зафиксирована широким спектром международных нормативно-правовых актов [Чурсина, 2014, с. 302]. Именно на уровне семьи обеспечиваются начальные условия жизни человека как субъекта общественных отношений [Shymkiv, 2014, p. 241]. Безусловно, история формирования моделей общества – это история развития института семьи, трансформирующегося и эволюционирующего вместе с обществом. Таким образом, в условиях полиэтничного и глобального мира современную семью разумно рассматривать как основной социально-культурный инструмент гуманизации и консолидации общества, воспитания личности и гражданско-правового сознания.

Кроме этого, семья является основным субъектом трансляции ценностей между поколениями, что позволяет рассматривать ее в рамках молодежной политики. Последняя, в свою очередь, является неотделимой частью социальной политики, которая осуществляется государством при тесном взаимодействии с другими социальными институтами. Ее основным направлением является поддержка, защита и развитие молодежи как уникальной социально-демографической группы [Меркулов, Елисеев, 2014, с. 301]. В точке соприкосновения семейной и молодежной политики находится молодая семья, объектный статус которой не означает ее пассивной роли в решении многообразия проблем, так как молодая семья должна постепенно адаптироваться к новым для нее условиям и стать одним из активных социальных субъектов процесса осуществления государственной семейной политики [Эреджепова, 2016, с. 245].

Исходя из этого, принципы государственной политики в отношении молодой семьи (гуманизм; партнерство внутри триады «семья – общество – государство»; единство государственной политики; целостность экономического, социального, правового, образовательного и воспитательного пространства; дифференцированный подход; межпоколенческая преемственность), определяют концептуальные основы государственной молодежной политики, а также уточняют ее цели, задачи и стратегические приоритеты [Рыбак и др., 2016, с. 37].

Объектом настоящего исследования является система социальной защиты семьи, а предметом – концептуальные основы и проблемы реализации соответствующей государственной политики в Российской Федерации. Полиаспектность, динамичность и комплексность объекта и предмета, которым, очевидно, присущ междисциплинарный характер, обусловили специфику методологической базы. Последняя представлена комплексом общенаучных подходов, применяемых многими общественными науками (исторический, сравнительный, системный, правовой и другие) и специальных подходов современной политологии, теории управления и смежных научных дисциплин. Исследователями использованы как общенаучные (анализ, синтез, аналогия, описание, абстрагирование, обобщение, идеализация, индукция, дедукция), так и частнонаучные (антропологический, политологический, нормативно-правовой, социологический, статистический) методы познания.

В российских реалиях институт семьи всегда был и продолжает оставаться фундаментом общества, что подтверждается статистическими данными: около 89% россиян отдают предпочтение семейному образу жизни, в то время как, по данным Всероссийской службы статистики, для 70% россиян семья и бракосочетание входят в топ-5 жизненных целей [Борисенков, Гукаленко, 2014].

Однако, несмотря на явно созидательную роль анализируемого социального института в государственной системе, в настоящее время он находится в глубоком кризисе, предпосылки и причины которого представлены широким диапазоном характерных проблем. В их числе находятся общие глобализационные трансформации, повышение мобильности мирового населения, широко развернувшиеся процессы урбанизации и культурной ассимиляции, несущие изменение сложившихся семейных установок [Будаева, 2014, с. 93]. Эти, а также колоссальный массив иных факторов привели институт семьи к ослаблению и подмене ценностных ориентаций внутри него: ломаются устоявшиеся нормы и правила, ослабевают внутрисемейные коммуникации, уменьшается значимость отношений между представителями одного рода. Все это происходит на фоне повышения количества случаев антисоциальных явлений, наркомании, алкоголизма, омоложения криминальной сферы, роста безнадзорности и социального сиротства.

Подобные проблемы провоцируют резкое ухудшение демографической ситуации в стране и психологического климата в обществе, а семья утрачивает значение убежища от социальных катастроф.

В рамках социальной проблематики направления трансформации института семьи поиск эффективных моделей социальной политики, а также их адекватность сформировавшимся в Российской Федерации социальным условиям все чаще становятся темой многочисленных дискуссий в научном и профессиональном сообществах. Стало очевидно, что сегодня уже невозможно ограничиться адресной помощью семьям – ощущается острая потребность в универсальной социальной политике, аккумулирующей особенности, присущие различным категориям семей.

Таким образом, сущность государственной политики в сфере социальной защиты семьи можно определить как комплексную деятельность государства в сфере развития социального института семьи с целью повышения стабильности общества и защиты прав индивидов, в основе которого лежит принцип формального регулирования взаимоотношений с государством. Иными словами, это централизованная система, ориентированная на улучшение условий и качества жизни семьи, основными элементами которой являются соответствующие меры информационного, кадрового, научного, организационного, правового, пропагандистского и экономического характера, а также принципы функционирования и критерии оценки результатов деятельности [Воронов, 2010, с. 301].

Важно понимать, что основная задача государственной политики в сфере социальной защиты семьи заключается в укреплении, стабилизации и повышении престижа изучаемого института с целью создания комфортных условий для выполнения возложенных на него функций. Сопутствующей задачей является поддержка института семьи в части

его содействия государству в реализации экономической, демографической, жилищной, молодежной и других видов политики.

Также роль государственной политики в сфере социальной защиты семьи заключается в консолидации потребностей всех типов семей и направленности на организацию благоприятной среды для их жизнедеятельности, гармонизацию взаимоотношений в системе «человек – общество – государство» [Тюрин, 2013, с. 281], на обеспечение стабильности функционирования института семьи и демографической ситуации в стране, на поддержку материнства и детства, а также на воспитание гражданственности и патриотизма молодежи [Ливцов, Пожидаев, 2016, с. 158].

Право на социальную защиту с конституционных позиций можно рассматривать как наиболее общую правовую категорию, включающую все виды социального обеспечения, а также гарантию их предоставления [Shchukina, 2017, р. 30]. Юридический механизм защиты социальных прав и интересов семьи закреплен рядом международных документов, в числе которых Всеобщая Декларация прав человека, Декларация прав ребенка и Конвенция ООН по правам ребенка [Хабарова, 2015, с. 239].

В свою очередь российское федеральное законодательство, регулирующее семейные отношения, представлено Семейным кодексом РФ, рядом федеральных законов, Постановлений Правительства РФ, Указов Президента РФ, а также иных нормативных правовых актов, регламентирующих общегражданские права, связанные с интересами семьи. Кроме этого, в России семья является конституционной ценностью – в Конституции РФ также содержатся нормы, гарантирующие семейные права. Например, в ст. 7 закреплен статус России как социального государства, политика которого направлена на обеспечение государственной поддержки семьи и создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, а содержание ст. 38 «материнство и детство, семья находятся под защитой государства» справедливо может быть истолковано как право матерей, детей и членов семьи на государственную защиту и поддержку. Помимо этого, статья закрепляет право и обязанность родителей заботиться о детях и воспитывать их, а также право детей на родительскую заботу и воспитание. Наконец, в ст. 23 провозглашено право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну. Таким образом, институт семьи остается одним из важнейших факторов модернизации общества и воспитания граждан, а его статус закреплен совокупностью актов международного и российского права [Нарутто, 2017, с. 22].

Важно отметить сохранившийся традиционализм российского общества и непринятие им модернистских зарубежных ценностей, в основе которых лежит индивидуализм и рационализм [Головашина, 2011, с. 57]. Тем не менее современная российская семья существенно отличается от традиционной структурными характеристиками, так как в настоящее время в России значительно увеличилось количество неполных и однодетных семей, а также снизилось число многопоколенных [Сорокопуд, 2016, с. 129]. Широкое распространение получили сожительство без государственной регистрации брака и увеличение количества детей, рожденных вне брака, расширились масштабы социального сиротства.

Политические и социально-экономические кризисы, межэтнические конфликты и психологические потрясения способствуют усугублению проблем, стоящих перед институтом семьи. В российском обществе все ярче проявляются настораживающие процессы деформации семейного образа жизни: происходит упадок духовных ценностей, популяризируется модель семьи без детей (чайлдфри), происходит увеличение числа разводов, учащается и ужесточается внутрисемейное насилие. Под воздействием этих и других деструктивных факторов современный российский институт семьи претерпевает значительную деградацию [Меркулов, Качалкин, 2016, с. 59].

Выходом из сложившейся негативной ситуации является решение задач по повышению благополучия семей с несколькими детьми, формированию и популяризации позитивного образа полных, многодетных и полипоколенных семей; активной пропаганде ответственности не только материнства, но и отцовства; формированию системы помощи

российским гражданам по восстановлению их родословных; увеличению государственной поддержки воспитания ответственного отношения молодого поколения к заключению законных брачных отношений, созданию семьи и поддержанию репродуктивного здоровья; разработке и реализации в образовательных учреждениях программ воспитательной работы с молодыми гражданами по подготовке к созданию семьи на основе традиционных российских ценностей.

Важным аспектом в проектировании современной государственной политики в сфере социальной защиты семьи является организация эффективной инфраструктуры семейного досуга, оздоровления и отдыха, составными элементами которой могут являться: специализированные на семейном отдыхе учреждения; система поощрений родителей за труд, выделяемых на оздоровление или отдых их ребенка; разработка соответствующего нормативного правового акта об организации семейного досуга в Российской Федерации; привлечение обучающихся в профильных учреждениях и специалистов к педагогической работе.

Таким образом, социальная защита населения и института семьи является важнейшей составляющей системы обновления и омоложения общества, а также залогом трансляции традиционных для России семейных ценностей, что приобретает все большую актуальность в условиях деформирующейся парадигмы социальных связей. Результативная государственная политика в сфере социальной защиты семьи всегда являлась одной из основных задач внутренней деятельности государства, успех реализации которой является важным индикатором ее эффективности [Смирнова, Егорова, 2015, с. 209]. В современном мире социальный компонент стал важнейшим элементом системы государственного развития передовых стран. При этом в Российской Федерации социальная защита определенных групп населения на основе традиционной патерналистской ментальности общества уже не кажется несостоятельной, даже несмотря на очевидные неудачи на заре становления современной государственности [Старкова, Игошев, 2016, с. 282]. Большую роль в рассматриваемом вопросе играет незыблемость российских патерналистских ценностей и ориентиров, а также их устойчивость к воздействию негативных деструктивных тенденций, что служит основанием переосмысления исторического развития института семьи в России для выявления позитивных закономерностей и опыта, которые возможно использовать при формировании современной модели государственной политики в сфере социальной защиты семьи, адекватной складывающимся нестабильным условиям [Халмурзиева, 2012, с. 227].

Список литературы

1. Борисенков В.П., Гукаленко О.В. 2014. Институт семьи и семейная политика в современной России: проблемы, тенденции и перспективы. Интернет-журнал Науковедение. URL: <https://naukovedenie.ru/PDF/130PVN514.pdf> (дата обращения: 10 декабря 2018).
2. Будаева З.А. 2014. Аккультурация как доминирующий теоретический маркер проявления процессов глобализации. Вестник БГУ, 6–2: 91–95.
3. Воронов А.Н. 2010. Социальное обслуживание семьи и детей в Российской Федерации: постановка проблемы. Вестник СПбГУ. Социология, 4: 300–309.
4. Головашина О.В. 2011. Модернизация – незавершённый проект или традиционная ментальность в современной России. Ineternum, 2: 56–62.
5. Колотова Н.В. 2016. Выполнение государством социальных обязательств: современные проблемы. Труды Института государства и права РАН, №3 (55): 150–170.
6. Ливцов В.А., Пожидаев А.С. 2016. Эволюция понятия «патриотизм»: через прошлое к будущему. Свободная мысль, 6 (1660): 151–162.
7. Меркулов П.А., Елисеев А.Л. 2014. Формирование молодежной политики в Российской Федерации. Среднерусский вестник общественных наук, 3: 301–305.
8. Меркулов П.А., Качалкин В.М. 2016. Развитие общественно-государственного партнерства в области семейной и демографической политики современной России. Среднерусский вестник общественных наук, 1: 57–63.

9. Рыбак Е.В., Слепцова Н.Г., Федулова А.Б., Цихончик Н.В. 2016. Молодая семья в современном обществе: методическое пособие для специалистов по работе с семьей и молодежью. М., ТР-Принт, 150.
10. Нарутто С.В. 2017. Семья как конституционная ценность. Актуальные проблемы российского права, 5 (78): 21–30.
11. Садыков Р.М., Большакова Н.Л. 2018. Социальная защита населения муниципального образования. Концепт, 6: 139–146.
12. Смирнова А.А., Егорова М.С. 2015. Основные цели, задачи и функции социальной политики. Молодой ученый, 11.4: 208–211.
13. Сорокопуд Ю.В. 2016. Особенности организации семейного воспитания в поликультурном социуме. Научные исследования и образование, 3(23): 128–131.
14. Старкова Е.В., Игошев М.В. 2016. Понятие здоровья населения в социальном контексте. В кн.: Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ. Сборник статей VII Уральского демографического форума с международным участием. Отв. ред. Татаркин А.И., Кузьмин А.И. Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук: 280–286.
15. Тюрин Е.А. 2013. Византизм и духовно-гуманистические основы межгосударственной интеграции народов Евразии. Вестник государственного и муниципального управления, 3: 280–285.
16. Федорова А.А. 2016. Понятие, функции социальной защиты населения на муниципальном уровне и развитие социальной защиты в развитых странах. В кн.: Потенциал российской экономики и инновационные пути его реализации. Материалы международной научно-практической конференции студентов и аспирантов. Под ред. Ковалева В.А., Ковалева А.И. Финансовый университет при Правительстве РФ, Омский филиал: 270–274.
17. Хабарова А.Ю. 2015. Защита прав ребенка в международном праве. Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки, 2: 239–244.
18. Халмурзиева Л.С. 2012. Стратегии повышения эффективности организационно-управленческой деятельности в системе социальной защиты. Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС, 2: 223–228.
19. Чурсина В.Н. 2014. Современная модель российской семьи: особенности социально-психологической адаптации. Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки, 6 (177): 300–307.
20. Эреджепова А.С. 2016. Особенности изучения молодой семьи и государственной поддержки молодых семей. Аллея науки, 4: 244–247.
21. Lieskova L.F. 2015. The system of social protection of the population at the modern stage: state and problems of improving. International Journal of Innovative Technologies in Economy, 2(2): 55–61.
22. Ricceri M. 2019. Social policy as a key-productive-factor of an advanced sustainable development. Мир новой экономики, 1: 19–24.
23. Shchukina N.V. 2017. International legal guarantees of the social security and social protection's right. European research, 7(30): 29–36.
24. Shymkiv S. 2014. The essence of social protection of citizens in the context of insurance against accidents at work. European science review, 3–4: 240–244.
25. Tuzikov I.G., Malinovkin V.A. 2019. Social Policy of State in Modern Russia. Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research, 1(3): 2–8.

References

1. Borisenkov V.P., Gukalenko O.V. 2014. Institut sem'i i semeynaya politika v sovremennoy Rossii: problemy, tendentsii i perspektivy [Family institute and family policy in modern Russia: problems, trends and prospects]. Available at: <https://naukovedenie.ru/PDF/130PVN514.pdf> (accessed: 10 December 2018).
2. Budaeva Z.A. 2014. Akkul'turatsiya kak dominiruyushchiy teoreticheskiy marker proyavleniya protsessov globalizatsii [Acculturation as the dominant theoretical marker of the manifestation of globalization processes]. Vestnik BGU, 6–2: 91–95.

3. Voronov A.N. 2010. Sotsial'noe obsluzhivanie sem'i i detey v Rossiyskoy Federatsii: postanovka problemy [Social services for families and children in the Russian Federation: problem statement]. Vestnik SPbGU. Sotsiologiya, 4: 300–309.
4. Golovashina O.V. 2011. Modernizatsiya – nezavershennyy proekt ili traditsionnaya mental'nost' v sovremennoy Rossii [Modernization – a project in progress or a traditional mentality in modern Russia]. Ineternum, 2: 56–62.
5. Kolotova N.V. 2016. Vypolnenie gosudarstvom sotsial'nykh obyazatel'stv: sovremennye problemy [Fulfillment of social obligations by the state: current problems]. Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN, №3 (55): 150–170.
6. Litvov V.A., Pozhidaev A.S. 2016. Evolyutsiya ponyatiya «patriotizm»: cherez proshloe k budushchemu [Evolution of the concept of «patriotism»: through the past to the future]. Svobodnaya mysl', 6 (1660): 151–162.
7. Merkulov P.A., Eliseev A.L. 2014. Formirovanie molodezhnoy politiki v Rossiyskoy Federatsii [Formation of youth policy in the Russian Federation]. Central Russian Journal of Social Sciences, 3: 301–305.
8. Merkulov P.A., Kachalkin V.M. 2016. Razvitie obshchestvenno-gosudarstvennogo partnerstva v oblasti semeynoy i demograficheskoy politiki sovremennoy Rossii [Development of public-state partnership in the field of family and demographic policy of modern Russia]. Central Russian Journal of Social Sciences, 1: 57–63.
9. Rybak E.V., Sleptsova N.G., Fedulova A.B., Tsikhonchik N.V. 2016. Molodaya sem'ya v sovremenном obshchestve: metodicheskoe posobie dlya spetsialistov po rabote s sem'ey i molodezh'yu [Young family in modern society: a methodological guide for professionals working with families and young people]. Moscow, TR-Print, 150.
10. Narutto S.V. 2017. Sem'ya kak konstitutsionnaya tsennost' [Family as a constitutional value]. Aktual'nye problemy rossiyskogo prava, 5 (78): 21–30.
11. Sadykov R.M., Bol'shakova N.L. 2018. Sotsial'naya zashchita naseleniya munitsipal'nogo obrazovaniya [Social protection of the population of the municipality]. Concept, 6: 139–146.
12. Smirnova A.A., Egorova M.S. 2015. Osnovnye tseli, zadachi i funktsii sotsial'noy politiki [Main objectives, tasks and functions of social policy]. Molodoy uchenyy, 11.4: 208–211.
13. Sorokopud Yu.V. 2016. Osobennosti organizatsii semeynogo vospitaniya v polikul'turnom sotsiume [Features of the organization of family education in a multicultural society]. Nauchnye issledovaniya i obrazovanie, 3(23): 128–131.
14. Starkova E.V., Igoshev M.V. 2016. Ponyatie zdorov'ya naseleniya v sotsial'nom kontekste [The concept of public health in a social context]. V kn.: Tatarkin A.I., Kuz'min A.I. Dinamika i inertsiyosnost' vosproizvodstva naseleniya i zameshcheniya pokoleniy v Rossii i SNG. Sbornik statey VII Ural'skogo demograficheskogo foruma s mezhdunarodnym uchastiem [Dynamics and inertia of reproduction of the population and replacement of generations in Russia and the CIS. Collection of articles of the VII Ural Demographic Forum with international participation]. Institute of economics, the Ural branch of Russian Academy of Sciences: 280–286.
15. Tyurin E.A. 2013. Vizantizm i dukhovno-gumanisticheskie osnovy mezhgosudarstvennoy integratsii narodov Evrazii [Byzantinism and the spiritual and humanistic foundations of interstate integration of the peoples of Eurasia]. Journal of Public and Municipal Administration, 3: 280–285.
16. Fedorova A.A. 2016. Ponyatie, funktsii sotsial'noy zashchity naseleniya na munitsipal'nom urovne i razvitie sotsial'noy zashchity v razvitykh stranakh [The concept, functions of social protection of the population at the municipal level and the development of social protection in developed countries]. V kn.: Kovalev V.A., Kovalev A.I. Potentsial rossiyskoy ekonomiki i innovatsionnye puti ego realizatsii. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii studentov i aspirantov [The potential of the Russian economy and innovative ways to implement it. Materials of the international scientific-practical conference of students and graduate students]. Finansovyy universitet pri Pravitel'stve RF, Omskiy filial: 270–274.
17. Khabarova A.Yu. 2015. Zashchita prav rebenka v mezhdunarodnom prave [Protection of the rights of the child in international law]. Uchenye zapiski OGU. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2: 239–244.
18. Khalmurzieva L.S. 2012. Strategii povysheniya effektivnosti organizatsionno-upravlencheskoy deyatel'nosti v sisteme sotsial'noy zashchity [Strategies for improving the effectiveness of organizational and management activities in the social protection system]. Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS, 2: 223–228.

19. Chursina V.N. 2014. Sovremennaya model' rossiyskoy sem'i: osobennosti sotsial'no-psikhologicheskoy adaptatsii [The modern model of the Russian family: features of social and psychological adaptation]. Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Gumanitarnye nauki, 6 (177): 300–307.

20. Eredzhepova A.S. 2016. Osobennosti izucheniya molodoy sem'i i gosudarstvennoy podderzhki molodykh semey [Features of studying a young family and state support for young families]. Alleya nauki, 4: 244–247.

21. Lieskova L.F. 2015. The system of social protection of the population at the modern stage: state and problems of improving. International Journal of Innovative Technologies in Economy, 2(2): 55–61.

22. Ricceri M. 2019. Social policy as a key-productive-factor of an advanced sustainable development. Мир новой экономики, 1: 19–24.

23. Shchukina N.V. 2017. International legal guarantees of the social security and social protection's right. European research, 7(30): 29–36.

24. Shymkiv S. 2014. The essence of social protection of citizens in the context of insurance against accidents at work. European science review, 3–4: 240–244.

25. Tuzikov I.G., Malinovkin V.A. 2019. Social Policy of State in Modern Russia. Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research, 1(3): 2–8.

Ссылка для цитирования статьи Reference to article

Ливцов В.А., Жилин К.С. Государственная политика в сфере социальной защиты семьи: концептуальные основы и проблемы реализации. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2019. Т. 46. № 3. С. 585–592. doi: 10.18413/2075-4458-2019-46-3-585-592

Livcov V.A., Zhilin K.S. State policy in the field of social protection of the family: conceptual framework and problems of implementation. Belgorod State University Scientific Bulletin. History. Political Science. 2019. V 46. № 3. P. 585–592. doi: 10.18413/2075-4458-2019-46-3-585-592

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ INFORMATION ABOUT AUTHORS

- Болгов Н.Н.** – заведующий кафедрой всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор исторических наук, профессор
- Болгова А.М.** – доцент кафедры всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат педагогических наук, доцент
- Валькова О.А.** – ведущий научный сотрудник отдела историографии и источниковедения истории науки и техники Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Москва, доктор исторических наук
- Вилкова С.М.** – аспирант кафедры истории средневековых цивилизаций Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород
- Гагин В.В.** – старший научный сотрудник 14 отдела научно-исследовательского центра (проблем применения, обеспечения и управления авиацией ВВС) Военно-воздушной академии имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина, Воронеж, кандидат исторических наук
- Гудов Д.С.** – аспирант кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Жилин К.С.** – аспирант кафедры политологии и государственной политики Среднерусского института управления – филиал РАНХиГС, Орел
- Зайцева Т.С.** – аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского федерального университета имени Первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург
- Каминченко Д.И.** – ассистент кафедры прикладного политического анализа и моделирования Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, кандидат политических наук
- Канныкин С.В.** – доцент кафедры гуманитарных наук Старооскольского технологического института им. А.А. Угарова (филиал) Национального исследовательского технологического университета «МИСиС», кандидат исторических наук
- Киященко А.А.** – аспирант кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Копылова Е.А.** – офис-менеджер издательства Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, кандидат исторических наук
- Кочергин С.С.** – соискатель кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого
- Ливцов В.А.** – заместитель директора Среднерусского института управления – филиал РАНХиГС, Орел, доктор исторических наук, профессор

- Меньшикова Е.Н.** – доцент кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат исторических наук
- Могаричев К.Ю.** – аспирант кафедры новой и новейшей истории Таврической академии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского; научный сотрудник музея истории города Симферополя, Симферополь, Республика Крым
- Морозов С.В.** – профессор кафедры международных отношений и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор исторических наук
- Мухина З.З.** – заведующая кафедрой гуманитарных наук Старооскольского технологического института им. А.А. Угарова (филиал) Национального исследовательского технологического университета «МИСиС», доктор исторических наук, профессор
- Нелаева Г.А.** – профессор кафедры новой истории и мировой политики Тюменского государственного университета, кандидат политических наук
- Пенской В.В.** – профессор кафедры теории и истории государства и права Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор исторических наук
- Пивоварова Л.Н.** – доцент кафедры гуманитарных наук Старооскольского технологического института им. А.А. Угарова (филиал) Национального исследовательского технологического университета «МИСиС», кандидат исторических наук
- Стржалковская А.Д.** – старший преподаватель кафедры русского языка и межкультурных коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат исторических наук
- Усков Г.В.** – аспирант кафедры всеобщей истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова
- Фролов В.В.** – доцент кафедры связей с общественностью и журналистики Псковского государственного университета, кандидат исторических наук
- Шендриков Е.А.** – старший научный сотрудник 14 отдела научно-исследовательского центра (проблем применения, обеспечения и управления авиацией ВВС) Военно-воздушной академии имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина, Воронеж, кандидат исторических наук

Подписной купон

Прошу оформить подписку на журнал «Научные ведомости Белгородского государственного университета» Серия _____ на следующие номера за 201_ год

1 квартал	2 квартал	3 квартал	4 квартал

(Отметьте, пожалуйста, требуемые номера в таблице)

комплект(ов)

Стоимость редакционной подписки в 2017 г.

(включает стоимость почтовой доставки заказной бандеролью по России):
на 1 месяц (1 номер) – 1100 руб.; на 12 месяцев (4 номера) – 3800 руб.;

ФИО _____
 Индекс _____
 Республика/Край/Область _____
 Город/Село _____
 Улица _____ дом _____ кв. _____
 Телефон _____ E-mail _____
 Дата _____ / _____ / _____

Квитанция

ИЗВЕЩЕНИЕ	Форма № ПД-4		
	НИУ «БелГУ»		
	Наименование получателя платежа ИНН 3123035312; КПП 312301001; ОКАТО 14401365000; Р/с 40503810207004000002 в Белгородском отделении № 8592 ПАО Сбербанк БИК 041403633 К/счет 30101810100000000633 Вид платежа КОД 07430201010010000130 за что Подписку на журнал «Научные ведомости БелГУ. Серия « _____ » (наименование банка, другие банковские реквизиты)		
	(Фамилия, И.,О., адрес плательщика)		
	Вид платежа	Дата	Сумма
	Подписка на журнал «Научные ведомости БелГУ» Серия _____		
	на _____ 20__ года		
	Плательщик		
	Кассир		
	КВИТАНЦИЯ Кассир	Форма № ПД-4	
НИУ «БелГУ»			
Наименование получателя платежа ИНН 3123035312; КПП 312301001; ОКАТО 14401365000; Р/с 40503810207004000002 в Белгородском отделении № 8592 ПАО Сбербанк БИК 041403633 К/счет 30101810100000000633 Вид платежа КОД 07430201010010000130 за что Подписку на журнал «Научные ведомости БелГУ. Серия « _____ » (наименование банка, другие банковские реквизиты)			
(Фамилия, И.,О., адрес плательщика)			
Вид платежа		Дата	Сумма
Подписка на журнал «Научные ведомости БелГУ» Серия _____			
на _____ 20__ года			
Плательщик			